И. А. Ильинъ

ПУТЬ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ

МЮНХЕНЪ
1962

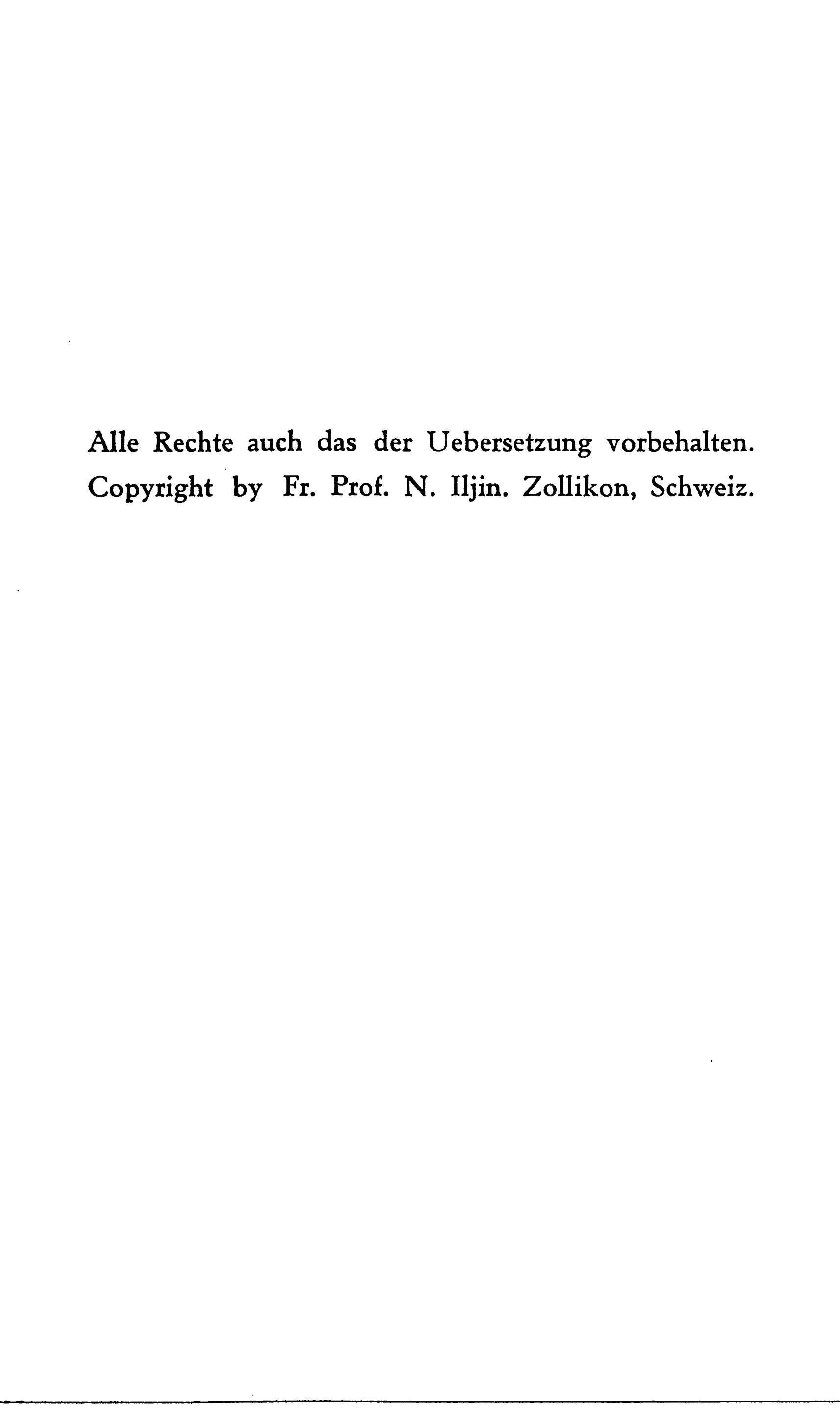
Иванъ Александровичъ Ильинъ.

Путь духовнаго обновленія.

И. А. Ильинъ

ПУТЬ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ

МЮНХЕНЪ
1962

Типографія Обители преп. Іова Почаевскаго въ Мюнхенѣ-Оберменцингѣ.

Въ настоящемъ, 2-мъ изданіи (1962 г.) напечатаны всѣ 10 главъ этой кинги; въ первое изданіе (1935 г.) вошли лишь первыя 7 главъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!»...

Пушкинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга написана для ищущихъ; для тѣхъ, кто еще не «имѣетъ», но хочетъ «имѣть»; хочетъ — глубоко и искренно. Эта книга написана для сомнѣвающихся; — не ироническимъ, разъѣдающимъ и, въ сущности говоря, уже отрицающимъ сомнѣніемъ, но вопрошающимъ, творческимъ сомнѣніемъ, идущимъ изъ глубины сердца. Такимъ сомнѣніемъ въ свое время сомнѣвались Сократъ, Блаженный Августинъ и Декартъ; и сомнѣніе ихъ нашло себѣ творческое преображеніе и привело ихъ къ очевидности.

Наше время ни въ чемъ такъ не нуждается, какъ въ духовной очевидности. Ибо «сбились мы» и «слѣда» намъ не видно. Но слѣдъ, ведущій къ духовному обновленію и возрожденію, найти необходимо и возможно. И мы найдемъ его.

Какимъ способомъ?

Единственнымъ, который вообще данъ человѣку: углубленіемъ въ себя. Не въ свою личную, чисто субъективную жизнь; не въ свои колеблющіяся, безпредметныя «настроенія»; не въ праздную, гложущую и разлагающую рефлексію. Но въ свое сверхличное, предметно-насыщенное, духовное достояніе. Пусть оно будетъ невелико; пусть оно будетъ подобно искрѣ. Но въ искрѣ есть уже сила искренности; ибо искра есть пылинка вѣчнаго, божественнаго пламени . . .

Нельзя сомнѣваться «во всемъ», даже въ самомъ сомнѣніи своемъ. Это уже смерть и тлѣніе. Сомнѣніе, если оно есть, — испытывается остро и мучительно; оно подлинно; оно несомнѣнно; оно есть воля къ истинѣ, рожденная любовью и жаждою увѣренности. Кто такъ сомнѣвается въ Богѣ и въ правдѣ, тотъ уже любитъ Бога и правду; и любовью онъ ихъ найдетъ; ибо ихъ вообще можно найти только любовью. Такое сомнѣніе — духовно; оно уже есть живой духъ; и человѣку, который такъ сомнѣвается, духовный опытъ уже открытъ и доступенъ.

Итакъ, эта книга написана для сомнѣвающихся; для тѣхъ, въ комъ живетъ такое сомнѣніе. Она пытается ука-

з а т ь имъ путь. Не пройти этотъ путь за нихъ или съ ними; а лишь указать. Итти человѣкъ можетъ только самъ, въ своемъ внутреннемъ духовномъ опытѣ, который неизбѣжно приведетъ его и къ внѣшнимъ поступкамъ; ибо настоящій и зрѣлый духовный опытъ всегда выражается и заканчивается въ цѣлостныхъ и творческихъ дѣлахъ. Ни жить, ни творить «за другихъ» нельзя. Жить и творить долженъ каждый с а м ъ. И это удастся ему тѣмъ больше и тѣмъ лучше, чѣмъ глубже онъ укоренится въ своемъ с о б с т в е н н о м ъ, выстраданномъ и вымоленномъ духовномъ опытѣ...

Эта книга пытается указать т о л ь к о п у т ь. Она скромна по своимъ задачамъ. Она ни по одному вопросу не высказываетъ в с е г о, что хотѣлось бы высказать; и каждая глава ея таитъ въ себѣ цѣлое изслѣдованіе, иногда даже не одно; опытный и зоркій глазъ увидитъ это сразу. Здѣсь изложено только то необходимое, путеводное, б е з ъ ч е г о н е л ь з я н а ч и н а т ь, что прежде всего надо довести въ себѣ до очевидности, до полной и окончательной, непоколебимой и не угасающей увѣренности;—только тѣ основы духовности, безъ которыхъ нельзя начинать самую борьбу за родину. Это первые, фундаментальные вопросы, в о п р о с ы б ы т і я. Мало прочесть «о нихъ», прочтя, надо р ѣ ш и т ь ихъ для себя. Они выдвинуты здѣсь въ противовѣсъ и въ отпоръ міровому соблазну нашего времени. Не рѣшивъ ихъ съ силою очевидности, нельзя надѣяться на свои силы при встрѣчѣ съ этимъ соблазномъ.

Этотъ соблазнъ данъ намъ нашей эпохой. Но «человѣкъ не долженъ жаловаться на свое время: изъ этого ничего не выйдетъ; время плохое, ну что же, на то человѣкъ живетъ, чтобы сдѣлать его лучше»... «Начинай же! Только этимъ ты сдѣлаешь невозможное возможнымъ» (Карлейль).

Современный міръ переживаетъ глубокій кризисъ, — религіозный, духовный и національный. Изъ него необходимо найти выходъ. Этотъ выходъ надо каждому изъ насъ найти прежде всего в ъ с а м о м ъ с е б ѣ; творчески создать его; убѣдиться и удостовѣриться въ его вѣрности. И только потомъ можно будетъ указать его другимъ. Надо с а м о м у н а ч а т ь б ы т ь п о н о в о м у. Обновленные люди, одолѣвшіе соблазнъ, найдутъ другъ друга. Найдя, они заткутъ новую ткань духовнаго бытія. Это единственный путь. Иного нѣтъ.

Задача моей книги — указать на этотъ путь и утвердить его вѣрность.

АВТОРЪ.

1932—1935.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ВѢРѢ.

«Прежде всего снимай съ очей ума твоего покровы, содержащіе его въ ослѣпленіи».

Θеофанъ Затворникъ.

1. Мы всѣ вѣримъ.

Есть у насъ довольно распространенное воззрѣніе, будто люди могутъ прожить жизнь безъ всякой вѣры и будто «образованіе», а въ особенности «научное образованіе», — несовмѣстимо съ вѣрою. Образованный человѣкъ, думаютъ люди, не можетъ вѣрить: онъ слишкомъ много «знаетъ»; и «самое существенное» онъ уже «понялъ»; такъ, напримѣръ, онъ знаетъ, что все совершается по законамъ природы и что эти законы природы рано или поздно будутъ изучены; во что же ему еще «вѣрить? Сущность культуры и прогресса сводится къ слѣдующему: идетъ просвѣщеніе, а вѣра уступаетъ и исчезаетъ. Согласно этому, вѣрить могутъ лишь тѣ, кого еще не коснулось просвѣщеніе; но вотъ придетъ время, — они будутъ просвѣщены и перестанутъ вѣрить, ибо на самомъ дѣлѣ всякая вѣра есть не что иное, какъ суевѣріе. Итакъ: будущее принадлежитъ просвѣщенному безвѣрію и безбожію.

Тотъ, кто хочетъ зорко и вѣрно видѣть происходящее и, особенно, понять и одолѣть переживаемый нами духовный кризисъ,—долженъ прежде всего вдумчиво отнестись къ этому воззрѣнію и критически разобраться въ немъ; ибо оно укрываетъ въ себѣ не одно роковое недоразумѣніе или заблужденіе.

Безспорно, есть не мало людей, которые не вѣрятъ въ Бога. Но это совсѣмъ не значитъ, что они ни во что не вѣрятъ и что поэтому ихъ можно причислить къ людямъ, живущимъ безъ всякой вѣры. Вѣдь возможно, что они вѣрятъ не въ Бога, а во что то другое . . . Во что же? Въ нѣчто такое, что они принимаютъ за главное и существенное въ жизни; что, дѣйствительно для нихъ и есть самое важное; чѣмъ они дорожатъ и чему они служатъ; что составляетъ предметъ ихъ желаній и стремленій. Такое отношеніе и есть отношеніе вѣры; и кто имѣетъ такой предметъ, тотъ вѣритъ въ него.

Этимъ мы вскрыли первое недоразумѣніе, первый предразсудокъ: люди обычно думаютъ, что «вѣрить» это то же самое, что «признавать за истину». На самомъ дѣлѣ это не такъ: вѣра есть нѣчто гораздо большее, болѣе творческое и болѣе жизненное. Мы всѣ считаемъ «истиною» — таблицу умноженія, геометрическія теоремы, химическія формулы, географическія данныя, установленные историческіе факты, законы логики; мы

совершенно увѣрены въ томъ, что они вѣрны, что мы спокойно можемъ пользоваться этими истинами и примѣнять ихъ въ жизни. Мы это и дѣлаемъ, и притомъ увѣренно и успѣшно: высчитываемъ, путешествуемъ, строимъ, наблюдаемъ природу, споримъ, доказываемъ, составляемъ и принимаемъ лѣкарства и т. д. И что же? Все выходитъ, удается, подтверждается. То, что мы признали въ теорiи за истину, оказывается и на практикѣ правильнымъ и вѣрнымъ. И мы всѣ это знаемъ; и согласно этому мы въ жизни и дѣйствуемъ. Но о вѣрѣ здѣсь нѣтъ еще и рѣчи . . .

«Вѣрить» — это гораздо больше, чѣмъ «признавать за истину». И такъ обстоитъ и въ теорiи, и на практикѣ. Есть холодныя истины, къ которымъ мы и относимся холодно; мы устанавливаемъ ихъ и пользуемся ими равнодушно, или, самое большее, съ нѣкоторымъ «уважительнымъ» «интересомъ». Мы узнаемъ о нихъ и признаемъ ихъ, не воспринимая ихъ глубиною нашей души; мы подтверждаемъ ихъ и соглашаемся «опираться» на нихъ теоретически и практически, отнюдь не отзываясь на нихъ сердцемъ. Онѣ даютъ намъ извѣстную увѣренность, но только во второстепенныхъ дѣлахъ, не въ главныхъ и важнѣйшихъ вопросахъ нашей жизни. Онѣ свѣтятъ намъ на подобiе уличныхъ фонарей, безъ которыхъ намъ было бы и неудобно, и неуютно; но душу нашу онѣ не согрѣваютъ и не воспламеняютъ. Тысячу разъ мы пройдемъ мимо нихъ, или примемъ ихъ во вниманiе, или даже воспользуемся ими, безъ того, чтобы могучiе и творческiе источники нашей души пришли въ движенiе; напротивъ — тамъ все остается безразличнымъ, молчаливымъ и не отзывчивымъ. Кто изъ насъ начнетъ «вѣрить» — въ классификацiю химическихъ элементовъ, открытую Менделѣевымъ, въ таблицу логарифмовъ, въ хронологическiй обзоръ событiй 19 вѣка, въ горную карту Европы или Азiи? И даже тотъ изъ насъ, кто усомнится въ этихъ «законахъ» или «истинахъ», и начнетъ критиковать ихъ или опровергать, — поколеблется не въ вѣрѣ, а только въ познавательной увѣренности.

О вѣрѣ позволительно говорить только тамъ, гдѣ истина воспринимается глубиной нашей души; гдѣ на нее отзываются могучiе и творческiе источники нашего духа; гдѣ говоритъ сердце, а на его голосъ откликается и остальное существо человѣка; гдѣ снимается печать именно съ этого воднаго ключа нашей души, такъ что воды его приходятъ въ движенiе и текутъ въ жизнь.

Человѣкъ вѣритъ въ то, что онъ воспринимаетъ и ощущаетъ, какъ самое главное въ своей жизни. Скажи мнѣ, что́ для тебя самое важное въ жизни, и я скажу, во что ты вѣришь. Душа твоя прилѣпляется къ тому, во что ты вѣришь, и какъ бы живетъ и дышитъ имъ; ты желаешь предмета своей вѣры, ты ищешь его; онъ становится источникомъ твоей радости и остается имъ даже тогда, когда тебѣ его не хватаетъ. Здѣсь пребываютъ твои чувства и твое воображенiе. Словомъ, здѣсь реальный центръ тво-

ей жизни: тутъ твоя любовь, твое служеніе; тутъ ты идешь на жертвы. Здѣсь твое сокровище; а гдѣ сокровище твое, тамъ и сердце твое; — тамъ и вѣра твоя.

И вотъ, сколько бы мы ни искали, мы не найдемъ такого человѣка, который ни во что не вѣрилъ бы. Чѣмъ глубже заглянемъ мы въ человѣческую душу, тѣмъ скорѣе мы убѣдимся, что человѣкъ безъ вѣры вообще не можетъ жить; ибо вѣра есть не что иное, какъ главное и ведущее тяготѣніе человѣка, опредѣляющее его жизнь, его воззрѣнія, его стремленія и поступки.

Правда, не всегда легко установить, къ чему прилѣпляется и тянется тотъ или другой человѣкъ... Иными словами: гдѣ бодрствуетъ его душа? гдѣ она загорается? что для нея выше всего? въ чемъ сокровище его жизни? гдѣ онъ способенъ жертвовать? Можетъ быть и такъ, что онъ и самъ этого не знаетъ; или еще такъ, что повидимому онъ въ теченіи всей своей жизни «ни во что не вѣрилъ»: явно относился ко всему безразлично, оставался теплопрохладнымъ; онъ какъ бы прозябалъ всю свою жизнь, не имѣя никакого реальнаго центра; ни отъ чего не зажигался; нигдѣ душа его не вела интенсивной жизни; не было у него сокровища; ничему онъ не служилъ и не жертвовалъ. Однако жизненныя наблюденія заставляютъ насъ установить, что такіе люди, такія безразличныя, «проблематическія» натуры, являются обычно людьми съ дремлющею вѣрою. Пока надъ водами жизни царитъ безвѣтріе, кажется, что ихъ душа пребываетъ въ тихой дремотѣ: мертвенно повисли паруса; малыя волны повседневной жизни катятся мимо нихъ безъ цѣли и смысла; ни воли, не свершеній, ни судьбы. Но жизненная буря можетъ измѣнить всю эту картину. Потрясенная, возмущенная, можетъ быть раненая, душа пробуждается ото сна, собирается съ силами, отличаетъ главное отъ неглавнаго, пріемлетъ важнѣйшее и священное, совершаетъ свой выборъ, рѣшеніе слѣдуетъ за рѣшеніемъ, поступокъ за поступкомъ, — и жизненный корабль, руководимый вѣрою, плыветъ на всѣхъ парусахъ. И если присмотрѣться къ человѣку въ такой жизненный часъ, то всегда обнаружится, что процессъ внутренняго отбора и оформленія совершался уже давно, — но въ глубинѣ, сокрытой отъ глазъ, и какъ бы въ нѣкоторой медлительности. Гдѣ то тамъ, въ таинственной тишинѣ, уже возникала «твердь среди воды» и «свѣтъ» уже отдѣлялся отъ «тьмы»... Но вотъ насталъ часъ страданія и воззвалъ голосъ великой бѣды; и что же? — все сложилось и созрѣло въ кратчайшее время такъ, какъ если бы оно только и ожидало этого часа и этого голоса. Можно было бы сказать: знамя уже развѣвалось — но мракъ царилъ, и его не было видно; и исповѣданіе уже сложилось, — но пребывало въ безмолвіи; и выборъ былъ уже совершонъ, и путь былъ предначертанъ, — и оставалось только пойти по этому пути...

Жить на свѣтѣ — значитъ выбирать и стремиться; кто выбираетъ и стремится, тотъ служитъ нѣкоторой цѣнности, въ которую онъ вѣритъ. Всѣ люди

вѣрятъ: и образованные, и необразованные; и умные, и глупые; и сильные, и слабые. Одни сознаютъ, что они вѣрятъ; другіе вѣрятъ не сознавая этого. Одни знаютъ и то, что они вѣрятъ, и то, во что они вѣрятъ; а можетъ быть и то, на какомъ основаніи они вѣрятъ. Другіе вѣрятъ просто, не зная этого за собою и, можетъ быть, ни разу въ жизни не подумавъ, во что же это они, собственно говоря, вѣрятъ, и есть ли у нихъ какія нибудь основанія для этой вѣры. Но вѣра всегда остается первичной силой человѣческой жизни, — совершенно независимо отъ того, понимаютъ люди это, или нѣтъ. Человѣку дана возможность дорожить своей вѣрой, беречь ее, укрѣплять, очищать и углублять; какъ бы строить ее и воздвигать на ея основѣ свое міросозерцаніе и свой характеръ; формировать ея содержаніе въ видѣ догмата и символа вѣры; создавать на этомъ фундаментѣ церковь и богослуженіе; превращать ее во всеохватывающую цѣлокупность жизни и смерти. Однако человѣкъ имѣетъ и другую возможность: пренебрегать своею вѣрою, оставлять ее на произволъ случайностей, пронизывать ее предразсудками и суевѣріями, превращать ее въ слѣпой и разрушительный фанатизмъ, или же отводить ей одинъ уголокъ своей души, и притомъ самый трусливый и лицемѣрный. Человѣкъ можетъ заблуждаться въ своей вѣрѣ и итти по ложнымъ путямъ; онъ можетъ разочаровываться въ своей прежней вѣрѣ и отходить отъ нея; хуже того, онъ можетъ измѣнять своей вѣрѣ по разсчету и «продавать» ее. Но въ одномъ человѣку отказано, одного онъ не можетъ: именно — жить безъ вѣры.

---

2. Вѣра и жизнь.

Кто однажды пойметъ и продумаетъ это, тотъ перестанетъ дѣлить людей — на живущихъ «съ вѣрой» и живущихъ «безъ вѣры», или, во всякомъ случаѣ, тотъ перестанетъ придавать этому условному и не точному дѣленію прежнее значеніе; и благодаря этому онъ избавится отъ многихъ мнимыхъ проблемъ, отъ цѣлаго ряда безполезныхъ парадоксовъ. Напротивъ, онъ поставитъ новый и чрезвычайно поучительный вопросъ: во что же, собственно говоря, вѣрятъ такъ называемые «невѣры»? И если онъ самъ причислялъ себя доселѣ къ «невѣрамъ», къ «безрелигіознымъ» или «безбожникамъ», — то во что же онъ самъ при этомъ все таки вѣрилъ? Потому что оказывается, что онъ самъ все таки во что то вѣрилъ; это уже установлено. Вѣрятъ всѣ: и теплопрохладный «свободомыслящій», и воинствующій безбожникъ, и ожесточенный матеріалистъ; вѣрятъ и соціалисты, и коммунисты, и гонители христіанства ... И чѣмъ рѣшительнѣе эти «враги вѣры» нападаютъ, чѣмъ ожесточеннѣе ихъ преслѣдованія и воздвигаемыя ими гоненія, тѣмъ яснѣе они обнаруживаютъ, что у нихъ есть въ виду нѣчто такое, что они считаютъ «главнѣйшимъ» и «важнѣйшимъ»; они воображаютъ, будто владѣютъ какой то важнѣйшей и драгоцѣннѣйшей истиной, къ которой они прилѣпились душой и волей. Они считаютъ себя «невѣрами»? Они объявляютъ себя «безбожниками»? Пусть. Этимъ они хотятъ только подчеркнуть, что они не принадлежатъ ни къ какому опредѣленному исповѣданію, кромѣ ... собственнаго, раздѣляемаго ими самими; что они не входятъ ни въ какую церковную общину, кромѣ ... своей собственной общины, которую они не хотятъ называть «церковью» (обозначая ее, какъ «партію», или какъ «орденъ», или какъ «международное общество») ... Да, они не вѣрятъ въ Бога; но это означаетъ, что они *вѣрятъ не въ Бога, а во что то иное.* Они критикуютъ или поносятъ вѣру вообще ... Этимъ они, какъ настоящіе *фанатики своей вѣры,* объявляютъ что они признаютъ только *свою вѣру обоснованной,* единственно вѣрной и единственно допустимой; всѣ же остальныя вѣры и исповѣданія они относятъ къ «глупымъ предразсудкамъ» или «вреднымъ суевѣріямъ». Они воображаютъ, будто они одни владѣютъ тѣмъ спасительнымъ словомъ, той непогрѣшимой правдой,

которая освобождаетъ и оплодотворяетъ благія, творческія силы человѣка; будто имъ однимъ извѣстно то начало, тотъ принципъ, который вѣрно отличаетъ «главное» отъ «неглавнаго», «доброе» отъ «злого», который указуетъ человѣку вѣрную цѣль его жизни и вѣрный путь ведущій къ этой цѣли. Они — вѣрятъ; и воображаютъ, будто обладаютъ истиной и единственно вѣрной вѣрой. И тотъ, кто читалъ писанія воинствующихъ безбожниковъ и присматривался къ ихъ разрушительной работѣ, тотъ не можетъ не согласиться, что эта характеристика соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но во что же вѣрятъ тѣ люди, которые вѣрятъ не въ Бога и потому считаютъ себя «невѣрами» вообще, или «безбожниками»? Они вѣрятъ во всевозможныя небожественныя силы и обстоянія.

Большинство вѣритъ, повидимому, въ наслажденія, или особливо въ чувственныя наслажденія, во все, что къ нимъ ведетъ или съ ними связано; это для нихъ — важнѣйшее въ жизни; это ихъ цѣль, это ихъ путь; этому они служатъ, ради этого они жертвуютъ всѣмъ остальнымъ; здѣсь у нихъ критерій, по которому они отличаютъ «хорошее» отъ «дурного»; здѣсь ихъ «сокровище» и ихъ сердце. Есть такіе люди, которые признаютъ и выговариваютъ это открыто: «я хочу земного счастья, наслажденія и спокойствія — ибо это главное въ жизни» (гедонизмъ); «я ищу въ жизни денегъ и власти» (маммонизмъ); «главное въ томъ, чтобы всѣ люди несли одинаковую работу и имѣли одинаковыя права, ибо только тогда они смогутъ одинаково наслаждаться жизнью, быть равно счастливыми» (соціализмъ); «все дѣло въ томъ, чтобы дерзновенно завладѣвать земными благами и безоглядно наслаждаться ими» (большевизмъ); «главное въ томъ, чтобы дать массамъ земныя блага и удобства, а для этого надо у всѣхъ все отнять (всеобщая пролетаризація) и всѣхъ подчинить монопольному работодателю (всеообщее хозяйственное и политическое порабощеніе, коммунизмъ)» и т. д.

Однако, наряду съ этими теченіями, есть не мало такихъ людей, которые не выговариваютъ вслухъ своей вѣры, и не признаются, въ чемъ же она собственно состоитъ: одни изъ нихъ просто избѣгаютъ касаться этихъ вопросовъ; другіе скромно ссылаются на свою внутреннюю неувѣренность; третьи выдвигаютъ теорію, въ силу которой человѣкъ вообще не можетъ имѣть никакого «достовѣрнаго знанія» (агностицизмъ); иные ссылаются на свое неотъемлемое право — оставаться «безразличными», и на свою обязанность — относиться терпимо ко всякому чужому вѣрованію; иные же отступаютъ въ сферу проблематическаго «свободомыслія» . . . Въ извѣстномъ смыслѣ они правы: вѣрить можно только искренно и свободно, а свобода требуетъ вѣротерпимости; нельзя принудить человѣка къ той или иной вѣрѣ; и никто не обязанъ разсказывать другимъ людямъ вслухъ, во что именно и какъ именно онъ вѣритъ . . . Но видимое «безразличіе» и явное умолчаніе, дѣйствительная скромность и насмѣшливая мистификація — не освождаютъ

человѣка отъ неизбѣжности вѣрить. Нельзя человѣку не имѣть опредѣленной жизненной цѣли и жизненной цѣнности, въ которыя онъ вѣритъ и которымъ онъ служитъ. Однако психологически можно понять, что есть люди, у которыхъ эта «высшая» и «главная» жизненная цѣнность такова, что для нихъ выгоднѣе умалчивать о ней и замалчивать ее до конца. Вѣдь молчаніе создаетъ нѣкій загадочный мракъ, въ которомъ многое неразличимо и многое можетъ остаться сокровеннымъ . . . И не всегда бываетъ легко установить, кто молчитъ отъ настоящей религіозной скромности, а кто изъ умнаго или хитраго житейскаго разсчета . . .

Если бы удалось однажды пронизать всѣ человѣческія сердца безъ исключенія таинственнымъ лучомъ свѣта, такъ чтобы у всѣхъ выступила и въявѣ обнаружилась главная цѣнность жизни, составляющая предметъ вѣры, то очень возможно, что мы всѣ просто ужаснулись бы . . . Потому что вѣроятно оказалось бы, что большинство людей вѣритъ въ нѣчто такое, что не только не обѣщаетъ имъ ни блага, ни спасенія, но что прямо ведетъ ихъ къ погибели. Люди живутъ и вѣрятъ очень часто въ слѣпотѣ и безпомощности; и не знаютъ, и не догадываются о томъ, что человѣку надлежитъ строитъ свою вѣру, а не предоставлять ей расти на подобіе полевой травы; и вслѣдствіе этого люди очень часто вѣрятъ, т. е. прилѣпляются не только своимъ «правдоподобнымъ» мнѣніемъ, а сердцемъ, волею и дѣлами, служеніемъ и жертвенностью къ такимъ жизненнымъ содержаніямъ, служить которымъ и итти на жертвы ради которыхъ поистинѣ нѣтъ никакого смысла...

Вотъ ключъ къ современному духовному кризису, охватывающему все человѣчество. И овладѣвъ этимъ ключемъ, и понявъ, что происходитъ въ мірѣ мы не можемъ не подивиться тому, что современному человѣчеству, въ общемъ и цѣломъ, живется все еще такъ хорошо и слишкомъ хорошо, по сравненію съ тѣми бѣдами и страданіями, которыя могутъ возникнуть изъ этого кризиса . . .

Есть нѣкій духовный законъ, владѣющій человѣческой жизнью; согласно этому закону человѣкъ самъ постепенно уподобляется тому во что онъ вѣритъ. Чѣмъ сильнѣе и цѣльнѣе его вѣра, тѣмъ явственнѣе и убѣдительнѣе обнаруживается этотъ законъ. Это нетрудно понять: душа человѣка плѣняется тѣмъ, во что она вѣритъ, и оказывается въ плѣну; это содержаніе начинаетъ господствовать въ душѣ человѣка, какъ бы поглощаетъ ея силы и заполняетъ ея объемъ. Вѣря во что нибудь, человѣкъ постоянно ищетъ этого предмета, предпочитаетъ его, занимается имъ и явно, и втайнѣ; человѣкъ воображаетъ себѣ этотъ предметъ, вступаетъ съ нимъ въ самыя прочныя отношенія, желаетъ его; этотъ предметъ какъ бы занимаетъ и поглощаетъ его вниманіе, его сосредоточенность, его душевныя силы. Это можно было бы выразить такъ: человѣкъ постоянно (то сознательно, то безсоз-

нательно) медитируетъ*) о томъ предметѣ, въ который онъ вѣритъ. Вслѣдствіе этого душа вживается въ этотъ предметъ, а самый предметъ, въ который она вѣритъ, проникаетъ въ душу до самой ея глубины. Возникаетъ нѣкое подлинное и живое тождество: душа и предметъ вступаютъ въ особое единеніе, образуютъ новое живое единство. И тогда мы видимъ, какъ въ глазахъ у человѣка сіяетъ и сверкаетъ предметъ его вѣры; то, во что ты вѣришь, сжимаетъ трепетомъ твое сердце, напрягаетъ въ минуту поступка твои мускулы, направляетъ твои шаги, прорывается въ словахъ и осуществляется въ поступкахъ . . .

Такъ обстоитъ всегда. Если человѣкъ вѣритъ только въ чувственныя наслажденія, принимая ихъ за главнѣйшее въ жизни, ихъ любя, имъ служа и предаваясь, — то онъ самъ превращается постепенно въ чувственное существо, въ искателя земныхъ удовольствій, въ наслаждающееся животное; и это будетъ выражаться въ его лицѣ и въ его походкѣ, смотрѣть изъ его глазъ и управлять его поступками. Если человѣкъ вѣритъ въ деньги и власть, то душа его постепенно высохнетъ въ голодной жадности, въ холодной жаждѣ власти; и опытный наблюдатель прочтетъ все это въ его взорѣ, услышитъ въ его рѣчи и не ошибется, ожидая отъ него соотвѣтствующихъ поступковъ. Если онъ повѣритъ въ классовую борьбу и завистливое равенство, то онъ самъ скоро станетъ профессіональнымъ завистникомъ и ненавистникомъ, и въ глазахъ его отразится черствая злоба, а въ поступкахъ — политическое ожесточеніе и т. д.

Однако тотъ же самый законъ обнаруживается и на благихъ путяхъ, но съ тѣмъ различіемъ, что человѣкъ будетъ не «вѣрить», а «вѣровать», и это придастъ его вѣрѣ особую силу и глубину.

Замѣчательно, что русскій языкъ придаетъ идеѣ «вѣры» два различныя значенія: одно связываетъ вѣру съ потребностью вѣрить, а другое — со способностью вѣровать.

Вѣрятъ — всѣ люди, сознательно или безсознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. Вѣруютъ же — далеко не всѣ: ибо вѣрованіе предполагаетъ въ человѣкѣ способность прилѣпиться душою (сердцемъ, и волею, и дѣлами) къ тому, что дѣйствительно заслуживаетъ вѣры, что дается людямъ въ духовномъ опытѣ, что открываетъ имъ нѣкій «путь ко спасенію» **). Въ карты, въ сны, въ гаданіе, въ астрологическіе гороскопы — вѣрятъ; но въ Бога и во все

---

*) Т. е. сосредоточенно помышляетъ о немъ всѣми своими душевными силами.

**) См. замѣчательный трудъ Өеофана Затворника, такъ именно и озаглавленный.

божественное — в ѣ р у ю т ъ*). Въ суевѣрія «в ѣ р я т ъ» — вѣрятъ отъ страха, и боятся отъ своей вѣры; и чѣмъ больше боятся, тѣмъ сильнѣе вѣрятъ; и обратно. Но въ то, что подлинно есть (что не «всуе», не напрасно), — «в ѣ р у ю т ъ», и отъ этой вѣрующей вѣры получаютъ спокойствіе и перестаютъ бояться. «Вѣрящіе» люди чаще всего не имѣютъ единаго и общаго имъ всѣмъ духовнаго предмета и потому ихъ вѣра р а з ъ е д и н я е т ъ ихъ, не создавая ни религіи, ни церкви. Но «вѣрующіе» люди имѣютъ единый и общій имъ всѣмъ духовный Предметъ; они вступаютъ въ творческое единеніе съ Нимъ, а черезъ это объединяются и между собою; слагается религія и церковь.

Важно отмѣтить, что оба эти оттѣнка, передаваемые глагольной формой, сливаются и какъ бы исчезаютъ въ существительномъ «вѣра». Вѣра живетъ и въ томъ, кто «вѣритъ», и въ томъ, кто «вѣруетъ». Она выражаетъ у обоихъ склонность души видѣть въ чемъ то жизненно-главное и руководящее, и прилѣпляться къ нему своимъ довѣріемъ и преклоненіемъ. Но эта приверженность души поднимаетъ человѣка на настоящую высоту только тогда, когда она находитъ себѣ высшій и достойный предметъ **).

И вотъ если законъ «о т о ж д е с т в л е н і я ч е р е з ъ в ѣ р у» обнаруживается уже на низшихъ ступеняхъ жизни и вѣры, то настоящей силы и полноты онъ достигаетъ именно у в ѣ р у ю щ и х ъ людей.

Если человѣкъ вѣруетъ въ Бога или хотя бы въ божественное начало, проявляющееся въ земныхъ явленіяхъ и обстояніяхъ, — то божественныя содержанія становятся для него жизненнымъ центромъ, и въ созерцаніяхъ, и въ поступкахъ, чѣмъ-то важнѣйшимъ и главнѣйшимъ, любимымъ, искомымъ, желаннымъ, и уже въ силу одного этого — всегда присутствующимъ въ душѣ обстояніемъ. У з р ѣ т ь съ очевидностью л у ч ш е е и не восхотѣть его, и не о с у щ е с т в и т ь его, — почти невозможно для человѣка; но также невозможно для него о с у щ е с т в и т ь это лучшее и не с т а т ь самому лучшимъ, чѣмъ былъ раньше. Вѣровать въ Бога, значитъ стремиться къ созерцанію Его, молитвенно «медитировать» о Немъ, стремиться къ осуществленію Его воли и Его закона; отъ этого возрастаетъ и усиливается божественный огонь въ самомъ человѣкѣ; онъ очищаетъ его душу и насыщаетъ его поступки. На высшихъ ступеняхъ такой жизни возникаетъ то живое и таинственное единеніе между человѣкомъ и Богомъ, о которомъ такъ вдохновенно и ясновидчески писалъ Макарій Великій, ха-

---

*) Терминологія допускаетъ такое словоупотребленіе: «вѣрить» можно и въ высшее — «я вѣрю въ Бога», «я не вѣрю въ безсмертіе души»; но въ низшее «вѣровать» нельзя. Нельзя сказать: «я вѣрую въ карты», или «я вѣрую въ дурныя примѣты» . . . Подобно этому: въ сильнаго человѣка, въ вождя «вѣрятъ», а не «вѣруютъ».

**) Это различіе между «вѣрящимъ» и «вѣрующимъ» человѣкомъ — мы и будемъ соблюдать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

рактеризуя его какъ внутреннее «срастаніе» или «сраствореніе» (по гречески «κρᾶσις»), отъ котораго душа становится «вся свѣтомъ, вся — окомъ, вся — радостью, вся — упоеніемъ, вся — любовію, вся — милосердіемъ, вся благостью и добротою» . . . *) Естественно, что, отъ такого перерожденія души, измѣняется и внѣшній видъ человѣка, о чемъ онъ самъ можетъ и не знать, но что другимъ людямъ бываетъ трудно не замѣтить **).

Отшельникъ, проводящій свою жизнь въ «богомысліи» и «богодѣланіи» («θεωποίησις», по выраженію Макарія Великаго), пріобрѣтаетъ нѣкую подлинную богоозаренность въ душѣ и въ ея тѣлесномъ обнаруженіи. Подобно этому — душа истиннаго художника становится гармоническою, поющею, мѣрно-зданною, утонченно созерцательною; и самое лицо его можетъ стать ликомъ. Такъ, горящее сердце патріота укореняется въ духѣ, силѣ и славѣ его родины. А тотъ, кто занимается черной магіей и медитируетъ о сатанѣ, незамѣтно становится самъ, и по лицу и по голосу, дьяволо-образнымъ . . .

Кто во что вѣруетъ, тотъ тѣмъ и живетъ; и обратно: скажи мнѣ, чѣмъ ты живешь, какъ самымъ важнымъ для тебя, а я скажу тебѣ, во что ты вѣришь или вѣруешь. Ибо человѣкъ есть не что иное, какъ живая цѣлокупность того, чѣмъ онъ живетъ и что онъ осуществляетъ, и притомъ именно потому что онъ э т о л ю б и т ъ и в ъ э т о в ѣ р и т ъ. Вотъ почему: «по плодамъ ихъ, узнаете ихъ». (Матѳ. 7, 16 и 20).

---

*) Срв. у Ап. Павла: «А соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ». I Коринѳ. 6, 17.

**) Срв. Библію. Исходъ. Гл. 34, стихъ 29 — 30: сходя съ горы Синая «Моисей не зналъ, что лицо его стало сіять лучами отъ того, что Богъ говорилъ съ нимъ. И увидѣлъ Моисея Ааронъ и всѣ сыны Израилевы, и вотъ, лице его сіяетъ, и боялись подойти къ нему» . . .

3. Не все заслуживаетъ вѣры.

Такъ выясняется живая сила вѣры и — благой и дурной, и мудрой, и неразумной, и парящей, и пресмыкающейся. Какъ только слагается вѣра во что нибудь опредѣленное, слагается и захватываетъ душу, она оказывается первичной, ведущей силой человѣческой жизни. Напрасно было бы принимать «твердое рѣшеніе» — ни во что не вѣрить. Это могло бы привести только къ самообману, ибо человѣкъ все таки будетъ вѣрить и только напрасно внушать себѣ, что онъ «рѣшительно» ни во что не вѣритъ; или же онъ будетъ условно понимать вѣру, какъ вѣру въ Божественное, запрещать себѣ именно эту благую, мудрую и парящую вѣру, подрывать и уродовать ее въ себѣ и уже въ силу одного этого прилѣпляться душою къ чему нибудь богопротивному, дурному и гибельному.

Поистинѣ, это небезразлично, во что люди вѣрятъ; и во многое, во что люди вѣрятъ, — не стоитъ вѣрить, ибо отъ этого не будетъ ничего, кромѣ вреда и гибели. Вѣра указуетъ человѣку его жизненный путь; она опредѣляетъ его отношеніе къ себѣ, къ людямъ, къ природѣ и ко всему священному въ жизни человѣка. И потому совсѣмъ не безразлично, вѣритъ ли человѣкъ въ пошлое, разъединяющее, уродливое, и погрязаетъ вслѣдствіе этого въ животности и злобѣ, или онъ вѣруетъ въ духовно-значительное, соединяющее и прекрасное, и вслѣдствіе этого паритъ на подобіе ангела въ благомъ и мудромъ служеніи. Вотъ почему надо признать, что рѣшительно не все заслуживаетъ вѣры.

Но что же именно заслуживаетъ ея? Во что стоитъ вѣрить? Есть ли здѣсь какой нибудь вѣрный и убѣдительный критерій?

Вотъ отвѣтъ. Жить стоитъ только тѣмъ и вѣрить стоитъ въ то, за что стоитъ бороться и умереть; ибо смерть есть истинный и высшій критерій для всѣхъ жизненныхъ содержаній. Достаточно самому примѣнить этотъ критерій, со всей надлежащей серьезностью и во всемъ его глубокомъ значеніи, и освѣтить имъ любое жизненное содержаніе — и его вѣрность и убѣдительность раскроется передъ очами.

Смерть ставитъ передъ нами вопросъ о самомъ главномъ, объ основахъ нашего земного существованія, о личной жизни въ ея цѣломъ. Смерть есть та сила, которая обрываетъ потокъ повседневныхъ обстоятельствъ и впечатлѣній, и выводитъ человѣка изъ него; она ставитъ насъ передъ основнымъ вопросомъ: «ради чего ты живешь? во что ты вѣришь? чему ты служишь? въ чемъ смыслъ твоей жизни? вѣренъ ли твой выборъ, или ты до сихъ поръ даже и не удосужился выбрать что нибудь? стоитъ ли жить тѣмъ, чѣмъ ты живешь, и вѣрить въ то, во что ты вѣришь? если стоитъ, то за это стоитъ бороться и умереть! Ибо, то, что не стоитъ смерти, то не стоитъ ни жиизни, ни вѣры»! . . .

Это обнаруживается и подтверждается даже въ самыхъ простыхъ, житейски повседневныхъ условіяхъ: кто живетъ для собственнаго удовольствія или личнаго наслажденія, и ни во что другое не вѣритъ, — тотъ видитъ во всемъ (въ вещахъ, въ богатствѣ, въ людяхъ, въ своемъ государствѣ) лишь средство или орудіе, и ни съ чѣмъ не связываетъ себя безусловной связью, на жизнь и на смерть; ему не за что бороться до конца, ему нѣтъ смысла рисковать въ этой борьбѣ своей жизнью; и потому при появленіи смертельной опасности онъ будетъ думать только о себѣ и о спасеніи своей жизни любой цѣной. Онъ все побросаетъ и отъ всего отречется, соображая, что если онъ сохранитъ жизнь, то онъ сохранитъ и возможность новыхъ наслажденій въ будущемъ, а если онъ утратитъ жизнь, то онъ утратитъ и всѣ возможныя земныя наслажденія. И ставъ неожиданно для самого себя дезертиромъ своего жизненнаго пути, онъ можетъ быть впервые спроситъ себя: «да стоило ли мнѣ жить тѣмъ, чѣмъ я жилъ доселѣ, если я такъ легко отрекся отъ этого безъ борьбы? не служилъ ли я какимъ то кумирамъ, которымъ не стоило и служить?»

Такъ обстоитъ со всѣмн людьми, которые не видятъ въ жизни ничего, кромѣ земного, чувственнаго, и не имѣютъ въ виду главнаго, всеобщаго и духовнаго: какъ только передъ ними встаетъ вопросъ о главномъ, и личная смерть оказывается у порога, они бросаютъ все и спасаютъ свою жизнь; имъ нѣтъ смысла бороться за какую бы то ни было земную единичность, ибо личная жизнь кажется имъ дороже всякаго отдѣльнаго (да еще земного и чувственнаго) жизненнаго содержанія. Но если они начинаютъ борьбу и ведутъ ее на смерть, говоря: «лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ потерять отчій домъ, семью или свободу»,— то это означаетъ, что съ этими благами у нихъ былъ связанъ нѣкоторый высшій смыслъ и священное значеніе и что здѣсь у нихъ дѣло не сводилось къ личнымъ наслажденіямъ. Можно понять, что человѣкъ отдаетъ свою жизнь въ борьбѣ за свое право, за свободу, за вѣру, за родину, за храмы, за свой народъ, но отдать ее за личныя удовольствія — просто не стоитъ.

Это мы видимъ всюду, гдѣ у людей сохранилось еще хотя бы немножко чутья для высшаго смысла жизни и для истиннаго значенія вѣры: тамъ они воспринимаютъ смертельную опасность, откуда бы она ни надвигалась, — будь это болѣзнь или

война, или землетрясеніе, или политическій терроръ, или какая бы то ни было иная катастрофа, — какъ призывъ, какъ пробужденіе, какъ потребность одуматься или даже какъ начало глубокаго жизненнаго обновленія. И только тамъ, гдѣ это чутье для высшаго смысла жизни и для истиннаго значенія вѣры совсѣмъ изсякло и отлетѣло, гдѣ душа впала въ совершенную религіозную слѣпоту и безплодность, — только тамъ человѣкъ можетъ передъ лицомъ какой нибудь опасности или неудачи проклясть самую жизнь свою и отъ случившагося съ нимъ несчастія искать спасенія въ смерти. Такіе люди живутъ всю свою жизнь такъ, какъ если бы для нихъ были только двѣ возможности: н а с л а ж д е н і е или с м е р т ь. Наслажденіе опредѣляетъ и исчерпываетъ смыслъ ихъ жизни и содержаніе ихъ вѣры; но именно поэтому смерть ихъ остается столь же безсмысленной, сколь безсмысленна была и вся ихъ жизнь.

Скажи мнѣ, за что ты хотѣлъ бы отдать свою жизнь, а я скажу тебѣ, во что ты вѣришь. Ибо вѣра ставитъ каждаго изъ насъ передъ высшей цѣнностью жизни, передъ послѣднимъ вопросомъ бытія, передъ нашимъ существованіемъ въ цѣломъ: к о г д а с м е р т ь в о п р о ш а е т ъ д у ш у, т о д у ш а о т в ѣ ч а е т ъ в ѣ р о ю. Вѣрующему свойственно крѣпко держаться за свою вѣру — и въ жизни, и передъ лицомъ смерти; но именно передъ лицомъ смерти ему неизбѣжно спросить самого себя: да стоило ли, въ самомъ дѣлѣ, жить тѣмъ, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ? вѣрна ли и крѣпка ли была моя вѣра?

Вотъ почему каждый изъ насъ долженъ спросить себя: стоитъ ли отдавать жизнь за то, во что я вѣрю? Имѣетъ ли смыслъ умирать за это? Послужитъ ли моя смерть нѣкоторому высшему и общему дѣлу, которое не кончится съ моей жизнью, но переживетъ меня, которое осмыслитъ мою жизнь и освятитъ мою смерть, которое вознесетъ меня выше меня самого и вплететъ мои силы и мое служеніе въ божественную ткань мірозданія? Если да, то я вѣрю во что-то и с т и н н о - с в я щ е н н о е, во что стоитъ вѣровать, за что стоитъ бороться и умереть. Если н ѣ т ъ, то я вѣроятно заблуждаюсь въ моей вѣрѣ и вѣрю въ нѣчто нестоющее; и тогда мнѣ необходимо пересмотрѣть всю мою вѣру и всю мою жизнь до самой глубины, и обновить ихъ такъ, чтобы вѣра моя стоила борьбы на смерть, а жизнь пріобрѣла бы смыслъ, не исчерпывающійся смертью.

И еще каждый изъ насъ долженъ спросить себя: способенъ ли я, готовъ ли я умереть за то, во что я вѣрю? Если д а, то моя вѣра сильна, глобока и дѣйственна. А если н ѣ т ъ, то сила моей вѣры невелика, и можетъ быть она невелика именно потому, что прилѣпилась къ нестоющему. Ибо, поистинѣ, — огонь вѣры усиливается отъ прикосновенія къ подлинно-священному и становится необоримымъ пламенемъ отъ единенія съ подлинно-божественнымъ; этотъ огонь истинной вѣры, хотя и живетъ въ личной душѣ человѣка, но источникомъ своимъ имѣетъ не только ее одну . . .

Все то, что мы высказали, можно было бы объяснить такъ. Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры; но онъ можетъ имѣть

вѣру слабую и дурную, ибо далеко не всякое жизненное содержаніе заслуживаетъ вѣры. Слѣпо и неумно прилѣпляться къ чисто земнымъ обстояніямъ, т. е. къ чувственно-единичнымъ вещамъ, какъ таковымъ, превращать ихъ въ настоящій центръ своей жизни, принимать ихъ какъ свое любимое и главное, поклоняться имъ, какъ высшей цѣнности, видѣть въ нихъ высшую цѣль жизни, служить имъ и жертвовать ради нихъ всѣмъ остальнымъ. Изъ этого могутъ возникнуть только внутреннія противорѣчія, измѣна и безсмыслица. Такая вѣра унижаетъ самого вѣрующаго, ибо она превращаетъ его самого въ случайнаго слугу случайностей, во что то несущественное, какъ бы въ существо двухъ измѣреній (ибо остаются два измѣренія: т ѣ л о и д у ш а, слѣпыя для д у х а и оторвавшіяся отъ него). Такая вѣра подрываетъ свою собственную силу и свой собственный смыслъ; она съ самаго начала дышитъ невѣрностью и предательствомъ и испаряется при первомъ дыханіи смерти. Конечно, человѣку предоставлено вѣрить во все, что ему угодно, и въ нелѣпость, и во вредоносное, и въ погибельное; и вслѣдствіи этого не трудно найти людей, которые въ дѣйствительности вѣрятъ въ подобныя вещи — въ суевѣрныя примѣты (нелѣпое), въ цѣлебное искусство шарлатановъ (вредоносное), въ культивированіе темныхъ, сатанинскихъ силъ души (погибельное). Но человѣку не дана возможность создать изъ нелѣпости или изъ любого порока — р е л и г і ю и ц е р к о в ь. Религія и церковь возможны только при наличности совсѣмъ особыхъ условій, а именно: г л у б о к а г о и и с к р е н н я г о ч у в с т в а и с и л ь н о й, т в о р ч е с к о й в ѣ р ы, а это дается только ж и з н е н н о - з д о р о в о м у д у х у; и далѣе, необходимо такое с о д е р ж а н і е вѣры и такой у р о в е н ь ея, которые были бы свободны отъ д у ш е - р а з р у ш и т е л ь н а г о в л і я н і я, отъ духовныхъ нелѣпостей и отъ начатковъ внутренняго предательства.

Однако во всѣхъ случаяхъ и на всѣхъ путяхъ жизни ч е л о в ѣ к ъ ж и в е т ъ и у м и р а е т ъ или в л а ч а з е м н ы я о к о в ы с в о е й в ѣ р ы, или н е с о м ы й е я д у х о в н ы м и к р ы л ь я м и . . .

---

4. Знаніе и вѣра.

Въ наши дни есть еще одинъ предразсудокъ въ отношеніи къ вѣрѣ, согласно которому «знаніе» есть нѣчто достовѣрное, доказательное, истинное, а «вѣра» есть въ конечномъ счетѣ не болѣе, чѣмъ «суевѣріе» (т. е. вѣра всуе, напрасная и неосновательная). Доказанное и обоснованное не пріемлется на вѣру: оно познается и знается, оно мыслится. Вѣрить же можно лишь въ то, что не обосновывается и что поэтому не основательно; въ то, что не доказуется и потому не имѣетъ за себя ничего достовѣрнаго. Поэтому здѣсь только и можно «вѣрить» или «вѣровать».

Съ этой точки зрѣнія многіе изъ нашихъ современниковъ говорятъ почтительно или даже съ паѳосомъ о мысли, знаніи и наукѣ, и съ презрѣніемъ, или по крайней мѣрѣ со снисхожденіемъ о вѣрѣ и вѣрующихъ людяхъ. Кто расположенъ къ снисхожденію и терпимости, тотъ осуждаетъ вѣру и вѣрующихъ не такъ строго: надо ужъ предоставить «глупымъ» и «необразованнымъ» вѣрить въ ихъ «фантазіи», что же съ ними подѣлаешь, особенно, если фантазіи «приличны» и «гуманны». Но кто «серьезно» относится къ знанію и доказательству и помнитъ о вредѣ предразсудковъ и объ опасности суевѣрій, тотъ уже не обнаруживаетъ ни снисхожденія, ни терпимости; онъ уже категорически требуетъ «просвѣщенія» и «борьбы съ обскурантизмомъ». Но, если всякая вѣра есть, въ сущности говоря, «суевѣріе», а насаждаютъ суевѣріе именно упорные и зловредные обскуранты, съ которыми необходимо бороться, то приговоръ надъ христіанствомъ во всѣхъ его исповѣданіяхъ оказывается уже произнесеннымъ . . .

Ясно, что въ этомъ предразсудкѣ, при послѣдовательномъ и волевомъ отношеніи къ нему, уже заложено гоненіе на христіанство.

За этимъ предразсудкомъ скрывается на самомъ дѣлѣ цѣлое гнѣздо недоразумѣній и ошибокъ. Съ одной стороны, это воззрѣніе безмѣрно переоцѣниваетъ мысль и знаніе; и придаетъ такъ называемымъ «доказательствамъ» преувеличенное значеніе; ибо на самомъ дѣлѣ многое, что люди причисляютъ къ «мыслимому» и «знаемому» — остается необоснованнымъ и недоказаннымъ. С другой стороны, вѣра и суевѣріе совсѣмъ не одно и тоже; въ области вѣры имѣется своя особая досто-

вѣрность и свои полноцѣнныя основанія; не замѣчать ихъ или отвертываться отъ нихъ можно только по недостатку духовнаго опыта.

Такъ прежде всего, было бы совсѣмъ наивно думать, что человѣческое «мышленіе» и «знаніе» не дѣлаетъ ошибокъ, или что оно способно доказать каждое свое утвержденіе. Вся картина мірозданія, въ томъ видѣ, какъ его очерчиваетъ наука, покоится на очень спорныхъ и часто неясныхъ гипотезахъ, которыя иногда отчасти «подтверждаются» новыми наблюденіями, а иногда опровергаются, и тогда отвергаются. Эти гипотезы полезны, необходимы и драгоцѣнны; безъ нихъ изслѣдованіе міра не могло бы совершаться и наука стала бы невозможною. Но онѣ совсѣмъ не суть «доказанныя истины», даже и тѣ изъ нихъ, которыя доселѣ подтверждались при наблюденіяхъ. Чѣмъ дальше человѣкъ стоитъ отъ научной лабораторіи, тѣмъ болѣе онъ иногда бываетъ склоненъ преувеличивать достовѣрность научныхъ предположеній и объясненій. Полуобразованные люди слишкомъ часто вѣрятъ въ «науку», такъ, какъ если бы ей было все доступно и ясно; чѣмъ проще, чѣмъ элементарнѣе, чѣмъ площе какое нибудь утвержденіе, тѣмъ оно кажется имъ «убѣдительнѣе» и «окончательнѣе»; и только настоящіе ученые знаютъ границы своего знанія и понимаютъ что истина есть ихъ трудное заданіе и далекая цѣль, а совсѣмъ не легкая, ежедневная добыча.

Настоящій ученый прекрасно понимаетъ, что «научная» картина мірозданія все время мѣняется, все осложняясь, углубляясь, уходя въ детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. Достаточно вспомнить, какъ измѣнилась вся картина міра послѣ того, какъ астрономическая система Птоломея была вытѣснена системой Коперника; или, — что дало наукѣ и народамъ открытіе электричества, или радія, или безпроволочной передачи, или раскопки доисторическихъ городищъ, или спектральный анализъ. Настоящій ученый знаетъ, что наука никогда не будетъ въ состояніи объяснить свои послѣднія предпосылки или опредѣлить свои основныя понятія, напр. точно установить, что такое «атомъ», «электронъ», «витаминъ», «энергія» или «психологическая функція»; онъ знаетъ, что всѣ его «опредѣленія», «объясненія» и «теоріи» — суть только несовершенныя попытки приблизиться къ живой тайнѣ матеріальнаго и душевнаго міра. О продуктивности науки не стоитъ спорить: за нее свидѣтельствуютъ вся современная техника и медицина. Но что касается ея теоретическихъ истинъ и ихъ доказуемости, то наука плаваетъ по морямъ проблематическаго и таинственнаго.

Здѣсь проходитъ грань между ученымъ и полуобразованнымъ.

Настоящій ученый знаетъ, доколѣ простирается его знаніе; и потому онъ духовно скроменъ. Онъ ищетъ и пытается доказывать; онъ всегда добивается максимальной достовѣрности и доказательности, ясности и точности; но именно поэтому онъ знаетъ, сколь трудно это дается; и всегда пом-

нитъ, что полной достовѣрности у науки нѣтъ. Онъ всегда помнитъ, сколь ограниченъ о б ъ е м ъ того, что «уже познано», и сколь сравнительно невелика сила и компетентность научной мысли; ибо по-истинѣ мысль есть только—о д н а и з ъ с п о с о б н о с т е й человѣка, наряду съ другими; а научная мысль нуждается въ о п ы т ѣ, для котораго необходимо чувственно воспринимать, ощущать, чувствовать, желать, воображать, созерцать и совершать поступки. Настоящій ученый понимаетъ все это и не переоцѣниваетъ ни отвлеченную мысль, ни науку въ цѣломъ. Вотъ почему онъ не вѣритъ въ отвлеченныя схемы и мертвыя формулы и хранитъ въ себѣ живое ощущеніе глубокаго, таинственнаго и священнаго. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что среди настоящихъ и великихъ ученыхъ, многіе питали и питаютъ живую вѣру въ Бога: ихъ взоръ не ослѣплялся тѣмъ, что́ уже познано и добыто, но оставался прикованнымъ къ тайнамъ мірозданія и къ скрытымъ въ нихъ богатствамъ; а созерцаніе этихъ тайнъ пробуждало въ нихъ тотъ внутренній, духовный опытъ, отъ котораго родится религіозное настроеніе и «вѣрующая» вѣра. Такъ, истинная ученость не уводитъ отъ Бога, а ведетъ къ Нему.

Совсѣмъ иное дѣло полуобразованность. Такой человѣкъ не умѣетъ изслѣдовать и познавать; онъ умѣетъ только «понимать» то, что просто и плоско; и — помнить. Онъ живетъ заученными формулами, отъ которыхъ въ головѣ все становится плоско и просто; онъ принимаетъ это за «ясность» и поэтому воображаетъ, будто ему все ясно и будто онъ призванъ все «объяснять» другимъ. Вотъ откуда у полуобразованныхъ людей эта безмѣрная притязательность и безотвѣтственность: добывъ безъ труда свою плоскую ясность, не научившись въ трудѣ познанія — ни отвѣтственности, ни скромности, они смотрятъ не вверхъ, а внизъ, не вглубь, а въ отвлеченную пустоту, гдѣ все легко, легкомысленно и безпочвенно. Они не создаютъ сами ничего, но заимствуютъ все у другихъ, перенимая, подражая, подхватывая и повторяя. Есть не мало людей, у которыхъ и самое чтеніе книгъ получаетъ такое же значеніе: по слову одного наблюдательнаго ученаго, «они и читаютъ-то только для того, чтобы имѣть право не думать самостоятельно» . . . Нерѣдко они выбираютъ себѣ какого-нибудь одного человѣка, который становится ихъ «авторитетомъ», «учителемъ» и «вождемъ». Тогда они начинаютъ вѣрить въ него и въ его формулы. Все, что не укладывается въ эти формулы—или вовсе не существуетъ для нихъ, или подлежитъ «искорененію»; всѣ несогласные съ ними, объявляются вредными лжецами или лицемѣрами. Такіе полуобразованные фанатики вѣрятъ своему «учителю» съ тою же легкомысленною неосновательностью, съ какою они вѣрятъ во всемогущество мысли и въ свою мнимую «науку». Таинственная глубина матеріальнаго и душевнаго міра остается имъ недоступной и все ихъ воззрѣніе на природу и на людей оказывается предметомъ ихъ с у е в ѣ р і я. И нерѣдко бываетъ такъ, что чѣмъ пошлѣе ихъ міропониманіе, тѣмъ фанатичнѣе они в ѣ р я т ъ въ него. В ѣ р о в а т ь ж е они неспособны, и къ

религіи относятся съ презрѣніемъ и враждебностью, не подозрѣвая о томъ, что именно у вѣрующихъ вѣра можетъ быть отвѣтственною, серьезною и глубокою. Вотъ источникъ современнаго воинствующаго безбожія.

Это состояніе души, распространенное въ современномъ человѣчествѣ, давно уже было подмѣчено нашими поэтами, описано и осуждено ими.

Такъ у друга Пушкина, князя П. А. Вяземскаго, мы находимъ слѣдующія гнѣвныя строки:

Нашъ разумъ, омрачась слѣпымъ высокомѣрьемъ,
Готовъ признать мечтой и дѣтскимъ суевѣрьемъ
Все, что не можетъ онъ подвесть подъ свой разсчетъ.
Но развѣ во сто разъ не суевѣрнѣй тотъ,
Кто вѣруетъ въ себя, а самъ себѣ загадкой,
Кто гордо оперся на свой разсудокъ шаткій
И въ немъ боготворитъ свой собственный кумиръ?... *)

Еще глубже и пророчественнѣе звучитъ та же мысль у Тютчева:

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ . . .
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры . . . но о ней не проситъ . . .

Увы, люди этого уклада повидимому далеки еще отъ сознанія своей «погибели». Они все еще вѣрятъ въ свою «полунауку».

Достоевскій имѣлъ это въ виду, когда писалъ: «Полунаука, самый страшный бичъ человѣчества . . . Полунаука — это деспотъ, какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, передъ которымъ все преклонилось . . . съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немыслимымъ» **) . . .

Но если полуобразованные люди склонны переоцѣнивать науку и ея силы, то сущность истинной вѣры и религіи остается для нихъ совсѣмъ непонятной.

На самомъ дѣлѣ религіозная вѣра вовсе не связана съ «глупостью» и «невѣжествомъ»; она нужна всѣмъ людямъ и самымъ умнымъ, и самымъ образованнымъ. Къ сожалѣнію въ мірѣ не мало людей, которые не умѣютъ возвести свою слѣпую вѣру на уровень духовно-зрячаго, религіознаго вѣрованія; и на ряду съ ними есть еще больше людей, которые «принципіально» не хотятъ вѣровать, но совсѣмъ не вѣ-

*) Кн. П. А. Вяземскій. Молитвенныя думы.

**) Достоевскій. Бѣсы. Часть вторая. Глава первая. VII.

рить не могутъ; и потому вѣрятъ въ нелѣпое и вздорное; а потомъ не хотятъ признаться въ этомъ, отрицаютъ свою вѣру и увѣряютъ, что ихъ нелѣпости «познаны» и «доказаны» (напр. воинствующіе матеріалисты). И какъ же не противопоставить имъ тѣхъ многихъ, умныхъ и научно образованныхъ людей, которые вѣрно постигли сущность науки и границы человѣческой мысли и тѣмъ освободили въ своей душѣ мѣсто для искренней и чистой вѣры въ Бога!

Для того, чтобы это утвержденіе не казалось голословнымъ, приведемъ нѣсколько живыхъ свидѣтельствъ, высказанныхъ великими естествовѣдами за послѣдніе четыре вѣка. Ихъ можно было бы привести гораздо больше *).

Вотъ сужденіе великаго славянина Коперника (1473—1543):

Созерцая мысленно великолѣпный порядокъ міразданія, управляемый съ божественной премудростью, кто не почувствовалъ бы, что постоянное созерцаніе его и такъ сказать интимное общеніе съ нимъ, возводятъ человѣка къ Высшему и къ восхищенію передъ всезиждущимъ Строителемъ вселенной, въ которомъ пребываетъ высшее блаженство и который есть вѣнецъ всякаго добра» . . .

А вотъ сужденіе Бэкона Веруламскаго (1561—1626):

«Только поверхностное знаніе природы можетъ увести насъ отъ Бога; напротивъ, болѣе глубокое и основательное ведетъ насъ назадъ, къ Нему» . . .

Знаменитый хирургъ своего времени Парэ (1517 — 1590) говорилъ о своихъ паціентахъ: «Я перевязывалъ, цѣлилъ—Господь»...

Галилео Галилей (1564 — 1642) записалъ: «И священное писаніе и природа исходятъ отъ божественнаго Слова; первое — какъ внушеніе Святого Духа, вторая — какъ исполнительница Божьихъ велѣній» . . .

У Кеплера (1571 — 1630) читаемъ: «Въ твореніи — я касаюсь Бога какъ бы руками» . . . И еще: «О, Отецъ свѣта, Ты, который при помощи естественнаго свѣта пробуждаешь въ насъ желаніе свѣта благодати, чтобы возвести насъ къ свѣту величія! Благодарю Тебя, о мой создатель и Господь, за то, что Ты обрадовалъ меня твореніемъ Твоимъ, ибо я былъ въ восторгѣ отъ дѣла рукъ Твоихъ» . . .

Вотъ сужденіе знаменитаго Бойля (1626—1691): «Истинный естествоиспытатель нигдѣ не можетъ проникнуть въ познаніе тайнъ творенія безъ того, чтобы не воспринять перстъ Божій».

Гёте пишетъ (1749—1842): «Время сомнѣнія прошло—теперь люди такъ же мало сомнѣваются въ самихъ себѣ, какъ въ Богѣ».

Заслуженный физикъ Эрстедъ (1777—1851) отмѣтилъ: «Всякое основательное знаніе природы ведетъ къ познанію Бога».

Анатомъ фонъ Халлеръ (1708 — 1777) высказалъ слѣдующее признаніе: «Меня познаніе природы научило мыслить болѣе возвышенно о Богѣ, предъ которымъ наша земля есть одна изъ

---

*) См. книгу Деннерта: Professor Dr. E. Dennert. Die Religion der Naturforscher.

маленькихъ пылинокъ, лежащихъ въ безчисленномъ множествѣ у подножія его трона» . . .

Лаконическую формулу оставилъ намъ астрономъ Мэдлеръ (1794 — 1874): «Настоящій естествоиспытатель не можетъ быть отрицателемъ Бога» . . .

Знаменитый геологъ Ліэлль (1797 — 1875) записалъ слѣдующее: «Въ какомъ бы направленіи мы ни повели наши изслѣдованія, всюду мы открываемъ самыя ясныя доказательства творческаго Разума или его провидѣнія, силы и мудрости».

Слѣдующія два замѣчанія мы находимъ у прославленнаго химика Либиха (1803—1873): «Это все мнѣнія диллетантовъ, которые изъ своихъ прогулокъ у пограничныхъ областей естествознанія выводятъ свое право разъяснять незнающей и легковѣрной публикѣ, какъ это собственно говоря возникли міръ и жизнь, и сколь далеко зашелъ человѣкъ въ изслѣдованіи высшихъ предметовъ». «Не забывайте», говорилъ онъ своимъ студентамъ, «что мы при всѣхъ нашихъ знаніяхъ и изслѣдованіяхъ остаемся близорукими людьми, сила которыхъ коренится въ томъ, что мы имѣемъ опору въ высшемъ Существѣ».

Зоологъ Агассицъ (1807—1873) устанавливаетъ: «Изъ изученія природы каждый долженъ вынести убѣжденіе, что все упорядочено нѣкимъ возвышеннымъ Духомъ».

Ботаникъ Шлейденъ (1804—1881) высказывается въ томъ же самомъ направленіи: «Именно настоящій и точный естествоиспытатель, никогда не можетъ стать матеріалистомъ въ современномъ смыслѣ слова, отрицателемъ духа, свободы и Божества».

Весьма интересное признаніе мы находимъ у Чарльза Дарвина (1809 — 1882): «Въ состояніяхъ самаго крайняго колебанія я никогда не былъ атеистомъ въ томъ смыслѣ, чтобы я отрицалъ существованіе Бога».

Извѣстный ученый фонъ Майеръ (1814 — 1878), открывшій законъ сохраненія энергіи, пишетъ: «Если поверхностныя головы, охотно выдающія себя за героевъ дня, не хотятъ признавать вообще ничего иного и высшаго, кромѣ матеріальнаго, чувственно воспринимаего міра, то такую смѣшную претензію отдѣльныхъ лицъ нельзя ставить въ укоръ наукѣ; еще менѣе пользы и чести будетъ самой наукѣ отъ этой претензіи». «Изъ цѣлостнаго, полнаго сердца восклицаю я: истинная философія не можетъ и не смѣетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ пропедевтикой для христіанской религіи».

Приведемъ, наконецъ, сужденіе знаменитаго французскаго ученаго Дю-буа-Реймона (1818 — 1896): «Только божественному всемогуществу можемъ мы достойно приписать, что оно до всякаго представимаго времени создало всю матерію посредствомъ творческаго акта» . . .

Приведеннаго достаточно. Желающіе пусть обратятся еще къ Ньютону, Лейбницу, Фехнеру и къ философамъ всѣхъ временъ и народовъ, исходившимъ непосредственно изъ духовнаго

опыта *). Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ историковъ 19 вѣка (Карлейль) точно передаетъ основной духъ приведенныхъ нами формулъ, когда говоритъ: «Человѣкъ вообще не можетъ знать, если онъ не молится чему-то въ опредѣленной формѣ. Нѣтъ этого — и все его знаніе оказывается пустымъ педантствомъ, сухимъ чертополохомъ» . . .

Но молиться имѣетъ смыслъ только тому, чему дѣйствительно стоитъ молиться. Какъ же могутъ люди воспринять Бога? Гдѣ путь, ведущій къ Нему?

Благо тому, въ чьей душѣ этотъ путь проторенъ съ ранняго дѣтства . . .

Но какъ быть ищущему и еще не нашедшему.

---

*) См. слѣдующій раздѣлъ «Источникъ вѣры».

5. Источникъ вѣры.

Итакъ, знаніе и вѣра совсѣмъ не исключаютъ другъ друга. Съ одной стороны, потому, что положительная наука, если она стоитъ на высотѣ, не преувеличиваетъ ни своего объема, ни своей достовѣрности, и совсѣмъ не пытается судить о предметахъ вѣры; она не судитъ о нихъ ни положительно («есть Богъ», «жизнь человѣка имѣетъ высшій, священный смыслъ»), ни отрицательно («Бога нѣтъ», «человѣкъ не выше обезьяны» и т. п.). Ея граница — чувственный опытъ; ея методъ — объяснять всѣ явленія естественными законами и стараться доказать каждое свое сужденіе. Она держится за этотъ опытъ и за этотъ методъ, отнюдь не утверждая, что они всеобъемлющи и исчерпывающи, и отнюдь не отрицая того, что можно достигнуть истины въ другой области при помощи другого опыта и другого метода*).

Съ другой стороны, настоящая вѣра вырастаетъ именно изъ этого другого опыта и идетъ своимъ особымъ путемъ («методомъ»), отнюдь не вторгаясь въ научную область, не вытѣсняя и не замѣняя ее.

Тотъ, кто полагаетъ, что вѣра есть нѣчто произвольное, несерьезное и безотвѣтственное, и что вѣровать можно только безъ всякихъ основаній въ недостовѣрное и выдуманное — тотъ жестоко ошибается; и ошибка его проистекаетъ изъ наивности. Такъ, онъ, конечно, воображаетъ, будто онъ хорошо знаетъ и понимаетъ, что такое человѣческій опытъ, и что значитъ обоснованность и достовѣрность. На самомъ же дѣлѣ онъ этого не знаетъ и не понимаетъ; и въ этомъ его наивность. Поэтому онъ долженъ однажды убѣдиться въ томъ, что онъ всего этого не понимаетъ; и, убѣдившись, отказаться отъ своего предразсудка и взять назадъ всѣ свои сужденія.

На самомъ дѣлѣ человѣческій опытъ безконечно шире, богаче и разнообразнѣе, чѣмъ это представляютъ себѣ современные матеріалисты и безбожники. Когда они говорятъ объ этомъ, то они представляютъ себѣ чувственный опытъ, который дается человѣку черезъ его внѣшнія чувства (зрѣніе, слухъ, ося-

*) Методъ есть слово греческое и обозначаетъ буквально «путь вслѣдъ за чѣмъ-нибудь», «путь къ извѣстной цѣли».

заніе и т. д.) и открываетъ ему доступъ къ матеріальному міру. Человѣкъ, прилѣпившійся исключительно къ чувственнымъ ощущеніямъ (сенсуалистъ) и принимающій въ серьезъ только то, что они ему приносятъ (а они говорятъ ему только о внѣшнихъ, пространственно-протяженныхъ вещахъ, т. е. о матеріальномъ), станетъ самъ того не замѣчая матеріалистомъ.

Матеріалистъ приверженъ къ одному единственному источнику опыта; онъ вѣритъ только въ него и пользуется только имъ; этотъ источникъ составляютъ внѣшнія ощущенія. Вслѣдствіе этого матеріалистъ отличается односторонностью, ограниченностью, скудостью своего опыта. Это не значитъ, что онъ въ дѣйствительности имѣетъ дѣло только съ внѣшними, чувственными воспріятіями, такъ что онъ только и можетъ видѣть, слышать, обонять, касаться и имѣть вкусовыя раздраженія; нѣтъ, но онъ вырабатываетъ себѣ (иногда безсознательно, иногда сознательно) такую душевную установку, как ъ если бы он ъ не имѣл ъ никакого другого опыта. Онъ живетъ и думаетъ такъ, какъ если бы въ его опытѣ не было никакихъ не-чувственных ъ содержаній; какъ если бы доказывать и обосновывать можно было только при помощи чувственныхъ воспріятій и только въ области матеріальныхъ вещей. Онъ не привыкъ вращаться въ сферѣ иного опыта и иныхъ предметовъ. Онъ какъ бы прильнулъ разъ навсегда къ состояніямъ своего тѣла и къ показаніямъ его органовъ, им ъ довѣрился, в ъ них ъ повѣрилъ; и затѣмъ увѣрилъ себя, будто ни у него, ни у другихъ людей нѣтъ доступа ни къ чему другому. Его вниманіе, его интересъ, его желанія, его дѣятельность обращены на внѣшнее; выражаясь условно, можно сказать, что онъ «экстра-вертированъ» (обращенъ наружу). И если онъ видитъ человѣка «интро-вертированнаго» (обращеннаго во внутрь, къ внутреннему, нечувственному міру), то онъ оказывается неспособнымъ ни понять его установку, ни повѣрить ему на слово: онъ объявляетъ его выдумщикомъ, фантазеромъ или обманщикомъ.

А между тѣмъ всякій сколько-нибудь опытный мыслитель могъ бы безъ особаго труда доказать такому наивному и самоувѣренному матеріалисту, что онъ рѣшительно неправъ, ибо все сводится къ односторонней скудости его опыта; или еще точнѣе, къ нежеланію его замѣтить и принять въ серьезъ другой опытъ, безъ котораго онъ самъ не можетъ обойтись. У матеріалиста, какъ и у всякаго человѣка, имѣются не только тѣлесныя состоянія, но и душевныя состоянія; и многія изъ этихъ душевныхъ состояній даютъ ему не-чувственный опытъ и открываютъ ему не-чувственные предметы. Неумно и вредно закрывать себѣ глаза на это разнообразіе и богатство опыта, культивировать свои низшія способности и отвергать или даже отрицать высшія. Еще глупѣе и вреднѣе — пытаться уговорить другихъ людей къ такому же скудоумію или прямо навязывать имъ это скудоуміе въ порядкѣ государственнаго принужденія, какъ это дѣлаютъ коммунисты, предписывая матеріали-

стическое преподаванiе въ школахъ и давая соцiальныя преимущества безбожникамъ и воинствующимъ матерiалистамъ.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ такъ, что человѣку, наряду съ чувственными ощущенiями, даны и другiе, безконечно болѣе благородные, утонченные и значительные источники опыта. Судьба каждаго отдѣльнаго человѣка, цѣлыхъ поколѣнiй и нацiональныхъ культуръ зависитъ отъ того, живутъ ли люди этимъ опытомъ, умѣютъ ли цѣнить, развивать и творчески пользоваться источниками его и т. д. Весь современный духовный кризисъ, переживаемый человѣчествомъ, объясняется тѣмъ, что человѣчество вотъ уже въ теченiе нѣсколькихъ поколѣнiй пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими; ослѣпленное успѣхами естествознанiя и техники, охладѣвшее къ религiознымъ глубинамъ жизни, оно довѣрилось всецѣло (или почти всецѣло) чувственнымъ ощущенiямъ и вырастающей изъ нихъ теорiи и практикѣ. Вслѣдствiе этого люди новаго времени изощрились въ изученiи матерiальной природы и въ техническихъ изобрѣтенiяхъ, и незамѣтно оказались въ состоянiи дѣтской безпомощности въ вопросахъ духовнаго опыта, духовной очевидности и духовныхъ умѣнiй. Преодолѣть этотъ кризисъ можно только однимъ способомъ: вернуться къ этимъ благороднымъ и чистымъ источникамъ духовнаго опыта, пробудить ихъ и творчески зажить ими.

Человѣкъ не можетъ жить одними чувственными воспрiятiями, исходя только изъ нихъ и ограничиваясь только ими; можетъ быть это и доступно простѣйшимъ и низшимъ животнымъ, но напр. собаки и лошади стоятъ несомнѣнно уже на болѣе высокой ступени. Человѣку же присущи, сверхъ тѣлесныхъ ощущенiй, еще чувствованiя, сила воображенiя, воля и энергiя мысли. Конечно, онъ можетъ пренебрегать этими состоянiями или такъ сказать внутренними актами и сводить ихъ къ извѣстному минимуму, уподобляясь животнымъ, у которыхъ преобладаютъ чувственныя ощущенiя и тѣлесныя потребности; человѣкъ можетъ также превратить эти высшiя способности своей души въ простое орудiе своихъ тѣлесныхъ раздраженiй и потребностей, т. е. не столько жить ими, сколько злоупотреблять ими. Но если бы онъ вступилъ на этотъ путь, то изъ этого возникли бы только величайшая нужда, варварство и пошлость. Почему? Потому что эти пренебреженныя и заброшенныя душевныя силы, отнюдь не перестали бы жить и дѣйствовать въ его душѣ, а стали бы вести нечистую жизнь и увлекать душу на гибельные пути; ибо орудiе, которое не чистятъ и запускаютъ и которымъ злоупотребляютъ, всегда становится вреднымъ и опаснымъ.

Конечно, можно относиться съ презрѣнiемъ къ жизни чувства, — напр. къ любви, радости, благодарности, уваженiю, благоговѣнiю, чести и патрiотизму, — и отвергать все это, какъ «сентиментальность»; но отъ этого душевныя чувствованiя отнюдь не исчезнутъ, они станутъ только грубыми, злобными,

нечистыми и отвратительными, т. е. душевно и тѣлесно вредными, а духовно гибельными; они прилѣпятся къ дурнымъ содержаніямъ и человѣческая душа исполнится ненависти, зависти, злости, гордости и мстительности.

Точно такъ же «отвергнутая» и запущенная сила воображенія отнюдь не исчезаетъ и не прекращаетъ свою жизнь; напротивъ, она разнуздывается и предается самымъ низменнымъ, грубымъ и унизительнымъ жизненнымъ содержаніямъ: она отыскиваетъ похотливые, безвкусные, злые образы, и наслаждается ими, и проносится слѣпо и равнодушно мимо образовъ целомудренной чистоты, благородства и божественной красоты. Люди, не уводящіе своего воображенія къ высшимъ, нечувственнымъ содержаніямъ, становятся плѣнниками пошлости и по слову мудраго Гераклита всю жизнь «наслаждаются грязью».

Такая же судьба постигаетъ и человѣческую волю, если она оказывается духовно безпризорной и нравственно разнузданной: она начинаетъ служить волку въ человѣкѣ и становится его свирѣпымъ орудіемъ. Невоспитанная, неодухотворенная, необлагороженная воля—есть источникъ всѣхъ коварныхъ, злобныхъ и преступныхъ поступковъ на землѣ. Въ отвѣтъ на это человѣкъ можетъ, конечно, возразить, что всѣ эти понятія и мѣрила не имѣютъ для него никакого смысла. Но эта ссылка есть лишь пустая фраза въ его устахъ: какъ только чужое коварство, чужая злоба и преступность обрушатся на него самого, такъ онъ сразу ощутитъ, что означаютъ эти идеи и начнетъ поносить чужого волка, забывъ о томъ, что онъ давно уже спустилъ съ цѣпи своего собственнаго.

Подобно этому и мышленіе человѣка творчески создаетъ культуру не тогда, когда оно прилѣпляется къ чувственному и матеріальному, чтобы просто «наблюдать» его явленія и умственно «разлагать» ихъ (анализировать); изъ этого не возникла бы ни одна наука, ибо научное познаніе невозможно безъ логической мысли (которая совершенно нечувственна) и безъ математической мысли (которая почти нечувственна), а также безъ нравственно воспитанной воли и безъ нечувственной интуиціи... Мышленіе человѣка только тогда на высотѣ, когда оно способно подниматься отъ конкретнаго-чувственнаго, къ крылатому и интуитивно насыщенному отвлеченію, сосредоточиваться на духовныхъ содержаніяхъ, пребывать въ нихъ, созерцать ихъ и познавать ихъ.

Все это означаетъ, что помимо внѣшняго (чувственнаго) опыта человѣку данъ еще внутренній (нечувственный) опытъ. И вотъ, этотъ внутреній, духовный опытъ и есть истинный источникъ и истинная область вѣры, религіи и всей духовной культуры вообще. Воспитать человѣка значитъ прежде всего пробудить въ немъ эти духовныя переживанія и открыть ему доступъ къ этому духовному опыту. Только въ этомъ опытѣ человѣкъ можетъ постигнуть, что такое любовь, какова ея глубина и сила, и въ чемъ ея священное значеніе. Только здѣсь

онъ можетъ научиться отличать добро отъ зла; услышать въ самомъ себѣ голосъ совѣсти; постигнуть, что такое честь, благородство и служеніе. Только въ этой области онъ можетъ увидѣть, что такое художественность и прекрасное искусство; воспитать свой вкусъ и развить свое воспріятіе красоты. Только духовный опытъ можетъ открыть ему, что такое истинное знаніе, очевидность и доказательство; и въ чемъ состоитъ научная культура и достоинство ученаго.

Черезъ духовный опытъ человѣкъ сообщается съ божественной стихіей міра и входитъ въ живое соприкосновеніе съ Богомъ. Отсюда возникаетъ «вѣрующая» вѣра. Здѣсь зарождается религія и церковь.

Пренебрегающій духовнымъ опытомъ — теряетъ доступъ ко всему этому. Онъ — какъ бы самъ залѣпляетъ себѣ духовныя очи и предается слѣпотѣ и пошлости. Отъ всѣхъ вещей онъ видитъ только внѣшнюю видимость, и довольствуется тѣмъ, что превращаетъ ее въ пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходятъ отъ него — и во внѣшнемъ мірѣ, и въ его собственной душѣ. Онъ блуждаетъ по распутіямъ до тѣхъ поръ, пока не ударится головой о гранитную стѣну тѣхъ духовныхъ законовъ, которые онъ отвергъ, или пока не сокрушится въ пропасти тѣхъ духовныхъ запретовъ, надъ которыми онъ доселѣ издѣвался. Ибо духовные законы и запреты связуютъ всѣхъ людей, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые отвергаютъ ихъ или издѣваются надъ ними. Человѣку дана свобода отвергать ихъ и попирать ихъ; но никогда еще человѣкъ или народъ, идущій по этому пути не велъ на землѣ достойной, творческой и прекрасной жизни; напротивъ всѣ они разлагались душевно, впадали въ общественный безпорядокъ и смуту и исчезали въ духовномъ небытіи.

Только духовный опытъ — опытъ, открывающій человѣку доступъ къ любви, совѣсти и чувству долга, къ праву, правосознанію и государственности, къ искусству и художественной красотѣ, къ очевидности и наукѣ, къ молитвѣ и религіи,—только онъ можетъ указать человѣку, что́ есть подлинно главное и цѣннѣйшее въ его жизни; дать ему нѣчто такое, чѣмъ стоитъ жить, за что стоитъ нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный Предметъ религіозной вѣры. Надо, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ духовными очами то, во что онъ будетъ отнынѣ вѣровать; чтобы онъ подлинно испыталъ и узналъ божественность Бога и прилѣпился къ нему свободно и цѣлостно; — не по наслышкѣ, не отъ усталости и отчаянія, не изъ довѣрія къ чужому авторитету; ибо слухи мѣняются, и усталость проходитъ, и чужой авторитетъ можетъ поколебаться. Человѣку же нуженъ камень вѣры, который вѣчно былъ бы съ нимъ— и въ песчаной пустынѣ, и въ снѣжной бурѣ, и въ непролазномъ лѣсу, и въ тюремной одиночкѣ, и въ одиночествѣ всеоб-

щей клеветы и злобы; такой камень, который всегда можно было бы осязать, какъ неколебимую твердыню, и стать на него, какъ на нѣкій столпъ утвержденія . . . Человѣку необходимъ свѣтъ очевидности, нѣкая несгорающая купина, которая горѣла бы въ немъ самомъ, чтобы онъ могъ и самъ возгорѣться отъ нея; ему необходимъ свѣтъ неизсякающій и ему самому внутренно-доступный. Источникъ такого свѣта одинъ: это духовный опытъ, въ коемъ человѣку открывается лицезрѣніе Божіе. Отсюда — всякая подлинная, «вѣрующая» вѣра, эта первая и высшая сила человѣческой жизни, дающая ему свободный полетъ через жизнь и смерть. Только здѣсь человѣкъ можетъ обрѣсти своего Бога и Господа, и соединить себя съ нимъ любовью и вѣрностью.

Только этотъ внутренній духовный опытъ дѣлаетъ человѣко-образное существо — во-истину человѣкомъ, т. е. духовной личностью, съ неразложимымъ, священнымъ центромъ, съ индивидуальнымъ характеромъ, со способностью духовно творить и наполнять духомъ общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство. Потому что послѣдняя основа всего этого, творческій первоисточникъ всей духовной культуры есть Божественное въ насъ, даруемое намъ въ откровеніи живымъ и благимъ Богомъ, воспринимаемое нами посредствомъ любви и вѣры и осуществляемое нами въ качествѣ самаго главнаго и драгоцѣннаго въ жизни.

Иными словами: вся духовная культура возникаетъ лишь изъ того и благодаря тому, что человѣкъ не ограничиваетъ себя чувственно-внѣшнимъ опытомъ, не отводитъ ему ни исключительнаго, ни хотя бы преимущественнаго значенія, но, напротивъ, признаетъ основнымъ и руководящимъ духовный опытъ, изъ него живетъ, любитъ, вѣруетъ и оцѣниваетъ всѣ вещи, а слѣдовательно имъ же опредѣляетъ и послѣдній смыслъ и высшую цѣль внѣшняго, чувственнаго опыта; т. е. сперва обрѣтаетъ «внутри себя» Божественное начало, а затѣмъ предоставляетъ ему водительство во всей внѣшней жизни.

Самымъ глубокимъ и могучимъ источникомъ духовнаго опыта и религіозной вѣры является любовь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ЛЮБВИ.

1. Что есть любовь.

Первымъ, и глубочайшимъ источникомъ духовнаго опыта является духовная любовь. Ее надо признать основнымъ и необходимымъ «óрганомъ» духовнаго опыта. И всякому христіанину это должно бы было быть яснымъ безъ доказательствъ.

Всѣ попытки опредѣлить любовь въ логическомъ порядкѣ были бы тщетны: того, кто ея не испыталъ, нельзя ни просвѣтить, ни убѣдить въ этомъ отношеніи. Впрочемъ духовный опытъ подобенъ въ этомъ всякому другому опыту. Всякое доказательство покоится въ конечномъ счетѣ и въ послѣдней инстанціи на живомъ опытѣ, на живомъ воспріятіи и увидѣніи. Всякое доказательство ведетъ рано или поздно (чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!) къ предмету, который надо воспринять, увидѣть и пережить; и тотъ, кто не можетъ воспринять предмета, или не хочетъ испытать и увидѣть его, — тому вообще никогда и ни въ какой области нельзя ничего доказать, ни въ естествознаніи, ни въ исторіи, ни въ философіи. Послѣдняя ступень доказательства всегда звучитъ такъ: «а все это потому, что самъ предметъ таковъ; вотъ онъ — переживи, восприми, испытай и признай!» и потомъ: «если не хочешь или не можешь, то отойди, умолкни и не мѣшай другимъ!» . . . Именно такъ: неспособный къ предметному опыту, долженъ уйти изъ изслѣдовательской лабораторіи и прекратить всякіе споры и притомъ вслѣдствіе своей умственной или духовной неспособности. Въ философіи дѣло обстоитъ совершенно такъ же, какъ и въ высшей математикѣ, или въ физикѣ, или въ юриспруденціи...

И тѣмъ не менѣе живое своеобразіе духовной любви можетъ быть и должно быть описано. Что это за состояніе — любовь? И чѣмъ отличается духовная любовь отъ недуховной?

Тамъ, гдѣ начинается любовь, тамъ кончается безразличіе, вялость, экстенсивность: человѣкъ собирается и сосредоточивается, его вниманіе и интересъ концентрируются на одномъ содержаніи, именно на любимомъ; здѣсь онъ становится интенсивнымъ, душа его начинаетъ какъ бы накаляться и горѣть. Любимое содержаніе, — будь то человѣкъ, или коллекція картинъ, или музыка, или любимыя горы, — становится живымъ центромъ души, важнѣйшимъ въ жизни, главнымъ предметомъ ея. Оказывается, что любовь даетъ человѣку,

по слову Платона, сразу — душевное богатство и душевную бѣдность: богатство — ибо человѣкъ нашелъ сокровище своей жизни, которымъ онъ владѣетъ и которое онъ какъ бы носитъ въ себѣ: отсюда чувство душевнаго обилія, силы, счастья, повышеннаго интереса къ жизни, и благодарности за все это; бѣдность — ибо у человѣка возникаетъ чувство, что онъ никогда не владѣетъ своимъ сокровищемъ до конца и что безъ него и внѣ его онъ самъ скуденъ, печаленъ и одинокъ: отсюда чувство душевной скудости, слабости, несчастья, разочарованія во всемъ и ропотъ на свою лишенность и нищету. И все же, несмотря на эту тоску лишенности, человѣкъ чувствуетъ себя обогащеннымъ и богатымъ.

Вотъ почему любовь есть радость, которая не покидаетъ человѣка даже и въ страданіи, но свѣтитъ ему сквозь всѣ неудачи, лишенія и огорченія, такъ что онъ радуется и тогда, когда терпитъ муку: ибо онъ знаетъ, что онъ имѣетъ въ себѣ самомъ нѣкое сокровище, и чувствуетъ, какъ отъ близости къ этому сокровищу душа его заливается глубокой и тайной радостью, какъ бы нѣкимъ блаженнымъ свѣтомъ. Оказывается, что любовь сама по себѣ, даже и въ отрывѣ отъ любимаго предмета, есть уже счастье, въ которомъ душа перестаетъ каменѣть, размягчается, становится какъ бы подвижной и легкой, гибкой и текучей; она нѣжно чувствуетъ, поетъ и обращается ко всему міру съ сочувствіемъ и добротой. Любовь есть доброта, — не только потому, что она окружаетъ сочувствіемъ свой любимый предметъ, печется о немъ, страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ нимъ, но и потому, что любовь сама по себѣ даетъ человѣку счастье и вызываетъ у счастливаго потребность — осчастливить все и всѣхъ вокругъ себя и наслаждаться этимъ чужимъ счастьемъ, какъ излученіемъ своего собственнаго.

Истинная любовь этимъ не исчерпывается и на этомъ не останавливается: она вживается въ любимый предметъ вплоть до художественнаго отождествленія съ нимъ *). Чувство и воображеніе соединяются у любящаго человѣка, и повышаютъ силу его воспріятія и воспроизведенія настолько, что проницательность его по отношенію къ любимому предмету доходитъ до настоящаго интуитивнаго ясновидѣнія. Иногда эта сила ясновидящей проницательности ограничивается однимъ любимымъ человѣкомъ (напр. у матери— ея дѣтьми) или любимымъ предметомъ (напр. у музыкальнаго критика — музыкой одного любимаго композитора); но иногда эта сила переносится и на другихъ людей и даже на весь міръ (напр. у геніальнаго художника). Во всякомъ случаѣ человѣкъ, осчастливленный любовью, созерцаетъ и воспринимаетъ предметы внѣшняго и внутренняго міра совсѣмъ иначе, чѣмъ человѣкъ съ сухимъ и каменѣющимъ сердцемъ, холодный и чопорный эгоистъ. Любящему человѣку весь міръ говоритъ иное и иначе, такъ, какъ если бы каждый цвѣтокъ раскрывался ему по особому, каждая птичка пѣла ему по иному, каждый лучъ солнца

*) См. главу первую, раздѣлъ второй.

свѣтилъ ему ярче, каждое человѣческое сердце повертывалось къ нему особливо; подобно тому, какъ въ сказкѣ избушка на курьихъ ножкахъ повертывается къ Ивану Царевичу передомъ, а къ лѣсу задомъ. Ибо любовь есть сила всесогрѣвающая, всеотмыкающая и всевидящая; она сама и цвѣтетъ, и поетъ, и сіяетъ.

Вотъ почему любящая душа воспитателя, врача, художника и духовника есть по-истинѣ священное орудіе для новыхъ постиженій и умѣній; и, въ сравненіи съ ихъ вѝдѣніемъ и вліяніемъ, наблюденіе жестокосерднаго эгоиста есть лишь жалкая немощь. Ибо они воспринимаютъ то,

«Что для ума покрыто тьмою,
Но сердцу видимо вдали» . . .
(Князь П. А. Вяземскій).

И это вѝдѣніе и вліяніе любящаго сердца, проявляющаго нерѣдко истинно геніальную проницательность, усиливается еще отъ самоотверженія, этого послѣдняго и высшаго дара любви. Въ самомъ дѣлѣ, вчувствованіе и воображеніе любящаго сердца доходитъ иногда до того, что человѣкъ дѣйствительно проявляетъ полное самоотреченіе: любимый предметъ оказывается для него выше его самого; онъ становится для него живымъ центромъ его жизни, которому онъ служитъ, нисколько этимъ не унижаясь и которому онъ приноситъ многое въ жертву, щедро и беззавѣтно, нисколько не помышляя объ этихъ жертвахъ. Онъ дѣлаетъ единственное, что ему естественно и неизбѣжно дѣлать; онъ дѣлаетъ необходимое, какъ единственно для него возможное и добровольно-желанное, не думая о другихъ, трусливыхъ и неискреннихъ путяхъ.

Такова настоящая любовь; такъ она дѣйствуетъ и проявляется въ жизни.

Въ такомъ видѣ любовь можно найти иногда, хотя совсѣмъ не часто, и въ обыденной жизни, именно тамъ, гдѣ она проистекаетъ изъ чистаго и цѣльнаго сердца. Никто не умѣлъ живописать людей такого сердца и такой любви столь совершенно, какъ Достоевскій, Лѣсковъ и Шмелевъ въ Россіи, какъ Диккенсъ и Гофманъ въ Западной Европѣ. Но свою настоящую и высшую форму эта любовь пріобрѣтаетъ тогда, когда она *срастается съ духовнымъ опытомъ* или прямо *вырастаетъ* изъ него.

Человѣку доступна двоякая любовь: *любовь инстинкта* и *любовь духа*. Онѣ совсѣмъ не враждебны и не противоположны; но сочетаются онѣ сравнительно рѣдко. Отчасти потому, что многіе люди совсѣмъ не знаютъ духовной любви; отчасти потому, что обѣ эти любви легко вступаютъ въ разнорѣчіе другъ съ другомъ; отчасти еще потому, что болѣе сильная изъ нихъ не даетъ другой развиться и окрѣпнуть и просто подчиняетъ себѣ слабѣйшую. Но сколь же счастливы тѣ люди, у коихъ оба потока любви соединяются въ одинъ и становятся тождественными! Всякое иное счастье на землѣ является по сравненію съ этимъ счастьемъ чѣмъ-то второстепеннымъ.

Отличіе этихъ двухъ видовъ любви совсѣмъ не въ томъ, что одна изъ нихъ есть «чувственная» и потому «земная», другая же посвящена «сверхчувственному» и называется «небесной» или «платонической». Различіе ихъ въ томъ, что любовь инстинкта ищетъ того, что данному человѣку субъективно нравится, съ тѣмъ, чтобы потомъ слѣпо идеализировать это нравящееся и безъ всякаго основанія приписывать ему въ воображеніи всѣ возможныя совершенства; здѣсь все опредѣляется субъективной пріятностью и личнымъ удовольствіемъ, тогда какъ начало качества, достоинства, совершенства отходитъ на второй планъ или не имѣетъ никакого значенія. Формула этой любви приблизительно такова: «этотъ предметъ мнѣ нравится, значитъ ему должно быть присуще всякое совершенство...; милъ — значитъ хорошъ; по милу хорошъ»... Само собой разумѣется, что за этимъ ослѣпленіемъ, за этой наивной идеализаціей слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ раннее или позднее разочарованіе.

Въ отличіе отъ этого, духовная любовь тяготѣетъ къ качеству, достоинству, совершенству. Она не восхваляетъ сослѣпу то, что нравится; но ищетъ подлинно хорошаго и это подлинно хорошее вызываетъ у человѣка чувство любви: это — доброта и благородство души, художественное произведеніе искусства, человѣкъ съ глубокимъ и чистымъ сердцемъ, справедливость, мудрость, величіе и значительность природы, словомъ — божественное совершенство во всѣхъ явленіяхъ, вещахъ, людяхъ, состояніяхъ и поступкахъ... У человѣка, живущаго духовной любовью, чувствующее и чуткое сердце обращено какъ бы отъ природы на объективно-хорошее, на такое, что на самомъ дѣлѣ «добро зѣло»; и эта обращенность сердца на объективное качество, или достоинство вещей — есть всегда нѣкій даръ Божій, который можетъ быть однако укрѣпленъ и развитъ, какъ воспитаніемъ, такъ и самовоспитаніемъ. Такой человѣкъ какъ бы смотритъ въ міръ качественнымъ окомъ, отыскивая подлинное совершенство, находя его, предпочитая его, радуясь ему и насыщаясь духовно только имъ; сердце его утѣшается имъ, наслаждается имъ, любитъ его; оно связываетъ себя съ нимъ, оно испытываетъ его успѣхъ и побѣду, какъ свои; оно всегда готово помочь ему словомъ и поступкомъ, послужить ему, принести ему въ жертву многое другое...

Духовная любовь есть какъ бы нѣкій голодъ души по Божественному, въ какомъ бы обличіи это Божественное ни появилось. Она есть какъ бы вздохъ, призывъ, молитва, обращенная къ духовному небу: «явись! дай мнѣ узрѣть Тебя! откройся! дай мнѣ эту благодать и радость!». И эта молитва, можетъ быть, совсѣмъ не произносится словами, а безмолвно живетъ въ сердцѣ въ видѣ сокровеннаго, легкаго трепета — трепета ожиданія, надежды, вѣчнаго озиранія; или, — у волевыхъ людей, — въ видѣ увѣренности, требованія, настойчивыхъ, неутолимыхъ поисковъ.

Формула этой любви приблизительно такова: «этотъ предметъ хорошъ (можетъ быть даже совершененъ); онъ на самомъ дѣлѣ хорошъ, не только для меня, но и для всѣхъ; онъ хорошъ — объективно; онъ остался бы хорошимъ или совершеннымъ и въ томъ случаѣ, если бы я его не увидѣлъ, или не узналъ, или не призналъ его качество; я слышу въ немъ дыханіе и присутствіе Божественнаго Начала — и потому я не могу не стремиться къ нему; ему — моя любовь, моя радость, мое служеніе» . . .

Выражая это русской простонародной поговоркой, можно сказать: «не по милу хорошъ, а, по хорошу милъ».

Можно бы сказать, что духовная любовь есть не что иное, какъ вкусъ къ совершенству; или — вѣрный душевный о̀рганъ для воспріятія Божественнаго совершенства, какъ въ небесахъ, такъ и на землѣ. Можно было бы сказать, что этотъ вкусъ или о̀рганъ присущи человѣку по благодати Божіей; но въ то же время необходимо было бы добавить, что зачатки такого вкуса или о̀ргана свойственны многимъ (если не всѣмъ!) людямъ «отъ природы», конечно — въ различной степени и силѣ. Одни люди живутъ въ этой духовной интенціи*); они пребываютъ въ ней, любятъ ее, дорожатъ ею; укрѣпляютъ, углубляютъ, очищаютъ ее въ себѣ; и затѣмъ, исходя изъ нея, вѣруютъ и дѣйствуютъ. Напротивъ, другіе пренебрегаютъ ею не дорожатъ ею, не умѣютъ освобождать для нея свой умъ и свое сердце — и потому бредутъ по дикимъ и случайнымъ тропамъ своего неразборчиваго нрава или своей прихоти и похоти.

Изъ всего этого ясно, что духовная любовь совсѣмъ не исключаетъ инстинктивную или чувственную любовь. Она не отрицаетъ ее, а только прожигаетъ ее Божіимъ лучомъ, очищаетъ, освящаетъ и облагораживаетъ. Инстинктъ, примирившійся съ духомъ, участвующій въ его вѝдѣніи и въ его радованіи, не перестаетъ быть инстинктомъ и не отрекается отъ чувственной, плотской любви; онъ утрачиваетъ только тягу къ самовольству, силу буйнаго соблазна и присущую ему духовную безсмысленность. Сила инстинкта и сила духа сочетаются, чтобы не разлучаться; и тогда чувственная любовь становится вѣрнымъ и точнымъ знакомъ духовной близости и духовной любви. «Милъ» и «хорошъ» соединяются: и инстинктъ получаетъ полную свободу считать свое субъективное «нравится» духовно неошибочнымъ. «Небо» какъ бы сходитъ «на землю»; или вѣрнѣе—духъ вселяется въ инстинктъ, и актъ инстинкта становится духовнымъ событіемъ . . .

Понятно, что все то, что мы высказали о любви вообще, относится и къ духовной любви.

---

*) Слово «интенція» выражаетъ сразу и «направленность» и «интенсивность»; значитъ — сосредоточенную направленность, концентрированность.

Въ духовной любви человѣкъ сосредоточиваетъ свои душевныя силы на томъ, что на самомъ дѣлѣ хорошо и совершенно; и вслѣдствіе этого огонь этой любви становится священнымъ пламенемъ.

Это объективно-совершенное есть само Божественное, какъ бы излучившееся въ міръ, въ природу и людей, и вотъ, теперь излучающееся изъ нихъ навстрѣчу ищущей душѣ. Міръ вещей и людей пронизанъ вѣяніями благодати, освѣщенъ и освященъ присутствіемъ Духа Божія. Духовно-слѣпой не видитъ этого свѣта; духовно-мертвенный не осязаетъ этихъ вѣяній. Но душа духовно-разверстая и чуткая внемлетъ имъ, какъ чудной и свѣтлой музыкѣ. Она внемлетъ имъ и въ веселіи полевыхъ цвѣтовъ, и въ благодати первопавшаго и всепростившаго снѣжнаго покрова, и въ молчаніи далекихъ ледяныхъ горъ, «и въ разъяренномъ океанѣ, средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы» (Пушкинъ). Она внемлетъ имъ и въ умиленіи материнскаго сердца, и въ смиреніи кающагося грѣшника, и въ подвигѣ доблестнаго патріота, и въ «созданіяхъ искусствъ и вдохновенія» (Пушкинъ), и въ познавательномъ восторгѣ ученаго аскета. Для духовно-зрячей души вся «эта сотворенная природа» есть не что иное, какъ нѣкая великая «книга», въ которой человѣкъ «когда хочетъ», можетъ читать «словеса Божіи» (Антоній Великій *), ибо нѣтъ въ мірѣ «мѣста или вещества какого, гдѣ бы не было Бога» (Антоній Великій **) и «Богомъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое» (Ап. Павелъ ***).

Два человѣка смотрятъ одновременно въ міръ вещей и людей. И вотъ, одинъ видитъ Бога, а другой не видитъ. Почему? Потому, что увидѣть его можно только тому, кто зажегъ въ самомъ себѣ свѣчу духовной любви и духовнаго вѝдѣнія.

«Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?»

Понимаютъ не всѣ; лишь тотъ —

«Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ
Какъ вѣщій голосъ изловилъ!» ****).

Чтобы увидѣть духовное и священное, надо самому обратиться къ міру изъ духа и святыни; чтобы увидѣть свѣтъ и

---

*) Добротолюбіе. Томъ I стр. 588. Приведено у Евагрія.
**) Добротолюбіе. Томъ I стр. 75, срв. 91 и др.
***) Посланіе къ Колоссянамъ, гл. I, стихъ 16.
****) Веневитиновъ. Поэтъ и другъ.

тайну, надо имѣть въ душѣ органъ для тайны и свѣта. И потому надо укрѣпить и развить въ себѣ этотъ органъ; надо пріобрѣсти око для духа и внутреннее огнилище для любви. И тогда только откроется намъ, что, дѣйствительно, «нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья» *); и станетъ понятно, почему есть не мало людей, которые смотрятъ и не видятъ, или, по Гераклиту, «присутствуя, отсутствуютъ».

«Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!
И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза» **).

Все это означаетъ, что любовь къ совершенному отверзаетъ человѣку очи духа и является первѣйшимъ и главнѣйшимъ источникомъ вѣры въ Бога. Кто что любитъ, тотъ того жаждетъ и ищетъ. А такъ какъ искомое есть Богъ, — подлинно реальное совершенство, — то онъ Его и находитъ. Вотъ что значитъ обѣтованіе: «близъ стою, при дверѣхъ».

Тогда Богъ становится живымъ средоточіемъ человѣческой жизни, ея сокровищемъ, уже обрѣтеннымъ и все же всегда искомымъ; и самъ человѣкъ становится богатъ, какъ обладатель этого сокровища, и въ то же время бѣденъ, какъ вѣчно ждущій его, какъ вѣчный пилигримъ. Здѣсь онъ находитъ доступъ къ духовной реальности, которая открывается ему въ духовномъ опытѣ и не подлежитъ никакой внѣшней «относительности» или условности. Здѣсь онъ обрѣтаетъ неизсякаемый источникъ радости, священной радости, духовнаго блаженства; и ничто внѣшнее не можетъ лишить его этого источника, ибо онъ въ немъ самомъ. Отсюда ведетъ свое начало и свой законъ его жизненная воля; здѣсь онъ научается сильно желать вѣрнаго; здѣсь онъ познаетъ свой долгъ и свои обязанности; здѣсь онъ научается самоотверженному, жертвенному служенію. Въ немъ слагается послѣдняя и глубочайшая основа его личнаго характера; закладывается тотъ камень, на которомъ онъ утвердитъ алтарь своей души. И такъ какъ онъ, какъ всегда всѣ люди, движимые любовью, искренно и сосредоточенно живетъ любимымъ предметомъ, вживаясь въ него, или, по выраженію Церкви, «облекаясь въ него», то его внутреннее существо начинаетъ пріобрѣтать живой оттѣнокъ совершенства, живую освященность, исходящую отъ Бога. Возникаетъ живое единеніе, о которомъ мы уже говорили ***). Человѣкъ не противостоитъ Богу, какъ чуж-

*) Баратынскій. На посѣвъ лѣса.
**) Тютчевъ. «Не то, что мните вы, природа».
***) См. главу первую, раздѣлъ второй.

дому, страшному «инобытію»; онъ воспринимаетъ Его таинственнымъ образомъ въ себя, онъ носитъ Его въ глубинѣ своего сердца, такъ, что человѣкъ освящается присутствующимъ въ немъ Божествомъ, а Богъ какъ бы излучается изъ его сердца и его дѣлъ. По словамъ Ап. Павла: «а соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ» (I Коринѳ. 6, 17).

Именно это имѣлъ въ виду Макарій Великій, когда говорилъ о таинственномъ «срастаніи» или «сраствореніи». Именно это имѣлъ въ виду Гегель, когда утверждалъ, что искренняя и огненная молитва къ Богу является сама по себѣ лучшимъ доказательствомъ бытія Божія, ибо она есть не что иное, какъ живое дѣйствіе Духа Божія въ сердцѣ молящагося человѣка . . . Кто взываетъ къ Богу изъ глубины сердца, въ томъ уже дѣйствуетъ внутренне самъ Господь; и это есть дѣйствительное, опытное и очевидное доказательство Его бытія, послѣ котораго незачѣмъ требовать какого-нибудь другого умственно-разсуждающаго доказательства. Но это доказательство можетъ быть получено только въ личномъ и живомъ духовномъ опытѣ; человѣку же, лишенному этого опыта, оно остается недоступнымъ. Тотъ, кто получилъ этотъ опытъ и это доказательство, тотъ уже никогда не почувствуетъ себя покинутымъ или отверженнымъ: ибо онъ знаетъ, гдѣ и какъ онъ снова найдетъ открывшійся ему доступъ; и онъ сумѣетъ найти его и тогда, если онъ будетъ погибать совсѣмъ одинокимъ въ морской бурѣ, или въ ледяной пустынѣ, или въ самомъ послѣднемъ тюремномъ подземеліи; онъ и въ бѣдѣ найдетъ этотъ путь и въ смерти получитъ духовную опору.

---

2. Любовь какъ путь.

Итакъ, любовь къ совершенному есть источникъ религіозной вѣры. Именно на этомъ пути человѣкъ становится вѣрующимъ въ подлинномъ и чистомъ смыслѣ этого слова.

Нельзя начать вѣровать въ силу логическихъ, отвлеченно умственныхъ доказательствъ или аргументовъ. Разсудочныя доказательства могутъ только разрушить умственныя сомнѣнія, да и то только въ томъ случаѣ, если эти сомнѣнія проистекаютъ изъ умнаго источника и имѣютъ разумныя и предметныя основанія *). Вѣра не дается доказательствами. Ибо источникъ вѣры не въ разсужденіи, а въ предметномъ горѣніи сердца. Въ этомъ основное отличіе православія отъ протестантизма.

Точно такъ же нельзя вѣровать въ силу волевого рѣшенія,— своего собственнаго или чужого (приказа или понуждающаго мучительства). Правда, человѣку, который уже вѣритъ (именно вѣритъ, а не вѣруетъ) или который способенъ начать вѣрить въ порядкѣ самовнушенія (особенно, если ему безразлично, во что собственно «надо» вѣрить) — воля можетъ помочь въ подавленіи сомнѣній или другихъ внутреннихъ противленій. Но къ вѣрованію этотъ путь не ведетъ. Сколько бы человѣкъ ни твердилъ себѣ, что «надо» увѣровать, сердце отъ этого не воспламенится и духовное видѣніе отъ этого не возникнетъ. Однако воля можетъ разбить цѣльность души и этимъ сдѣлать вѣру навсегда недоступною для человѣка; воля можетъ пріучить человѣка къ лицемѣрному оказательству и этимъ извратить его религіозность. Одно несомнѣнно, — что никакое волевое напряженіе не можетъ отверзнуть духовно-незрячія очи и не можетъ вызвать къ жизни глубинный огонь любви. Вѣра не дается волевому нажиму. Ибо источникъ вѣры не въ волевомъ рѣшеніи («буду вѣровать»), а въ силѣ созерцающей любви. Въ этомъ основное отличіе православія отъ католичества.

Человѣкъ можетъ увѣровать, только свободно и подлинно прозрѣвъ, духов-

---

*) Я хочу сказать, что бываютъ сомнѣнія, проистекающія изъ чисто личнаго и при томъ безсознательнаго источника, неустранимыя и неутолимыя никакими доказательствами, вѣчно возникающія вновь и наслаждающіяся собою, подобно нелѣпымъ вопросамъ «почему?» у маленькихъ дѣтей.

но прозрѣвъ сердцемъ, или, иначе, — узрѣвъ Бога въ горѣніи свободной и искренней любви. Но это каждый изъ насъ долженъ пережить самъ въ себѣ и за себя. Правда, горящая вѣра одного, изливаясь въ его словахъ и дѣлахъ, можетъ вызвать огонь въ другихъ сердцахъ; но въ этихъ другихъ сердцахъ огонь долженъ появиться дѣйствительно, какъ живое и самостоятельное пламя, а не только въ видѣ «подражанія» или внушающаго «зараженія». Тогда только духовная любовь можетъ вызвать въ душѣ духовное прозрѣніе (какъ бываетъ у однихъ людей) или же (какъ бываетъ у другихъ) духовное прозрѣніе вызоветъ къ жизни пламя вѣры. Тогда вѣра сможетъ превратиться въ средоточіе души и въ дѣйствительный путь жизни.

Вѣра станетъ главнымъ въ жизни; не въ смыслѣ церковнаго богослуженія, — ибо совсѣмъ не всѣ люди призваны къ духовному сану, — а главнымъ источникомъ настроеній, рѣшеній, словъ и дѣлъ. Вѣра вдохновитъ и направитъ волю; раскроетъ уму и воображенію новые горизонты; облагородитъ жизнь чувства и воспитаетъ, освящая и одухотворяя, чувственную жизнь человѣка. Она станетъ какъ бы въ центрѣ душевнаго круга или жизненнаго шара; и разошлетъ по всей периферіи, какъ бы живыми радіусами свои лучи, въ видѣ всепроникающаго свѣта, вскрывающаго во всемъ духовный смыслъ и особую, не выставляющуюся на показъ, религіозную значительность. И отъ этого постепенно, но окончательно вытравится изъ жизни главный источникъ безбожія и главный врагъ духовности — пошлость.

У вѣрующаго человѣка открыто духовное зрѣніе, отличающее добро отъ зла, совершенное отъ несовершеннаго. И потому онъ видитъ Бога: ибо Богъ есть добро и совершенство.

У вѣрующаго человѣка на таинственномъ и скрытомъ отъ глазъ «жертвенникѣ душевномъ» (Григорій Синаитъ) горитъ огонь; это его духовная любовь, ведущая его и заставляющая его прилѣпиться къ совершенному. И потому онъ не только видитъ Бога, но и любитъ его по завѣту Евангелія «всѣмъ сердцемъ», «всею душою», «всѣмъ разумѣніемъ» и «всею крѣпостью» (т. е. волею своею *)

И какія же доказательства или опроверженія другихъ людей, могли бы убѣдить его, будто онъ «не видитъ» и «не любитъ Бога», когда онъ и видитъ и любитъ Его, во всей подлинной реальности Его подлиннаго совершенства и во всѣхъ его таинственныхъ, но благодатныхъ излученіяхъ въ міръ людей и вещей? Осязая духомъ Его дѣйствіе во мнѣ, воспринимая и созерцая Его въ моемъ живомъ и подлинномъ духовномъ опытѣ, какъ могу я не увѣровать въ Него, или перестать въ Него вѣровать? Источникъ удостовѣренія во мнѣ самомъ; этотъ источникъ имѣетъ характеръ живого опыта, который

*) Мтѳ. XXII. 37—40. Мрк. XII. 29—31. Луки X. 26—28.

глубже и первоначальнѣе всякаго умственнаго доказательства, всякаго отвлеченнаго опроверженія . . .

Естественно, что человѣкъ, достигшій этой ступени въ своемъ внутреннемъ опытѣ и увѣровавшій въ Бога, почувствуетъ острую потребность узнать о Богѣ болѣе того, что даетъ этотъ достовѣрный и пламенный, но можетъ быть недостаточно опредѣленный духовный опытъ. Онъ непремѣнно спроситъ себя: что же открывается мнѣ — безличное Божество на подобіе Огня Гераклита или Субстанціи Спинозы, или личный Богъ, какъ о немъ учитъ христіанство? И если это личный Богъ, то какъ птрдставить себѣ Его? Какъ сочетать личное начало въ Богѣ съ его вездѣприсутствіемъ? Возможно ли увидѣть и уразумѣть отношеніе Бога къ міру и къ человѣческому роду, и отношеніе человѣческаго рода къ Богу? И какъ удостовѣриться живымъ опытомъ и духовнымъ вйдѣніемъ въ томъ, что христіанская православная Церковь содержитъ религіозную истину?

Само собою разумѣется, что отвѣтить исчерпывающимъ образомъ на всѣ эти вопросы можно было бы только въ видѣ цѣлаго догматическаго богословія; но и его было бы недостаточно: надо было бы обратиться къ духовнымъ путямъ восточной православной аскетики и попытаться воспроизвести въ собственномъ живомъ опытѣ (конечно въ мѣру личныхъ силъ) ея созерцательную практику. Все это не входитъ въ нашу задачу. Мы должны ограничиться здѣсь слѣдующими путеводными указаніями.

Ни одинъ человѣкъ изъ жившихъ или живущихъ на землѣ не можетъ считать свою вѣру совершенной и законченной — ни по глубинѣ и объему ея, ни по ея содержанію. Напротивъ, каждый остается до конца строителемъ своей вѣры и Божіимъ ученикомъ. И чѣмъ искреннѣе и скромнѣе онъ въ своемъ ученичествѣ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его строительство, тѣмъ большаго онъ достигнетъ — и въ углубленіи своей вѣры, и въ раскрытіи и обогащеніи ея содержанія.

Ни одинъ человѣкъ не имѣетъ основанія полагаться въ этомъ на свои личныя, одинокія силы; ибо онъ можетъ быть увѣренъ, что всей жизни его, даже сосредоточенной и напряженной, не хватитъ на испытаніе Божіихъ тайнъ: «длиннѣй земли мѣра Его» *). Поэтому каждому человѣку надлежитъ присмотрѣться къ строенію своего религіознаго акта (умъ ли въ немъ преобладаетъ, воля, или воображеніе, или горѣніе сердца и созерцаніе любви? . . .); и прислушаться къ тѣмъ содержаніямъ, которыя несетъ ему духовный опытъ. И присмотрѣвшись, и прислушавшись — избрать себѣ наиболѣе сродную имъ религію и церковь, и вступить въ эту церковь и въ эту религію, въ качествѣ уже вѣрующаго, но еще недостаточно и несовершенно вѣрующаго ученика. Можно предположить, что строеніе его религіознаго акта будетъ наиболѣе близко къ вѣрѣ его отцовъ; но въ жизни бываетъ и иначе. Необходимо установить при этомъ, что чѣмъ больше его вѣра будетъ питать-

*) Лѣсковъ. Захудалый родъ, стр. 164.

ся горѣніемъ сердца и созерцаніемъ любви, тѣмъ ближе окажется ему Православное Христіанство.

Быть ученикомъ въ вопросахъ вѣры не значитъ заучивать формулы по указанію авторитетовъ; но значитъ бережно и отвѣтственно углублять, очищать и расширять свое духовное чувствилище и его содержанія; это значитъ припасть къ духовно-религіозному опыту данной церкви, какъ къ нѣкоей «неупиваемой чашѣ» (Шмелевъ), и пить содержащуюся въ ней мудрость и зоркость — мѣрою, лично доступною и цѣлительною. Такое ученичество не только не постыдно и не унизительно, а наоборотъ, — оно въ смиреніи своемъ мудро и въ цѣлительности своей возносяще.

Къ какому бы исповѣданію не прильнулъ человѣкъ, къ какой бы религіи онъ не приложился, онъ будетъ поддерживать общеніе съ Богомъ. Это общеніе есть молитва. Опытъ молитвы и отвѣтитъ ему на всѣ поставленные имъ вопросы.

Такъ, если вѣра его построена на духовной любви, то она откроетъ ему, что Богъ есть духъ и любовь; что всюду и всегда, гдѣ онъ коснется духа и любви въ другихъ вещахъ и людяхъ, — онъ коснется какъ бы ризы Божіей; и что каждый разъ, какъ онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ вѣяніе духа и трепетъ любви, — онъ пріобщается Богу живому. Онъ убѣдится, что главное и священное въ немъ самомъ, то, что составляетъ подлинную сущность его личности, — не только подобно Божіему естеству, но что онъ самъ есть искра этого пламени, водная капля изъ этого источника, живое и личное существо (индивидуація), сродное этому Духу. Тогда онъ скажетъ: «я есмь жизнь отъ Твоей Жизни и духъ отъ Твоего Духа; и то, чего я хочу духомъ моимъ, — есть Твоя Воля; и Твоему Дѣлу я хочу служить отнынѣ и до конца; и такъ, какъ я люблю Тебя, — такъ, но еще безконечно совершеннѣе, я хочу быть любимымъ Тобою». И одна эта молитва покажетъ ему, что онъ услышанъ Богомъ и любимъ Имъ. И онъ впервые убѣдится, что Богъ есть Богъ личный и живой. Ибо воззвать и быть услышаннымъ; молиться и чувствовать, что молитва дошла и принята; раскрыть свое сердце и почувствовать себя прощеннымъ и исцѣленнымъ — значитъ вступить въ личное общеніе съ личнымъ Богомъ. И, памятуя объ условности и несовершенствѣ всѣхъ земныхъ мѣрилъ и словъ, онъ впервые скажетъ о Богѣ «Отецъ», а себя почувствуетъ «сыномъ» этого Отца, состоящимъ въ его неизъяснимой и благодатной любви.

Только духомъ можно познать Духъ, какъ высшее естество и существо всѣхъ вещей и людей. Только черезъ живую, огненную любовь можно познать, что Богъ есть Любовь. Только тотъ, кто чувствуетъ себя «сыномъ» въ духѣ и любви, можетъ воззвать къ Отцу.

И тотъ, кто разъ испытаетъ и постигнетъ это, и послѣ этого прочтетъ и прочувствуетъ Евангеліе, тотъ увидитъ во Христѣ подлиннаго, единороднаго Сына Божія и приметъ его духомъ, любовію и вѣрою.

---

3. Любовь и вѣра.

Въ этомъ описанiи нѣтъ никакихъ отвлеченныхъ выдумокъ или произвольныхъ построенiй. И въ томъ, что здѣсь изложено, нѣтъ безотвѣтственнаго фантазированiя или темнаго суевѣрiя. Здѣсь свѣтъ разума не меркнетъ; здѣсь только устранены сумерки плоскаго разсудка и предоставлена свобода опыту сердца. Здѣсь все покоится на живомъ, подлинномъ, духовномъ опытѣ. И было бы хорошо, скромно и разумно, если бы тотъ, кто не пережилъ этого духовнаго опыта, и не хочетъ прiобрѣсти и пережить его, — воздержался бы отъ сужденiй и отказался бы отъ праздной, иронической критики. Человѣкъ, не воспринявшiй Iисуса Христа духомъ и любовiю, поступилъ бы лучше всего, если бы судилъ о Христѣ и христiанствѣ съ чрезвычайной осторожностью и отнюдь не причислялъ бы себя къ врагамъ христiанства. Часто, слишкомъ часто безбожникъ является безбожникомъ только потому, что онъ е щ е н е выработалъ въ себѣ духовнаго созерцанiя и держится невѣрнаго мнѣнiя, будто такой душевной способности нѣтъ и не можетъ быть. Если я не знаю, гдѣ дорога въ Iерусалимъ, — могу ли я заключать изъ своего незнанiя, что ни Iерусалима, ни дороги къ нему вообще не существуетъ? Или, если знающiй эту дорогу, затрудняется описать ее другому, то можно ли отсюда дѣлать выводъ, что онъ этой дороги совсѣмъ не знаетъ, или что онъ просто обманщикъ? Не всякiй, живущiй духовнымъ опытомъ и духовной любовью, можетъ научить другихъ этому опыту и этой любви или описать ихъ, обосновать ихъ и раскрыть ихъ сущность; для этого нужны особыя способности и дары. Но кто беретъ на себя эту задачу, тотъ долженъ быть въ самомъ дѣлѣ мастеромъ духовнаго опыта; онъ долженъ умѣть жить, воспринимать и созерцать въ духовной любви; ибо, если онъ этого не умѣетъ, то онъ не можетъ быть ни учителемъ, ни духовнымъ воспитателемъ.

Итакъ, духовный опытъ, этотъ живой источникъ вѣры и религiи — не есть ни выдумка, ни суевѣрiе. Онъ есть подлинная реальность; и каждый можетъ и призванъ пережить его, удостовѣриться въ немъ и усвоить его (конечно, каждый по-своему и въ своихъ предѣлахъ). И тогда онъ увидитъ, что изъ этого источника дѣйствительно проистекаетъ благодатный потокъ въ человѣческую жизнь и во всю человѣческую культуру.

Въ строеніи и осуществленіи духовнаго опыта отдѣльные люди и народы не похожи другъ на друга *). Такъ напримѣръ, исторія знаетъ цѣлые народы, которые искали «совершенства» прежде всего и больше всего въ чувственномъ созерцаніи (греки); вслѣдствіе этого они создали религію óбразной красоты и боги ихъ остались пластическими, человѣкообразными индивидуальностями, носителями силы, духовно- и нравственно-несовершенными существами, несмотря на законченность ихъ красоты и величія. Наряду съ этимъ исторія отмѣчаетъ такіе народы, которые искали «совершенства» въ соблюденіи законовъ и обрядовъ, предписанныхъ имъ высшимъ авторитетомъ (іудеи); вслѣдствіе этого они создали религію строжайшей обрядности; и даже глубокія нравственныя прозрѣнія ихъ позднѣйшихъ пророковъ не могли ни измѣнить, ни отмѣнить выработанное ими національное пониманіе религіи . . .

Еще гораздо многообразнѣе духовные пути отдѣльныхъ людей. Есть люди, которые ухватываютъ край ризы Божіей въ искусствѣ и черезъ искусство; они понимаютъ и осуществляютъ искусство, какъ особый способъ видѣть и изображать божественную сущность міра и человѣка. Наряду съ ними есть другіе люди, которымъ вдохновеніе благороднаго искусства говоритъ очень мало; но зато сердце ихъ расцвѣтаетъ въ живой любви къ ближнему, такъ, что они приходятъ къ духовному опыту и созерцанію Бога именно на этомъ пути. Есть люди, которымъ свѣтъ Божій дается въ созерцаніи справедливости и права, въ мудромъ, неподкупномъ, художественно-чуткомъ правосудіи; другіе находятъ тотъ же лучъ Божій въ мужественномъ и терпѣливомъ несеніи страданій **); иные созерцаютъ мудрость Божію въ природѣ и ея таинственно-прекрасной жизни ***); иные вступаютъ съ Богомъ въ непосредственное общеніе въ изліяніи простой, одинокой, искренней молитвы... Ни одинъ изъ этихъ путей не подлежитъ отверженію; каждый изъ нихъ можетъ и долженъ привести человѣка въ священное средоточіе вѣры, къ Богу, Отцу всяческихъ. Евангеліе объемлетъ всѣ эти пути, и всякіе иные пути, говоря: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ; и всею крѣпостью твоею»; и затѣмъ: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» (Матѳея 22, 37. Марка 12, 29–30. Луки 10, 26–28).

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что духовная любовь и духовный опытъ даются не всѣмъ людямъ въ одинаковой мѣрѣ и въ одинаковомъ видѣ. Они сами (и любовь, и опытъ) суть дары благодати, и кому они даются «сами собой», какъ бы «отъ природы», тотъ не имѣетъ заслуги. Однако возможно и необходимо беречь этотъ даръ, растить его, открывать ему до-

---

*) См. объ этомъ въ главѣ седьмой.

**) Срв. «Живыя мощи» Тургенева.

***) Срв. напр. у Гете: «Неужели ты не видишь Бога? У каждаго тихаго родника, подъ каждымъ цвѣтущимъ деревомъ я нахожу Его со всею теплотою Его любви». См. также особенно безсмертную книгу Фехнера: «Нанна или жизнь растеній».

ступъ во всѣ внутреннія пространства души и предоставлять ему водительство въ жизни. И подобно этому возможно и необходимо передавать этотъ духовный свѣтъ другимъ людямъ, никогда не думая о томъ, что можетъ быть есть на свѣтѣ такіе, которые на вѣки лишены благодати: ибо, если бы даже существовали на свѣтѣ такіе люди, то кто же изъ насъ знаетъ этихъ несчастныхъ? А опытъ свидѣтельствуетъ о томъ, что огонь духа, проникая въ сердце зачерствѣлаго человѣка, способенъ зажечь его и притомъ именно потому, что подъ ста дурными слоями таинственно тлѣла Божія искра.

А разъ живая и подлинная вѣра возникнетъ изъ духовной любви и укрѣпится въ духовномъ созерцаніи, то она непремѣнно захватитъ послѣднюю глубину человѣческаго существа и проникнетъ изъ нея во всѣ сферы личной жизни. Духовная вѣра какъ бы отверзаетъ у человѣка новыя очи; или натягиваетъ въ его душѣ новыя струны и заставляетъ ихъ звучать; возникаютъ новыя, болѣе благородныя утонченныя потребности; онъ начинаетъ видѣть и постигать то, что остается скрытымъ отъ невѣрующихъ людей — стихію священнаго въ человѣческихъ душахъ и въ мірѣ вещественной природы. Само собой разумѣется, что духовно вѣрующій человѣкъ видитъ и все то, что умѣетъ наблюдать невѣрующій; но наряду съ этимъ и сверхъ этого онъ видитъ въ мірѣ и въ человѣческой исторіи нѣкій высшій смыслъ, другіе, высшіе и могущественнѣйшіе законы, правящіе міромъ: законы Провидѣнія, Духа и божественныхъ цѣлей, а также законы человѣческой свободы, подвига, правоты и грѣха . . . ; въ общемъ и цѣломъ — особый міръ, таинственно скрытый въ видимомъ мірозданіи; міръ въ который духовно живой человѣкъ всю жизнь всматривается, какъ сквозь завѣсу, и къ которому онъ прислушивается, какъ бы издали. Изъ этого вниманія, изъ этого зрѣнія и слуха и возникло все великое, созданное людьми въ ихъ исторіи.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что изъ этой области текутъ благодатныя, творческія струи въ человѣческую жизнь и во всю человѣческую культуру. Въ этомъ потокѣ, который изнутри проникаетъ, облагороживаетъ и освящаетъ всѣ человѣческія дѣла и созданія, — все раждается какъ бы заново: все получаетъ священное значеніе, глубокій смыслъ, внутреннюю, неколеблющуюся опору, духовную вѣрность и побѣждающую силу. Именно къ этому зоветъ нашъ ясновидящій Тютчевъ:

«Приди, струей его эѳирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!».

Но если этотъ мигъ придетъ, то онъ навѣрное повторится и упрочится. А если онъ овладѣетъ душой, тогда вся несостоятельность безбожнаго искусства, богоотрицающей науки, противодуховной политики и черствой, антисоціальной обществен-

ности — обнаружится воочію и покажется сущимъ мракомъ и крушеніемъ по сравненію съ культурой, религіозно овѣянной и освященной.

Итакъ, человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры. Но безъ вѣры въ Бога жизнь человѣческая становится безплодной, пошлой и разрушительной, — мнимой жизнью, ведущей къ безчисленнымъ страданіямъ и всеобщему разложенію.

Путь же къ вѣрѣ и къ Богу именуется духовной любовью. И первое, что она можетъ и должна дать, — есть свобода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О СВОБОДѢ.

«Скажи имъ таинство свободы» . .

Хомяковъ.

1. Внѣшняя свобода.

Изслѣдуя вопросъ о вѣрѣ, я пытался показать, что вѣруя въ Бога, человѣкъ создаетъ свой реальный жизненный центръ и строитъ, исходя изъ него, свою душу: благодаря этому онъ самъ становится живымъ духовнымъ единствомъ, съ единственнымъ центромъ и неколеблющимся строеніемъ, — онъ пріобрѣтаетъ зрѣлый и законченный духовный характеръ. На этомъ пути онъ обрѣтаетъ священную и главную цѣль своей жизни, которою стòитъ жить, за которую стоитъ бороться и въ борьбѣ за нее — отдать свою жизнь: эта главная цѣль его жизни именуется дѣломъ Божіимъ на землѣ, т.е. дѣломъ религіозно осмысленной духовной культуры.

Оказывается, что вѣра совсѣмъ не есть просто нѣкоторое «ощущеніе» или «чувство». Напротивъ, она есть нѣкій цѣлостный жизненный опытъ, нѣкое міросозерцаніе и система дѣйствій; она вовлекаетъ въ свой процессъ и волю, и мысль, и слово, и дѣло — все сразу, всего человѣка цѣликомъ: ибо вѣра исходитъ изъ послѣдней глубины человѣческаго существа и потому неизбѣжно захватываетъ всего человѣка. Только при этомъ условіи вѣра становится дѣятельной, творческой вѣрой: укорененной, искренней, цѣльной и побѣдной.

Но для того, чтобы вѣра возникла, и разгорѣлась, и приняла такую силу и обличіе, — человѣкъ долженъ быть въ своей вѣрѣ свободенъ.

Что значитъ — «свободенъ»? Какая свобода имѣется здѣсь въ виду? Свобода отъ чего и ради чего?

Здѣсь имѣется въ виду прежде всего внѣшняя свобода человѣческой личности. Не свобода дѣлать все, что кому захочется, съ тѣмъ, чтобы другіе люди не смѣли никому и ни въ чемъ мѣшать; но свобода вѣры, воззрѣній и убѣжденій, въ которую другіе люди не имѣли бы права вторгаться съ насильственными предписаніями и запрещеніями; иными словами — свобода отъ недуховнаго и противодуховнаго давленія, отъ принужденія и запрета, отъ грубой силы, угрозы и преслѣдованія. Въ виду того, что здѣсь дѣло идетъ объ огражденіи извнѣ духовнаго опыта и вѣры, такую свободу можно обозначить какъ «внѣшнюю» или «отрицательную»; она ограждаетъ интим-

ный и глубокій процессъ богоисканія отъ насилія со стороны другихъ людей и постольку ее можно обозначить еще и какъ «общественную» *) . . . Ея формула можетъ быть выражена такъ: «не заставляй меня насильственно, не принуждай меня угрозами, не запрещай мнѣ, не прельщай меня земными наградами и не отпугивай меня наказаніями . . . ; предоставь мнѣ самому — испытать божественность Божественнаго, увѣровать въ Бога и свободно принять Его законъ моимъ сердцемъ и моей волею» . . . Эта формула требуетъ для человѣка «религіозной автономіи» (букв. съ греческаго — «самозаконія» **), въ отличіе отъ «гетерономіи» (съ греч. «чужезаконія», т. е. предписанія или запрещенія, идущаго отъ другихъ людей).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что человѣкъ въ своемъ общественномъ воспитаніи и въ государственной жизни безусловно нуждается въ гетерономныхъ, т. е идущихъ извнѣ, предписаніяхъ и запрещеніяхъ, при чемъ эти предписанія и запрещенія должны быть часто поддержаны угрозою, а иногда подкрѣплены силой и принужденіемъ ***). Пока люди не научатся самостоятельно преображать зарождающіяся въ ихъ собственной душѣ дурныя влеченія; пока они не научатся обезсиливать чужія дурныя намѣренія при помощи любви, ласковаго взгляда и добраго слова, превращая чужую злобу въ благородную доброту (а когда это будетъ?! . . . и будетъ ли?! . . .), до тѣхъ поръ въ этомъ порядкѣ ничего не измѣнится. Однако, если бы люди и научились этому, гетерономные приказы и запреты не исчезли бы изъ жизни, — ибо ни воспитаніе дѣтей, ни созданіе прочныхъ и большихъ общественныхъ организацій, покоящихся на положительномъ правѣ (отъ научнаго общества до государства и международной организаціи включительно) не могутъ обходиться безъ такихъ гетерономныхъ правилъ.

Но духовная любовь, вѣра въ Бога и вообще личныя убѣжденія не создаются такими приказами и запретами. Всякое чужое принужденіе, — въ чемъ бы оно ни выражалось и какія бы формы оно ни принимало,—подходитъ къ человѣку «извнѣ» и надвигается на него въ извѣстномъ смыслѣ «сверху», т. е. въ порядкѣ обязывающаго авторитета; поэтому оно оказывается неспособнымъ захватить послѣднюю глубину сердца, пробудить ее и обратить къ Богу. На такое давленіе, приходящее «извнѣ» и «сверху», внутреннее ядро человѣка отвѣчаетъ обычно сопротивленіемъ и возмущеніемъ, или, еще хуже, — ожесточеніемъ, упрямствомъ и ненавистью. Тогда подавленный человѣкъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться своею свободой изъ глубины и по существу, вмѣ-

---

*) Обычно ей усваиваютъ названіе «свободы совѣсти», что совсѣмъ не точно.

**) Только по недоразумѣнію можно противопоставлять этому «религіозному самозаконію» (автономіи), «теономію» (богозаконіе); ибо всякое «богозаконіе» можетъ состояться только автономно.

***) См. подробное развитіе и обоснованіе этого взгляда въ моей книгѣ «О сопротивленіи злу силою».

сто того, чтобы строить по своему свой духовный опытъ, — начинаетъ взывать къ формальной свободѣ, ссылается на свое неотъемлемое право и вступаетъ въ борьбу за него; и если бы даже налагаемые на него приказы и запреты содержали самоё единую и единственную религіозную истину, — то и въ этомъ случаѣ они не только не открыли бы его душу для пріятія ея, но замкнули бы его душу въ слѣпотѣ и глухотѣ . . .

Запретъ и принужденіе, угроза и страхъ могутъ вынудить у человѣка только лицемѣрную «любовь» и лицемѣрную «вѣру»; а эти вынужденныя, показныя, неискреннія проявленія, скрываютъ за собою или прямое лукавство, или же испуганное, мертвѣющее сердце; и всѣ усилія и нажимы власти достигаютъ только того, что истинная любовь и истинная вѣра гибнутъ или совсѣмъ не возникаютъ въ человѣческой душѣ: въ ней все становится искусственнымъ, натянутымъ, раздвоеннымъ, фальшивымъ и потому — безсильнымъ и, въ сущности говоря, к о щ у н с т в е н н ы м ъ; ибо священное требуетъ искренности, и Божественное не терпитъ расчетливаго притворства или лицемѣрія . . .

Въ этомъ ничего не мѣняется и въ томъ случаѣ, если человѣкъ, поставленный подъ угрозу и принужденіе, принимаетъ внутреннее рѣшеніе — принудить самого себя усиліемъ воли къ «любви» и «вѣрѣ», т. е. заставить себя насильственно разлюбить любимое и полюбить нелюбимое, или разувѣриться въ томъ, во что онъ вѣритъ, и повѣрить въ то, во что ему не вѣрится. Это не удастся ему. Ибо на самомъ дѣлѣ въ органически здоровой душѣ — воля не можетъ породить любовь и вѣру *); напротивъ, она сама получаетъ свое горѣніе и освященіе изъ священнаго огня н е в ы н у ж д е н н о й л ю б в и и с в о б о д н о й в ѣ р ы.

Несомнѣнно, воля можетъ жить, господствовать и вести человѣка и б е з ъ л ю б в и, но тогда она оказывается холодной и сухой, формальной и безжалостной. Воля можетъ обходиться и б е з ъ в ѣ р ы, но тогда она оказывается оторванной отъ духа и святыни, безпринципной и безнравственной, чѣмъ-то вродѣ испорченнаго автомата или звѣря, вырвавшагося изъ клѣтки. Можно даже рѣшиться на такой опытъ: не любя, притвориться любящимъ и дѣйствовать изъ притворной любви; и не вѣруя, симулировать вѣру и подражать во всемъ вѣрующимъ, — все это въ тщетной надеждѣ, что можетъ быть когда-нибудь потомъ, вслѣдствіе такого притворства и такихъ неискреннихъ усилій, любовь и вѣра присоединятся къ этимъ упражненіямъ; такіе люди начинаютъ съ вынужденныхъ внѣшнихъ поступковъ и надѣются привлечь этимъ въ душу священный огонь. Иногда такія неискреннія упражненія приводятъ къ ряду общественно полезныхъ дѣйствій, особенно въ сферѣ такъ называемой «общественной благотворительности». Но ни одно изъ этихъ дѣйствій не входитъ полноцѣннымъ звеномъ въ жи-

*) Католическое воззрѣніе, лежащее въ основѣ всей средневѣковой инквизиціи и крѣстовыхъ походовъ противъ еретиковъ.

вую цѣпь Божьяго дѣла на землѣ . . . И если бы впослѣдствіи священный огонь любви и вѣры вспыхнулъ однажды надъ такими лицемѣрными и мертвыми дѣлами, то оказалось бы, что человѣкъ любитъ лишь съ того мига, когда его сердце загорѣлось изнутри; и что вѣра его началась лишь съ того момента, когда глубина его души была искренно захвачена и свободно обратилась къ Богу. Все же прочее, до этого, оставалось с и с т е м о й л и ц е м ѣ р і я.

Никогда еще ни одному человѣку не удалось и никогда ни одному не удастся полюбить на основаніи приказа, или искоренить въ себѣ вѣру на основаніи запрета. И если любовь возникаетъ п о с л ѣ приказа, то она возникаетъ н е п о п р и к а з у, а в о п р е к и ему и н е з а в и с и м о отъ него: т. е. любовь приходитъ сама, а приказу не удается помѣшать ей и сдѣлать ее невозможною. И если вѣра исчезаетъ п о с л ѣ запрета, то она исчезаетъ н е н а о с н о в а н і и его, но на основаніи другихъ душевныхъ переживаній, а можетъ быть и вслѣдствіе того, что она была м н и м а я и что на самомъ дѣлѣ ея вовсе не было.

Божественный огонь въ человѣкѣ, который въ немъ любитъ, вѣруетъ и творитъ, — не можетъ быть ни произвольно вынужденъ, ни произвольно погашенъ; все, чего здѣсь можно достигнуть,—и то лишь вслѣдствіе человѣческой слабости и робости, — это временнаго умалчиванія о немъ, воздержанія отъ внѣшнихъ высказываній и проявленій (т. е. ухода въ душевную катакомбу).

Есть законъ, который надо продумать и усвоить разъ навсегда: в н ѣ ш н е е д а в л е н і е, со всѣми его угрозами, насиліями и муками, и д у х о в н ы й о г о н ь во всей его непроизвольности и священной властности, — чужеродны другъ другу («гетерогенны»); они суть проявленія различныхъ силъ и сферъ, при чемъ высшая сила (духъ) — властна надъ низшею, она можетъ вызвать ее къ жизни и остановить ее изнутри; но низшая сфера не властна надъ высшей: внѣшней силѣ подчинено только внѣшнее. Вотъ почему правъ Шопенгауэръ, когда онъ говоритъ: «Вѣра подобна любви, ее нельзя вынудить. И потому это рискованная затѣя — пытаться ввести ее при помощи государственныхъ мѣропріятій» . . . И правъ русскій поэтъ, сказавшій о духовномъ творчествѣ:

«Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнётъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!» *).

Безъ этой свободы человѣческая жизнь не имѣетъ ни смысла, ни достоинства; и это самое главное. Смыслъ жизни въ томъ, чтобы л ю б и т ь, т в о р и т ь и м о л и т ь с я. И вотъ, безъ свободы нельзя ни молиться, ни творить, ни любить.

---

*) Графъ А. К. Толстой. Іоаннъ Дамаскинъ. X.

1 Вѣровать и молиться можно только самому, по доброй волѣ, искренно, изъ глубины. Нельзя молиться по приказу и не молиться по запрету. Молитва по приказу не нужна ни Богу, ни себѣ, ни людямъ; и тотъ, кто запрещаетъ молиться, дѣлаетъ вредное противорелигіозное дѣло. Отсюда—свобода вѣрованія, исповѣданія и любви.

2. Любить можно только самому, искренно, по доброй волѣ, изъ глубины. Нельзя любить Бога, родину и людей по приказу и перестать любить въ силу запрета. Вынужденное оказательство преданности, расчетливый, казенный патріотизмъ — есть притворство и обманъ; такое притворство ни къ чему хорошему не ведетъ; такой обманъ никому не нуженъ. Любовь не загорается по повелѣнію и не угасаетъ по предписанію; она невынудима; и притомъ всякая любовь, и ко всему: и къ Богу, и къ людямъ, и къ дѣлу, и къ природѣ, и къ идеямъ. Отсюда — свобода духовной любви и убѣжденій.

3. Творить можно только по вдохновенію, изъ глубины, свободно. Нельзя творить по приказу или не творить по запрету. Вспомнимъ жалобы Іоанна Дамаскина, которому старецъ запретилъ вдохновенное пѣніе:

Передъ моимъ тревожнымъ духомъ
Тѣснятся образы толпой,
И въ тишинѣ, над чуткимъ ухомъ
Дрожитъ созвучій мѣрный строй;
И я, не смѣя святотатно
Ихъ вызвать въ жизнь изъ царства тьмы,
Въ хаоса ночь гоню обратно
Мои непѣтые псалмы . . .
    Живымъ палимое огнемъ,
    Мятется сердце непокорно . . .
И казнью сталъ мнѣ праздный даръ,
Всегда готовый къ пробужденью . . . *)

И такъ во всемъ. Какъ предписать законы вдохновенію? **). Какъ подавить ищущую мысль разума? Можно ли вынудить живой и полноцѣнный, нравственно-творческій поступокъ? Что стóитъ жизнь безъ творчества, творчество безъ вдохновенія, вдохновеніе безъ свободы? Отсюда — свобода духовнаго творчества.

Непризнающій этой свободы и такой свободы, какъ основы жизни и какъ духовной необходимости, — приравниваетъ человѣка животному, умаляетъ человѣческое достоинство. Онъ заставляетъ человѣка лгать — Богу, себѣ и людямъ. Онъ искажаетъ естество человѣка, превращаетъ людей въ чернь и, создавая инквизицію или

*) Графъ А. К. Толстой. Іоаннъ Дамаскинъ. VI, срв. V и VII.
**) Срв. у Пушкина. Родословная моего героя. «Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ» . . . Срв. также «Поэту». Сонетъ.

тиранію, готовитъ себѣ самому и своему народу печальное будущее.

Свобода есть воздухъ, которымъ дышитъ вѣра и молитва. Свобода есть способъ жизни, присущій любви. Отвергать это можетъ лишь тотъ, кто никогда не вѣровалъ, не молился, не любилъ и не творилъ; но именно поэтому вся жизнь его была мракомъ, и проповѣдуемое имъ искорененіе свободы служитъ не Богу, а бѣсу. Не потому ли такихъ людей и называютъ «мракобѣсами»?

Однако не означаетъ ли это, что человѣку подобаетъ ф о р м а л ь н а я и б е з м ѣ р н а я свобода? Не есть ли это свобода творческаго р а з н у з д а н і я, свобода разврата въ любви, свобода религіозныхъ извращеній и безчинствъ?

---

2. Внутреннее освобожденіе.

Понимать «внѣшнюю свободу» человѣческаго духа, какъ формальную и безмѣрную — было бы глубокой и опасной ошибкой: ибо внѣшняя свобода («не заставляй, не прельщай, не запрещай, не запугивай»...) дается человѣку именно для внутренняго самоосвобожденія; именно отъ него она получаетъ свое истинное значеніе и свой глубокій смыслъ.

Что же есть «внутренняя» свобода?

Если внѣшняя свобода устраняетъ насильственное вмѣшательство другихъ людей въ духовную жизнь человѣка, то внутренняя свобода обращаетъ свои требованія не къ другимъ людямъ, а къ самому,—вотъ уже внѣшне-нестѣсненному,—человѣку. Свобода, по самому существу своему, есть именно духовная свобода, т. е. свобода духа, а не тѣла и не души. Это необходимо однажды навсегда глубоко продумать и прочувствовать, съ тѣмъ, чтобы впредь не ошибаться самому и не поддаваться на чужіе соблазны.

Тѣло человѣка несвободно. Оно находится въ пространствѣ и во времени, среди множества другихъ тѣлъ и вещей, — то огромныхъ, какъ планеты; то большихъ, какъ горы; то небольшихъ, какъ животныя и люди; то мельчайшихъ, какъ пылинки, бактеріи и т. д. Все это дѣлаетъ тѣло человѣка— несвободнымъ въ движеніи; смертнымъ и распадающимся по смерти; и всегда подчиненнымъ всѣмъ законамъ и причинамъ вещественной природы. Эти законы человѣкъ можетъ комбинировать или себѣ на пользу, или себѣ во вредъ на погибель; но создавать и нарушать ихъ онъ не можетъ. Онъ можетъ не знать о нихъ, или забыть объ ихъ дѣйствіи, но освободиться отъ нихъ онъ не можетъ никогда.

Несвободна и душа человѣка. Прежде всего она связана таинственнымъ образомъ съ тѣломъ и обусловлена его здоровой жизнью. Далѣе она связана законами времени и послѣдовательности (длительность жизни и отдѣльныхъ переживаній, наслѣдственность, память и т. д.). Наконецъ, она связана своимъ внутреннимъ устройствомъ, котораго она сама не создаетъ и нарушить не можетъ: законами сознанія и безсознательнаго, силою инстинкта и влеченій, законами мышленія, воображенія, чувства и воли. Душа имѣетъ свою природу; природа эта имѣетъ свои законы; душа не творитъ сама этихъ законовъ, а

подчиняется имъ и не можетъ измѣнять ихъ по произволенію.

Но духу человѣка доступна свобода; и ему подобаетъ свобода. Ибо духъ есть сила самоопредѣленія къ лучшему. Онъ имѣетъ даръ —вывести себя внутренно изъ любого жизненнаго содержанія, противопоставить его себѣ, оцѣнить его, избрать его или отвергнуть, включить его въ свою жизнь или извергнуть его изъ нея. Духъ есть сила, которая имѣетъ даръ усилить себя и преодолѣть въ себѣ то, что отвергается; духъ имѣетъ силу и власть создавать формы и законы своего бытія, творить себя и способы своей жизни. Ему присуща способность внутренно освобождать себя; ему доступно самоусиленіе и самоопредѣленіе ко благу. Освободить себя значитъ, прежде всего, собрать свою силу, чтобы быть сильнѣе любого влеченія своего, любой прихоти, любого желанія, любого соблазна, любого грѣха. Это есть извлеченіе себя изъ потока обыденной пошлости; — противопоставленіе ея себѣ и себя ей; — усиленіе себя до побѣды надъ ней. Таковъ отрицательный этапъ самоосвобожденія. За нимъ слѣдуетъ положительный этапъ: онъ состоитъ въ добровольномъ и любовномъ заполненіи себя лучшими, избранными и любимыми жизненными содержаніями . . .

Этотъ процессъ добыванія своей внутренней свободы можетъ поставить человѣка въ конфликтъ съ потребностями его тѣла — ибо духъ будетъ искать и найдетъ нужную ему (духу!) и вѣрную для него (духа!) мѣру ѣды, мѣру питья, мѣру движенія, мѣру наслажденія, мѣру мускульнаго труда; при этомъ онъ будетъ видѣть въ тѣлѣ свое орудіе — то непокорное, то покорное, и будетъ мудро комбинировать законы тѣлесной природы въ свою пользу (т. е. въ пользу духа). Далѣе, возможны конфликты съ собственными душевными влеченіями — ибо духъ не можетъ помириться съ тѣми влеченіями души, которыя ведутъ человѣка по пути злобы, порочности, лѣни, безудержныхъ наслажденій, необузданныхъ порывовъ, словомъ по пути униженія и разложенія.

Найти въ себѣ силу для такой борьбы — значитъ заложить основу своего духовнаго характера. Утвердиться въ этой силѣ и внутренно освободить себя (сначала отрицательно, потомъ положительно) — значитъ воспитать въ себѣ духовный характеръ. Это значитъ добыть себѣ «самостояніе» или внутреннюю свободу; причемъ имѣется въ виду не просто бытовая самостоятельность человѣка, а его духовное самоопредѣленіе; и не только внѣшняя автономія человѣческаго духа, но внутренняя власть его надъ тѣломъ и душою; и не только это самообладаніе человѣка (оно можетъ остаться безсодержательной «выдержкой»), но заполненность душевныхъ пространствъ свободно и вѣрно выбранными

божественными содержаніями, которыя пріобрѣтаются духовной любовью и религіозною вѣрою.

Освободить себя не значитъ стать независимымъ отъ другихъ людей; но значитъ стать господиномъ своихъ страстей. Господинъ своихъ страстей не тотъ, кто ихъ успѣшно обуздываетъ, такъ что онѣ всю жизнь бушуютъ въ немъ, а онъ занятъ тѣмъ, чтобы не дать имъ хода; но тотъ кто ихъ духовно облагородилъ и преобразилъ. Свобода отъ страстей состоитъ не въ томъ, что человѣкъ задушилъ ихъ въ себѣ, а самъ предался безстрастному равнодушію (такъ думали стоики); но въ томъ, что страсти человѣка сами, добровольно и цѣлостно, служатъ духу и несутъ его къ его цѣли, подобно «сѣрому волку», преданно везущему на себѣ «Ивана Царевича» въ тридесятое царство.

Внутренняя свобода отнюдь не есть отрицаніе закона и авторитета, т. е. беззаконіе и самомнѣніе. Нѣтъ. Внутренняя свобода есть способность духа самостоятельно увидѣть вѣрный законъ, самостоятельно признать его авторитетную силу и самодѣятельно осуществить его въ жизни. Свобода не есть произволъ; ибо произволъ есть всегда потаканіе прихотямъ души и похотямъ тѣла. У свободнаго человѣка не произволъ ведетъ душу, а свобода царитъ надъ произволомъ; ибо такой человѣкъ свободенъ и отъ произвола: онъ преобразилъ его въ духовное, предметно обоснованное произволеніе.

Вотъ что значитъ свобода, внутренняя свобода. И вотъ почему я сказалъ, что свобода подобаетъ духу и должна быть предоставлена именно ему. Это значитъ также, что внѣшняя свобода служитъ внутренней, необходима для нея и дается для нея. Внѣшняя свобода есть естественное и необходимое условіе для водворенія и упроченія внутренней Здоровая религіозная жизнь нуждается въ обѣихъ свободахъ: человѣкъ пользуется тѣмъ, что его никто не «заставляетъ» и что ему никто не «запрещаетъ», для того, чтобы открыть себѣ доступъ къ духовному опыту, пробудить въ себѣ духовное видѣніе, внутренно освободить себя, воспитать въ себѣ духовный характеръ и опредѣлить себя къ вѣрнымъ, чистымъ, нравственнымъ, прекраснымъ, божественнымъ путямъ жизни . . . Изъ внѣшней свободы, этой необходимой основы религіозной вѣры и жизни, — должна возникнуть духовная самостоятельность и самодѣятельность человѣческой личности въ ея отношеніи къ Богу, и затѣмъ къ людямъ и природѣ. Тотъ, кто требуетъ себѣ духовной свободы, не долженъ и не смѣетъ понимать ее формально, напр. такъ: «не заставляй, не запрещай! дай мнѣ свободу — дѣлать все, что мнѣ заблагоразсудится, хотя бы выколоть себѣ духовныя очи, пасть и погибнуть!». Это означало бы: дай мнѣ внѣшнюю свободу духа, чтобы я погубилъ и исказилъ свою внутреннюю свободу. Или

еще короче: дай мнѣ свободу духовной гибели. Дѣтское, ребяческое требованіе! Именно такъ ребенокъ требуетъ себѣ острое орудіе, чтобы злоупотребить имъ. Я говорю орудіе: ибо внѣшняя свобода духа есть именно орудіе для полнаго и истиннаго внутренняго самоосвобожденія. Я говорю острое орудіе: ибо духовная автономія при злоупотребленіи можетъ стать источникомъ безконечнаго вреда и гибельныхъ бѣдствій.

Люди, требующіе себѣ внѣшней духовной свободы и не постигающіе ея внутренняго смысла и назначенія, поистинѣ заслуживали бы того, чтобы имъ дали эту формальную свободу и изолировали ихъ въ пространствѣ и во времени, чтобы они создали гдѣ-нибудь на отдаленномъ островѣ общество формально-разнузданныхъ и духовно погибающихъ людей на вѣчное поученіе потомству...

Всѣ эти соображенія уже намѣчаютъ извѣстныя границы духовной и религіозной свободы; при этомъ я имѣю въ виду тѣ положительныя границы, которыя не стѣсняютъ и не ограничиваютъ свободу духа, но помогаютъ ея личному оформленію и здоровому расширенію. Въ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ, вообще говоря, нуждается не свобода духа, а злоупотребляющая свободою бездуховность и противодуховность...

Помочь человѣку въ его внутреннемъ освобожденіи и въ установленіи его духовной самостоятельности можетъ прежде всего духовное общеніе съ другими людьми.

Есть люди, у которыхъ духъ, предаваясь религіозному созерцанію и молитвѣ, нуждается въ одиночествѣ и поэтому удаляется отъ другихъ людей въ уединеніе. Такъ обстоитъ далеко не у всѣхъ; и подъ религіозной самостоятельностью человѣка слѣдуетъ разумѣть не это. Человѣкъ можетъ быть и долженъ быть религіозно самостоятельнымъ вездѣ — и въ бракѣ, и въ семьѣ, и въ приходѣ, и въ церкви. Потому что духовная свобода и религіозная самостоятельность отнюдь не исключаютъ ни общенія, ни единенія людей. Напротивъ, истинное духовное единеніе возможно именно тамъ, гдѣ каждый человѣкъ стоитъ духовно и религіозно на собственныхъ ногахъ, т. е. носитъ въ себѣ самомъ живые источники духовнаго опыта и религіозной вѣры. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, тамъ единеніе не будетъ на настоящей высотѣ; а это значитъ, что тамъ необходимо стремиться къ этой личной самостоятельности и внутренней свободѣ людей.

Вотъ почему духовная свобода и религіозная самостоятельность людей отнюдь не исключаютъ воспитанія и преподаванія. Напротивъ, всякій недоросшій до этой свободы, долженъ быть воспитанъ къ ней; и всякій, не имѣющій религіозной самостоятельности, поступитъ правильно, если начнетъ учиться ей у тѣхъ, кто ея уже достигъ. Было бы величайшей ошибкой, если бы кто-нибудь, ссылаясь на

свободу и автономію духа, потребовалъ напр. отмѣны преподаванія Закона Божія для дѣтей и Богословія для взрослыхъ. Вѣдь самостоятельности надо еще научиться! . . . Люди держатся на ногахъ сами и ходятъ самостоятельно; однако сначала ихъ у ч а т ъ ходить . . . И кто захотѣлъ бы не учить своихъ дѣтей ходьбѣ, а предоставить имъ свободу ползанья на четвереанькахъ? И точно также люди читаютъ, считаютъ и разсуждаютъ свободно и самодѣятельно, однако сначала ихъ у ч а т ъ этому — въ порядкѣ обязательномъ и авторитетномъ . . . Кто согласился бы оставить своихъ дѣтей малограмотными дикарями — во имя духовной автономіи? И вотъ, подобно этому, человѣкъ, владѣющій духовнымъ опытомъ и религіознымъ вйдѣніемъ, призванъ и обязанъ передавать другимъ свою способность и власть. Свободу духа нельзя истолковывать, какъ с в о б о д у о т ъ д у х а. Свобода богосозерцанія не есть религіозная слѣпота. И если внѣшняя свобода духа («не заставляй, не запрещай» . . .) отрицаетъ что-нибудь, то лишь насиліе, принужденіе, угрозу и подкупъ, какъ средства влiять на религіозную вѣру людей; но она отнюдь не отрицаетъ ни духовнаго воспитанія, ни религіознаго преподаванія.

Отрицательная свобода есть лишь путь, ведущій къ положительной свободѣ; средство, ведущее къ цѣли. Можно ли придавать средству такое значеніе, чтобы настаивать на немъ и въ случаѣ его негодности? Кто согласится принимать неподходящее, вредное лѣкарство только изъ уваженія къ его «лѣкарственности»? Если человѣкъ превращаетъ свободу духа — въ свободу о т ъ духа, то она будетъ у него отнята . . . Такъ было въ человѣческой исторіи много разъ; такъ будетъ и впредь. Если внѣшняя свобода духа развращаетъ человѣка и дѣлаетъ его разнузданнымъ, то самое разнузданіе его вызоветъ къ жизни такой строй и такую власть, которые урѣжутъ или погасятъ эту свободу. Къ этому не стóитъ даже призывать, ибо это и с т о р и ч е с к и н е и з б ѣ ж н о.

Внутреннее око человѣка призвано къ тому, чтобы свободно, добровольно, безъ принужденія обратиться къ духу и ко всему Божественному на землѣ и в небѣ; и высшій смыслъ всѣхъ правовыхъ установленій и государственныхъ законовъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы обезпечить людямъ эту возможность. Но пользованіе этой внѣшней свободой для с о в р а щ е н і я себя и другихъ людей, и особенно малолѣтнихъ, въ бездуховное и противодуховное состояніе — не можетъ быть допущено. Свобода не есть свобода духовнаго растлѣнія. Глазному врачу предоставляется свобода лѣчить глаза паціентовъ по своему крайнему разумѣнію и искусству; но предоставляется ли ему свобода выкалывать глаза своимъ паціентамъ? Подобно этому всякая соблазнительная и разлагающая пропаганда безбожія и противодуховности есть не что иное, какъ систематическая работа надъ выкалываніемъ духовныхъ очей у людей наивныхъ и довѣрчивыхъ.

Актъ духовнаго опыта, духовной любви и вѣры своеобразно слагается и вынашивается народами на протяженіи столѣтій.

Онъ созрѣваетъ преимущественно въ безсознательномъ порядкѣ и притомъ медленно, передаваясь въ процессѣ воспитанія и преемства отъ одного поколѣнія другому *). Въ этомъ процессѣ каждое новое поколѣніе получаетъ сначала въ дѣтствѣ воспитательный зарядъ внутренней свободы, а потомъ, къ зрѣлому возрасту, — все увеличивающуюся отъ поколѣнія къ поколѣнію долю внѣшней свободы, на основѣ которой оно должно довершить свое воспитаніе — самовоспитаніемъ. Все это совершалось и совершается совсѣмъ не для того, чтобы затмевать священныя очи духа злостнымъ издѣвательствомъ надъ духомъ и кощунственнымъ поношеніемъ святынь. При этомъ я имѣю въ виду отнюдь не религіозное сомнѣніе, честное и глубоко прочувствованное . . . Максъ Мюллеръ, изслѣдователь вѣрующій и чуткій, глубоко правъ, когда говоритъ: «Искреннее сомнѣніе есть глубочайшій источникъ честной вѣры. Найти можетъ лишь тотъ, кто утратилъ» . . . Я имѣю въ виду скептицизмъ предубѣжденныхъ, злобствующихъ безбожниковъ, которые стараются систематически привить взрослымъ и особенно дѣтямъ слѣпое отрицаніе, вызвать въ нихъ безнадежное, непоправимое духовное опустошеніе: это есть всеразлагающая доктрина смерти; духовное оскопленіе, которое совершается надъ наивными младенцами (ибо и взрослые люди часто остаются духовными младенцами), завлекаемыми при помощи хитрости и лжи; это есть преступленіе, подобное тому, которое описано Шекспиромъ въ «Гамлетѣ»: движимый завистью и честолюбіемъ одинъ братъ вливаетъ въ ухо другому брату (Королю), во время сна, смертельный ядъ: — ибо, по истинѣ, дѣти, а нерѣдко и взрослые, подобны духовноспящимъ, а безбожная пропаганда разливаетъ разрушительный и смертельный ядъ.

Государство обезпечиваетъ людямъ права свободы; но ни одному человѣку не можетъ быть предоставлено право на преступленіе. Истолковывать свободу, какъ право на злодѣйство, могутъ только — или совсѣмъ наивные люди, или преступники.

Въ вопросахъ религіи человѣкъ можетъ заблуждаться. Можно сказать и еще больше: эту возможность надо предоставить людямъ, не опасаясь искреннихъ и честныхъ еретиковъ. Ибо опасность заключается не въ томъ, что человѣкъ, искренно ищущій Бога, увидитъ его по-своему и окажется еретикомъ. Опасность въ томъ, что человѣкъ захочетъ уйти отъ духа и Бога и вслѣдъ за тѣмъ увлечь за собою другихъ — сначала лукавствомъ, ложью, издѣвательствомъ и мнимыми доказательствами, а потомъ принужденіемъ и террором; онъ начнетъ съ проповѣди вседозволенности и съ злоупотребленія внѣшней свободой, а кончитъ тѣмъ, что окончательно повредитъ драгоцѣнный процессъ внутренняго самоосвобожденія.

Не правъ ли глубокомысленный Карлейль, когда онъ восклицаетъ: «Свобода сужденія! Ни одна желѣзная цѣпь, ника-

---

*) См. главу шестую и седьмую.

какая внѣшняя сила никогда не могла принудить человѣческую силу къ вѣрѣ къ или невѣрію; сужденіе человѣка есть его собственный свѣтъ, который нельзя отнять у него; въ этой сферѣ онъ будетъ господствовать и вѣровать по милости единаго Господа» . . . Но, добавляетъ онъ, при этомъ «совсѣмъ не необходимо, чтобы человѣкъ самъ открывалъ ту истину, въ которую онъ потомъ будетъ вѣровать» . . . «Человѣкъ можетъ усвоить себѣ нѣчто и потомъ самымъ искреннимъ образомъ вработать въ свое достояніе то, что онъ получилъ отъ другого, и притомъ испытывать къ этому другому чувство безмѣрной благодарности. Ибо цѣнность оригинальности состоитъ отнюдь не въ новизнѣ, а въ искренности» . . .

Эта высокая оцѣнка свободы имѣетъ истинно-христіанскій характеръ. Ибо Христосъ пришелъ на землю (по выраженію одного древняго христіанскаго источника), «чтобы убѣдить, а не чтобы подвергнуть принужденію» *), т. е. чтобы свободно вовлечь человѣка въ процессъ обращенія и внутренняго освобожденія. А у Апостола Петра читаемъ: «ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, — какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи» **)

Нельзя обратить человѣка къ вѣрѣ посредствомъ меча и силы ***). Мечъ можетъ быть только отрицательнымъ средствомъ по отношенію къ воинствующему сатанѣ, внѣшнимъ средствомъ для защиты внутренней священной свободы человѣка противъ разрушительнаго злоупотребленія внѣшнею свободою.

Внутренніе пути слагающейся, колеблющейся, заблуждающейся, крѣпнущей и исчезающей вѣры — суть пути сложные, трудные и многообразные, и людямъ далеко не всегда и не легко удается разбирать, что̀ написано на путеводныхъ камняхъ или столбахъ духа, и куда они указуютъ. Человѣческая душа, бредущая по этимъ путямъ и сбивающаяся съ дороги, есть существо нѣжное, впечатлительное и безпомощное: она нуждается въ помощи, въ указаніи и наставленіи, точно такъ, какъ объ этомъ разсказывается въ русскихъ сказкахъ. Отъ кого же ждать ей помощи и наставленія, если не отъ тѣхъ, кто уже владѣетъ зрѣлымъ духовнымъ опытомъ и вѣрнымъ религіознымъ вѝдѣніемъ? И почему эта помощь и это наставленіе могли бы урѣзать ея свободу? Развѣ, заблудившись въ незнакомомъ городѣ или въ лѣсу, мы не разспрашиваемъ встрѣчнаго доброжелательнаго путника о вѣрной дорогѣ и не пытаемся слѣдовать его авторитетнымъ указаніямъ? И кто изъ насъ, видя, что человѣкъ тонетъ въ полыньѣ, не начнетъ спасать его? Кто изъ насъ бро-

*) Epistola ad Diogn. «ὡς πείθων, οὐ βιαζόμενος».

**) Первое Посланіе Петра гл. 2 ст. 15—16.

***) Вспомнимъ замѣчательную и мудрую инструкцію, данную московскимъ Митрополитомъ Макаріемъ въ 1555 году первому казанскому Архіепископу Гурію: «Всякими обычаи, какъ возможно, пріучать ему татаръ къ себѣ и приводити ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити». См. статью проф. И. И. Лаппо въ № 2 журнала «Русскій Колоколъ».

ситъ его на произволъ судьбы, ссылаясь на его «свободу» и «самостоятельность»?

Благодать духовной любви сообщаетъ человѣку искусство религіознаго созерцанія; это искусство можетъ быть развито и углублено, если человѣкъ будетъ предаваться духовному опыту, очищая свою душу и восходя къ синтезу вѣры, вѝдѣнія и разума *). Такъ возникаетъ какъ бы цѣлый хоръ духовно поющихъ индивидуальныхъ голосовъ; или иначе: живое сословіе учителей духовнаго опыта, вѣры, религіозной дѣятельности и богословскаго догмата — іерархія, или классъ священноначалія (въ различномъ порядкѣ слагающійся въ разныхъ религіяхъ и исповѣданіяхъ). Они-то и образуютъ руководящій религіозный авторитетъ въ каждой церкви. Это какъ бы живые свѣтильники духа и вѣры, художники богопознанія — естественнаго и богооткровеннаго; и ихъ авторитетное руководство и поученіе въ вопросахъ религіи не только не умаляетъ духовную свободу, но, напротивъ, идетъ ей навстрѣчу, укрѣпляетъ, расширяетъ и воспитываетъ ее. Ибо, повторяю, духовная свобода совсѣмъ не сводится къ отрицанію чужой опытности и мудрости, но состоитъ въ томъ, чтобы внутренно освободить себя для духовной жизни безъ внѣшняго насилія, принужденія и запугиванія.

Вотъ почему дѣти въ особенности не могутъ быть предоставлены на произволъ «внѣшней» и «отрицательной» свободы; напротивъ, они должны быть подготовлены и воспитаны къ «внутренней», «положительной» свободѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы «оставить ихъ въ покоѣ» или «никакъ не вторгаться въ ихъ внутреннюю жизнь»; но въ томъ, чтобы пробудить ихъ къ духовной жизни — не насиліемъ, а *любовью*, не запугиваніемъ, а *живымъ примѣромъ*. Духовная свобода ребенка совсѣмъ не состоитъ въ томъ, чтобы онъ росъ какъ лопухъ у канавы, или одичавшій кроликъ въ лѣсу, но въ томъ, чтобы онъ пріобрѣлъ внутреннюю способность — достойно пользоваться свободой и духовно заполнять свою внѣшнюю «невынужденность» и «незапуганность». *Внѣшняя свобода необходима для внутренняго самоосвобожденія*; она священна, только какъ вѣрный залогъ внутренней свободы; но предоставлять ее человѣку для унизительнаго и преступнаго заполненія — поистинѣ нѣтъ никакой крайности. Свободенъ не тотъ человѣкъ, который предоставленъ самъ себѣ, которому нѣтъ ни въ чемъ никакихъ препятствій, такъ что онъ можетъ дѣлать все, что ему придетъ въ голову. Свободенъ тотъ, кто пріобрѣлъ внутреннюю способность, созидать свой духъ изъ матеріала своихъ страстей и своихъ талантовъ и, значитъ, прежде всего — способность владѣть собою и вести себя; а затѣмъ—и внутреннюю способность жить и творить въ сферѣ духовнаго опыта, добровольно, искренно и цѣлостно присутствуя въ своей любви и въ своей вѣрѣ. Воистину

*) Разумъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ отвлеченнымъ разсудкомъ, формальнымъ, пустымъ, прикованнымъ къ чувственному опыту и оторваннымъ отъ духа и видѣнія.

свободенъ духовно-самостоятельный человѣкъ; человѣкъ же, освобожденный только во внѣшнемъ, можетъ злоупотреблять своей свободой и превращать ее въ совершенную внутреннюю несвободу, въ ужасающее внутреннее рабство.

Итакъ, религіозное воспитаніе дѣтей въ духѣ любви и вѣры — пробуждаетъ ихъ къ истинной, внутренней свободѣ, дѣлаетъ ихъ самостоятельными и свободными людьми, закладываетъ въ нихъ какъ бы первый, священный камень ихъ будущаго духовнаго характера. Нужно совершенное отсутствіе духовнаго опыта, совершенная слѣпота въ этой области для того, чтобы вмѣстѣ съ современными безбожниками изображать религіозное воспитаніе дѣтей, какъ систематическое превращеніе ихъ въ «идіотовъ», или какъ преднамѣренное воспитаніе ихъ къ «рабству». Къ слѣпотѣ ведетъ ребенка не тотъ, кто отверзаетъ ему духовное око, но тотъ, кто стремится какъ бы выколоть ему это око. Словомъ, вѣрное соотношеніе духа и свободы состоитъ не только въ томъ, что духъ (т. е. духовный опытъ, любовь и вѣра) нуждается во внѣшней свободѣ и требуетъ ея, но еще и въ томъ, что духъ освобождаетъ человѣка внутренно, сообщая ему внутреннюю силу, самостоятельность, характеръ и крылья для духовно-осмысленнаго и побѣдоноснаго полета черезъ жизнь и смерть.

---

3. Политическая свобода.

Итакъ, свобода состоитъ въ томъ, чтобы всюду (и въ одиночествѣ, и въ общенiи, и въ общественныхъ организацiяхъ) располагать внутренней силой и способностью—самостоятельно и отвѣтственно стоять передъ лицомъ Божiимъ и служить дѣлу Божiю на землѣ. Свобода есть какъ бы духовное с а м о - б ы т і е или самостоятельное духовное пѣнiе. Ни Церковь, ни приходъ, ни семья, ни корпорацiя, ни государство — отнюдь не заинтересованы въ томъ, и не уполномочены къ тому, чтобы подавлять это духовное с а м о - б ы т і е или приводить къ молчанiю это самостоятельное духовное пѣнiе. Напротивъ, это значило бы для нихъ приступить къ самоослабленiю и саморазрушенiю: ибо свободный человѣческiй духъ есть сильнѣйшiй и драгоцѣннѣйшiй оплотъ общественной жизни; и хоръ, въ которомъ умолкнутъ всѣ поющiе голоса, перестанетъ существовать. Зданiе крѣпко лишь тогда, когда крѣпки составляющiе его камни, каждый порознь. А въ духовномъ планѣ дѣло обстоитъ такъ, что именно такiе самостоятельные и самобытные люди способны наилучшимъ образомъ создавать и поддерживать сцѣпленiе и прочность общественной организацiи.

Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ общественныхъ соединенiяхъ имѣется нѣкiй авторитетъ; въ Церкви — авторитетъ духовный и освященный; въ семьѣ — природный, возникающiй изъ естественной связи и любви; въ государствѣ — авторитетъ, выросшiй первоначально изъ родовой связи, а нынѣ основанной на силѣ, облагороженной правомъ и патрiотически углубленной. Но задача этого авторитета состоитъ не въ томъ, чтобы подавлять духовную самостоятельность человѣческой личности, но въ томъ, чтобы строить на ней внѣшнiй порядокъ и общую жизнь организацiи. Всѣ повелѣнiя и всѣ запреты этого авторитета обращаются именно къ духовно - самостоятельному лицу (субъекту права), чтобы войти въ его душу и побудить его направить с о г л а с н о и м ъ свое внѣшнее поведенiе. Слова этого авторитета (законы, распоряженiя, увѣщанiя и т. д.) должны быть с в о б о д н о п р и н я т ы человѣкомъ и свободно вмѣнены имъ себѣ самому; тогда они какъ - бы исчезнутъ въ свободномъ признанiи лица и не только не создадутъ никакого подавленiя его свободы, но, напротивъ, укрѣпятъ ее и наполнятъ ее жизненнымъ содержанiемъ. Такое сво-

бодное признаніе и самовмѣненіе называется (отъ французскаго слова «loi», законъ) лояльностью. Лояльность не унижаетъ и не подавляетъ человѣка. Карлейль былъ глубоко правъ, когда писалъ: «Великія души всегда лояльны, послушны и почтительны по отношенію къ тѣмъ, кто поставленъ надъ ними; только ничтожныя, низкія души поступаютъ иначе» . . .

Поистинѣ, только слѣпое и нелѣпое принужденіе (насиліе!) порабощаетъ и унижаетъ человѣка. Напротивъ, духовный, свободно признанный авторитетъ воспитываетъ человѣка къ свободѣ и силѣ. Автономія (самозаконность, свобода) и гетерономія (внѣшнее законополаганіе, соціальный авторитетъ) не исключаютъ другъ друга; напротивъ — онѣ духовно соединимы. Ибо съ того момента, какъ человѣкъ своимъ внутреннимъ свободнымъ признаніемъ пріемлетъ, покрываетъ и наполняетъ гетерономный законъ,—несвобода исчезаетъ и соціальный авторитетъ входитъ въ его жизнь въ качествѣ дружественной и цѣнной опоры. Такъ обстоитъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Итакъ, духовная свобода совсѣмъ не исключаетъ соціальнаго авторитета; а послѣдній имѣетъ задачу — обращаться къ внутренней свободѣ человѣка, взывать къ ней, воспитывать ее и укрѣплять ее. Сѣмя внутренней свободы должно пустить ростки, окрѣпнуть, выгнать стволъ и стать расцвѣтшей свободой; но замѣнить эту свободу нельзя ничѣмъ. Только тотъ, кто способенъ къ самостоятельному пѣнію, можетъ войти полноправнымъ пѣвцомъ въ поющій хоръ. Таково значеніе духовной личности. Внутренняя свобода есть первая и священная основа духовнаго характера. Внѣшняя же свобода нужна человѣку для того, чтобы стать духовнымъ центромъ, чтобы пріобрѣсти внутреннюю свободу. А внутренняя свобода есть не что иное, какъ живая духовность человѣка. И тотъ, кто это продумаетъ и прочувствуетъ, пойметъ сразу, въ чемъ значеніе долга и дисциплины: ибо и долгъ, и дисциплина вѣрно и глубоко понятые, суть лишь видоизмѣненія внутренней свободы, которая добровольно пріемлетъ эти внѣшнія связи и свободно опредѣляетъ себя къ внутренней и внѣшней связанности *).

Если принять во вниманіе эти основоположенія, то нашему умственному оку откроется вѣрное пониманіе политической свободы.

Политическая свобода есть нѣчто драгоцѣнное и отвѣтственное, но именно постольку поскольку за ней живетъ и дѣйствуетъ духовная, внутренняя свобода. Чтобы вѣрно понести и использовать политическую свободу, необходимо понять, въ чемъ ея драгоцѣнность и какую отвѣтственность она возлагаетъ на человѣка.

Политическая свобода есть разновидность внѣшней свободы: человѣку предоставляется самостоятельно говорить, писать, выбирать, рѣшать и подавать свой голосъ въ дѣлахъ об-

*) См. подробно въ главѣ третьей.

щественнаго устроенія. Его требованія «не мѣшайте, не заставляйте, не запрещайте — я самъ»!.. — удовлетворяются; но уже не только въ вопросахъ его внутренней духовной жизни, а въ вопросахъ общаго и совмѣстнаго устроенія. Онъ объявляется полномочнымъ соучастникомъ, состроителемъ, со-распоряжающимся въ этихъ дѣлахъ. И уже не только ограждается его собственная внутреняя свобода, но ему самому предоставляется рѣшать о другихъ людяхъ, объ ихъ свободѣ или несвободѣ, объ ихъ жизни и поведеніи.

И вотъ, съ самаго начала ясно, что политическая свобода гораздо больше — и по объему, и по отвѣтственности, — чѣмъ внѣшняя отрицательная свобода; ибо послѣдняя даетъ человѣку права въ его собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ, права надъ собою и своей душой, а политическая свобода даетъ ему права и въ чужихъ дѣлахъ, права надъ другими. Это значитъ, что политическая свобода предполагаетъ въ человѣкѣ, которому она дается, гораздо большую зрѣлость, чѣмъ свобода духа. Ошибающійся въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вредитъ себѣ; ошибающійся въ вопросахъ чужой свободы и чужихъ дѣлъ — вредитъ всѣмъ другимъ. Поэтому вѣрное соотношеніе этихъ трехъ свободъ таково:

внѣшняя свобода дается человѣку для того, чтобы онъ внутренно воспиталъ и освободилъ себя;

политическая же свобода прдполагаетъ, что человѣкъ воспиталъ и освободилъ самого себя, и потому она дается ему для того, чтобы онъ могъ воспитывать другихъ къ свободѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлаетъ изъ политической свободы человѣкъ, который не созрѣлъ до нея? Чѣмъ заполнитъ онъ свои политическія права, если самъ онъ остался рабомъ своихъ страстей и своей корысти? Чего могутъ ждать отъ него другіе люди, если онъ свою собственную жизнь превратилъ въ сплошное паденіе и униженіе? Что дастъ своей странѣ такой человѣкъ, злоупотребляя свободою слова, печати, собраній, выбирая криводушно, голосуя продажно, рѣшая всѣ вопросы общины и государства по прихоти своихъ страстей и по нашепту своихъ личныхъ интересовъ? Не станетъ ли онъ опаснѣйшимъ врагомъ чужой и общей свободы? Не распространитъ ли онъ въ процессѣ всеобщаго растленія свое собственное рабство на всѣхъ своихъ согражданъ?

Вопросъ о томъ, кто именно созрѣлъ для политической свободы и кто нѣтъ — рѣшить не легко, тѣмъ болѣе, если подходить къ людямъ съ чисто внѣшнимъ формальнымъ мѣриломъ. И тѣмъ не менѣе основное правило, установленное нами, остается непоколебимо: политическая свобода по силамъ только тому, кто или завершилъ свое освобож-

деніе или кто находится въ процессѣ внутренней борьбы за него, понимая его драгоцѣнность, обязательность и отвѣтственность. Человѣкъ и народъ, чуждые этому сознанію и не вовлеченные въ этотъ внутренній процессъ — извратятъ свою политическую свободу, погубятъ ее, а можетъ быть погубятъ и себя вмѣстѣ съ нею.

Если признать это, то будетъ уже не трудно устранить изъ сознанія вреднѣйшій парадоксъ, утверждающій необходимость и полезность безграничной свободы (крайній либерализмъ, анархизмъ).

Ни внѣшняя свобода духа, ни политическая свобода — никогда не должны проводиться послѣдовательно, до конца, до безпредѣльности и разнузданія. Внѣшняя свобода духа должна служить внутреннему самоосвобожденію; ибо только внутренняя свобода создаетъ человѣка въ его духовномъ достоинствѣ. Не слѣдуетъ отказывать человѣку во внѣшней, отрицательной свободѣ; но давая ее ему, необходимо объяснять ему, что смыслъ ея во внутреннемъ самоосвобожденіи; что внутренняя свобода не отрицаетъ ни духа, ни авторитета, ни дисциплины; и что человѣкъ, не сумѣвшій внутренно освободить себя къ духу, къ дисциплинѣ и къ свободной лояльности, не заслуживаетъ политической свободы, и притомъ потому, что онъ только и сумѣетъ злоупотребить ею, себѣ и другимъ на погибель. Здѣсь лежитъ естественная и необходимая грань внѣшней свободы. Однако, въ этомъ же направленіи слѣдуетъ искать и предѣлъ политической свободы: надо подготовлять человѣка къ ней, объясняя ему, что она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ процессомъ внутренняго самоосвобожденія; что политическая свобода призвана служить не личной или классовой корысти, а огражденію и расцвѣту права, справедливости и родины; словомъ, что смыслъ и корень политической свободы лежитъ тамъ, гдѣ живетъ и творитъ духовная, положительная свобода. А это значитъ, что и здѣсь не можетъ быть безграничной свободы — ни въ дарованіи, ни въ осуществленіи.

Есть минимумъ внутренней свободы, ниже котораго политическая свобода теряетъ свой смыслъ и становится всеразрушительнымъ началомъ. Человѣкъ, не осознавшій себя, какъ духовнаго субъекта (внутренно свободнаго и внутренно самоуправляющагося), не сумѣетъ понести правъ политической свободы. «Даровать» народу политическую свободу — иногда значитъ ввести его въ искушеніе и поставить его на путь гибели. Это означаетъ, что его необходимо всемѣрно воспитывать къ политической свободѣ; помогать ему въ его внутреннемъ и духовномъ самоосвобожденіи. Первое условіе политической свободы — есть способность къ внутренней самодисциплинѣ и лояльности; нѣтъ этого условія — и политическая свобода становится даромъ напраснымъ и непосильнымъ. Но если политическая свобода уже «дарована», — то критеріемъ ея цѣлесообразности является тотъ же самый процессъ внутренняго самоосвобожденія, именно: если отъ пользованія поли-

тической свободой внутреннее самовоспитаніе людей крѣпнетъ, люди научаются блюсти взаимную духовную свободу, а уровень нравовъ и духовной культуры повышается — то политическая свобода дана своевременно и можетъ быть закрѣплена; но если отъ пользованія политической свободой обнаруживается паденіе нравовъ и духовной культуры, если обнаруживается избирательная, парламентская и газетная продажность, если внутреннее самовоспитаніе людей уступаетъ свое мѣсто разнузданію, а свободная лояльность гаснетъ и люди начинаютъ взаимно попирать личную свободу — то политическая свобода оказывается данному народу въ данную эпоху не по силамъ и должна быть временно отмѣнена или урѣзана.

Это необходимо продумать и понять разъ навсегда: всякая внѣшняя свобода, — и формальная, и политическая, — имѣетъ свое единое лоно во внутреннемъ человѣческомъ мірѣ. Свобода есть нѣчто для духа и ради духа; свобода есть нѣчто въ духѣ зрѣющее и отъ духа исходящее. Внѣ духа и противъ духа она теряетъ свой смыслъ и свое священное значеніе. Оторвавшись отъ духа — она обращается противъ него и попираетъ его священное естество. Обратившись противъ него, она перестаетъ быть свободой и становится произволомъ и всепопраніемъ. Тогда наступаетъ то, что вслѣдъ за Пушкинымъ слѣдовало бы называть «безумствомъ гибельной свободы» («Воспоминаніе»); и тогда, строго говоря, о «свободѣ» говорить уже невозможно. Тогда и «винить» свободу нельзя; ибо злоупотреблять можно всѣмъ и въ злоупотребленіи виноватъ злоупотребляющій, а не злоупотребляемая цѣнность.

Итакъ: безъ свободы — гаснетъ духъ; безъ духа — вырождается и гибнетъ свобода.

О, если бы люди увидѣли и уразумѣли этотъ законъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О СОВѢСТИ.

«Возможно ли, чтобы великая душа не имѣла совѣсти, — самаго существа всѣхъ дѣйствительныхъ душъ, великихъ и малыхъ?»

Карлейль.

1. Утрата.

Людямъ было бы легче уразумѣть законъ внутренней свободы и сравнительную условность внѣшней и политической свободы, если бы они чаще и радостнѣе прислушивались къ тому, что обычно называется «голосомъ совѣсти». Ибо человѣкъ, переживая это изумительное, таинственное душевное состоянiе, осуществляетъ внутреннюю, духовную свободу въ такомъ глубокомъ и цѣлостномъ видѣ, что ему невольно открываются глаза на ея подлинную природу: онъ самъ становится духовно свободнымъ въ этотъ моментъ и начинаетъ постигать эту свободу уже не съ чужихъ словъ, не однимъ отвлеченнымъ разсудкомъ или воображенiемъ, но собственнымъ, удостовѣреннымъ опытомъ, главнымъ и драгоцѣннѣйшимъ источникомъ всякаго познанiя. Мало того, человѣкъ, вѣрно пережившiй совѣстный актъ, завоевываетъ себѣ доступъ въ сферу, гдѣ д о л г ъ не тягостенъ, гдѣ д и с ц и п л и н а слагается сама собою, гдѣ инстинктъ примиряется съ духомъ, гдѣ живутъ любовь и религiозная вѣра.

Совѣсть есть одинъ изъ чудеснѣйшихъ даровъ Божiихъ, полученныхъ нами отъ Него. Это какъ бы сама Божiя сила, раскрывающаяся въ насъ въ качествѣ нашей собственной глубочайшей сущности. То, на что указываетъ намъ совѣсть, къ чему она зоветъ, о чемъ она намъ вѣщаетъ — есть н р а в с т в е н н о - с о в е р ш е н н о е; не «самое прiятное», не «самое полезное», не «самое цѣлесообразное» и т. под., но нравственно-лучшее, совершенное, согласно тому, какъ указано въ Евангелiи: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» (Матѳ. 5. 48).

Однако, говоря такъ о совѣсти, я разумѣю не то, что нерѣдко обозначаютъ этимъ словомъ въ повседневной жизни. Я разумѣю живую и не урѣзанную расчетомъ христiанскую совѣсть, озаренную и просвѣщенную Христомъ, вѣрную ему и окрѣпшую на Его завѣтахъ. Въ согласiи съ нѣкоторыми отцами Церкви можно было бы утверждать, что и въ языческомъ мiрѣ, до Христа, были великiя и чистыя души, которыя какъ бы предчувствовали глаголъ христiанской нравственности, носили его въ глубинѣ своего сердца и своей мудрой воли и внимали ему чутко и во многомъ вѣрно (таковы Конфуцiй, Лаотзе, Будда, Зороастръ, Сократъ и нѣк. другiе). Это было какъ бы «естествен-

ное» откровеніе. Но истинное и совершенное откровеніе пришло послѣ нихъ изъ чистаго и божественнаго источника; оно было дано для того, чтобы очистить все до глубины, чтобы потрясти и оживить человѣческое сердце, растопить застывшую въ немъ тысячелѣтнюю льдину, умилить человѣческую жестокость и открыть людямъ доступъ къ духовному акту совѣсти во всей его чистотѣ и совершенствѣ. Здѣсь и было заложено начало христіанской совѣсти.

Нельзя отрицать того, что совѣсть присуща человѣку, такъ сказать, «отъ природы». Надо также признать, что врядъ ли есть на свѣтѣ человѣкъ, который не носилъ бы въ душѣ своей ея голоса — пусть въ самомъ первобытномъ, скрытомъ видѣ, такъ, какъ если бы совѣсть изрѣдка стучалась у его двери, или тишайшимъ голосомъ взывала къ нему изъ глубины, или вдругъ озаряла своимъ лучомъ его настроенія и злодѣйства. Во всякомъ случаѣ тотъ, кто сталъ бы утверждать, что на свѣтѣ есть люди совершенно и окончательно безсовѣстные, поставилъ бы передъ собою очень трудную задачу. Онъ долженъ былъ бы самъ быть настоящимъ художникомъ совѣстнаго акта, какъ бы мастеромъ и учителемъ совѣсти; онъ долженъ былъ бы хорошо знать всѣ возможныя формы ея проявленія; и затѣмъ ему пришлось бы вступить въ общеніе съ тѣмъ, у кого онъ отрицаетъ наличность совѣсти, и испытать на немъ всѣ возможные способы духовнаго общенія, изслѣдованія и удостовѣренія, прежде чѣмъ объявить свой окончательный приговоръ. Но опытъ его врядъ ли удался бы ему и притомъ не только въ силу формально-логическихъ основаній, согласно коимъ нельзя умозаключать отъ «ненахожденія» къ «небытію» или отъ «отсутствія» къ «невозможности» чего-нибудь, но въ силу основаній содержательныхъ и предметныхъ. Тотъ, кто возьмется за такое дѣло, — изслѣдовать и установить наличность или отсутствіе совѣсти у другого человѣка, — и приступитъ къ нему мудро и искусно, тотъ навѣрное испытаетъ и подтвердитъ то, чтò каждый христіанскій воспитатель и духовникъ испыталъ и отмѣтилъ не разъ въ своей жизни, а именно: въ этихъ испытующихъ бесѣдахъ, полныхъ христіанской любви, проповѣдническаго искусства и живой доказательной дѣйственности (т. е. напр. при совмѣстно совершаемыхъ поступкахъ!) — человѣкъ, свиду совершенно безсовѣстный, начнетъ постепенно обнаруживать такія состоянія, дѣлать такія высказыванія, какъ если бы совѣсть медленно начинала пробуждаться въ немъ отъ давняго и крѣпкаго сна; или какъ если бы сѣрыя стѣны повседневной пошлости, черствости и себялюбія, заботъ и опасеній — стали обнаруживать нѣкія свѣтоиспускающія трещины; какъ если бы и для этого черстваго, злого, жестоковыйнаго человѣка пробилъ часъ пробужденія къ духовности, любви и добротѣ. Здѣсь обстоитъ такъ, какъ и во всей сферѣ духа: кто умѣетъ вести раскопки, тотъ находитъ; кто вѣрно взываетъ, тотъ получаетъ отвѣтъ; кто носитъ въ себѣ живую силу совѣсти, тотъ сумѣетъ отыскать въ своемъ ближнемъ, — будь онъ совсѣмъ мраченъ и ожесточенъ душою, — искру священнаго огня, а можетъ быть раздуть ее такъ, чтобы она породила живое пла-

мя. Для того, чтобы привести безсовѣстнаго человѣка къ покаянію и обращенію, необходимо, конечно, истинное искусство; но прежде всего для этого необходимо, чтобы самъ обращающій не «проповѣдывалъ» отвлеченно, исходя изъ своей черствости, сухости и пошлости, но взывалъ бы, исходя изъ собственнаго жизненнаго пламени, увѣренно и властно, дѣйствуя и какъ бы заклиная, зажигая огонь въ чужомъ сердцѣ. Тотъ, кто разсуждаетъ безъ любви, безъ вѣры и огня, кто самъ не переживаетъ поистинѣ потрясающую силу совѣсти, и не отдается ей, не подчиняется ея дѣйствію, — тотъ носитъ въ душѣ какъ бы мертвую пустыню, и его мертвый голосъ не вызоветъ ничего, кромѣ мертваго отголоска изъ разстилающейся передъ нимъ пустыни. Только живое родитъ жизнь; духъ пробуждается только на зовъ духа; какой любви можетъ научить нелюбящій? какъ можетъ неискренній вызвать искру въ угасшей душѣ? А совѣсть есть сама жизнь, и духъ, и любовь, и искренность: сила страшная, и чистая, и божественная . . .

Бѣда современнаго человѣчества состоитъ въ томъ, что оно какъ бы разучилось переживать совѣстный актъ и отдаваться ему; что весь его «умъ» и вся его «образованность» есть мертвое и отвлеченное дѣйствіе разсудка, недурно, соображающаго о «цѣлесообразности» разныхъ средствъ, но ничего не разумѣющаго въ вопросѣ о священныхъ цѣляхъ жизни. Бѣда въ томъ, что современный человѣкъ научился «относиться критически» къ священной, ирраціональной глубинѣ совѣсти, ограждать себя отъ ея голоса и иронически подсмѣиваться надъ совѣстными людьми. Среди современной интеллигенціи царитъ не высказываемое, но молчаливо подразумѣвающееся и все болѣе укореняющееся воззрѣніе, будто «умному» человѣку, собственно говоря, рѣшительно нечего дѣлать съ совѣстью; у него много другихъ дѣлъ поважнѣе: ему надо приспособиться къ сложнымъ законамъ общественности, хозяйственности и политики для того, чтобы научиться комбинировать эти законы въ свою собственную пользу и на этомъ построить свое благополучіе; жизнь становится все сложнѣе и труднѣе, борьба за существованіе требуетъ все большаго вниманія и напряженія . . . ; при чемъ здѣсь «совѣсть»? что она можетъ дать, кромѣ новыхъ и притомъ безплодныхъ осложненій и заботъ? пускай надъ ней возятся люди «сентиментальные», «глупые» и не приспособленные къ реальной жизни, а имъ «умнымъ» — не до того . . . Хорошо еще, если такой человѣкъ однажды, — онъ и самъ не знаетъ, откуда это берется и какъ онъ этому поддается, — начнетъ безпокоиться отъ какихъ-то странныхъ внутреннихъ «укоровъ», которые могутъ превратиться и въ настоящія «угрызенія» (а можетъ быть это только «нервы» начинаютъ «пошаливать»?! . . .): ибо все-таки эти угрызенія и муки означаютъ, что и его великолѣпный, все предусмотрѣвшій умъ, интересовавшійся доселѣ только одной цѣлесообразностью, имѣетъ свой предѣлъ, что и его живая душа не исчерпывается ни этимъ умомъ, ни его самодовольствомъ . . .

Христіанская совѣсть, этотъ драгоцѣнный и благодатный даръ христіанскаго откровенія, какъ бы смолкла за послѣдніе вѣка европейскаго просвѣщенія и особенно за послѣдній вѣкъ капиталистическаго расцвѣта. А это указываетъ на то, что «просвѣщенному» и безрелигіозному человѣку нашихъ дней предстоитъ вступить на путь большихъ страданій и потрясеній. Ибо совѣсть не есть какое-то сверхдолжное и недоступное обыкновенному человѣку дѣло «праведника» или «отшельника», ненужное рядовому человѣку и безполезное для верхняго, ведущаго соціальнаго слоя. Напротивъ, *совѣсть нужна каждому человѣку*, и не только въ великія, поворотныя минуты его жизни, но и въ ежедневныхъ дѣлахъ и въ обыденныхъ отношеніяхъ; и то, что совсѣмъ не тронуто ея лучомъ, — оказывается не только *недоброкачественнымъ* въ смыслѣ духовной цѣнности, но и *жизненно непрочнымъ*, не крѣпкимъ, въ высшей степени подверженнымъ распаду и въ личной, и въ общественной жизни.

Совѣсть есть живая и цѣльная воля къ совершенному; поэтому тамъ, гдѣ отмираетъ эта воля, *качественность* становится безразличной для человѣка и начинаетъ уходить изъ жизни; все начинаетъ дѣлаться «недобросовѣстно», все снижается, обезцѣнивается, становится никому не нужнымъ: отъ научнаго изслѣдованія до фабричнаго продукта, отъ преподаванія въ школѣ до ухода за скотомъ, отъ канцеляріи чиновника до уборки улицъ.

Совѣсть есть первый и глубочайшій источникъ чувства отвѣтственности; поэтому тамъ, гдѣ это чувство угасаетъ, — воцаряется всеобщее безразличіе къ результату труда и творчества; что же могутъ создать безотвѣтственный судья, политикъ, врачъ, офицеръ, инженеръ, кондукторъ и пахарь?

Совѣсть есть основной актъ внутренняго самоосвобожденія; поэтому тамъ, гдѣ актъ исчезаетъ изъ жизни, внѣшняя свобода теряетъ свой смыслъ, а политическая свобода начинаетъ извращаться; человѣкъ теряетъ доступъ къ *свободной лояльности* и ему остается только двѣ возможности въ жизни: или повиноваться законамъ изъ корысти и страха, уподобляясь лукавому и невѣрному рабу; или не повиноваться законамъ, всячески изощряясь въ безнаказанномъ правонарушеніи и уподобляясь непойманному преступнику.

Совѣсть есть живой и могущественный источникъ справедливости; поэтому тамъ, гдѣ ея лучи уходятъ изъ жизни, человѣкъ теряетъ какъ бы душевный óрганъ для справедливости и вкусъ къ ней; во что же превратится жизнь въ обществѣ, гдѣ этотъ óрганъ и этотъ вкусъ атрофированы? что за судъ сложится въ этой странѣ? что за чиновничество? что за торговля? какую жизнь поведетъ богатый слой общества? какая эксплуатація низшихъ классовъ водворится въ этой странѣ? какое справедливое него-

дованіе начнетъ накапливаться въ низахъ? какая революціонная опасность повиснетъ надъ государствомъ?

Наконецъ, во всякомъ жизненномъ дѣлѣ, гдѣ личное своекорыстіе сталкивается съ интересомъ дѣла, службы, предмета,—совѣсть является главною силою, побуждающею человѣка къ предметному поведенію; поэтому тамъ, гдѣ совѣсть вытравляется изъ жизни, — ослабѣваетъ чувство долга, расшатывается дисциплина, гаснетъ чувство вѣрности, исчезаетъ изъ жизни начало служенія; повсюду воцаряется продажность, взяточничество, измѣна и дезертирство; все превращается въ безстыдное торжище и жизнь становится невозможной . . .

Вотъ почему я утверждаю, что совѣсть есть не только источникъ праведности и святости, но и живая основа элементарно упорядоченной или тѣмъ болѣе расцвѣтающей культурной жизни. Совѣсть есть то свѣтящееся лоно, изъ котораго исходятъ, пронизывая всю жизнь, лучи качественности, отвѣтственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимнаго довѣрія. И если бы однажды злому духу въ ночи удалось погасить въ душѣ спящихъ людей всѣ лучи совѣсти, хотя бы на сравнительно короткое время, то на землѣ воцарился бы такой адъ, о котомъ самыя злыя сновидѣнія не могли бы дать намъ вѣрнаго представленія.

Отходъ современнаго человѣчества отъ христіанской совѣсти чреватъ величайшими опасностями и бѣдами. Этотъ отходъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не наступитъ возвращеніе. Человѣчеству придется опять пробивать себѣ дорогу къ акту христіанской совѣсти. Но сначала оно должно будетъ замѣтить эту утрату и постигнуть ея роковое значеніе, а для этого ему, быть можетъ, придется пережить крушеніе всего современнаго строя . . . Можетъ быть искра христіанской совѣсти возродится только въ окончательно сгустившихся сумеркахъ безбожія и распада . . . Мы не должны считаться съ этой перспективой, какъ съ неизбѣжной; напротивъ, надо сдѣлать все, чтобы предотвратить трагическое крушеніе нашей духовной культуры. И чѣмъ скорѣе и глубже человѣчество постигнетъ природу переживаемаго имъ духовнаго кризиса, чѣмъ яснѣе оно пойметъ, что безъ совѣсти на землѣ невозможна ни культура, ни жизнь – тѣмъ болѣе бѣдъ и страданій будетъ предотвращено . . .

---

2. Невѣрные пути.

Но что же такое представляетъ изъ себя актъ совѣсти? Какъ осуществить его? Какъ онъ переживается? Къ чему зоветъ онъ? О чемъ онъ вѣщаетъ?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы должны отказаться отъ того, что обычно понимаютъ подъ совѣстью; ибо то, что современные люди представляютъ себѣ, говоря о совѣсти, есть нѣчто искаженное и несоотвѣтственное, какъ бы духовныя развалины, скудные остатки былого христіанскаго храма.

Такъ, когда современные люди говорятъ о совѣсти, то они слишкомъ часто имѣютъ въ виду не силу положительнаго зова, но лишь такъ называемые «укоры совѣсти», т.е. собственно говоря только негативные остатки ея, болѣзненный протестъ вытѣсненнаго и не состоявшагося совѣстнаго акта. Тотъ, кто знаетъ только «укоры» совѣсти, т. е. испытываетъ въ душѣ только ея неодобрительныя проявленія, наступающія послѣ совершенія дурного поступка, — тотъ очевидно не допускаетъ совѣсть къ положительнымъ, творческимъ проявленіямъ, и, можетъ быть, самъ не знаетъ о томъ, что онъ ее вытѣсняетъ, отодвигаетъ, не даетъ ея акту состояться и пронизать душу; возможно, что онъ искажаетъ или извращаетъ этотъ актъ каждый разъ, какъ онъ намѣчается или уже состаивается въ его душѣ; возможно также, что онъ совсѣмъ не представляетъ себѣ, что̀ это за «актъ совѣсти», какъ и когда онъ возникаетъ, что онъ даетъ человѣку и куда онъ ведетъ его. Тогда онъ испытываетъ только то своеобразное «неодобреніе», которое обнаруживается лишь послѣ совершенія дурного поступка или осуществленія дурного состоянія. Это «неодобреніе» выражается иногда въ какомъ-то легкомъ и отдаленномъ «недовольствѣ собою», а иногда обостряется до мучительнаго, невыносимаго отвращенія къ своему поступку и къ самому себѣ. Тогда человѣкъ переживаетъ нѣкій внутренній разладъ, наполняющій душу уныніемъ, тоскою и растерянностью; этотъ разладъ раскалываетъ душу, повергаетъ ее въ состояніе раскола и слабости, мѣшаетъ жить и радоваться; и укоры, встающіе невольно со дна души, бываютъ подчасъ настолько болѣзненны, что человѣкъ начинаетъ думать объ одномъ,— какъ бы ему спастись отъ этихъ гложущихъ упрековъ и отъ этого внутренняго раскола. И не зная, какъ спастись отъ нихъ,

онъ переноситъ свое отвращеніе и ненависть на самую совѣсть... Вотъ откуда это зловѣщее описаніе совѣсти у Пушкина («Скупой рыцарь»):

. . . «Иль скажетъ сынъ, . . . что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ! . . .» *)

Можетъ быть, проще всего было бы задушить въ себѣ это совѣстное неодобреніе: вытѣснить его туда, въ ту самую безсознательную душевную глубину, въ которой оно возникаетъ и изъ которой появляется, и постараться о томъ, чтобы оно тамъ болѣе не оживало . . . Есть люди, которымъ это повидимому удается: но есть и такіе, которыхъ на этомъ-то пути и ждетъ крушеніе.

Тѣ, которымъ это удается, создаютъ въ своей душѣ какъ бы нѣкій подземный погребъ, въ которомъ они пытаются замуровать или просто похоронить свою совѣсть со всѣми ея укорами; чѣмъ тягостнѣе или даже мучительнѣе проявлялись доселѣ укоры совѣсти, чѣмъ труднѣе было удалить ихъ изъ дневного сознанія души, тѣмъ ожесточеннѣе ведется эта замуровывающая или удушающая борьба съ совѣтью, съ тѣмъ большимъ гнѣвомъ или даже яростью воспринимается и вытѣсняется новое оживленіе ея укоровъ. Дѣло можетъ дойти до того, что каждый намекъ на совѣсть или на с о в ѣ с т н ы й а к т ъ (у самого себя, или у другихъ, или въ искусствѣ) будетъ встрѣчаться съ затаенной иронією или прямымъ издѣвательствомъ. Отвращеніе можетъ перенестись съ совѣстнаго переживанія и на то, къ чему оно призываетъ, и тогда самая и д е я д о б р а, доброты, добродѣтели можетъ стать человѣку ненавистной и отвратительной. Душа становится циничной, черствой и холодной; и если она не лишена темперамента, то она начинаетъ связывать свой «паѳосъ» съ отрицаніемъ нравственности, съ проповѣдью ненависти и мести (напр. доктрина классовой борьбы). Все, что остается въ такой душѣ отъ совѣсти, сводится къ злобной иронiи по отношенію ко всей проблемѣ доброты и праведности, и можетъ быть остается еще вѣчная потребность справлять, подобно нѣкоторымъ дикарямъ, вызывающій танецъ торжества и глумленія надъ могилою мнимо-убіеннаго врага. Чарльзъ Диккенсъ разсмотрѣлъ и описалъ этотъ типъ ожесточенныхъ людей съ

*) Эта способность совѣстныхъ укоровъ — доводить человѣка до галлюцинацій была не разъ описана въ міровой литературѣ; срв. хотя бы у графа А. К. Толстого, Князь Серебряный, «Ночное шествіе»; у Пушкина, Борисъ Годуновъ, Сцена въ «Царскихъ Палатахъ»; у Шиллера, «Разбойники»; и у другихъ. Срв. ямбическую сентенцію глубокомысленнаго римскаго драматурга начала нашей эры, Публія Сиріянина: «Nil ist miserius, quam mali animus conscius» («нѣтъ ничего болѣе жалкаго, чѣмъ душа, знающая за собою содѣянное зло»).

силою настоящаго ясновидца; Достоевскій вывелъ его съ потрясающей силой и глубиной. Надо признать, что этотъ типъ связанъ нѣкоторымъ образомъ съ эпохой капитализма и особенно мірового капитала, и притомъ такъ, что его легко можно встрѣтить въ обоихъ лагеряхъ — и въ лагерѣ самодовлѣющаго маммонизма и въ лагерѣ всепопирающей революціонности . . .

Но если человѣку н е удается вытѣснить совѣстные укоры и какъ бы удушить самую совѣсть, то весь внутренній міръ его остается расколотымъ и ослабленнымъ. Человѣкъ чувствуетъ себя гдѣ-то въ глубинѣ парализованнымъ или сломленнымъ; и это самочувствіе оказывается тѣмъ болѣе острымъ, чѣмъ больше этотъ человѣкъ былъ искони предрасположенъ къ добру; чѣмъ утонченнѣе и чувствительнѣе была его душа отъ природы. Тогда ему приходится отыскать и установить нѣкій компромиссъ. Душа жаждетъ равновѣсія и ищетъ спокойствія; она неспособна ни вѣчно обманывать себя передъ лицомъ совѣсти, ни спокойно выносить и созерцать свою собственную нравственную недостойность. Лучшее, что изъ этого могло бы возникнуть и что нѣкоторымъ людямъ и удается — это извѣстная нравственная скромность, какъ по отношенію къ другимъ людямъ, такъ и по отношенію къ самому себѣ: «всѣ мы люди слабые и грѣшные, и не мнѣ судить и осуждать другихъ». Такой человѣкъ научается вѣрно разумѣть заповѣдь Христа: «не судите, да не судимы будете» (Мтѳ. 7, 1) . . .

Однако наряду съ этимъ можетъ возникнуть и другой, вредный и опасный процессъ; а именно — п о н и м а н і е с о в ѣ с т и с н и ж а е т с я и л и и з в р а щ а е т с я. Человѣкъ, которому не удается поднять себя до совѣсти, начинаетъ о п у с к а т ь е е д о с е б я. Не умѣя примирить себя съ нею, онъ начинаетъ толковать и даже воспринимать ее, какъ яко бы «готовую на уступки». Тѣ содержанія, которыя совѣсть даетъ, или на которыя она намъ указываетъ, начинаютъ перетолковываться въ «нужномъ» направленіи или просто искажаться; человѣкъ произвольно излагаетъ и формулируетъ ихъ, постепенно приближая къ повседневнымъ соображеніямъ о жизненной цѣлесообразности и житейской пользѣ. Отсюда возникаетъ постепенно новое пониманіе совѣстнаго акта, въ корнѣ невѣрное и вредоносное; человѣкъ начинаетъ не только ложно мыслить и разглагольствовать о совѣсти, но и утрачиваетъ самый совѣстный актъ въ его вѣрномъ строеніи: с о в ѣ с т ь в ъ е я ч у д е с н о м ъ п о л н о г л а с і и и в с е с и л і и какъ бы у м о л к а е т ъ въ его душѣ. Тогда человѣкъ начинаетъ самъ говорить за свою совѣсть и в м ѣ с т о н е я такъ, какъ если бы онъ самъ былъ компетентенъ выдумывать ея таинственныя указанія и священныя содержанія, или во всякомъ случаѣ— толковать и формулировать ихъ по своему усмотрѣнію. Отсюда-то и возникаютъ эти ложныя ходячія выраженія: «моя совѣсть не протестуетъ, если я поступаю такъ-то и такъ-то»; или: «моя совѣсть разрѣшила мнѣ то-то и то-то»; и еще: «этотъ компромиссъ я ужъ сумѣю оправдать передъ моею совѣстью» и т. д. И вотъ, совѣсть незамѣтно превращается въ какое-то личное

консультаціонное бюро, дающее полезные и успокоительные совѣты; или какъ бы въ расписаніе жизненныхъ поѣздовъ, въ которомъ всегда указано много разныхъ возможностей, такъ что человѣкъ всегда можетъ выбрать себѣ самыя удобныя направленія съ самыми удобными пересадками во всѣхъ затрудительныхъ случаяхъ. Это значитъ, что актъ совѣсти совершенно искаженъ или утраченъ; люди продолжаютъ говорить о немъ, совсѣмъ не зная, как ъ онъ переживается и что́ онъ даетъ человѣку.

Таковы два основныя искаженія, которымъ бываетъ подвержено у людей переживаніе совѣсти: 1. вытѣсненіе совѣстнаго акта, доходящее до полнаго ожесточенія души; 2. сниженіе совѣстнаго акта въ процессѣ приспособляющихся компромиссовъ, при помощи произвольнаго изложенія и перетолковыванія его содержаній. Классическій примѣръ искаженія второго рода даютъ намъ «Воспоминанія» Ксенофонта о Сократѣ: Ксенофонтъ не понялъ своего учителя; онъ превратилъ его философическія изслѣдованія о совѣсти въ разсудочныя соображенія о цѣлесообразномъ и полезномъ въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ профессій; онъ сталъ произвольно истолковывать и формулировать показанія совѣсти, оживленной въ немъ уроками Сократа, и создалъ въ итогѣ нѣкую своеобразную и незабываемую въ своей пошлости теорію, отъ которой Сократъ навѣрное отвернулся бы съ горечью.

По тому же пути идутъ и «утилитаристы» всѣхъ временъ и народовъ, поскольку они вообще хоть сколько-нибудь касаются въ своемъ опытѣ проблемы добра. Принципіально говоря, вопросъ о нравственно-совершенномъ рѣшается совѣстью, какъ особымъ о́рганомъ духа, или особымъ актомъ опытнаго воспріятія; вопросъ же о пользѣ и полезности (utilitas) есть совсѣмъ другой вопросъ, требующій иного опыта, иныхъ воспріятій, иного разсмотрѣнія. Эти вопросы инородны другъ другу; ихъ нельзя смѣшивать или сливать; недопустимо замѣнять одинъ изъ нихъ другимъ. Полезно то, что является вѣрнымъ средствомъ, ведущимъ къ извѣстной цѣли; но цѣлей у людей много; эти цѣли различны, относительны и условны; полезное средство есть причина или орудіе, цѣль есть слѣдствіе или желанный эффектъ; и для установленія всего этого нѣтъ нужды обращаться къ совѣстному акту и его показаніямъ. Поистинѣ, для условныхъ цѣлей человѣка можетъ быть полезнымъ многое такое, что совершенно противорѣчитъ голосу совѣсти и нравственному совершенству . . . И наоборотъ: добро часто бываетъ «вредно» дурнымъ людямъ; а путь нравственнаго совершенства, подсказываемый совѣстью, можетъ стоить человѣку и здоровья и жизни . . .

Еще одинъ изъ классическихъ ложныхъ путей, ведущихъ не къ совѣсти, а отъ совѣсти, есть путь интеллектуализаціи совѣстнаго акта. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что люди ждутъ отъ совѣсти сужденія (judicium), т. е. облеченнаго въ понятія и слова приговора. Но для того, чтобы получить такое логически оформленное сужденіе, необходимо, чтобы между «приговоромъ» и совѣстнымъ актомъ вдвинулась

функція мышленія. Мысль, вдвигаясь между совѣстью и приговоромъ, начинаетъ сначала заслонять показаніе совѣсти, потомъ насильственно укладывать его въ логическія формы, искажать его своими разсужденіями и даже выдавать себя за необходимую форму совѣстныхъ показаній. Умъ заслоняетъ совѣсть; онъ умничаетъ по земному, по человѣческому, внося свои эмпирическія соображенія о цѣлесообразности, пользѣ и т. д. Отъ этого человѣкъ теряетъ доступъ къ совѣстному акту и начинаетъ принимать разсудочныя соображенія своего земного ума и земного опыта за показанія самой совѣсти. Воображая, что онъ имѣетъ дѣло съ совѣстнымъ актомъ, онъ оказывается на самомъ дѣлѣ въ положеніи какого-то моральнаго аптекаря передъ какими-то разсудочными житейскими вѣсами, на которыхъ онъ взвѣшиваетъ сначала всѣ аргументы «за» такой-то поступокъ, потомъ всѣ аргументы «противъ» такого-то поступка, а въ дальнѣйшемъ можетъ быть и силу доказательности каждаго изъ этихъ «за» и «противъ». Все это разрабатывается якобы конкретно, т. е. примѣнительно къ типическимъ, предусматриваемымъ положеніямъ возможныхъ людей; и по всѣмъ пунктамъ даются болѣе или менѣе «доказательныя» рѣшенія и совѣты. Слагается цѣлая доктрина моральной «казуистики» (отъ слова casus=случай), которая не имѣетъ никакого отношенія къ совѣсти и свидѣтельствуетъ только о томъ, что доступъ къ совѣстному акту утраченъ.

Такова «моральная теологія» католиковъ и въ особенности іезуитовъ, гдѣ изъ за умственныхъ построеній и логическихъ выводовъ — голосъ совѣсти перестаетъ быть слышнымъ. Житейскій умъ съ его разсудочной логикой застилаетъ совѣсть какъ бы дымной завѣсой; соображенія «за» и «противъ» поѣдаютъ другъ друга; несомнѣнный, очевидный призывъ совѣсти заслоняется условными соображеніями о «сравнительно лучшемъ», и «сравнительно худшемъ» о «вѣроятности» того или другого сужденія, о «позволенности» такого-то образа дѣйствія, о его «сравнительной грѣшности» и «простительности» и т. д. Совѣсть перестаетъ быть, по классическому выраженію Цицерона, силою («vis»*); она оказывается растерянною слабостью, подающею болѣе или менѣе «вѣроятные» и «доказуемые» совѣты или позволенія въ трудныхъ случаяхъ жизни; — и въ концѣ концовъ, отъ нея, строго говоря, не остается ничего.

Все это блужданіе и заблужденіе объясняется именно тѣмъ, что совѣстный актъ осуществляется въ невѣрномъ строеніи; ибо въ него включается препятствующая и искажающая сила отвлеченной мысли. Поэтому всюду, гдѣ мы находимъ соотвѣтствующія опредѣленія совѣсти, мы должны заранѣе знать, куда это ведетъ и приведетъ. Такъ, уже опредѣленіе Θомы Аквинскаго («совѣсть есть примѣненіе науки къ какому-нибудь поступку») чревато всѣми этими заблужденіями. Нельзя также опредѣлять совѣсть, какъ «сужде-

*) Cicero Leg. 2, 4.

н і е у м а» (indicium intellectus); невѣрно опредѣленіе совѣсти, какъ «практическаго предписанія разума»; ошибочно начинать съ того, что каждое показаніе совѣсти есть «выводъ изъ двухъ предпосылокъ» и т. д. и т. под. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что показаніе совѣсти въ глубинѣ своей и содержаніи своемъ — р а з у м н о, т. е. соотвѣтствуетъ нѣкоторой божественной разумности, вложенной въ міръ людей, вещей и ихъ отношеній. Но дается и испытывается это т а и н с т в е н н о - р а з у м н о е содержаніе н е в ъ ф о р м а х ъ ч е л о в ѣ ч е с к а г о и н т е л л е к т а; и въ моментъ совѣстнаго акта сила человѣческаго ума, «разума» или «разсудка» должна быть приведена къ молчанію. Совѣстный актъ не есть актъ интеллекта, и задача послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы удержать свое дыханіе и предоставить т а и н с т в е н н о - р а з у м н о м у с о д е р ж а н і ю с о в ѣ с т и в с т у п и т ь в ъ д у ш у в ъ н е - у м с т в е н н ы х ъ ф о р м а х ъ. Въ этомъ отношеніи опытъ совѣсти подобенъ опыту молитвы и опыту художественному, а не опыту научнаго анализа, синтеза и доказательства.

Таковы основныя ошибки, уводящія человѣка отъ вѣрнаго воспріятія совѣсти и ея показаній.

---

3. Вѣрный путь.

Эти критическія указанія даютъ намъ возможность формулировать тѣ положительныя требованія, безъ соблюденія которыхъ совѣстный актъ не можетъ состояться во всей своей силѣ и свободѣ.

Итакъ, совѣстный актъ осуществляется не въ порядкѣ разсудочнаго умничанія, сужденій, разсужденій, выводовъ, доказательствъ и т. под., но въ порядкѣ *ирраціональнаго сосредоточенія души.* Онъ не нуждается ни въ какихъ теоретическихъ «построеніяхъ», метафизическихъ или эмпирическихъ обобщеніяхъ и т. под. Все это не содѣйствуетъ его наступленію, а мѣшаетъ ему. Тотъ, кто хочетъ пережить совѣстный актъ во всей его силѣ и свободѣ, тотъ долженъ въ особенности отказаться отъ всякаго сознательнаго взвѣшиванія различныхъ доводовъ «за» и «противъ», отъ умственнаго разсмотрѣнія пользъ, нуждъ и цѣлесообразностей, отъ попытокъ предусмотрѣть возможныя послѣдствія того или иного поступка и т. д. Все это необходимо въ политикѣ, медицинѣ, торговлѣ и другихъ жизненно-практическихъ сферахъ; но для осуществленія совѣстнаго акта необходимо прежде всего *освободить горизонтъ своей души* отъ бремени этого условнаго, относительнаго и предположительнаго матеріала. Все это остается въ предѣлахъ личнаго знанія и субъективнаго мнѣнія; во все это можетъ быть вложено много житейскаго опыта, ума и интуиціи, но для совѣстнаго акта необходимо оставить все это въ сторонѣ, извлечь себя изъ всего этого и уйти въ глубину *ирраціональнаго чувствованія*... Конечно, въ видѣ исключенія, можетъ случиться и такъ, что совѣстный актъ состоится *вопреки* всему этому умствованію, прорвется черезъ всѣ эти интеллектуальныя баррикады «соображеній», «комбинацій», «конструкцій» и доказывающихъ усилій, и смоетъ ихъ своимъ чистымъ и могучимъ токомъ. Но разсчитывать на это нельзя и не слѣдуетъ.

Это требованіе «свободнаго горизонта души» относится не только къ умственно-разсудочнымъ соображеніямъ, но и къ *воображенію,* особенно постольку, поскольку оно приводится въ движеніе и руководится личнымъ интересомъ и личными склонностями даннаго человѣка. Мечтая и опасаясь, вожделѣя и отвращаясь, человѣкъ почти всегда склоненъ предвос-

хищать воображеніемъ — то желанное, какъ бы зазывая и подкупая самъ себя, то нежеланное, какъ бы отталкиваясь отъ него и застращивая себя имъ. Эти желанные образы и отвратительныя фантазіи повисаютъ на душѣ цѣлыми гирляндами, то помогая, то мѣшая всякому доказательству, окрашивая эмоціонально и фантастически умственный процессъ и загромождая горизонтъ души не менѣе если не болѣе умственныхъ соображеній. Въ этомъ отношеніи Маркъ Аврелій былъ правъ и мудръ, когда писалъ: «устрани воображеніе, останови влеченіе, подави свои склонности: предоставь Руководящему Началу господствовать надъ тобою» («Наединѣ съ собою». (IX, 7).

Третье требованіе состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, подготовляющій себя къ совѣстному акту, не выдвигалъ готовыхъ вопросительныхъ формулъ, въ которыхъ бываетъ предусмотрѣна какая-нибудь дилемма («или —, или — . . .»). Напримѣръ: «что мнѣ въ этомъ случаѣ — говорить или промолчать?»; «идти ли мнѣ добровольцемъ на войну, обрекая мою семью голоду и холоду, или посвятить себя своей семьѣ и оставить родину на произволъ судьбы»; или еще: «если я брошусь въ воду спасать этого утопающаго, то я пожалуй, чего добраго, простужусь?» и т. д. Всѣ такіе вопросы (и имъ подобные) — ошибочны и безцѣльны. Они могутъ только помѣшать осуществленію совѣстнаго акта, и притомъ потому, что они замыкаютъ его силу и свободу въ произвольныя, выдуманныя, искусственныя границы. Объемъ человѣческаго ума и опыта — узокъ и ограниченъ; а творческая сила совѣсти велика и непредусмотрима. Не слѣдуетъ ставить генію,—а *совѣсть есть именно начало нравственной геніальности* въ человѣкѣ, — узкіе, маленькіе, глупые вопросы: онъ на нихъ не можетъ и не обязанъ отвѣчать; и если не отвѣтитъ, то будетъ правъ. Всѣ эти вопросы вращаются какъ бы въ *двухъ* измѣреніяхъ и не предвидятъ возможностей *третьяго* измѣренія; а генію видны именно эти, какъ бы «сверхсмѣтныя» возможности . . . Люди вообще должны понять и усвоить, что *искусство ставить вѣрные вопросы* нисколько не менѣе *искусства давать вѣрные отвѣты*; ибо есть множество дурныхъ, ложныхъ вопросовъ, на которые вообще нельзя и не слѣдуетъ отвѣчать: *всѣ* отвѣты на нихъ могутъ быть только дурными и ложными. Напр., не слѣдуетъ спрашивать: «въ какой части тѣла находится душа человѣка?» — потому что она не находится ни въ какой части тѣла, ибо она вообще непротяженна и непространственна и т. под. Къ сожалѣнію, повседневная человѣческая жизнь изобилуетъ такими ложными вопросами, которые нерѣдко переносятся и въ публицистику, и въ философію, и въ науку.

Возможно, конечно, что совѣстный актъ осуществится несмотря на такой дурной вопросъ и прорвется сквозь эту нелѣпую преграду, но тогда вопрошающій человѣкъ увидитъ внезапно, что все его вопрошаніе опрокинуто и отвергнуто и что онъ самъ попалъ въ великое смущеніе и затрудненіе; и тѣмъ труднѣе будетъ ему вѣрно воспринять и постигнуть отвѣтъ совѣсти,

чѣмъ больше вѣса и значенія онъ, по своей наивности, придавалъ съ самаго начала своему дурному вопросу. Однако возможенъ и худшій исходъ, а именно: человѣкъ, насильственно и упорно нажимающій на свое совѣстное вдохновеніе, — а совѣстный актъ есть именно актъ нравственнаго вдохновенія, — пресѣчетъ и обезсилитъ его, не дастъ ему состояться и не получитъ никакого отвѣта. И тогда наступитъ описанная уже классическая опасность — произвольнаго искаженія или субъективистической подмѣны совѣстнаго показанія.

Четвертое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, вопрошающій свою совѣсть, обращался къ ней не въ качествѣ изслѣдователя, а въ качествѣ дѣятеля. Испытаніе совѣстнаго акта не должно исходить изъ отвлеченной любознательности, желающей установить нѣкую теоретическую истину, или (еще хуже) изъ празднаго любопытства, желающаго производить ни къ чему не обязывающія наблюденія. Конечно, указанія и содержанія, даруемыя совѣстнымъ актомъ, могутъ быть впослѣдствіи теоретически продуманы, формулированы и теоретизированы; мало того — вообще невозможно написать этику, т. е. изслѣдованіе о добрѣ и злѣ, безъ живого, творческаго акта совѣсти, ибо при отсутствіи его, человѣкъ лишается основного: самостоятельнаго и непосредственнаго нравственнаго опыта. И тѣмъ не менѣе, человѣкъ, приближающійся внутренно къ акту совѣсти, какъ бы къ нѣкоему алтарю, не долженъ дѣлать это въ качествѣ теоретическаго изслѣдователя или философа, и не долженъ вопрошать о какомъ-то отвлеченно-теоретическомъ жизненномъ случаѣ. Если онъ это дѣлаетъ, то онъ превращаетъ себя въ нѣкотораго отвлеченнаго субъекта познанія, а самъ онъ, какъ живой человѣкъ со всей его настоящей сердечной глубиной, онъ самъ, какъ цѣлостная личность—остается гдѣ-то въ сторонѣ, и въ переживаніи совѣстнаго акта не участвуетъ. Это значитъ, что онъ не живетъ совѣстью, а какъ бы подсматриваетъ за нею; что онъ ограждается отъ нея, какъ бы прячется въ щель, для того, чтобы оттуда «спровоцировать» ее, отнюдь не отдаваясь ей, отнюдь не вводя въ это событіе всего себя, не бросаясь въ него героически, цѣликомъ. А вслѣдствіе этого возникаетъ опасность, что совѣстный актъ совсѣмъ не состоится и что вмѣсто этого «изслѣдователь», сидя въ своей засадѣ, придумаетъ болѣе или менѣе подходящій или правдоподобный (probabile) отвѣтъ — вмѣсто совѣсти и какъ бы отъ ея лица; о затѣмъ онъ приметъ этотъ отвѣтъ за совѣстное указаніе и увѣритъ другихъ въ томъ, что такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ результатѣ совершится подмѣна совѣстнаго акта: содержанія его окажутся не подлинными, а выдуманными; человѣкъ совершитъ самообманъ и въ дѣйствительности не познàетъ ничего.

Дѣло въ томъ, что совѣстный актъ есть состояніе вдохновенное и цѣлостное. Онъ не можетъ состояться во всей своей полнотѣ при расщепленіи души, или при ка-

какихъ-нибудь «резервацiяхъ» (оговоркахъ, обходахъ, исключенiяхъ и т. п.). Всякое «постольку-поскольку» вредитъ дѣлу. Но больше всего вредитъ и затрудняетъ — теоретическiй «отводъ» своей собственной личности. Напротивъ, вопрошающiй свою совѣсть долженъ самъ предстать передъ ней во всей своей цѣльности; онъ долженъ идти не отъ выдумки, а отправляться отъ самого себя, вводя въ дѣло себя самого и притомъ цѣликомъ; онъ долженъ спрашивать не про другого и не для другого, а про себя и для себя; и не «теоретически», чтобы вывѣдать и узнать, а практически, чтобы такъ рѣшить и сдѣлать. Совѣсть не Пиѳiя, дающая совѣты другимъ людямъ; и не теоретическiй справочникъ, вродѣ таблицы умноженiя или таблицы логариѳмовъ, который примѣнимъ и къ жизни, и къ выдумкѣ. Человѣкъ долженъ обращаться къ совѣсти съ вопросами своей личной жизни и дѣятельности; и притомъ не для знанiя, а для дѣланiя. Онъ долженъ собрать себя, сосредоточиться и отдаться цѣликомъ этому вопросу: «что мнѣ сдѣлать?»... такъ долженъ начинаться его вопросъ. И спрашивать онъ долженъ, какъ уже сказано, не о «самомъ полезномъ», или самомъ цѣлесообразномъ, или удобномъ, или выгодномъ, или здоровомъ, или умномъ, или успокоительномъ, или легкомъ, или прiятномъ и т. д. и т. д., но о нравственно-лучшемъ. Христiанину будетъ легче всего понять, если сказать: о «христiански-лучшемъ», или о томъ, что Христосъ-Спаситель совершилъ бы Самъ; или за что Онъ одобрилъ бы другого; или о томъ, что слѣдовало бы сдѣлать по Его слову, для Его славы, ради Него . . . *)

Итакъ вопросъ, обращаемый къ совѣсти, долженъ былъ бы звучать приблизительно такъ: «что мнѣ сдѣлать, чтобы совершить нравственно лучшее?»...

Этотъ основной вопросъ не долженъ подразумѣвать никакого житейски готоваго исхода и не долженъ предвосхищать никакого отвѣта. И все же онъ можетъ ставиться въ двухъ различныхъ значенiяхъ и толковаться на двое, а именно; во-первыхъ, можно имѣть въ виду опредѣленное, конкретное жизненное положенiе, въ которомъ я нахожусь въ данный моментъ — передъ лицомъ этихъ обстоятельствъ, этихъ людей, этой необходимости дѣйствовать; во-вторыхъ, можно имѣть въ виду общую и основную линiю моей жизни и моего поведенiя. Что же вѣрнѣе и предпочтительнѣе?

Первая форма вопроса заслуживаетъ предпочтенiя въ силу цѣлаго ряда основанiй.

---

*) Сравни формулу у глубокомысленнаго художника и философа Н. С. Лѣскова: «Я, когда мнѣ что нужно сдѣлать, сейчасъ себя въ умѣ спрашиваю: можно ли это сдѣлать во славу Христову? Если можно, такъ дѣлаю, а если нельзя, — того не хочу дѣлать». «На краю свѣта», глава V.

Надо признать, что область совѣстнаго опыта вообще совсѣмъ не такъ просто и легко доступна для насъ, людей, въ нравственномъ отношенiи неустойчивыхъ и часто даже безпомощныхъ; поэтому намъ не слѣдуетъ браться за самое сложное и трудное, требующее великой духовной мудрости, огромнаго горизонта и долгаго нравственнаго дыханiя. Надо идти къ великому отъ малаго; къ трудному отъ легкаго; къ общему отъ частнаго; къ силѣ — отъ слабости. Между тѣмъ вторая постановка вопроса о всей жизни и объ ея основной линiи является весьма радикальной и трудной; она предполагаетъ въ вопрошающемъ человѣкѣ большую внутреннюю свободу, силу характера и, главное, большое и опытно укрѣпленное искусство въ обхожденiи съ совѣстью. Но даже и при наличности всѣхъ этихъ условiй остается опасность, что человѣкъ не сумѣетъ вѣрно внять указанiямъ совѣсти и впадетъ въ теоретическое доктринерство, въ отвлеченныя выдумки, въ чисто утопическiя требованiя и построенiя. Отсюда—то и родятся всѣ эти мечтательныя, преувеличенно-требовательныя, утопическiя построенiя, въ которыхъ нежизненность сочетается съ непримиримостью, а образующаяся между жизнью и доктриною пропасть заполняется (въ зависимости отъ личнаго темперамента) сентиментальными или свирѣпыми словами. Напротивъ, первая формула вопроса, направленная на исходъ изъ моего конкретнаго жизненнаго положенiя, начинаетъ именно съ малаго, легкаго, частнаго и слабаго; она ограничивается скромными предѣлами личнаго жизненнаго случая; она является по силамъ для начинающаго, а мы всѣ, увы, все еще остаемся начинающими въ сферѣ совѣстнаго опыта; опасность же празднаго теоретизированiя отпадаетъ здѣсь совсѣмъ.

На свѣтѣ есть не мало моральныхъ философовъ, которые съ этой опасностью не справились; и не только въ томъ смыслѣ, что они желали получить отвѣтъ о всей своей жизни сразу, но и въ томъ, что они этотъ якобы полученный отвѣтъ стремились отнести ко всѣмъ людямъ и строили нежизненную утопiю.

Такова напр. судьба графа Л. Н. Толстого. Онъ является несомнѣнно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ носителей совѣстнаго акта въ 19 вѣкѣ. И тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что если бы онъ держался въ предѣлахъ личнаго и единоличнаго, а не теоретизировалъ бы объ «общемъ» и о великихъ рецептахъ спасенiя всѣхъ людей отъ всѣхъ золъ и пороковъ, то онъ не пришелъ бы къ той парадоксальной, нежизненной и противокультурной доктринѣ, которая называется «толстовствомъ»; ограничиваясь личнымъ самосовершенствованiемъ, не выступая въ качествѣ пророка и всеобщаго обличителя, онъ былъ бы цѣленъ въ своемъ совѣстномъ актѣ: онъ бы сталъ больше дѣйствовать и поступать, и меньше проповѣдывать и обличать; онъ достигъ бы большаго, а требовалъ бы меньшаго; и наконецъ, онъ понялъ бы, что эти общеутвердительныя и

общеотрицательныя сужденія («всѣ люди должны дѣлать то-то, никто изъ людей не долженъ дѣлать того-то»), въ которыхъ выражалась его доктрина, шли не отъ совѣсти, а отъ его собственнаго разсудка.

Несомнѣнно также, что другой замѣчательный носитель совѣсти въ 19 вѣкѣ, Викторъ Гюго, создалъ бы гораздо менѣе театральныхъ позъ и аффектированныхъ (т. е. въ выраженіи чувства преувеличенныхъ и потому неискреннихъ) фразъ, если бы онъ, не претендуя быть нравственнымъ и соціальнымъ пророкомъ, умѣрилъ свой неистовый темпераментъ до простой искренней любви и увелъ бы свою фантазію отъ театральныхъ «общечеловѣческихъ» эффектовъ къ простому, но художественно чуткому описанію жизни совѣстныхъ душъ.

Наконецъ, нельзя не признать, что Іоганнъ Готлибъ Фихте, пытавшійся создать въ началѣ 19 вѣка что-то вродѣ «религіи совѣсти» и дѣйствительно выдвинувшій «метафизику совѣсти», остался для большинства его современниковъ и читателей непонятнымъ потому, что интересъ построенія единой и логически непререкаемой философской системы возобладалъ у него надъ потребностью въ искренней простотѣ и ясной глубинѣ. Иногда прямо кажется, что Фихте, несмотря на его героическія усилія быть «яснымъ какъ солнце» и «вынудить» у читателя вѣрное пониманіе его ученія, дѣлалъ все для того, чтобы укрыть живую совѣсть, какъ начало духовнаго самоутвержденія, въ непроходимомъ лѣсу метафизическихъ хитросплетеній *).

Всѣ такія попытки въ дѣйствительности не облегчаютъ человѣку доступъ къ совѣстному акту, а скорѣе затрудняютъ ему этотъ путь. Совѣсть не даетъ человѣку никакихъ обобщеній; эти обобщенія человѣкъ придумываетъ самъ. Совѣсть указываетъ человѣку прежде всего и больше всего на единый, нравственно-лучшій исходъ изъ даннаго жизненнаго положенія; всеобщій рецептъ совершенства извлекается изъ этого указанія человѣческимъ обобщающимъ разсудкомъ. Вотъ откуда множество расходящихся другъ съ другомъ моральныхъ теорій: одни люди выдумываютъ, совсѣмъ не обращаясь къ совѣстному акту; другіе выдумываютъ невѣрно вопросивъ его или невѣрно внявъ ему, или произвольно обобщивъ его указаніе. Вотъ почему гораздо лучше и продуктивнѣе обращаться къ совѣсти много разъ для полученія единичныхъ указаній въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни, чѣмъ требовать отъ нея общихъ правилъ и рецептовъ, которые быть можетъ (именно вслѣдствіе ихъ отвлеченности и общности) удастся «помыслить» и «формулировать», но не удастся примѣнить къ жизни. И здѣсь, какъ всегда, милосердный самарянинъ будетъ выше теоретизирующаго фарисея.

*) Срв. мои двѣ работы о философіи Фихте Старшаго: «Кризисъ идеи субъекта въ Наукоученіи Фихте Старшаго» и «Философія Фихте, какъ религія совѣсти». Журналъ Вопросы Философіи и Психологіи. Книги 111 и 122. Одно изъ сочиненій Фихте такъ и называется: «Sonnenklarer Bericht oder Versuch den Leser zum Verstehen zu zwingen» (принудить) . . .

Ко всему этому необходимо добавить еще одно чрезвычайно существенное разъясненіе: совѣстный актъ самъ по себѣ совсѣмъ не нуждается ни въ какихъ сознательно формулированныхъ или полусознательно предносящихся «вопросахъ», онъ можетъ осуществиться и безъ всякаго зова или вопроса, онъ можетъ состояться по его собственному почину или движенію въ душѣ у человѣка, который къ нему не обращался, его не ожидалъ и можетъ быть даже и не хотѣлъ его вовсе. У многихъ, дѣйствительно хорошихъ людей совѣстный актъ приходитъ какъ бы самъ; онъ самъ какъ бы возвышаетъ свой «голосъ» (на самомъ дѣлѣ никакого слышимаго «голоса», конечно, нѣтъ, это была бы иллюзія или галлюцинація), имъ не надо ни спрашивать, ни взывать, ни ждать отвѣта; совѣсть приходитъ въ движеніе по собственному побужденію, въ силу собственной власти — и указуетъ; а можетъ быть она, разъ освѣтивъ душу, никогда уже не угасаетъ и не перестаетъ посылать свои лучи. Это бываетъ особенно у тѣхъ людей, у которыхъ священныя врата между любящимъ сердцемъ и сознательнымъ дѣланіемъ не закрыты и не завалены, но всегда остаются настежъ отверстыми въ осуществленіе живой и искренней доброты. И вотъ въ эти отверстыя ворота совѣстное содержаніе вступаетъ легко и просто, подобно нѣкоему священному и всегда желанному гостю. Тогда совѣсть чувствуетъ себя въ жилищѣ сознательной души, какъ у себя дома, она господствуетъ въ немъ и распоряжается, а душа, освященная совѣстью, начинаетъ сама горѣть, и свѣтить, и излучать совѣстные лучи. Мало того, человѣческая душа можетъ настолько сродниться съ совѣстью, что утратитъ грань между собою и ею: тогда человѣческое «я» перестаетъ противопоставлять совѣсть себѣ, а себя — своей совѣсти; ея зовы становятся «моими» желаніями; и даже этотъ «переходъ» отъ ея зова къ моему желанію исчезаетъ. И только тогда, когда «мнѣ» захочется чего-нибудь совѣстно-невѣрнаго — я услышу въ глубинѣ своей протестующій и осуждающій гласъ совѣсти. Именно это замѣчательное явленіе подмѣтилъ въ себѣ Сократъ, указывая на то, что его внутренній божественный гласъ *) никогда не давалъ ему положительныхъ, побудительныхъ указаній («сдѣлай то-то»), а только отрицательныя, воздерживающія (не дѣлай того-то»); понятно, почему это такъ было; праведная воля Сократа испытывала положительные зовы совѣсти, какъ свои собственныя желанія и побужденія, и воспринимала въ себѣ «даймоній», какъ нѣчто сверхличное — только въ моментъ ошибочнаго волеуклоненія.

Вотъ почему такъ важно, чтобы у каждаго изъ насъ ворота, лежащія между совѣстью и нашимъ сознательно-дѣйствующимъ существомъ — были не только не завалены, но всегда открыты. Главнымъ средствомъ для этого является молитва,

---

*) По-гречески «δαιμόνιον», — «даймоній». Наивные и неосвѣдомленные люди переводятъ это словомъ «демонъ» и начинаютъ утверждать, будто Сократъ знался «съ нечистою силою».

внутреннее взываніе къ Богу, раскрывающее эти таинственныя ворота сверху (отъ сознанія) и прожигающее ихъ снизу (изъ безсознательнаго) отвѣтными лучами благодати. Пусть это будетъ молитва безъ словъ и просьбъ, на подобіе того, какъ молился русскій святой Андрей Юродивый: онъ уходилъ въ одиночество, на кладбище и, ставъ на колѣни, часами взывалъ изъ послѣдней глубины и полноты, произнося только: «Господи! Господи!!» и обливаясь слезами. «Ибо», по слову Апостола Павла, «мы не знаемъ, о чемъ молиться, какъ должно, но Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизрѣченными» *). И не трудно понять, почему здѣсь такъ важна молитва: самое воззваніе къ совѣсти, этотъ вопрошающій стукъ у двери ея, есть само по себѣ не что иное, какъ особый видъ молитвы **), а совѣсть есть сама внутренняя сила Божія въ насъ, которая открывается намъ, какъ наше собственное глубочайшее существо ***).

---

*) Къ Римлянамъ глава 8 стихъ 26. По-гречески: *«ἀλλὰ αὐτὸ τὸ Πνεῦμα ὑπερεντυγχάνει στεναγμοῖς ἀλαλήτοις»*.

**) Эта молитва можетъ быть выражена словами изъ православной утрени («Великое Славословіе»): «научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой».

***) См. въ главѣ первой о «единеніи».

4. Совѣстный актъ.

Обращаясь къ самому существу совѣстнаго акта, столь простого и благодатнаго въ переживаніи, но столь трудно поддающагося описанію, попытаемся установить слѣдующее.

Прежде всего, совѣстный актъ воздвигается (иногда лучше и точнѣе сказать — разражается) безсловесно, какъ бы вырастая изъ ирраціональной душевно-духовной глубины, собранной и сосредоточенной надлежащимъ образомъ *). Онъ приходитъ или какъ бы вторгается своимъ дыханіемъ изъ священной глубины человѣческаго сердца, гдѣ нѣтъ обычныхъ человѣческихъ словъ, съ ихъ общимъ значеніемъ, которое постигается то мыслью, то воображеніемъ, и которое въ то же время всегда субъективно перетолковывается; въ этой глубокой сферѣ нѣтъ обычныхъ словъ, съ ихъ звучаніемъ и интонацiей, съ ихъ ассоціативной окраской и съ ихъ логически-стилистическими сцѣпленіями. Но если бы все-таки рѣшиться говорить здѣсь о «словахъ» совѣсти, то нужно было бы подразумѣвать не привычныя для насъ, произносимыя и звучащія слова повседневности (λόγος προφορικὸς) но тѣ сокровенныя и таинственныя, логически едва уловимыя, беззвучныя содержанія (λόγος ἐνζητὸς), для обозначенія которыхъ Апостолъ Павелъ употребилъ эти чудесныя выраженія «неизрѣченныя воздыханія» или «стенанія» ; съ тѣмъ отличіемъ, что воздыханія или «стенанія», о коихъ пишетъ Ап. Павелъ, идутъ какъ бы отъ насъ и поютъ о несвершившемся, недостигнутомъ, а совѣстныя содержанія идутъ какъ бы къ намъ и благовѣстятъ о состоявшихся зовахъ и благодатныхъ рѣшеніяхъ.

Итакъ, отъ совѣстнаго акта не слѣдуетъ ожидать — ни словъ, ни сужденій, ни изреченій, ни формулъ. Совѣстный актъ подобенъ скорѣе молніи, сверкающей изъ мрака, или мощному подземному толчку, какъ при землетрясеніи. Здѣсь нѣтъ по-человѣчески раскрытой разумности; но есть какъ бы нѣкій ослѣпительный свѣтъ, озаряющій внутреннія пространства души, отъ котораго человѣкъ какъ бы мгновенно прозрѣваетъ — ибо совѣсть есть состояніе нравственной очевидности.

---

*) См. 3 Вѣрный путь.

И въ этой очевидности есть нѣкая *сокровенная, божественная разумность*, которую человѣкъ можетъ и долженъ пытаться перевести на языкъ своего земного ума; это можетъ ему и не удаться, ибо слова и мысли, которыми онъ будетъ при этомъ пользоваться, будутъ *его*, человѣческія, субъективно использованныя слова и мысли, привнесенныя имъ въ позднѣйшемъ порядкѣ. Совѣстный актъ «гласитъ» не звуками, не словами и не понятіями; и кто приписываетъ ему этотъ «языкъ», тотъ врядъ ли когда-нибудь испыталъ его въ дѣйствительности. Раціоналистическое облаченіе ему не присуще. Онъ даетъ *разумное, опредѣленное* и *очевидное*, но не на языкѣ человѣческаго языка и мышленія.

Совѣстный актъ состаивается въ душѣ и проявляется въ ней въ видѣ *могучаго позыва къ совершенно опредѣленному нравственному поступку* (или образу дѣйствій). Условимся называть *аффектомъ* пассивно-страдающее чувство, судорожно завернувшееся въ себя и ушедшее въ видѣ нѣкоего «заряда» въ глубину души; а *эмоціей* — активное чувство, разряжающееся, вырывающееся изъ судороги и изъ плѣна, на подобіе душевно-вулканическаго изверженія. Тогда мы сможемъ установить, что совѣстный актъ въ своемъ сильномъ и свободномъ проявленіи подобенъ не аффекту, а *эмоціи*; не пассивно стонущему душевному заряду, а активно вырывающемуся душевному разряду. Чѣмъ свободнѣе онъ проявляется, чѣмъ шире открыты ему ворота сердца, чѣмъ меньше препятствій на его пути воздвигнуто повседневнымъ сознаніемъ *) — тѣмъ опредѣленнѣе, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ непреодолимѣе оказывается этотъ порывъ, идущій изъ душевно-духовныхъ нѣдръ; тѣмъ непосредственнѣе онъ обычно переходитъ въ *поступокъ*. Этотъ позывъ или порывъ къ совершенно опредѣленному нравственному дѣйствію испытывается нерѣдко, какъ *чувство*, какъ *эмоція*. Однако дѣло не сводится здѣсь къ одному *чувству*. Этотъ порывъ есть настолько же *волевое* состояніе. Совѣстный актъ есть съ чисто психологической точки зрѣнія актъ *эмоціонально-волевой*. Это есть какъ бы *глубокій и искренній разрядъ аффекта въ эмоцію* и въ то же время *разрядъ поддонной волевой силы, пріемлющей жизненно-нравственное рѣшеніе*.

Разряжающійся здѣсь аффектъ могъ бы быть описанъ, какъ аффектъ *молчаливой духовной любви* **) и въ то же время, какъ разрядъ *воли къ нравственному совершенству*, который быть можетъ долгое время сосредоточивался въ поддонной глубинѣ сердца и, наконецъ, разрядился или разразился въ описанномъ нами совѣстномъ актѣ. Бываетъ такъ, что эта глубокая аффективная концентрація проис-

---

*) См. раздѣлъ третій «Вѣрный путь».
**) См. главу первую, раздѣлъ шестой «О духовной любви».

ходила сама собою въ глубинѣ души, такъ что человѣкъ даже и не зналъ о ней, и не замѣчалъ ея. Но бываетъ и такъ, что человѣкъ ощущаетъ въ себѣ этотъ накапливающійся зарядъ чувства и воли, смутно постигая его значеніе и предчувствуя его дальнѣйшую судьбу. И не разъ уже на протяженіи его жизни лучъ нравственной очевидности, озарявшій его душу на мгновеніе, какъ бы безслѣдно исчезалъ въ этой безмолвной тишинѣ сердца; или слеза умиленія, любви, благодарности, какъ бы бездѣйственно скатившаяся по его лицу, духовно впитывалась въ эту таинственную почву. Все сосредоточивалось тамъ: и зрѣлище чужихъ, неутоленныхъ страданій; и праведный гнѣвъ на безнаказаннаго насильника; и вздохи «униженныхъ и оскорбленныхъ»; и порывъ безсильнаго раскаянія при мысли о непоправимомъ зломъ поступкѣ; и радость прощенія и примиренія; и все — «до сухой слезинки, выплаканной во тьмѣ беззвучной . . .» *). Всѣ лучи нравственнаго чувствованія и видѣнія, приходившія изъ внѣшняго и внутренняго опыта — концентрировались тамъ въ единый, мощный фокусъ; всѣ сердечныя раны и судороги отъ этихъ ранъ, посланныя жизненнымъ опытомъ,— какъ бы напрягали тамъ одну аффективно-волевую пружину, которая долго ждала своего часа и наконецъ дождалась. Нужды нѣтъ, что самъ человѣкъ не зналъ объ этомъ: Духъ совершалъ въ немъ свое дѣло. Все, что съ виду «исчезало», на самомъ дѣлѣ отнюдь не погибало. Въ безсознательной безднѣ сердца происходило не безслѣдное исчезновеніе, а накопленіе, концентрація и перегораніе. И вотъ, совѣстный актъ есть разрядъ этого духовно - аффективнаго заряда; или какъ бы воспламененіе этого накалившагося угля; или какъ бы порывъ этой скрытой энергіи духа; или обнаруженіе накопленнаго клада. Совѣсть вступаетъ въ жизнь, какъ разрядъ неутоленной духовной любви; какъ воля къ нравственному совершенству; какъ порывъ къ дѣйствію, достойному Бога и возводящему къ Нему черезъ уподобленіе Ему. **)

Въ тотъ мигъ, когда актъ совѣсти состаивается, человѣкъ оказывается не въ состояніи рѣшить, что́ это — его собственный актъ, разрядъ и порывъ, или же это въ немъ проявляется нѣкая таинственная, сверхчеловѣческая, Божественная сила; можетъ быть — и то, и другое сразу. Но въ этотъ мигъ человѣкъ совсѣмъ и не рефлектируетъ, не наблюдаетъ и не задается такими вопросами; онъ не расколотъ душевно, онъ цѣленъ, единъ, непосредственъ и какъ бы потерянъ въ совѣстномъ актѣ. Въ этотъ мигъ жизнь его состоитъ въ томъ, что онъ чувствуетъ, какъ эта сила схватила его, потрясла, опалила, и вотъ, гонитъ его какъ бы нѣкимъ ду-

---

*) Шмелевъ. «Свѣтъ Разума».

**) См. Мтѳ. 5, 48. «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный».

ховнымъ, необоримымъ вѣтромъ къ такому то, совершенно опредѣленному нравственному поступку или образу дѣйствій, можетъ быть прямо — бросаетъ его въ этотъ самый поступокъ, ...въ этотъ мигъ онъ переживаетъ этотъ поступокъ, какъ нѣчто абсолютно-необходимое и единственно-возможное. Онъ не размышляетъ надъ нимъ; ему нечего взвѣшивать и соображать; онъ не колеблется,—поступаетъ, дѣйствуетъ. Онъ дѣйствуетъ такъ, что самъ чувствуетъ себя въ этомъ абсолютно-необходимомъ поступкѣ—совершенно свободнымъ; и онъ въ этомъ не обманывается, ибо совѣсть есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей къ внутренней, духовной свободѣ *). И въ этотъ «единственно-возможный» поступокъ свой онъ вкладываетъ цѣликомъ всю свою душу, онъ какъ бы до краевъ наполняетъ этотъ поступокъ своимъ присутствіемъ въ немъ. Это не есть «навязанный» ему поступокъ, предписанный чуждою силою. Нѣтъ, — это его собственный поступокъ, которому онъ всецѣло и отдается. Онъ не можетъ иначе поступить и не хочетъ иначе поступать а сердце его полно непоколебимой увѣренностью, что онъ и не долженъ и не смѣетъ дѣйствовать иначе. И поэтому когда онъ впослѣдствіи мысленно возвращается къ этому мигу,—онъ убѣждается, что онъ иначе не могъ хотѣть,иначе не хотѣлъ бы мочь и не смѣлъ поступать иначе. Высшій законъ совпалъ съ желаніемъ его сердца. Онъ самъ и нѣкая таинственно-священная Высшая Сила, дыханіе которой онъ подлинно осязалъ въ глубинѣ своего сердца — хотѣли одного и того же; именно того, что онъ совершилъ. Такъ, что онъ, совершая, былъ правъ передъ закономъ этой Божественной силы, съ коей онъ сталъ тогда въ нѣкое трепетное и блаженное единеніе.

Въ такую минуту человѣкъ можетъ отдать всѣ свои деньги ближнему, чтобы спасти его изъ бѣды; прыгнуть въ омутъ, чтобы спасти утопающаго; громко исповѣдать поруганную и запрещенную истину, не помышляя о томъ, что исповѣдничество можетъ стоить ему жизни. Въ такой мигъ нѣкій король снялъ свою шубу и завернулъ въ нее замерзающаго нищаго. Въ такой часъ Петръ Великій спасалъ утопающихъ на Лахтѣ. Въ такіе часы гордецъ побѣждаетъ свое тщеславіе и самолюбіе, и идетъ къ врагу, чтобы примириться съ нимъ. Это часъ милосерднаго самаритянина, который даже не чувствуетъ себя «жертвующимъ», ибо «жертва» его растворилась въ потокѣ искренняго сострадания. И тотъ, кто переживалъ такія состоянія, тотъ знаетъ, что здѣсь нѣтъ также ни «долга», ни «обязанности». Ибо долгъ какъ бы исчезъ въ праведномъ и цѣлостномъ воленіи, онъ переплавился въ доброй волѣ и не противостоялъ ей тогда и не противостоитъ ей и теперь. И обязанность, какъ таковая, совсѣмъ не появлялась на горизонтѣ души; была лишъ одна свободно признанная необходимость, не расщепляв-

*) См. главу вторую, раздѣлъ 2 «Внутреннее освобожденіе».

шаяся на «обязанность» и «влеченіе». Все утонуло во вдохновенномъ порывѣ — свободы и любви . . .

Кто пережилъ совѣстный актъ хотя бы одинъ единственный разъ и совершилъ вытекавшій изъ него поступокъ, тотъ никогда не повѣритъ, будто слова «проклятый долгъ» и «тяжелая обязанность» обозначаютъ высшую доступную человѣку нравственную ступень. Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что изъ двухъ возможностей «исполнить свой долгъ» и «не исполнить долга» — предпочтительнѣе первая. Если есть долгъ и ты его испытываешь и удостовѣрилъ, — то сдѣлай все возможное, чтобы его выполнить. Но надо помнить, что самое «чувство» долга и самая «идея» долга — появляются только тогда, когда живое хотѣніе человѣка *не* сливается съ содержаніемъ долга, противопоставляетъ себя ему и настаиваетъ на своемъ. Идея долга выражаетъ такое положеніе дѣлъ: «я *долженъ* совершить нежеланное», а «*хотѣлъ бы* совершить *недолжное*». Именно вслѣдствіе этого «долгъ» становится «проклятымъ долгомъ», а «обязанность» испытывается, какъ «тягостная обязанность». Но, вотъ, человѣку доступно нѣкое высшее состояніе: когда долгъ исчезаетъ въ *свободномъ и добромъ хотѣніи совѣсти*, когда онъ тонетъ въ *потокѣ живой любви, текущемъ изъ совѣстнаго акта.*

Тогда *долгъ* означаетъ только *остатокъ практически не побѣдившаго совѣстнаго зова.* То, чего хотѣлъ совѣстный актъ, въ его любви къ Богу и ближнему и въ его волѣ къ нравственному совершенству, и что *не осуществилось*, — то въ дальнѣйшемъ испытывается какъ «должное» или «обязательное». И тогда оказывается, что за этимъ «должнымъ, но не осуществленнымъ» скрывается совѣсть въ формѣ «укора» или «упрека», вызывая душевную муку и внутренній расколъ . . . Но если выйти изъ этого раскола и выслушать этотъ упрекъ совѣсти до конца, — то тотчасъ же окажется, что *совѣтный актъ вновь выростаетъ и развертывается изъ этого укора*: ибо смыслъ укора сводился именно къ тому, что совѣсть *имъ и черезъ него* звала человѣка *къ себѣ*, въ свою священную глубину, *къ блаженству доброй и цѣлостной воли.* Кто можетъ, тотъ пусть спѣшитъ отдаться этой блаженной цѣльности и совершить «должное» по доброй волѣ и изъ свободной любви. Ибо *такъ и только такъ одолѣваются укоры совѣсти: имъ надо внять*, ихъ необходимо «выслушать» до конца и поступить согласно имъ: и только тогда они вернутъ свободу, покой, цѣльность и равновѣсіе страждущей душѣ. Но тогда и долгъ утонетъ въ стихіи совѣсти; и если появится, то уже не какъ «проклятый», а какъ желанный и благодатный.

При такомъ пониманіи совѣстнаго акта устраняется то мнимое «наблюденіе» скептиковъ, согласно которому совѣсть якобы «говоритъ» всѣмъ людямъ различное, каждому свое, такъ, что

о единой совѣсти будто бы нельзя и говорить. Совѣсть, утверждаютъ такіе скептики, — не одна; она субъективна; у каждаго человѣка — своя совѣсть, которая и несетъ ему иное, своеобразное, совѣстное содержаніе, требуя отъ него другихъ поступковъ. Показанія совѣсти у разныхъ людей якобы не совпадаютъ, а иногда и прямо противорѣчатъ другъ другу . . .

Это мнимое «наблюденіе» и этотъ скептическій выводъ выдвигаютъ люди, которые, повидимому, никогда сами не переживали совѣстнаго акта, или же переживали его въ искаженномъ и урѣзанномъ видѣ. Это обнаруживается съ несомнѣнностью, какъ только они переходятъ отъ общихъ скептическихъ замѣчаній къ наглядным примѣрамъ: совѣсть, оказывается, требуетъ отъ одного, чтобы онъ «любилъ своихъ враговъ», а отъ другого, чтобы онъ, наоборотъ, — «снималъ съ нихъ скальпы»; совѣсть говоритъ одному «падающаго поддержи», — а другому «падающаго толкни»; и т. д. и т. под. Примѣры эти обнаруживаютъ съ очевидностью, что эти скептическіе «наблюдатели», наблюдая человѣческую жизнь, не замѣтили нравственнаго строенія и своеобразія совѣстнаго акта и сочли возможнымъ приписать совѣстному источнику любой совѣтъ и любое правило, выдвигаемое людьми по любому поводу. Человѣческое сознаніе знаетъ много «правилъ» и «совѣтовъ», которые совсѣмъ не связаны съ совѣстью и никакого отношенія къ нравственному измѣренію поступковъ не имѣютъ. Поэтому изслѣдователь обязанъ, прежде, чѣмъ относить какое-нибудь «правило» къ совѣсти, испытать внутренно совѣстный актъ, какъ таковой, хотя бы уже для того, чтобы на нити его «ученаго наблюденія» не оказалось фальшивыхъ жемчужинъ. Тотъ, кто хочетъ наблюдать проявленія совѣсти у разныхъ людей и народовъ, — долженъ сначала прочувствовать до дна и продумать явленіе совѣсти, чтобы не приписать ей напр. воинскихъ обычаевъ (вродѣ скальпированія), или правилъ приличія, предписаній полицейской власти, бытовыхъ совѣтовъ Молчалина, мнѣній Чичикова и повадокъ Гарпагона. Но такова ужъ судьба всѣхъ скептиковъ и нигилистовъ: они хотятъ писать о духѣ, не испытавъ его и не вѣдая его; и не подозрѣваютъ того, что ихъ ждутъ самыя жалкія недоразумѣнія. Вступая въ сферу духа, они не создаютъ ничего, кромѣ пустой и мертвой, иногда діалектически заостренной схоластики; ибо они судятъ внѣ духовнаго опыта и помимо его, и отвергаютъ все, что остается имъ предметно-неизвѣстнымъ; но именно поэтому все то, что они могутъ высказать въ этой области, можетъ «имѣть значеніе» только для того, кто самъ лишенъ этого опыта и все-таки пытается судить и разсуждать . . .

Въ противоположность всему этому надо установить, что совѣстный актъ, если только онъ вѣрно пережитъ и осуществился сполна, несетъ всѣмъ людямъ однородныя содержанія и ведетъ ихъ въ одномъ и томъ же направленіи. Это не слѣдуетъ однако понимать въ томъ смыслѣ, что онъ ведетъ всегда и всѣхъ людей, какъ бы различны и сложны ни были ихъ жизненныя

положенія, — къ совершенію одного и того же, однообразнаго, какъ бы штампованнаго поступка. Если бы кто-нибудь сталъ утверждать это, то онъ обнаружилъ бы только, что онъ никогда не переживалъ совѣстнаго акта; и что онъ представляетъ его себѣ на подобіе юридическаго закона, выраженнаго въ общихъ логическихъ формахъ и потому склоннаго уравнивать всѣхъ, обозначенныхъ въ законѣ людей. А между тѣмъ совѣстный актъ, въ отличіе отъ всякаго формальнаго закона, имѣетъ въ виду не общее всѣмъ людямъ, а индивидуальное состояніе одного человѣка; онъ не уравниваетъ людей, а зоветъ каждаго отдѣльно къ осуществленію всего добра, которое ему доступно, и всей справедливости, которая причитается отъ него другимъ людямъ. Если бы всѣ люди стали жить по совѣсти, то они совсѣмъ не начали бы дѣлать «одно и тоже», хотя всѣ начали бы дѣйствовать въ единомъ направленіи, ибо совѣсть несла бы имъ всѣмъ однородныя содержанія. А это означаетъ, что совѣсть есть начало не механическое, а органическое; не уравнивающее, а распредѣляющее; не мертвящее, а творческое; не разсудочное, а любовно-художественное*).

Кто однажды имѣлъ это счастье,**) — пережить сполна совѣстный актъ, т. е. не только воспринять его зовъ и лучъ, но отдаться ему и совершить изъ него поступокъ, — тотъ никогда не забудетъ этого событія своей жизни. Это событіе состоитъ въ томъ, что онъ въ этотъ мигъ достигъ блаженнаго единства, душевно-духовной цѣльности въ своемъ собственномъ существѣ, и притомъ, что важнѣе всего, цѣльности въ добрѣ. Онъ не распался въ душѣ своей на «требовательнаго Господина» и «непокорнаго, лѣниваго раба»; но утратилъ тягу къ непокорности и лѣни, и пересталъ быть рабомъ; онъ самъ сталъ Господиномъ, а Господинъ пересталъ быть требовательнымъ; и Господинъ, коему не противостоитъ болѣе рабъ, сталъ впервые свободнымъ и вдохновенно-радостнымъ.

Но этимъ событіе не исчерпывается; это только — личное преддверіе къ сверхличному обстоянію. Ибо въ совѣстномъ актѣ человѣкъ ощутилъ радостную близость къ Богу. Въ самомъ себѣ, въ священной глубинѣ своего вдохновеннаго и трепещущаго сердца онъ почувствовалъ подлинное, живое дыханіе Божіе, вѣяніе

*) Всѣ вырастающія отсюда особенности, осложненія и затрудненія — не могутъ быть здѣсь раскрыты и разъяснены. Это потребовало бы особаго, пространнаго изслѣдованія.

**) Будда называетъ его «незапятнаннымъ счастьемъ». Срв. его діалогъ «Награда аскетизма».

Духа Святого; и почувствовавъ его — свободно и радостно предался ему; не «покорился», какъ рабъ покоряется чужому велѣнію, а предался, какъ свой своему, чтобы утратить себя въ единеніи съ Нимъ; онъ сталъ не «орудіемъ» Его, а, хотя бы на краткій мигъ, живымъ явленіемъ Его воли, Ея вдохновеннымъ воплощеніемъ; онъ цѣлостно возжелалъ изъ Его желанія и съ блаженствомъ осуществилъ Его волю, какъ свою собственную. И можетъ быть теперь впервые ощутилъ, что значитъ прошеніе: «да будетъ воля Твоя» . . .

Возможность пережить это, хотя бы разъ въ жизни, столь драгоцѣнна для человѣка; а дѣйствительное переживаніе этого событія, этого цѣлостнаго единенія своего существа съ волею Божіею, настолько значительно во всей его жизненной судьбѣ, что совѣстный актъ долженъ быть отнесенъ къ самымъ чудеснымъ дарамъ Божіимъ, которые даны человѣку. Этотъ актъ уводитъ человѣка вглубь — къ тому, что должно быть обозначено, какъ его собственная субстанція, съ которой онъ какъ бы возсоединяется; а безъ этой духовной субстанціи (или «самосути») каждый изъ насъ превращается въ безсвязное множество пустыхъ случайностей, или въ медіума собственныхъ страстей и чужихъ вліяній, какъ бы въ ворохъ бумажныхъ клочковъ, носимыхъ туда и сюда по волѣ историческаго вѣтра. Можно было бы сказать, что каждый изъ насъ безспорно имѣетъ существованіе, но истинное бытіе мы пріобрѣтаемъ только черезъ духовную любовь и черезъ совѣстный актъ. Вотъ почему геніальный Карлейль могъ сказать: «совѣсть есть самая сущность всѣхъ дѣйствительныхъ душъ, какъ великихъ, такъ и малыхъ» . . . Это можно было бы выразить и такъ: совѣстный актъ создаетъ въ человѣкѣ какъ бы алтарь его жизни, мѣсто его одинокихъ молитвъ и благихъ рѣшеній.

Такимъ образомъ, вѣрное и цѣлостное переживаніе совѣстнаго акта становится въ жизни человѣка нѣкимъ переломнымъ пунктомъ. До этого мига человѣкъ былъ какъ бы проблематиченъ во всемъ своемъ существованіи; въ этотъ мигъ онъ закладываетъ твердую основу своего характера. Отнынѣ онъ знаетъ, куда онъ сопричисленъ и «Чей онъ»; онъ увидѣлъ, къ чему онъ призванъ, и убѣдился въ этомъ; его духовное достоинство получило свое утвержденіе и несомнительную подлинность; онъ научился духовному самоуваженію. Отнынѣ онъ созрѣлъ къ внутренней свободѣ*) и носитъ въ себѣ ея живой критерій. Тѣмъ самымъ онъ проложилъ себѣ открытый путь и къ политической свободѣ**), и понялъ тѣ опасности, которыя она несетъ, «безсовѣстнымъ» людямъ. Если онъ доселѣ не зналъ, что̀ есть вѣра, какъ она возникаетъ и чѣмъ она удостовѣряется, — то теперь

---

*) См. главу вторую, раздѣлъ третій «Политическая свобода».
**) См. главу вторую, раздѣлъ второй «Внутреннее освобожденіе».

онъ пріобрѣлъ живой и священный опытъ въ сферѣ духовной любви и духовнаго единенія съ Богомъ, и знаетъ отнынѣ, куда ему надлежитъ обратиться при возникновеніи религіознаго сомнѣнія, своего или чужого, и на что онъ можетъ опереться. Тотъ, кто хоть одинъ разъ въ жизни пережилъ совѣстный актъ, но только вѣрно и до конца, т. е. до поступка включительно, у того уже имѣется духовный камень, на которомъ онъ можетъ строить. И если онъ доселѣ, какъ «просвѣщенный» или «секуляризованный» человѣкъ, не могъ найти подхода къ Евангелію и христіанству, то теперь онъ нашелъ этотъ подходъ и притомъ на всю свою жизнь; и ему остается только позаботиться о томъ, чтобы не потерять этотъ подходъ и чтобы сдѣлать его всегда доступнымъ для себя и для другихъ.

Можно себѣ представить, что все это, изложенное здѣсь, ученіе о совѣстномъ актѣ покажется кому-нибудь «нравственнымъ преувеличеніемъ», а потому чѣмъ-то «отпугивающимъ» и «нежизненнымъ»: «совѣстный актъ», скажетъ и подумаетъ иной трезвый реалистъ, «врядъ ли доступенъ простому и обыденному человѣку; онъ по плечу развѣ только праведникамъ, у которыхъ отъ праведности исчезаютъ всякія связи съ жизнью; ибо жизнь человѣческая строится не на праведности, а на живомъ движеніи инстинктивнаго своекорыстія и на живомъ сплетеніи противоборствующихъ личныхъ и массовыхъ интересовъ; жизнь не нуждается въ совѣстномъ актѣ, а совѣстный актъ неизбѣжно отвергаетъ и разрушаетъ нормальную жизнь» . . .

Послѣ того, что нами уже вскрыто *), это сужденіе не заслуживаетъ подробнаго опроверженія: жизнь человѣческая, а особенно духовная культура, строится на взаимномъ уваженіи и довѣріи людей, на чувствѣ собственнаго достоинства, на чести, служеніи, внутренней свободѣ и дисциплинѣ; а источникомъ всего этого является вѣра въ Бога и совѣстный актъ. Это уже вскрыто нами и показано. Но теперь мы можемъ добавить къ этому еще одно общее соображеніе.

Совѣсть свѣтитъ людямъ не только въ моментъ совѣстнаго акта, но и всю жизнь послѣ него. И чѣмъ ранѣе ребенокъ переживетъ его до конца, хотя бы всего одинъ разъ, тѣмъ лучше. Свѣтъ совѣстнаго акта имѣетъ свойство не угасать и тогда, когда по внѣшней видимости, огонь его померкъ и не горитъ болѣе; люди не представляютъ себѣ, во что превратилась бы ихъ жизнь, если бы совѣсть угасла въ нихъ до конца и на вѣки, подобно тому, какъ они не воображаютъ себѣ того вселенскаго мрака, который окуталъ бы насъ, если бы солнце угасло навсегда; ибо теперешнія наши ночи не даютъ намъ настоящаго мрака кромѣшнаго, а живутъ закатившимся солнцемъ. Пусть человѣческая жизнь рѣдко осуществляетъ совѣстный актъ во всей его силѣ и славѣ; она все же остается пронизанной его зовами, его отсвѣтами, его укорами, его обѣтованіями. Пусть люди суть существа житейскаго компромисса: эти компромиссы не компро-

*) Глава третья, раздѣлъ первый «Значеніе совѣсти».

метирують ихъ до конца, пока въ глубинѣ сердца жива совѣсть. Пусть люди жадны, жестки и грѣшны; но Господь повелѣваетъ «солнцу» свѣтить и для праведныхъ, и для грѣшныхъ. И часто, очень часто человѣкъ не сознаетъ мотивовъ своего поступка, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, какое вліяніе на него имѣетъ совѣсть и до какой степени онъ, падая и уже павъ, спасенъ и пригрѣтъ ея незримыми лучами.

Дѣло не въ томъ, чтобы всѣ люди стали праведниками; и неизвѣстно, осуществится ли и когда — это неправдоподобное блаженство. Дѣло въ томъ, чтобы каждое новое поколѣніе расчищало въ себѣ внутренніе пути, ведущіе къ совѣсти, и держало бы открытыми тѣ священныя ворота, за которыми она скрывается. Ибо безсовѣстное поколѣніе, если оно придетъ когда-нибудь, погубитъ жизнь человѣчества и его культуру на землѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О СЕМЬѢ.

1. Значеніе семьи.

Семья есть первый, естественный и въ то же время священный союзъ, въ который человѣкъ вступаетъ въ силу необходимости. Онъ призванъ строить этотъ союзъ на любви, на вѣрѣ и на свободѣ; — научиться въ немъ первымъ совѣстнымъ движеніямъ сердца; и — подняться отъ него къ дальнѣйшимъ формамъ человѣческаго духовнаго единенія — родинѣ и государству.

Семья начинается съ брака и въ немъ завязывается. Но человѣкъ начинаетъ свою жизнь въ такой семьѣ, которую онъ самъ не создавалъ: это семья, учрежденная его отцомъ и матерью, въ которую онъ входитъ однимъ рожденіемъ, задолго до того, какъ ему удается осознать самого себя и окружающій его міръ. Онъ получаетъ эту семью, какъ нѣкій даръ судьбы. Бракъ по самому существу своему возникаетъ изъ выбора и рѣшенія; а ребенку не приходится выбирать и рѣшать: отецъ и мать образуютъ какъ бы ту предустановленную для него судьбу, которая выпадаетъ ему на его жизненную долю, и эту судьбу онъ не можетъ ни отклонить, ни измѣнить, — ему остается только принять ее и нести всю жизнь. То, что выйдетъ изъ человѣка въ его дальнѣйшей жизни, опредѣляется въ его дѣтствѣ и притомъ самимъ этимъ дѣтствомъ; существуютъ, конечно, врожденныя склонности и дары; но судьба этихъ склонностей и талантовъ, — розовьются ли они въ дальнѣйшемъ или поблекнутъ, и если расцвѣтутъ, то какъ именно, — опредѣляется въ раннемъ дѣтствѣ.

Вотъ почему семья является первичнымъ лономъ человѣческой культуры. Мы всѣ слагаемся въ этомъ лонѣ, со всѣми нашими возможностями, чувствами и хотѣніями; и каждый изъ насъ остается въ теченіе всей своей жизни духовнымъ представителемъ своей отечески материнской семьи или какъ бы живымъ символомъ ея семейственнаго духа. Здѣсь пробуждаются и начинаютъ развертываться дремлющія силы личной души; здѣсь ребенокъ научается любить (кого и какъ?), вѣрить (во что) и жертвовать (чему и чѣмъ? *); здѣсь слагаются первыя основы его характера; здѣсь открываются въ душѣ ребенка главные источники его будущаго счастья и несчастья; здѣсь ребенокъ становится малень-

*) См. главу первую, раздѣлы первый, второй и третій.

кимъ человѣкомъ, изъ котораго впослѣдствіи разовьется великая личность или, можетъ быть, низкій проходимецъ. Не правъ ли Максъ Мюллеръ, когда онъ пишетъ: «я думаю, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о воспитаніи дѣтей, къ жизни надо подходить, какъ къ чему-то въ высшей степени серьезному, отвѣтственному и высокому»; и не правъ ли нѣмецкій богословъ Толукъ, утверждая: «міръ управляется изъ дѣтской» . . . Міръ не только строится въ дѣтской, но и разрушается изъ нея; здѣсь прокладываются не только пути спасенія, но и пути погибели. И если мы подумаемъ, что «слѣдующее поколѣніе» все время вновь нарождается и воспитывается и что всѣ его будущіе подвиги и преступленія, его духовная сила и его возможное духовное крушеніе — уже теперь, все время, слагаются и созрѣваютъ вокругъ насъ и при нашемъ содѣйствіи или бездѣйствіи, то мы сможемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, какая отвѣтственность лежитъ на насъ . . .

Все это означаетъ, что семья есть какъ бы живая «лабораторія» человѣческихъ судебъ, — личныхъ и народныхъ, и притомъ каждаго народа въ отдѣльности и всѣхъ народовъ сообща; съ тѣмъ отличіемъ, однако, что въ лабораторіи обычно знаютъ, что дѣлаютъ и дѣйствуютъ цѣлесообразно, а въ семьѣ обычно не знаютъ, что дѣлаютъ и дѣйствуютъ, какъ придется. Ибо семейная «лабораторія» возникаетъ отъ природы, на ирраціональныхъ путяхъ инстинкта, традиціи и нужды; здѣсь люди не задаются никакой опредѣленной, творческой цѣлью, а просто живутъ, удовлетворяютъ свои собственныя потребности, изживаютъ свои склонности и страсти, и то удачно, то безпомощно несутъ послѣдствія всего этого. Природа устроила такъ, что одно изъ самыхъ отвѣтственныхъ и священныхъ призваній человѣка, — быть отцомъ и матерью, — дѣлается для человѣка доступнымъ просто при минимальномъ тѣлесномъ здоровьѣ и половой зрѣлости, такъ что человѣку достаточно этихъ двухъ условій для того, чтобы не задумываясь возложить на себя это призваніе. . . . «А чтобъ имѣть дѣтей — кому ума не доставало!?» (Грибоѣдовъ). Вслѣдствіе этого утонченнѣйшее, благороднѣйшее и отвѣтственнѣйшее искусство на землѣ, — искусство воспитанія дѣтей, — почти всегда недооцѣнивается и продешевляется; къ нему и доселѣ подходятъ такъ, какъ если бы оно было доступно всякому, кто способенъ физически рождать дѣтей; какъ если бы существеннымъ было именно зачатіе и рожденіе, а остальное — именно воспитаніе, — было бы совсѣмъ не существенно, или могло бы дѣлаться какъ то такъ, «само собой». На самомъ же дѣлѣ тутъ все обстоитъ совсѣмъ иначе. Окружающій насъ міръ людей таитъ въ себѣ многое множество личныхъ неудачъ, болѣзненныхъ явленій и трагическихъ судебъ, о которыхъ знаютъ только духовники, врачи и прозорливые художники; и всѣ эти явленія сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ тому, что родители этихъ людей сумѣли ихъ только родить и дать имъ жизнь, но открыть имъ пути къ любви, къ внутренней свободѣ, вѣрѣ и совѣсти, т. е. ко всему тому, что составляетъ источникъ духовнаго характера и ис-

тиннаго счастья, не сумѣли; родители по плоти сумѣли дать своимъ дѣтямъ, кромѣ плотскаго существованія, только однѣ душевныя раны *), иногда даже сами не замѣчая того, какъ они возникали у дѣтей и въѣдались въ душу; но не сумѣли дать имъ духовнаго опыта**), этого цѣлительнаго источника для всѣхъ страданій души . . .

Бываютъ эпохи, когда эта небрежность, эта безпомощность, эта безотвѣтственность родителей начинаютъ возрастать отъ поколѣнія къ поколѣнію. Это какъ разъ тѣ эпохи, когда духовное начало начинаетъ колебаться въ душахъ, слабѣть и какъ бы исчезать; это эпохи распространяющагося и крѣпнущаго безбожія и приверженности къ матеріальному, эпохи безсовѣстности, безчестія, карьеризма и цинизма. Въ такія эпохи священное естество семьи не находитъ себѣ больше признанія и почета въ человѣческихъ сердцахъ; имъ не дорожатъ, его не берегутъ, его не строятъ. Тогда въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми возникаетъ нѣкая «пропасть», которая повидимому увеличивается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Отецъ и мать перестаютъ «понимать» своихъ дѣтей, а дѣти начинаютъ жаловаться на «абсолютную отчужденность», водворившуюся въ семьѣ; и не понимая, откуда это берется, и забывая свои собственныя дѣтскія жалобы, выросшія дѣти завязываютъ новыя семейныя ячейки, въ которыхъ «непониманіе» и «отчужденіе» обнаруживаются съ новою и бòльшею силою. Непрозорливый наблюдатель могъ бы прямо подумать, что «время» настолько «ускорило» свой бѣгъ, что между родителями и дѣтьми установилась все возрастающая душевно-духовная «дистанція», которую нельзя ни заполнить, ни преодолѣть; тутъ, думаютъ они, нельзя ничего подѣлать: исторія спѣшитъ, эволюція съ повышенной быстротой создаетъ все новые уклады, вкусы и воззрѣнія, старое стремительно старится, и каждое слѣдующее десятилѣтіе несетъ людямъ новое и неслыханное . . . Гдѣ же тутъ «угнаться за молодежью»?! И все это говорится такъ, какъ если бы духовныя основы жизни тоже подлежали вѣянію моды и техническихъ изобрѣтеній . . .

Въ дѣйствительности это явленіе объясняется совсѣмъ иначе, а именно — заболѣваніемъ и оскудѣніемъ человѣческой духовности и въ особенности духовной традиціи. Семья распадается совсѣмъ не отъ ускоренія историческаго темпа, но вслѣдствіе переживаемаго человѣчествомъ духовнаго кризиса. Этотъ кризисъ подрываетъ семью и ея духовное единеніе, онъ лишаетъ ее главнаго, того единственнаго, что можетъ сплотить ее, спаять и превратить въ нѣкое прочное и достойное единство, — а именно чувства взаимной духовной сопринадлежности. Половая потребность, инстинктивное влеченіе создаютъ

---

*) Согласно словоупотребленію современной психопатологіи; «травмы», т. е. жгучія, болевыя душевныя ощущенія, слѣды и послѣдствія которыхъ сохраняются потомъ въ теченіе всей жизни.

**) См. главу первую.

не бракъ, а всего только біологическое сочетаніе (спариваніе); изъ такого сочетанія возникаетъ не семья, а элементарное рядомъ-жительство рождающихъ и рожденныхъ (родителей и дѣтей). Но «похоть плоти» есть нѣчто неустойчивое и самовольное; она тянетъ къ безотвѣтственнымъ измѣнамъ, къ капризнымъ новшествамъ и приключеніямъ; у нея такъ сказать «короткое дыханіе», ѐдва достаточное для простого дѣторожденія, и совершенно несоотвѣтствующее задачѣ воспитанія.

Въ дѣйствительности человѣческая семья, въ отличіе отъ «семьи» у животныхъ, есть цѣлый островъ духовной жизни. И если она этому не соотвѣтствуетъ, то она обречена на разложеніе и распадъ. Исторія показала и подтвердила это съ достаточной наглядностью: великія крушенія и исчезновенія народовъ возникаютъ изъ духовно-религіозныхъ кризисовъ, которые выражаются прежде всего въ разложеніи семьи. Понятно, почему это такъ было и бываетъ. Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности; — какъ въ томъ смыслѣ, что имѣнно въ семьѣ человѣкъ впервые научается (или, увы, не научается!) быть личнымъ духомъ; такъ и въ томъ смыслѣ, что духовныя силы и умѣнія (или, увы, слабости и неумѣнія), полученныя отъ семьи, человѣкъ переноситъ затѣмъ въ общественную и государственную жизнь. Вотъ почему духовный кризисъ поражаетъ прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабѣетъ, то она слабѣетъ прежде всего въ семейной традиціи и въ семейной жизни. Но разъ поколебавшись въ семьѣ, она начинаетъ слабѣть и вырождаться — и во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ и организаціяхъ: больная клѣтка создаетъ больные организмы.

Только духъ имѣетъ достаточно глубокое и длительное дыханіе для того, чтобы творчески создавать и поддерживать естество семьи, чтобы успѣшно разрѣшать не только «проблему половой любви», но и проблему созданія, новаго лучшаго и болѣе свободнаго поколѣнія. Поэтому формула брака звучитъ не такъ: «я жажду» или «я желаю», или «мнѣ хочется»; а скорѣе такъ: «въ любви и черезъ любовь я создаю новую, лучшую и болѣе свободную человѣческую жизнь»... Она звучитъ не такъ: «желаю наслаждаться моимъ счастьемъ»; — ибо это была бы формула, уводящая бракъ на уровень простого спариванія; а скорѣе такъ: «я хочу создать свой собственный духовный очагъ и въ этомъ найти свое счастье»...

Всякая настоящая семья возникаетъ изъ любви и даетъ человѣку счастье. Тамъ, гдѣ заключается бракъ безъ любви, семья возникаетъ лишь по внѣшней видимости; тамъ, гдѣ бракъ не даетъ человѣку счастья, онъ не выполняетъ своего перваго назначенія. Научить дѣтей любви родители могутъ лишь тогда, если они сами въ бракѣ умѣли любить. Дать дѣтямъ счастье родители могутъ лишь постольку, поскольку они сами нашли счастье въ бракѣ. Семья, внутренно спаянная любовью и счастьемъ, есть школа душевнаго здо-

ровья, уравновѣшеннаго характера, творческой предпріимчивости. Въ просторѣ народной жизни она подобна прекрасно распустившемуся цвѣтку. Семья лишенная этой здоровой центростремительности, растрачивающая свои силы на судороги взаимнаго отвращенія, ненависти, подозрѣнія и «семейныхъ сценъ», есть настоящій разсадникъ больныхъ характеровъ, психопатическихъ тяготѣній, неврастенической вялости и жизненнаго «неудачничества». Она подобна тѣмъ больнымъ растеніямъ, которымъ ни одинъ хорошій садовникъ не дастъ мѣста въ своемъ саду.

Если ребенокъ не научится любви въ семьѣ своихъ родителей, то гдѣ же онъ научится ей? Если онъ съ дѣтства не привыкнетъ искать счастья именно во взаимной любви, то въ какихъ же злыхъ и дурныхъ влеченіяхъ онъ будетъ искать счастья въ зрѣломъ возрастѣ? Дѣти все перенимаютъ и всему подражаютъ, незамѣтно, но глубоко вчувствуясь въ жизнь своихъ родителей, тонко подмѣчая, угадывая, иногда безсознательно слѣдя за «старшими» на подобіе «неутомимыхъ слѣдопытовъ», И тотъ, кому приходилось слышать и регистрировать дѣтскія высказыванія, точки зрѣнія и игры въ несчастныхъ и разлагающихся семьяхъ, гдѣ жизнь есть сплошное мучительство, лицемѣріе и надрывъ, тотъ знаетъ, какое больное и гибельное наслѣдство получаетъ отъ родителей такая несчастная дѣтвора.

Чтобы развиваться вѣрно и творчески, ребенокъ долженъ имѣть въ своей семьѣ очагъ любви и счастья. Только тогда онъ сможетъ развернуть свои нѣжнѣйшія и духовнѣйшія способности; только тогда его собственная инстинктивная жизнь не будетъ вызывать въ немъ ни ложнаго стыда, ни болѣзненнаго отвращенія; только тогда онъ сможетъ прильнуть съ любовію и гордостью къ традиціи своей семьи и своего рода, съ тѣмъ, чтобы принять ее и продолжить ее своею жизнью. Вотъ почему любовная и счастливая семья есть живая школа — сразу — и творческаго равновѣсія души, и здороваго органическаго консерватизма. Тамъ, гдѣ царитъ здоровая семья, тамъ творчество будетъ всегда достаточно консервативнымъ для того, чтобы не выродиться въ безпочвенную революціонность; а консерватизмъ будетъ всегда достаточно творческимъ для того, чтобы не выродиться въ реакціонное мракобѣсіе.

Въ любовной и счастливой семьѣ воспитывается человѣкъ съ неповрежденнымъ душевнымъ организмомъ, который самъ способенъ органически любить, органически строить и органически воспитывать. Дѣтство есть счастливѣйшее время жизни: время органической непосредственности; время уже начавшагося и еще предвкушаемаго «большого» счастья; время, когда всѣ прозаическія «проблемы» безмолствуютъ, а всѣ поэтическія проблемы зовутъ и обѣщаютъ; время повышенной довѣрчивости и обостренной впечатлительности; время душевной незасоренности и искренности; время ласковой улыбки и безкорыстнаго доброжелательства. Чѣмъ любовнѣе и

счастливѣе была родительская семья, тѣмъ больше этихъ свойствъ и способностей сохранится въ человѣкѣ, тѣмъ больше такой дѣтскости онъ внесетъ въ свою взрослую жизнь; а это значитъ — тѣмъ неповрежденнѣе останется его душевный организмъ. Тѣмъ естественнѣе, богаче и творчески продуктивнѣе расцвѣтетъ его личность въ лонѣ его родного народа.

И вотъ, главнымъ условіемъ такой семейной жизни— является способность родителей ко взаимной духовной любви. Ибо счастье дается только любовью долгаго и глубокаго дыханія; а такая любовь возможна только въ духѣ и черезъ духъ.

---

2. О духовно-здоровой семьѣ.

Напрасно думать, что духовность доступна только людямъ образованнымъ, людямъ высокой культуры. Исторія всѣхъ временъ и народовъ показываетъ, что именно образованные слои общества, увлекаясь игрою сознанія и отвлеченностями ума, гораздо легче утрачиваютъ ту непосредственную силу довѣрія къ показаніямъ внутренняго опыта, которая необходима для духовной жизни. Умъ, порвавшій съ глубиною чувства и съ художественною силою воображенія, привыкаетъ обливать все ядомъ празднаго, разрушающаго сомнѣнія; и поэтому оказывается въ отношеніи духовной культуры не строющимъ, а разрушающимъ началомъ. Напротивъ, у людей наивно-непосредственныхъ эта разрушающая сила еще не начинаетъ дѣйствовать. Человѣкъ малой «культурности» гораздо болѣе способенъ прислушиваться къ показаніямъ внутренняго опыта, т. е. прежде всего сердца, совѣсти, чувства справедливости, чѣмъ человѣкъ хотя бы и большой, но раціоналистической культуры. Простая душа наивна и довѣрчива; можетъ быть именно потому она легковѣрна и суевѣрна, и вѣритъ, гдѣ не надо; но зато самый даръ вѣры у нея не отнятъ; а потому она способна вѣрить и тамъ, гдѣ надо. Пусть духовность ея — некритическая, мало-разумная, недиференцированная, тянетъ къ миѳу и къ магіи, связана со страхомъ и можетъ заблудиться въ колдовствѣ. Но духовность ея несомнѣнна и подлинна, — и въ способности внимать дыханію и зову Божію, и въ любви сострадательной, и въ любви патріотически-жертвенной, и въ совѣстномъ актѣ, и въ чувствѣ справедливости, и въ способности наслаждаться красотою природы и искусства, и въ проявленіяхъ собственнаго достоинства, правосознанія и деликатности. И напрасно образованный горожанинъ сталъ бы воображать, будто все это недоступно «необразованному крестьянину»! . . . Словомъ, духовная любовь доступна всѣмъ людямъ, независимо отъ уровня ихъ культурности. И всюду, гдѣ она обнаруживается, она является истиннымъ источникомъ прочности и красоты семейной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ призванъ къ тому, чтобы видѣть и любить въ любимой женщинѣ (или соотвѣтственно — въ любимомъ мужчинѣ) не только плотское начало, не только тѣлесное явленіе, но и «душу» — своеобразіе личности, особли-

вость характера, сердечную глубину, для которыхъ внѣшній составъ человѣка служитъ лишь тѣлеснымъ выраженіемъ или живымъ органомъ. Любовь только тогда не является простымъ и кратковременнымъ вожделѣніемъ, непостояннымъ и мелкимъ капризомъ плоти, когда человѣкъ, желая смертнаго и конечнаго, любитъ скрытую за нимъ безсмертность и безконечность; вздыхая о плотскомъ и земномъ, радуется духовному и вѣчному; иными словами — когда онъ ставитъ свою любовь передъ лицо Божіе и Божіими лучами освѣщаетъ и измѣряетъ любимаго человѣка ... Въ этомъ — глубокій смыслъ христіанскаго «вѣнчанія», вѣнчающаго супруговъ вѣнцомъ радости и муки, вѣнцомъ духовной славы и нравственной чести, вѣнцомъ пожизненной и нерасторжимой духовной общности. Ибо вожделѣніе можетъ быстро пройти; оно бываетъ подслѣповатымъ. И предчувствовавшееся наслажденіе можетъ обмануть или надоѣсть. И что тогда? Взаимное отвращеніе прикрѣпленныхъ другъ къ другу людей? ... Судьба человѣка, который въ ослѣпленіи связалъ себя, а прозрѣвъ — проклялъ свою связанность? Пожизненная унизительность ежедневной лжи и лицемѣрія? Или разводъ? Прочность семьи требуетъ иного; люди должны желать не только утѣхъ любви, но и отвѣтственнаго совмѣстнаго творчества, духовной общности въ жизни, въ страданіи и въ ношеніи бременъ, по древне-римской брачной формулѣ: «гдѣ ты, Кай, тамъ и я, твоя Кая» ...

То, что должно возникнуть изъ брака, есть прежде всего новое духовное единеніе и единство — единство мужа и жены: они должны понимать «другъ» друга и «дѣлить» радость и горе жизни; для этого они должны однородно воспринимать и жизнь, и міръ, и людей. Здѣсь важно не душевное подобіе, и не одинаковость характеровъ и темпераментовъ, а однородность духовныхъ оцѣнокъ, которая только и можетъ создать единство и общность жизненной цѣли у обоихъ. Важно то, чему ты поклоняешься? чему молишься? что любишь? чего желаешь себѣ въ жизни и въ смерти? чѣмъ и во имя чего ты способенъ жертвовать? *). И вотъ, женихъ и невѣста должны найти другъ въ другѣ это духовное единочувствіе и единолюбіе; объединиться въ томъ, что есть важнѣйшаго въ жизни и ради чего стóитъ жить ... Ибо только тогда они сумѣютъ, какъ мужъ и жена, всю жизнь вѣрно воспринимать другъ друга, вѣрить другъ другу и вѣрить другъ въ друга. Это и есть самое драгоцѣнное въ бракѣ: полное взаимное довѣріе передъ Лицомъ Божіимъ; а съ этимъ связано и взаимное уваженіе, и способность образовать новую, жизненно-сильную духовную ячейку. Только такая ячейка можетъ разрѣшить главную задачу брака и семьи — осуществить духовное воспитаніе дѣтей.

Воспитать ребенка значитъ заложить въ немъ основы духовнаго характера и довести его до способности

*) См. главу первую.

само-воспитанія. Родители, которые приняли эту задачу и творчески разрѣшили ее, подарили своему народу и своей родинѣ новый духовный очагъ; они осуществили свое духовное призваніе, оправдали свою взаимную любовь, и укрѣпили, обогатили жизнь своего народа на землѣ: они сами вошли въ ту Родину, которою стòитъ жить и гордиться, за которую стòитъ бороться и умереть.

Итакъ, нѣтъ болѣе вѣрной основы для достойной и счастливой семейной жизни, какъ взаимная духовная любовь мужа и жены: любовь, въ которой начала страсти и дружбы сливаются во едино, перерождаясь въ нѣчто высшее, — въ огонь всесторонняго единенія. Такая любовь приметъ не только наслажденіе и радость — и не выродится, не вывѣтрится, не огрубѣетъ отъ нихъ; но приметъ и всякое страданіе и всякое несчастье, чтобы осмыслить ихъ, освятить ихъ и очиститься черезъ нихъ. И только такая любовь можетъ дать человѣку тотъ запасъ взаимнаго пониманія, взаимнаго снисхожденія къ слабостямъ и взаимнаго прощенія, терпѣнія, терпимости, преданности и вѣрности, который необходимъ для счастливаго брака.

Поэтому можно сказать, что счастливый бракъ возникаетъ не просто изъ взаимной естественной склонности («по милу хорошъ»), но изъ духовнаго сродства людей («по хорошу милъ») *), которое вызываетъ непоколебимую волю — стать живымъ единствомъ и соблюсти это живое единство во что бы то ни стало; и соблюсти его не только на показъ людямъ, но на самомъ дѣлѣ, передъ Лицомъ Божіимъ. Въ этомъ глубочайшій смыслъ религіознаго освященія брака и соотвѣтствующаго церковнаго обряда. Но это составляетъ и первое, необходимѣйшее условіе для вѣрнаго, духовнаго воспитанія дѣтей.

Я уже указывалъ на то, что ребенокъ вступаетъ въ семью своихъ родителей какъ бы въ доисторическую эпоху своей личности и начинаетъ дышать воздухомъ этой семьи съ своего перваго физическаго вздоха. И вотъ, въ душномъ воздухѣ несогласной, невѣрной, несчастной семьи; въ пошлой атмосферѣ бездуховнаго, безбожнаго прозябанія — не можетъ расцвѣсти здоровая дѣтская душа. Ребенокъ можетъ пріобрѣсти чутье и вкусъ къ духу только у духовно осмысленнаго семейнаго очага; онъ можетъ органически почувствовать всенародное единеніе и единство, только испытавъ это единство въ своей семьѣ; а не почувствовавъ этого всенароднаго единства, онъ не станетъ живымъ органомъ своего народа и вѣрнымъ сыномъ своей родины. Только духовное пламя здороваго семейнаго очага можетъ дать человѣческому сердцу накаленный угль духовности, который будетъ и грѣть его, и свѣтить ему въ теченіе всей его дальнѣйшей жизни.

Такъ семья имѣетъ призваніе дать ребенку самое главное и существенное въ его жизни.

---

*) См. главу вторую.

Блаженный Августинъ сказалъ однажды, что «человѣческая душа — христіанка отъ природы». Это слово особенно вѣрно въ примѣненіи къ семьѣ. Ибо въ бракѣ и въ семьѣ человѣкъ учится отъ природы — любить, изъ любви и отъ любви страдать, терпѣть и жертвовать, забывать о себѣ и служить тѣмъ, кто ему ближе всего и милѣе всего. Все это есть не что иное, какъ христіанская любовь. Поэтому семья оказывается какъ бы естественною школою христіанской любви, школою творческаго самопожертвованія, соціальныхъ чувствъ и альтруистическаго образа мыслей. Въ здоровой семейной жизни душа человѣка съ ранняго дѣтства обуздывается, смягчается, пріучается относиться къ ближнимъ съ почтительнымъ и любовнымъ вниманіемъ. Въ этомъ умягченномъ, любовномъ настроеніи она предварительно прикрѣпляется къ тѣсному, домашнему кругу, съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшая жизнь вывела ее въ этой самой внутренней «установкѣ» къ широкимъ кругамъ общества и народа.

2. Далѣе, семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать изъ поколѣнія въ поколѣніе нѣкую духовно-религіозную, національную и отечественную традицію. Изъ этой семейной традиціи и благодаря ей возникла вся наша индо-европейская и христіанская культура, — культура священнаго очага семьи*): съ ея благоговѣйнымъ почитаніемъ предковъ; съ ея идеей священной межи, огораживающей родовыя могилы; съ ея исторически слагающимися національными обычаями и нарядами. Это семья создала и выносила культуру національнаго чувства и патріотической вѣрности. И самая идея «родины», лона моего рожденія, и «отечества», земного гнѣзда моихъ отцовъ и предковъ, — возникла изъ нѣдръ семьи, какъ тѣлеснаго и духовнаго единства. Семья есть для ребенка первое родное мѣсто на землѣ; сначала — мѣсто-жилище, источникъ тепла и питанія; потомъ мѣсто осознанной любви и духовнаго пониманія. Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее изъ любви и добровольнаго служенія, где одинъ стоитъ за всѣхъ, а всѣ за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, гдѣ взаимная любовь превращаетъ долгъ въ радость и держитъ всегда открытыми священныя врата совѣсти **). Она есть для него школа взаимнаго довѣрія и совмѣстнаго, организованнаго дѣйствованія. Не ясно ли, что истинный гражданинъ и сынъ своей родины воспитывается именно въ здоровой семьѣ?

---

*) Всякій образованный человѣкъ долженъ однажды со вниманіемъ прочесть и продумать глубокомысленный трудъ Фюстель-де Куланжа «Древняя гражданская община» (La cité antique), вдумываясь особенно въ собранный и дословно приведенный этимъ геніальнымъ историкомъ автентическій матеріалъ подстрочныхъ примѣчаній.

**) См. главу четвертую, раздѣлъ третій «Вѣрный путь».

3. Далѣе, ребенокъ учится въ семьѣ вѣрному воспріятію авторитета. Въ лицѣ естественнаго авторитета отца и матери онъ впервые встрѣчается съ идеею ранга и научается воспринимать высшій рангъ другого лица, преклоняясь, но не унижаясь; и научается мириться съ присущимъ ему самому низшимъ рангомъ, не впадая ни въ зависть, ни въ ненависть, ни въ озлобленіе. Онъ научается извлекать изъ начала ранга и изъ начала авторитета всю ихъ творческую и организаціонную силу, въ то же время освобождая себя духовно отъ ихъ возможнаго «гнета» посредствомъ любви и уваженія *). Ибо только свободное признаніе чужого высшаго ранга— научаетъ переносить свой низшій рангъ безъ униженія; и только любимый и уважаемый авторитетъ не гнететъ душу человѣка.

Въ здоровой христіанской семьѣ есть одинъ, единственный отецъ и одна, единственная мать, которые совмѣстно представляютъ единый — властвующій и организующій авторитетъ въ семейной жизни. Въ этой естественной и первобытной формѣ авторитетной власти ребенокъ впервые убѣждается въ томъ, что власть, насыщенная любовью, является благостною силою и что порядокъ въ общественной жизни предполагаетъ наличность такой единой, организующей и повелѣвающей власти: онъ научается тому, что принципъ патріархальнаго единодержавія содержитъ въ себѣ нѣчто цѣлесообразное и оздоровляющее; и, наконецъ, онъ начинаетъ понимать, что авторитетъ духовно-старшаго человѣка совсѣмъ не призванъ подавлять или порабощать подчиненнаго, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характеръ, но что, наоборотъ, онъ призванъ воспитывать человѣка къ внутренней свободѣ **).

Такъ, семья есть первая, естественная школа свободы: въ ней ребенокъ долженъ въ первый, но не въ послѣдній разъ въ жизни — найти вѣрный путь къ внутренней свободѣ: принять изъ любви и уваженія къ родителямъ всѣ ихъ приказы и запреты во всей ихъ кажущейся суровости, вмѣнить себѣ въ обязанность ихъ соблюденіе, добровольно подчиниться имъ и предоставить своимъ собственнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ свободно и спокойно созрѣвать въ глубинѣ души. Благодаря этому семья становится какъ бы начальной школой для воспитанія свободнаго и здороваго правосознанія.

4. Пока семья будетъ существовать (а она будетъ существовать, какъ все природное, вѣчно), она будетъ школой здороваго чувства частной собственности. Не трудно убѣдиться, почему это такъ обстоитъ.

Семья есть данное отъ природы общественное единство — въ жизни, въ любви, въ трудѣ, въ заработкѣ и въ имуществѣ. Чѣмъ прочнѣе, чѣмъ сплоченнѣе семья, тѣмъ обоснованнѣе яв-

---

*) См. главу третью, раздѣлъ второй.
**) См. главу третью, раздѣлъ второй.

ляется ея притязаніе на то, что творчески создали и пріобрѣли ея родители и родители ея родителей. Это есть притязаніе на ихъ хозяйственно-овеществленный трудъ, всегда сопряженный съ лишеніями, страданіями, съ напряженіемъ ума, воли и воображенія; притязаніе — на наслѣдственно передающееся имущество, на семейно пріобрѣтенную частную собственность, которая является сущимъ источникомъ не только семейнаго, но и всенароднаго довольства.

Здоровая семья всегда была и всегда будетъ органическимъ единствомъ — по крови, по духу и по имуществу. И это единое имущество является живымъ знакомъ кровнаго и духовнаго единства; ибо это имущество, въ томъ видѣ, какъ оно есть, возникло именно изъ этого кровнаго и духовнаго единенія на пути труда, дисциплины и жертвъ. Вотъ почему здоровая семья учитъ ребенка сразу цѣлому ряду драгоцѣнныхъ умѣній. Ребенокъ научается пробивать себѣ въ жизни дорогу при помощи собственной иниціативы, и, въ то же время, — высоко цѣнить и соблюдать принципъ соціальной взаимопомощи; ибо семья, какъ цѣлое, устраиваетъ свою жизнь именно по частной, собственной иниціативѣ, — она есть самостоятельное творческое единство; а въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, семья есть настоящее воплощеніе взаимопомощи и такъ называемой «соціальности». Ребенокъ научается постепенно быть «частнымъ» лицомъ, самостоятельной индивидуальностью, и въ то же время, цѣнить и беречь лоно семейной любви и семейственной солидарности; онъ научается самостоятельности и вѣрности — этимъ двумъ основнымъ проявленіямъ духовнаго характера. Онъ научается творчески обходиться съ имуществомъ, вырабатывать, создавать и пріобрѣтать хозяйственныя блага, и въ то же время — подчинять начала частной собственности нѣкоторой высшей, соціальной (въ данномъ случаѣ — семейной) цѣлесообразности... А это и есть то самое умѣніе, или лучше сказать искусство, внѣ котораго не можетъ быть разрѣшенъ соціальный вопросъ нашей эпохи.

Само собой разумѣется, что только здоровая семья можетъ вѣрно разрѣшить всѣ эти задачи. Семья, лишенная любви и духовности, гдѣ родители не имѣютъ авторитета въ глазахъ дѣтей, гдѣ нѣтъ единства ни въ жизни, ни въ трудѣ, гдѣ нѣтъ наслѣдственной традиціи, — можетъ дать ребенку очень мало, или же не можетъ дать ему ничего. Конечно, и въ здоровой семьѣ могутъ совершаться ошибки, могутъ слагаться въ томъ или иномъ отношеніи «пробѣлы», которые способны повести къ общей или частичной неудачѣ. Идеала нѣтъ на землѣ . . . Однако съ увѣренностью можно сказать, что родители, которые сумѣли пріобщить своихъ дѣтей къ духовному опыту*) и вызвать въ нихъ процессъ внутренняго са-

*) См. главу третью.

м о о с в о б о ж д е н і я *) — будутъ всегда благословенны въ сердцахъ дѣтей . . . Ибо изъ этихъ двухъ основъ вырастаетъ и личный характеръ, и прочное счастье человѣка, и общественное благополучіе.

---

*) См. главу первую и третью.

3. Основныя задачи воспитанія.

Все то, что мы доселѣ установили о духовно-здоровой семьѣ, какъ бы предрѣшаетъ вопросъ объ основныхъ задачахъ воспитанія.

Можно было бы просто сказать, что все воспитаніе ребенка, или во всякомъ случаѣ его основная задача, состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ получилъ доступъ ко всѣмъ сферамъ духовнаго опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное въ жизни; чтобы его сердце, столь нѣжное и воспріимчивое, научилось отзываться на всякое явленіе Божественнаго въ мірѣ и въ людяхъ. Надо какъ бы повести или сводить душу ребенка во всѣ «мѣста», гдѣ можно найти и пережить нѣчто божественное *); постепенно все должно стать ей доступнымъ, — и природа во всей ея красотѣ, въ ея величіи и таинственной внутренней цѣлесообразности; и та чудесная глубина, и та благородная радость, которую даетъ намъ истинное искусство; и неподдѣльное сочувствіе всему страдающему; и дѣйственная любовь къ ближнему; и блаженная сила совѣстнаго акта; и мужество національнаго героя; и творческая жизнь національнаго генія, съ его одинокой борьбой и жертвенной отвѣтственностью; и главное: непосредственное молитвенное обращеніе къ Богу, который и слышитъ, и любитъ, и помогаетъ. Надо, чтобы ребенокъ получилъ доступъ всюду, гдѣ Духъ Божій дышитъ, зоветъ и раскрывается, — какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и въ окружающемъ его мірѣ . . .

Душа ребенка должна научиться воспринимать сквозь весь земной шумъ и сквозь всю неизсякающую пошлость повседневной жизни — священные слѣды и таинственные уроки Всевышняго; воспринимать ихъ и слѣдовать имъ; чтобы, внемля имъ, всю жизнь «обновляться духомъ ума своего» (Ефес. 4. 23). Подобно тому, какъ однажды выразилъ это Лафатеръ: «внимай тихому гласу вѣщающаго въ тебѣ Господа» . . . Чтобы ребенокъ, возрастая и входя въ пору зрѣлости, привыкъ

---

*) Живую картину такого духовнаго паломничества даетъ И. С. Шмелевъ въ своемъ замѣчательномъ произведеніи «Богомолье».

искать и находить во всемъ нѣкій высшій смыслъ; чтобы міръ не лежалъ передъ нимъ плоской, двумѣрной и скудной пустыней; чтобы онъ могъ сказать міру вещей словами поэта:

«Кругомъ обставшіе меня
Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайнаго огня
Вы осіянны и согрѣты» *) . . .

И могъ закончить свою жизнь словами глубокомысленнаго созерцателя Баратынскаго:

«Великъ Господь! Онъ милосердъ, но правъ.
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья» . . . **)

Духовно живой человѣкъ всегда внемлетъ Духу — и въ событіяхъ дня, и въ невиданной грозѣ, и въ мучительномъ недугѣ, и въ крушеніи народа. И, внявъ, отзывается не пассивно созерцательнымъ піэтизмомъ, но и сердцемъ, и волею, и дѣломъ.

Итакъ, самое важное въ воспитаніи — это духовно пробудить ребенка и указать ему передъ лицомъ грядущихъ трудностей, а можетъ быть уже подстерегающихъ его опасностей и искушеній жизни — источникъ силы и утѣшенія въ его собственной душѣ. Надо воспитать въ его душѣ будущаго побѣдителя, который умѣлъ бы внутренно уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу; — духовную личность, передъ которой были бы безсильны всѣ соблазны и искушенія современнаго сатанизма.

Какъ бы странно и сомнительно ни прозвучало это указаніе для педагогически неискушеннаго человѣка, но по существу оно остается непоколебимымъ: самое большое значеніе имѣютъ первые пять-шесть лѣтъ дѣтской жизни; а въ слѣдующее за нимъ десятилѣтіе (съ шестого по шестнадцатый годъ жизни) многое, слишкомъ многое завершается въ человѣкѣ чуть ли не на всю жизнь. Въ первые годы дѣтской жизни душа ребенка такъ нѣжна, такъ впечатлительна и безпомощна . . . Она какъ бы плыветъ въ потокѣ наивной, непосредственной довѣрчивости и нѣкоего, какъ бы предмірнаго «всесмѣшенія»: «свѣтъ и тьма», «твердь и вода» еще не отдѣлены другъ отъ друга; и сводъ, имѣющій потомъ отдѣлить дневное сознаніе отъ ночной безсознательной сферы—еще не создался въ процессѣ вытѣсненія ***). Этотъ сводъ, который будетъ потомъ всю жизнь обуздывать кипѣніе страстей и замыкать томленіе аффектовъ, подчиняя ихъ творческой жизненной цѣлесообразности, — находится еще въ

*) Өедоръ Соллогубъ (Тетерниковъ).
**) «На посѣвъ лѣса».
***) Разумѣю этотъ терминъ въ томъ смыслѣ, который приданъ ему основополагающими открытіями и формулами создателя современной психопатологіи Зигмунда Фрейда.

стадіи возникновенія. Въ этотъ періодъ жизни — впечатлѣніямъ открыта послѣдняя глубина души; она вся всему доступна и не защищена никакой защитной броней; все можетъ стать или уже становится ея судьбой, все можетъ повредить ребенку, или, какъ говоритъ народъ, «испортить ребенка». И дѣйствительно, все вредное, дурное, злобное, потрясающее или мучительное, что ребенокъ воспринимаетъ въ этотъ первый, роковой періодъ своей жизни — все причиняетъ ему душевную рану («травму»), послѣдствія которой онъ потомъ влачитъ въ себѣ черезъ всю жизнь, то въ видѣ нервнаго подергиванія, то въ видѣ истерическихъ припадковъ, то въ видѣ уродливой склонности, извращенія или прямой болѣзни. И обратно, все то свѣтлое, духовное и любовное, что дѣтская душа получаетъ въ эту первую эпоху, — приноситъ потомъ, въ теченіе всей жизни обильный плодъ. Въ эти годы ребенка надо беречь, не терзать его никакими страхами и наказаніями, не будить въ немъ преждевременно элементарные и дурные инстинкты. Однако упускать эти годы въ смыслѣ духовнаго воспитанія было бы столь же недопустимо и непростительно. Надо сдѣлать такъ, чтобы въ душу ребенка проникало какъ можно больше лучей любви, радости и Божіей благодати. Здѣсь надо не баловать ребенка, не потакать его капризамъ, не изнѣживать его и не топить его въ физическихъ ласкахъ, но заботиться о томъ, чтобы ему нравилось, чтобы его умиляло, и радовало все то, что есть въ жизни божественнаго — отъ солнечнаго луча до нѣжной мелодіи, отъ жалости, сжимающей сердце, до прелестной бабочки, отъ первой лепетомъ сказанной молитвы до героической сказки и легенды . . . Родители могутъ быть твердо увѣрены; здѣсь ничто не пропадетъ, ничто не канетъ безслѣдно; все дастъ плоды, все принесетъ хвалу и совершеніе. Но пусть никогда ребенокъ не будетъ для родителей игрушкой и забавой; пусть онъ будетъ для нихъ нѣжнымъ цвѣткомъ, который нуждается въ солнцѣ, но который такъ легко можетъ быть незамѣтно надломленъ. Именно въ эти первые годы дѣтства, когда ребенокъ считается «несмыслёнышемъ», родители должны помнить при всякомъ обхожденіи съ нимъ, что дѣло не въ ихъ родительскихъ восторгахъ, наслажденіяхъ и забавахъ, а въ состояніи дѣтской души, абсолютно впечатлительной и (именно вслѣдствіе «несмыслія» своего) абсолютно безпомощной . . .

Итакъ, до пяти-шести лѣтъ, т. е. до самаго «вытѣсняющаго» перелома въ дѣтской душѣ, ребенка нужно душевно беречь, какъ нѣжный цвѣтокъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ постепенно измѣнить весь тонъ воспитанія: ибо послѣ періода душевной теплицы долженъ наступить періодъ душевнаго закала; ребенокъ долженъ пріучаться внутренно къ самообладанію и къ высокимъ требованіямъ, и этотъ процессъ дастся ему тѣмъ легче, чѣмъ меньше «травмъ» онъ вынесетъ изъ перваго періода. Въ нѣж-

нѣйшую эпоху своей жизни ребенокъ долженъ привыкнуть къ семьѣ — къ любви, а не къ ненависти и зависти; къ спокойному мужеству и самодисциплинѣ, а не къ страху, униженію, доносамъ и предательству. Ибо воистину — міръ можно пересоздать, перевоспитать изъ дѣтской, но въ дѣтской же можно его и погубить.

Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребенку потребность въ чистой любви, склонность къ мужественной искренности и способность къ спокойной и достойной дисциплинѣ.

Чистота любви, о которой здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ въ виду эротическую сторону жизни.

Врядъ ли есть что-нибудь болѣе вредное для жизни и для всей судьбы ребенка, какъ слишкомъ раннее эротическое пробужденіе его души; въ особенности, если это пробужденіе происходитъ въ той формѣ, что ребенокъ начинаетъ воспринимать жизнь пола, какъ что-то низменное и грязное, какъ предметъ тайныхъ мечтаній и постыдныхъ забавъ; или еще, — если это пробужденіе вызывается неосторожностями или прямыми грубостями со стороны нянекъ, воспитателей или родителей . . .

Вредность преждевременнаго эротическаго пробужденія состоитъ въ томъ, что на юную душу возлагается непосильная задача, которую она не можетъ ни разрѣшить, ни изжить, ни достойно понести или устранить. Тогда ребенокъ оказывается безъ вины виноватымъ и безысходно обремененнымъ; начинается безплодная и нечистая работа воображенія, сопровождающаяся судорожными попытками вытѣснить весь этотъ непосильный зарядъ, и въ то же время—болѣзненными напряженіями нервной системы. Начинаются внутренніе конфликты и страданія, съ которыми ребенокъ не можетъ справиться; ему приходится отвѣчать за невольныя настроенія и поступки, и отвѣтственность эта превышаетъ его душевныя силы; въ послѣдней родовой глубинѣ инстинкта начинается болѣзненное смятеніе, о которомъ ребенокъ не можетъ даже совсѣмъ высказаться, — и весь организмъ души и тѣла оказывается выведеннымъ изъ равновѣсія. Большинство такъ называемыхъ «дефективныхъ» дѣтей проходитъ этотъ страдальческій путь безъ всякой вины и очень рѣдко встрѣчаетъ со стороны взрослыхъ чуткое пониманіе и помощь . . .

Нерѣдко бываетъ и хуже, именно, когда кто-нибудь изъ «товарищей» или взрослыхъ, испорченныхъ дурнымъ опытомъ, начинаетъ «просвѣщать» (т. е. портить) ребенка въ вопросахъ половой жизни. Тамъ, гдѣ для чистой и цѣломудренной души, собственно говоря, нѣтъ ничего «грязнаго» («ибо всякое твореніе Божіе хорошо». Тимофею I. 4. 4), несмотря на всѣ человѣческія несовершенства, заблужденія и болѣзни, — потому что «грязное», чисто воспринятое, есть уже не «грязное», а больное или трагическое; — тамъ въ душѣ такого несчастнаго ребенка искажается жизнь воображенія и развращается жизнь чувства, причемъ это

искаженіе и развращеніе можетъ излиться и въ настоящее неисцѣлимое душевное уродство. Душевное воспріятіе такого ребенка становится пошлымъ или полуслѣпымъ, — онъ какъ бы не видитъ чистаго въ жизни, а видитъ во всемъ двусмысленное и грязное; съ этой точки зрѣнія онъ начинаетъ воспринимать всю человѣческую любовь и при томъ не только ея чувственную сторону, но и духовную. Чистое осмѣивается; интимное и нѣжное забрасывается уличною грязью; здоровый половой инстинктъ начинаетъ тянуть къ извращеніямъ; все священное въ любви, въ бракѣ и въ семьѣ оказывается вывернутымъ, оскверненнымъ и утраченнымъ. Тамъ, гдѣ умѣстно благоговѣйное молчаніе, шопотъ или молитва, — водворяется атмосфера двусмысленныхъ улыбокъ и плоскаго подмигиванія. Душевное цѣломудріе гибнетъ; воцаряется безстыдство и безцеремонность; всѣ священные удержи и запреты души колеблятся; ребенокъ оказывается душевно растлѣннымъ и какъ бы проституированнымъ. Человѣкъ переживаетъ цѣлое духовное опустошеніе: въ его «любви» отмираетъ все священное и поэтическое, чѣмъ живетъ и строится человѣческая культура; начинается разложеніе семьи. Можно было бы прямо сказать, что въ процессѣ современнаго разложенія семьи и связанной съ нимъ большевизаціи нравовъ — вреднѣйшее и разрушительное значеніе принадлежитъ непристойному анекдоту, внесенному въ дѣтскую. Порнографія есть одно изъ величайшихъ золъ въ дѣлѣ воспитанія; и чѣмъ скорѣе родители, воспитатели и духовники объединятся между собою для того, чтобы повести противъ нея рѣшительную и неутомимую борьбу, полную осторожнаго такта и психоаналитическаго искусства, тѣмъ лучше будетъ для всего человѣчества.

Еще одна серьезная опасность грозитъ эротически чистой любви ребенка — отъ неосторожныхъ или грубыхъ родительскихъ проявленій.

При этомъ я имѣю въ виду прежде всего такъ называемую «обезьянью» любовь родителей, т. е. слишкомъ чувственную влюбленность ихъ въ ребенка, котораго они то и дѣло волнуютъ всевозможными и неумѣренными физическими ласками, заигрываніями, щекоткой, возней, не постигая безразсудства и вредоносности всего этого; этимъ они съ одной стороны вызываютъ въ душѣ ребенка цѣлый потокъ напраснаго и неутолимаго возбужденія и причиняютъ ему ненужныя душевныя «травмы», съ другой стороны — избаловываютъ и изнѣживаютъ его, подрывая его способность къ выдержкѣ и самообладанію. *)

Наряду съ этимъ надо поставить и всевозможныя неумѣренныя проявленія взаимной любви родителей въ присутствіи дѣтей. Супружеское ложе родителей должно быть прикрыто для дѣтей цѣломудренной тайной, хранимой естественно и неподчеркнуто; пренебреженіе этимъ вызываетъ въ душахъ дѣтей

---

*) Особенно вредною является дурная манера многихъ родителей брать ребенка къ себѣ въ кровать. По послѣдствіямъ своимъ эта манера, можетъ быть, еще вреднѣе жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, вродѣ порки.

самыя нежелательныя послѣдствія,*) о которыхъ слѣдовало бы написать цѣлое научное изслѣдованіе . . . Во всемъ и всегда есть нѣкая правильная и драгоцѣнная мѣра, которую люди должны блюсти; а въ данномъ случаѣ эта мѣра можетъ быть подсказана только живымъ чувствомъ такта и въ особенности врожденнымъ женщинѣ естественнымъ и мудрымъ цѣломудріемъ.

Помимо всего этого должны быть особо упомянуты тѣ разрушительныя для семейной жизни взаимныя «супружескія измѣны» со стороны родителей, которыя дѣти подмѣчаютъ съ такимъ ужасомъ и переживаютъ такъ болѣзненно; иногда такія событія переживаются дѣтьми, какъ настоящія душевныя катастрофы. Родители всегда должны помнить о томъ, что дѣти не просто «воспринимаютъ» отца и мать, или «подмѣчаютъ» за ними, но что они въ глубинѣ своей души идеализируютъ ихъ, мечтаютъ о нихъ и въ тайнѣ жаждутъ видѣть въ нихъ идеалъ совершенства.**) Конечно, съ самаго начала ясно, что каждому ребенку предстоитъ пережить въ этомъ вопросѣ нѣкоторое разочарованіе, ибо совершенныхъ людей нѣтъ, совершенство принадлежитъ одному Богу. Но это неизбѣжное разочарованіе не должно приходить слишкомъ рано, оно не должно быть слишкомъ острымъ и глубокимъ, оно не должно обрушиваться на ребенка въ видѣ катастрофы. Тотъ часъ, когда ребенокъ утрачиваетъ уваженіе къ отцу или матери, — хотя бы никто не замѣтилъ этого крушенія, хотя бы и самъ ребенокъ пережилъ его въ молчаливомъ разочарованіи или даже отчаяніи, — этотъ часъ обозначаетъ собою духовную катастрофу семьи; и рѣдкой семьѣ удается оправиться впослѣдствіи отъ этой катастрофы.

Словомъ, счастливый ребенокъ наслаждается въ счастливой семьѣ эротически-чистой атмосферой. Для этого родителямъ необходимо искусство духовно-цѣломудренной любви.

Второй особенностью здоровой семьи является атмосфера искренности.

Родители и воспитатели не должны лгать дѣтямъ ни въ какихъ важныхъ, значительныхъ обстоятельствахъ жизни. Всякую ложь, всякій обманъ, всякую симуляцію или диссимуляцію ребенокъ подмѣчаетъ съ чрезвычайной остротой и быстротой; и, подмѣтивъ, впадаетъ въ смущеніе, соблазнъ и подозрительность. Если ребенку нельзя сообщить чего-нибудь, то всегда лучше — честно и прямо отказать ему въ отвѣтѣ или провести опредѣленную границу въ освѣдомленіи, чѣмъ выдумывать вздоръ и потомъ запутываться въ немъ, или чѣмъ лгать и об-

---

*) Особенно въ крестьянскомъ и вообще простонародномъ быту, гдѣ тѣснота помѣщенія снимаетъ всѣ покровы цѣломудрія и подрываетъ въ душахъ дѣтей естественный піэтетъ къ родителямъ. Наука однажды откроетъ здѣсь душевный источникъ, изъ котораго выросло самое постыдное человѣческое ругательство, извѣстное у многихъ народовъ.

**) Это настроеніе глубоко и тонко изображено въ «Подросткѣ» и «Неточкѣ Незвановой» Достоевскаго.

манывать и потомъ быть изобличеннымъ дѣтской проницательностью. И не слѣдуетъ говорить такъ: «это тебѣ рано знать», или «этого ты все равно не поймешь»; такіе отвѣты только раздражаютъ въ душѣ ребенка любопытство и самолюбіе. Лучше отвѣчать такъ: «я не имѣю права сказать тебѣ это; каждый человѣкъ обязанъ хранить извѣстные секреты, а допытываться о чужихъ секретахъ неделикатно и нескромно». Этимъ не нарушается прямота и искренность, и дается конкретный урокъ долга, дисциплины и деликатности . . .

Родителямъ и воспитателямъ совершенно необходимо понять, что̀ переживаетъ ребенокъ, встрѣчая съ ихъ стороны ложь или обманъ. Ребенокъ прежде всего теряетъ непосредственное довѣріе къ родителямъ; онъ наталкивается на стѣну неправды въ нихъ, и чѣмъ холоднѣе, изворотливѣе, циничнѣе преподносится ему эта неправда, тѣмъ ядовитѣе она оказывается для дѣтской души. Поколебавшись въ довѣріи, ребенокъ становится подозрителенъ и ждетъ новой лжи и обмана; онъ колеблется и въ своемъ уваженіи къ родителямъ. Въ силу естественной подражательности онъ начинаетъ отвѣчать имъ тѣмъ же, постепенно замыкается отъ нихъ и пріучается самъ лгать и обманывать. Это переносится и на другихъ людей; у ребенка появляется склонность къ хитрости и невѣрности вообще. Въ немъ исчезаетъ ясность и прозрачность души; онъ начинаетъ жить сначала мелкими, а потомъ и крупными самообманами. Кризисъ довѣрія вызываетъ (рано или поздно) и кризисъ вѣры; ибо вѣра требуетъ душевной цѣльности и искренности. И такъ всѣ основы духовнаго характера приходятъ у ребенка въ состояніе кризиса или оказываются просто подорванными. Въ душѣ водворяется та атмосфера лукавства, притворства и малодушія, къ которой человѣкъ постепенно привыкаетъ настолько, что перестаетъ замѣчать ее; а изъ этой атмосферы и вырастаютъ потомъ всѣ большія интриги и предательства.

Никогда изъ лживой, изолганной семьи не выйдетъ искренній, вѣрный и мужественный человѣкъ; развѣ только въ порядкѣ отвращенія къ своей семьѣ и духовнаго преодолѣнія ея наслѣдія. Ибо ложь растлѣваетъ человѣка незамѣтно, незамѣтно проникая изъ невинныхъ пустяковъ въ глубину священныхъ обстояній; и удержать ея дѣйствіе на поверхности житейскихъ пустяковъ могутъ только люди съ уже сложившимся духовнымъ характеромъ, люди, уже утвердившіеся въ Богѣ. И если въ современномъ мірѣ все кишитъ открытой ложью, обманомъ, невѣрностью, интригой, предательствомъ и измѣной своей родинѣ, то это несчастье имѣетъ свои корни въ двухъ явленіяхъ: во всеобщемъ религіозномъ кризисѣ и въ атмосферѣ семейной лживости. Изъ семьи, гдѣ все построено на фальши и трусости, гдѣ сердце утратило искренность и мужество, — въ общество и въ міръ вступаютъ только фальшивые люди. Но тамъ, гдѣ въ семьѣ царитъ и ведетъ духъ прямоты и искренности, тамъ дѣти оказываются предрасположенными къ

честности и вѣрности. Лживость въ дѣтской ядовита тѣмъ, что она пріучаетъ человѣка къ нечестности наединѣ съ собою и къ подлости съ другими.

Есть особое искусство правдивости и искренности, которое нерѣдко требуетъ отъ человѣка большихъ совѣстныхъ напряженій внутри и большого такта въ обхожденіи съ людьми; и, сверхъ того, всегда — мужества. Это искусство дается не легко; но въ здоровыхъ и счастливыхъ семьяхъ оно процвѣтаетъ всегда.

Наконецъ особенностью здоровой и счастливой семьи — является спокойная, достойная дисциплина.

Такая дисциплина не можетъ возникнуть изъ атмосферы родительскаго террора, отъ кого бы онъ ни исходилъ, — отъ отца или отъ матери. Такая система террора, поддерживаемая криками и угрозами, моральнымъ гнетомъ или тѣлесными наказаніями, вызываетъ у здороваго ребенка чувство возмущенія, легко переходящее въ отвращеніе, ненависть и презрѣніе. Ребенокъ чувствуетъ себя унижаемымъ, и не можетъ не возмущаться; эта система изливаетъ на него потокъ оскорбленій, и онъ не можетъ не противостать имъ. Эти униженія и оскорбленія онъ можетъ, что называется, «проглатывать» и сносить молча; но его безсознательное никогда не изживетъ этихъ травмъ и не проститъ ихъ родителямъ. Тамъ, гдѣ семейная власть осуществляется угрозами и страхомъ, тамъ на каждомъ шагу ощущается враждебная напряженность; тамъ воцаряется система «защитнаго обмана» и лукавства; тамъ оба поколѣнія остаются, быть, можетъ, еще въ состояніи пространственнаго рядомъ-жительства, но семья, какъ живое, органическое единство, держащееся силою взаимной любви и довѣрія, оказывается разрушенной. Дѣти, униженные угрозами, наказаніями и вѣчнымъ страхомъ, защищаются всѣми средствами и постепенно пріучаются, иногда сами того не замѣчая, къ внутренней вседозволенности. И если эта атмосфера вседозволенности устанавливается въ ихъ отношеніи къ родителямъ, то чего же можно будетъ ждать отъ нихъ въ ихъ отношеніи къ другимъ, постороннимъ людямъ? Возстаніе противъ родителей перевертываетъ въ человѣческомъ сердцѣ всѣ нормальныя основы общежитія — чувство ранга, идею свободно признаннаго авторитета, начала лояльности, вѣрности, дисциплины, чувство долга и правосознаніе; и семейный терроръ оказывается однимъ изъ главныхъ источниковъ общественной деморализаціи и политической революціонности. Семья становится школой вѣчнаго, несытаго бунтарства; и проявленія его могутъ стать фатальными въ жизни народа и государства.

Настоящая, подлинная дисциплина есть по существу своему не что иное, какъ внутреннее самообладаніе, присущее самому дисциплинированному человѣку. Она не есть ни душевный «механизмъ», ни такъ называемый «условный рефлексъ». Она прису-

ща человѣку изнутри, душевно, органически; такъ, что, если въ ней есть элементъ «механизма» или «механичности», то дисциплина все-таки органически предписывается человѣкомъ самому себѣ. Поэтому настоящая дисциплина есть прежде всего проявленіе внутренней свободы, т.е. духовнаго самообладанія и само-управленія. Она принимается и поддерживается добровольно и сознательно. Труднѣйшая часть воспитанія и состоитъ въ томъ, чтобы укрѣпить въ ребенкѣ волю, способную къ автономному самообладанію. Способность эту надо понимать не только въ томъ смыслѣ, чтобы душа умѣла сдерживать и понуждать себя, но и въ томъ смыслѣ, чтобы это было ей не трудно. Разнузданному человѣку всякій запретъ труденъ; дисциплинированному челевѣку всякая дисциплина легка: ибо владѣя собой, онъ можетъ уложить себя въ любую, благую и осмысленную форму. И только владѣющій собою способенъ повелѣвать и другими. Вотъ почему русская пословица говоритъ: «превысокое владѣтельство — собою владѣть» . . .

Однако эта способность владѣть собою, которая дается человѣку тѣмъ труднѣе, чѣмъ страстнѣе и разностороннѣе его душа, — не должна превращать внутреннюю жизнь въ какое-то подобіе тюрьмы или каторги. Поистинѣ, настоящая дисциплина и организація имѣется лишь тамъ, гдѣ, óбразно выражаясь, послѣдняя капля пота, вызванная дисциплинирующимъ и организующимъ усиліемъ и напряженіемъ, стерта съ чела; или, еще лучше, — гдѣ усиліе было легко и напряженіе совсѣмъ не вызвало ея. Дисциплина не должна становиться высшей или самодовлѣющей цѣлью; она не должна развиваться въ ущербъ свободѣ и искренности въ семейной жизни; она должна быть духовнымъ умѣніемъ или даже искусствомъ, и не должна превращаться въ тягостный догматъ или въ душевное каменѣніе; она не должна парализовать любовь и духовное общеніе въ семейной жизни *). Словомъ, чѣмъ незамѣтнѣе прививается дѣтямъ дисциплина и чѣмъ менѣе она при соблюденіи ея бросается въ глаза, тѣмъ удачнѣе протекаетъ воспитаніе. И если это достигнуто, то дисциплина удалась и задача разрѣшена. И можетъ быть для ея удачнаго разрѣшенія лучше всего положить въ основу самообладанія — свободный совѣстный актъ.

Итакъ, есть особое искусство повелѣнія и запрета; оно дается не легко. Но въ здоровыхъ и счастливыхъ семьяхъ оно цвѣтетъ всегда.

Однажды Кантъ высказалъ о воспитаніи простое, но вѣрное слово: «Воспитаніе есть величайшая и труднѣйшая проблема, которая можетъ быть поставлена человѣку». И вотъ, эта проблема дѣйствительно разъ навсегда поставлена огромному большинству людей. Разрѣшеніе этой проблемы, отъ котораго всегда зависитъ будущность человѣчества, начинается

*) Этими крайностями нерѣдко грѣшитъ англійское воспитаніе, покоющееся на волевомъ подавленіи эмоцій.

въ лонѣ семьи; и замѣнить семью въ этомъ дѣлѣ ничто не можетъ: ибо только въ семьѣ природа даруетъ необходимую для воспитанія любовь, и притомъ съ такою щедростью, какъ нигдѣ болѣе. Никакіе «дѣтскіе сады», «дѣтскіе дома», «пріюты» и тому подобныя фальшивыя замѣны семьи никогда не дадутъ ребенку необходимаго: ибо главной силой воспитанія является то взаимное чувство личной незамѣнимости, которое связываетъ родителей съ ребенкомъ и ребенка съ родителями связью единственной въ своемъ родѣ, — таинственной связью кровной любви. Въ семьѣ и только въ семьѣ ребенокъ чувствуетъ себя единственнымъ и незамѣнимымъ, выстраданнымъ и неотрывнымъ, кровью отъ крови и костью отъ кости; — существомъ возникшимъ въ сокровенной совмѣстности двухъ другихъ существъ и обязаннымъ имъ своей жизнью; личностью, разъ навсегда пріятною и милою во всемъ ея тѣлесномъ-душевномъ-духовномъ своеобразіи.*) Это не можетъ быть ничѣмъ замѣнено; и какъ бы трогательно ни воспитывался иной пріемышъ, онъ всегда будетъ вздыхать про себя о своемъ кровномъ отцѣ и о своей кровной матери . . .

Именно семья даритъ человѣку два священныхъ первообраза, которые онъ носитъ въ себѣ, всю жизнь и въ живомъ отношеніи къ которымъ растетъ его душа и крѣпнетъ его духъ: первообразъ чистой матери, несущей любовь, милость и защиту; и первообразъ благого отца, дарующаго питаніе, справедливость и разумѣніе. Горе человѣку, у котораго въ душѣ нѣтъ мѣста для этихъ зиждительныхъ и ведущихъ первообразовъ, этихъ живыхъ символовъ и въ то же время творческихъ источниковъ духовной любви и духовной вѣры! Ибо поддонныя силы его души, не пробужденныя и не взлелѣянныя этими благими, ангело-подобными образами, могутъ остаться въ пожизненной скованности и мертвости.

Суровой и мрачной стала бы судьба человѣчества, если бы однажды въ душахъ людей до конца изсякли эти священные источники. Тогда жизнь превратилась бы въ пустыню, дѣянія людей стали бы злодѣяніями, а культура погибла бы въ океанѣ новаго варварства.

Эту таинственную связь человѣка со священными силами или «прообразами», которые открываются ему въ нѣдрахъ его семьи и рода, съ дивною силою почуялъ и выговорилъ Пушкинъ; — одинъ разъ въ язычески-миѳологической формѣ, именуя эти прообразы «пенатами» или «домашними божествами»; другой разъ — въ обращеніи къ тому, что знаменуетъ жилище семьи и священный прахъ предковъ.

. . . .
. . . . . Еще единый гимнъ —
Внемлите мнѣ, пенаты! вамъ пою

*) Срв. русскую поговорку: «Дитя хоть гнило, а отцу-матери мило».

Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса . . .
. . . .
Примите гимнъ, таинственныя силы! . . .
. . . .
Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ —
Чтить самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
Не преставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія . . . *)

Такъ, изъ духа семьи и рода, изъ духовнаго и религіозно осмысленнаго пріятія своихъ родителей и предковъ — родится и утверждается въ человѣкѣ *чувство собственнаго духовнаго достоинства*, эта первая основа внутренней свободы, духовнаго характера и здоровой гражданственности. Напротивъ, презрѣніе къ прошлому, къ своимъ предкамъ и, «слѣдовательно», къ исторіи своего народа, порождаетъ въ человѣкѣ безродную, безотечественную, рабскую психологію. А это означаетъ, что *семья есть первооснова родины*.

Во второмъ отрывкѣ Пушкинъ выражаетъ эту мысль съ еще большею точностью и страстностью.

Два чувства дивно близки намъ —
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу —
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка, —
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была бъ безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.

---

*) Этотъ неоконченный набросокъ я привожу съ нѣкоторыми сокращеніями. Курсивъ Пушкина. Срв. еще у Пушкина великолѣпное стихотвореніе «Домовой». Комментарій къ нему читатель найдетъ въ № 9 журнала «Русскій Колоколъ».

Такъ, семья есть первичное лоно человѣческой духовности; а потому и всей духовной культуры; и прежде всего — родины.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О РОДИНѢ.

1. Проблема.

Въ судорогахъ безплоднаго и разъѣдающаго сомнѣнія, современный человѣкъ, пытаясь отвергнуть вѣру, свободу, совѣсть и семью, не останавливается и передъ драгоцѣннымъ началомъ родины. И, странное дѣло, въ этомъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, соблазнительное сомнѣніе, исходящее отъ враговъ духа и христіанства, встрѣчаетъ своеобразный откликъ въ предѣлахъ самого христіанства. Старыя, изжитыя и отвергнутыя христіанскими исповѣданіями идеи, идеи первыхъ вѣковъ, оживаютъ или всплываютъ на поверхность сознанія и тѣмъ увеличиваютъ современную смуту и шатаніе умовъ.

Кто эти сомнѣвающіеся отрицатели родины и что мы должны имъ противопоставить?

Современный христіанинъ, сомнѣвающійся въ «допустимости» родины, повидимому, имѣетъ въ виду слѣдующее.

Христіанская любовь, говоритъ онъ себѣ, учитъ насъ видѣть брата въ каждомъ человѣкѣ; всѣ люди всѣхъ странъ и народовъ имѣютъ единаго Небеснаго Отца и призваны, ставъ предъ его лицомъ, искренно и послѣдовательно признать свое вселенское братство. А это означаетъ, что христіанинъ рожденъ быть гражданиномъ вселенной; и высшее призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы отвергнуть всякія условныя дѣленія людей — по сословіямъ, классамъ, странамъ, національностямъ, расамъ и т. д. Всѣ эти перегородки должны пасть въ душѣ христіанина; а въ этомъ паденіи сокрушится и дѣленіе человѣчества на различныя «родины» и «отечества». Развѣ дѣло не обстоитъ такъ, что каждый личный человѣческій духъ во вселенной есть какъ бы живое жилище Божіе, или нѣкій алтарь для Его священнаго пламени? Развѣ человѣчество, съ точки зрѣнія христіанской, не есть единая братская община, каждый членъ которой рожденъ для вѣры и добрыхъ дѣлъ, и потому имѣетъ неотъемлемое право получить внѣшнюю свободу и воспользоваться ею для внутренняго самоосвобожденія? *) Словомъ — развѣ христіанинъ не рожденъ для интернаціонализма? Развѣ онъ имѣетъ основаніе серьезно и послѣдовательно говорить о различныхъ

*) См. главу третью.

національностяхъ, причислять себя къ одной изъ нихъ и служить ей преимущественно или даже исключительно? Нѣтъ, патріотизмъ и націонализмъ рѣшительно не совмѣстимы съ духомъ христіанства . . . Отечество христіанина на землѣ — вселенная; и христіанинъ не имѣетъ права имѣть сверхъ того или наряду съ этимъ еще особую земную родину, любить ее, строить ее и бороться за нее съ рѣшимостью и мужествомъ . . .

Наряду съ такими христіанами, которые, можетъ быть, разсуждаютъ искренно, хотя и поверхностно, и наряду съ такими нехристіанами, которые поддерживаютъ первыхъ изъ лицемѣрно-гуманныхъ соображеній, — въ наши дни имѣется еще неопредѣленное множество людей, которые подтачиваютъ начала «родины» и «націонализма» изъ побужденій нигилистическихъ. Современный міръ все болѣе пронизывается интернаціоналистическими организаціями; однѣ изъ нихъ считаютъ принципъ націоналъ-патріотизма «устарѣвшимъ» и «реакціоннымъ», а потому не заслуживающимъ поддержки; другія отвергаютъ этотъ принципъ послѣдовательно и аггрессивно, считая его по существу «вреднымъ» и нетерпимымъ «предразсудкомъ». Замѣчательно, что такой интернаціонализмъ захватывалъ въ теченіе 19 и 20 вѣка все болѣе широкіе круги. Появились напр. организаціи, которыя поставили себѣ задачу «преодолѣть» и «устранить» національные языки и замѣнить ихъ единымъ, искусственно выдуманнымъ «синтетическимъ» языкомъ («волапюкъ» и «эсперанто»). Разрослись и окрѣпли такъ называемые «рабочіе интернаціоналы», утверждающіе, что солидарность хозяйственно - производящихъ классовъ должна вѣсить больше, чѣмъ національно - патріотическая или государственная сопринадлежность людей. Сложилось и крайнее, большевицкое воззрѣніе, согласно которому господство должно принадлежать «соціально-революціонному» принципу, а этотъ принципъ требуетъ, чтобы сознательный пролетарій предавалъ свою «родину», и въ мирное время и особенно во время войны, работая на ея разложеніе и на побѣду рабочаго интернаціонала *). И замѣчательно, что сторонникамъ большевицкаго нигилизма отъ времени до времени удается пріобрѣтать себѣ сторонниковъ и въ христіанскомъ лагерѣ.

Въ противовѣсъ этимъ невѣрнымъ и соблазнительнымъ ученіямъ мы должны поставить основную проблему открыто и недвусмысленно; и спросить себя: можно ли обосновать и оправдать начало родины духовно, передъ лицомъ Божіимъ и передъ лицомъ христіанства?

Съ самаго начала ясно, что жизнь человѣчества на землѣ подчинена пространственно-территоріальной необходимости: земля велика и человѣчество разбросано по ея лицу. Оно не можетъ и никогда не сможетъ побѣдить эту пространственную

---

*) Читатель найдетъ доказательства этого въ вышедшей недавно книгѣ Alfred Norman. Bolschewistische Weltmachtpolitik. Gotthelf-Verlag. Bern. См. особенно главы 13, 14, 15, 16, 17. Книга построена цѣликомъ на изслѣдованіи первоисточниковъ.

разъединенность и управляться изъ единаго мірового центра. Условія разстояній, климата, расы, хозяйства, государственнаго управленія и законовъ, языка и обычая, вкусовъ и душевнаго уклада — дѣйствуютъ на людей различающе и обособляюще (дифференціація), и человѣчеству приходится просто принимать эти условія жизни и приспособляться къ нимъ. Идея сдѣлать всѣхъ людей одинаковыми во всѣхъ отношеніяхъ и подчинить ихъ единой всевѣдущей и всеорганизующей власти — есть идея бредовая, больная; и потому она не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Культурный человѣкъ долженъ жить и трудиться осѣдло; и эта осѣдлость съ одной стороны прикрѣпляетъ человѣка и отдѣляетъ его отъ далеко живущихъ, съ другой стороны заставляетъ его войти въ организованные волевые союзы мѣстнаго характера. Въ результатѣ этого міръ распадается на пространственно раздѣльныя государства, которыя не могли бы слиться въ одно единое государство даже при самомъ сильномъ и добромъ желаніи. Силою инстинкта самосохраненія, подобія, пространства, взаимной защиты, географическихъ рубежей и оружія — люди объединяются въ правовые, властвующіе союзы и сживаются другъ съ другомъ; подобіе родитъ единеніе, а долгое единеніе усиливаетъ подобіе; одинаковый климатъ, интересъ, образъ жизни и труда, нарядъ и обычай поддерживаютъ это уподобленіе и завершаютъ правовую и бытовую спайку. Государственная власть закрѣпляетъ все это единою системою законовъ и общественной дисциплиной. Психологически говоря, въ основѣ всего этого лежитъ конечно инстинктъ самосохраненія; и далѣе — краткость личной жизни и ограниченность личной силы въ трудѣ и творчествѣ. Человѣку нѣтъ времени для долгаго выбора; на него давитъ суровая необходимость, — онъ вынужденъ примкнуть къ одной, единой и единственной, хорошо организованной группѣ и искать у нея, именно у нея и только у нея обороны, помощи и суда. А примкнуть къ одной группѣ — значитъ противопоставить себя остальнымъ. Общественная солидарность и общественная противоположность связаны другъ съ другомъ и обусловлены другъ другомъ, какъ напримѣръ свѣтъ и тьма. Бѣда, опасность и страхъ научаютъ человѣка солидаризироваться со своими ближними; изъ этой солидарности возникаютъ первые проблески правосознанія, «вѣрности» и «патріотическаго настроенія». И такимъ образомъ «патріотизмъ» оказывается повидимому неизбѣжнымъ, цѣлесообразнымъ и жизненно полезнымъ . . .

Однако наша задача совсѣмъ не сводится къ тому, чтобы установить инстинктивную необходимость и эмпирическую цѣлесообразность «патріотическаго настроенія». Любовь къ родинѣ должна быть нами духовно оправдана и обоснована; а все то, что мы доселѣ установили, есть не болѣе, чѣмъ рядъ соображеній о жизненно-бытовой пользѣ патріотизма. Мы

совсѣмъ еще не подошли къ послѣднему и глубочайшему источнику любви къ родинѣ, который дѣйствительно даетъ христіанину основаніе и право поставить свой патріотизмъ на первое мѣсто, а вселенскому гражданству отвести второе, осуществляя это и чувствомъ, и волею, и поступками. Дѣло не въ томъ, что̀ намъ навязываетъ природа и исторія; онѣ могутъ навязывать намъ и духовно непріемлемыя вещи (напр. людоѣдство въ эпоху голода, панику на тонущемъ кораблѣ и т. под.). Дѣло въ томъ, чтобы вскрыть духовную и религіозную правоту патріотизма. А для этого необходимо показать, что любовь къ родинѣ есть творческій актъ духовнаго самоопредѣленія, вѣрный передъ лицомъ Божіимъ и потому благодатный. Только при такомъ пониманіи патріотизмъ и націонализмъ могутъ раскрыться въ ихъ священномъ и непререкаемомъ значеніи; только при такомъ освѣщеніи инстинктивная необходимость и историческая цѣлесообразность, — всѣ эти соображенія объ опасности, солидарности и взаимной оборонѣ,— получатъ свое главное и послѣднее обоснованіе.

Есть на свѣтѣ предметы, которые можно воспринять только глазомъ (напр. свѣтъ или цвѣтъ); есть такіе предметы, которые доступны только уху и слуху (напр. звукъ, пѣніе, музыка); подобно этому есть такіе предметы, которые могутъ быть восприняты, пережиты и пріобрѣтены только любовью (будь то любовь чистаго инстинкта или любовь, прокаленная духомъ). Къ такимъ предметамъ принадлежитъ и родина. Съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ реальнаго, живого опыта въ этой сферѣ, который никогда не ощущалъ сердцемъ, что̀ есть для него родина, трудно было бы даже бесѣдовать на эту тему . . .

Повидимому, люди пріобрѣтаютъ этотъ патріотическій опытъ безъ всякихъ поисковъ и изслѣдованій: онъ приходитъ какъ бы самъ собою. Люди инстинктивно, естественно и незамѣтно привыкаютъ къ окружающей ихъ средѣ, къ природѣ, къ сосѣдямъ и культурѣ своей страны, къ быту своего народа. Но именно поэтому духовная сущность патріотизма остается почти всегда за порогомъ ихъ сознанія. Тогда любовь къ родинѣ живетъ въ душахъ въ видѣ неразумной, предметно неопредѣленной склонности, которая то совсѣмъ замираетъ и теряетъ свою силу, пока нѣтъ надлежащаго раздраженія (въ мирныя времена, въ эпохи спокойнаго быта), то вспыхиваетъ слѣпою и противоразумною страстью, пожаромъ проснувшагося, испуганнаго и ожесточившагося инстинкта, способнаго заглушить въ душѣ и голосъ совѣсти, и чувство мѣры и справедливости, и даже требованія элементарнаго смысла. Тогда патріотизмъ оказывается слѣпымъ аффектомъ, который раздѣляетъ участь всѣхъ слѣпыхъ и духовно непросвѣтленныхъ аффектовъ: онъ незамѣтно вырождается и становится злой и хищной страстью, — презрительной гордыней, буйной и агрессивной ненавистью; и тогда оказывается, что самъ «патріотъ» и

«націоналистъ» переживаетъ не творческій подъемъ, а временное ожесточеніе и можетъ быть даже озвѣрѣніе. Оказывается, что въ сердцѣ человѣка живетъ не любовь къ родинѣ, — а странная и опасная смѣсь изъ воинственнаго шовинизма и тупого національнаго самомнѣнія, или же изъ слѣпого пристрастія къ бытовымъ пустякамъ и лицемѣрнаго «великодержавнаго» паѳоса, за которымъ не рѣдко скрывается личная или классовая корысть. Изъ такой атмосферы, подкрѣпленной чисто коммерческими интересами (сбытъ товаровъ!) и возникаетъ нерѣдко та форма національзма, которая рѣшительно не желаетъ считаться ни съ правами, ни съ достоинствами другихъ народовъ, и всегда готова возвеличивать пороки своего собственнаго. Люди, болѣющіе такимъ «патріотизмомъ», не знаютъ и не постигаютъ — ни того, что они «любятъ», ни того, з а ч т о они это «любятъ». Они слѣдуютъ не духовно-политическимъ мотивамъ, изъ которыхъ только и можетъ родиться политика и с т и н н а г о в е л и к о д е р ж а в і я*), а стадному или массовому инстинкту во всей его слѣпотѣ; и жизнь ихъ «патріотическаго» чувства колеблется, какъ у настоящаго животнаго, между безплодной апатіей и хищнымъ порывомъ. Конечно, надо признать, что патріотизмъ слѣпого инстинкта лучше, чѣмъ отсутствіе какой бы то ни было любви къ родинѣ; и возражать противъ этого могли бы только фанатики интернаціонализма. Однако нынѣ пришло время, когда такой чисто инстинктивный патріотизмъ, сводящійся у нѣкоторыхъ народовъ къ самой наивной націоналистической гордынѣ и къ самой откровенной жаждѣ завоеваній, готовитъ человѣчеству неизмѣримыя опасности и бѣды; нынѣ пришло время, когда человѣчество особенно нуждается въ духовно-осмысленномъ и христіански-облагороженномъ патріотизмѣ, который совмѣщалъ бы с т р а с т н у ю л ю б о в ь и ж е р т в е н н о с т ь с ъ м у д р ы м ъ т р е з в е н і е м ъ и ч у в с т в о м ъ м ѣ р ы, — ибо только такой патріотизмъ сумѣетъ разрѣшить цѣлый рядъ отвѣтственныхъ проблемъ, стоящихъ передъ современнымъ человѣчествомъ . . . Намъ, ищущимъ путей духовнаго обновленія, не можетъ быть безразлично, к а к о й патріотизмъ мы утверждаемъ и к а к о й національзмъ мы насаждаемъ.

Но противопоставляя «слѣпо-инстинктивный» патріотизмъ — «духовному», мы нисколько не отрицаемъ и не умаляемъ силу инстинкта въ отношеніи къ «родинѣ» и «націи». Напротивъ. Здѣсь осуждается отнюдь не «инстинктъ»,—это было бы безпочвенно и нелѣпо; а только с л ѣ п о й, д у х о в н о н е о с в я щ е н н ы й, п р о т и в о д у х о в н ы й инстинктъ. Нельзя человѣку жить на землѣ безъ инстинкта, безъ этой таинственно-цѣлесообразной, орга-

*) Великодержавіе опредѣляется не размѣромъ территоріи и не числомъ жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великихъ международныхъ задачъ и творчески справляться съ этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая с в о е бытіе, с в о й интересъ, с в о ю волю, вноситъ т в о р ч е с к у ю, у с т р о я ю щ у ю, п р а в о в у ю идею во весь сонмъ народовъ, во весь «концертъ» народовъ и державъ.

нически-мудрой безмысленно-страстной силы, отъ Бога дарованной и отъ природы намъ присущей;—силы, строящей и личное здоровье, и приспособленіе къ природѣ, и хозяйственный трудъ, и бракъ, и жизнь семьи, и исторію народа. Въ здоровой жизни человѣка инстинктъ и духъ вообще не оторваны другъ отъ друга: но степень ихъ примиренности, взаимной согласованности и взаимнаго проникновенія бываетъ неодинакова. Инстинктъ, не пріемлющій духа, — слѣпъ, самоволенъ, безудерженъ и чаще всего пороченъ; онъ идетъ къ крушенію. Духъ, не пріемлющій инстинкта, — подорванъ въ своей силѣ, теоретиченъ, безплоденъ и чаще всего нежизненъ; онъ идетъ къ истощенію. Инстинктъ и духъ призваны ко взаимному пріятію: такъ, чтобы *инстинктъ* получилъ *правоту и форму духовности*; а духъ получилъ *творческую силу инстинктивности*. Такъ и въ патріотизмѣ. Патріотизмъ есть любовь; — не просто «предпочтеніе», «склонность» или привычка». И если эта любовь не «пустое слово» и не «поза», — то она есть *инстинктивная* прилѣпленность къ родному. Поэтому патріотизмъ *всегда инстинктивенъ*. Но онъ *не всегда духовенъ*. И то, что должно быть достигнуто,—есть *взаимное проникновеніе инстинкта и духа въ обращеніи къ родинѣ*. Инстинктивная страсть должна креститься огнемъ духа; духовное избраніе, предпочтеніе и самоопредѣленіе должно получить всю силу инстинктивной страстности. Это будетъ любовь зрячая и оформляющая; это будетъ духовность таинственно-цѣлесообразная и страстно-мудрая: это будетъ истинный патріотизмъ . . .

Какъ же это достигается и осуществляется?

Поучительно отмѣтить, что человѣкъ можетъ прожить всю жизнь въ предѣлахъ своего государства и «*не найти*» своей родины, и не полюбить ее, такъ, что душа его будетъ до конца патріотически пустынна и мертва; и эта неудача или личная неспособность приведетъ его къ своеобразному духовному сиротству; къ творческой безпочвенности и безплодности. Въ современномъ мірѣ есть множество такихъ несчастныхъ безродныхъ людей, которые не могутъ любить свою родину потому, что инстинктъ ихъ живетъ лично-эгоистическимъ или эгоистически-классовымъ интересомъ, а духовнаго органа они лишены. И вотъ, идея родины ничего не говоритъ ихъ душѣ. Идея родины предполагаетъ въ человѣкѣ живое начало духовности. *Родина есть нѣчто отъ духа и для духа*, а въ нихъ — духа нѣтъ: онъ или безмолвствуетъ, или мертвъ. То, во что они вѣрятъ, — есть матерія, тогда какъ начало духа отринуто или поругано; или: то, чего они хотятъ — есть новое распредѣленіе матеріальныхъ благъ, а все духовное имъ безразлично или враждебно *). *Органъ духа* атрофированъ

---

*) Срв. у Карла Маркса: «Законы, мораль, религія суть для него (для пролетарія) сплошные буржуазные предразсудки, за которыми прячутся сплошь буржуазные интересы». «Рабочіе не имѣютъ родины». «Комунистическій Манифестъ», главы «Буржуа и пролетарій» и «Пролетарій и коммунисты».

въ нихъ; какъ же они могутъ найти и полюбить свою родину? Ибо обрѣтеніе родины есть *актъ духовнаго* (хотя бы смутно-духовнаго, хотя бы духовно-инстинктивнаго) *самоопредѣленія*, предполагающій, *что самъ человѣкъ живетъ духомъ* и что духовный органъ въ немъ не атрофированъ; и этотъ актъ самоопредѣленія указываетъ ему его *собственные* духовные истоки и тѣмъ самымъ развязываетъ и оплодотворяетъ его собственное духовное творчество. Итакъ, духовно мертвый человѣкъ не будетъ любить свою родину и будетъ готовъ предать ее потому, что ему нечѣмъ воспринять ее и найти ее онъ не можетъ. Бремя этой неспособности и этого духовнаго безсилія такіе несчастные люди несутъ обычно въ теченіе всей своей жизни.

Но бываетъ и такъ, что человѣкъ, въ дѣйствительности не нашедшій свою родину и не сумѣвшій ее полюбить, все-таки всю жизнь ошибочно принимаетъ и выдаетъ себя за патріота. Это означаетъ, что онъ прилѣпился своею любовью не къ родинѣ, а къ какому-то «суррогату» ея, который онъ по ошибкѣ принимаетъ за родину. Такимъ «суррогатомъ» можетъ быть любое изъ перечисленныхъ нами естественныхъ или историческихъ условій, составляющихъ *обстановку* народной жизни: стóитъ только взять это эмпирическое условіе жизни, какъ нѣчто самостоятельное, оторвать его отъ духовнаго смысла и священнаго значенія, — и заблужденіе возникаетъ само собой. Ничто, взятое само по себѣ, въ отрывѣ отъ духа, — ни территорія, ни климатъ, ни географическая обстановка, ни пространственное рядомъ-жительство людей, ни расовое происхожденіе, ни привычный бытъ, ни хозяйственный укладъ, ни языкъ, ни формальное подданство — ничто не составляетъ Родину, не замѣняетъ ее и не любится патріотическою любовью. Ибо все это, взятое въ отдѣльности, подобно — тѣлу безъ души, или колыбели безъ ребенка, или рамѣ безъ картины; все это есть не болѣе, чѣмъ *жилище* родины, ея *орудіе*, ея *средство*, ея *матеріалъ*, *но не она сама*. Все это необходимо ей; все это черезъ нее и черезъ ея жизнь получаетъ высшій смыслъ и священное значеніе; но она сама *больше* всего этого; она этимъ не исчерпывается и къ этому не сводится; и потому она можетъ жить и осуществляться — и при извѣстныхъ измѣненіяхъ въ ея жилищѣ или въ ея матеріалѣ. Родина нуждается въ территоріи; но территорія не есть родина. Родинѣ необходима географическая и климатическая обстановка; но похожія условія климата и географической обстановки можно найти и въ другой странѣ; и т. д. Ни одно изъ этихъ условій жизни, взятое само по себѣ, не можетъ указать человѣку его родину: ибо родина есть *нѣчто отъ духа и для духа*. И обратно: патріотизмъ можетъ сложиться при отсутствіи любого изъ этихъ содержаній. Есть люди, никогда не бывавшіе въ Россіи и еле говорящіе по-русски, но сердцемъ поющіе и трепещущіе вмѣстѣ съ Россіей; и обратно: есть люди, русскіе по крови, происхожденію, мѣстопребыванію, быту, языку и государственной принадлежности — и пре-

дающіе Россію, ея судьбу, ея жилище, ея тѣло, ея колыбель и ее самоё во славу матеріализма и интернаціонализма.

И вотъ, чтобы постигнуть сущность родины, необходимо уйти вглубь своего сердца, провѣряя и удостовѣряясь, и обнять взоромъ весь объемъ человѣческаго духовнаго опыта.

Долгая жизнь на чужбинѣ не дѣлаетъ ее родиной, несмотря на сложившуюся привычку къ чужому быту и природѣ, и даже на принятіе новаго подданства; — все это остается безсильнымъ, пока человѣкъ не сольется духомъ съ дотолѣ чужимъ ему народомъ. Признакъ расы и крови не разрѣшаетъ вопроса о родинѣ: напр. армянинъ можетъ быть русскимъ патріотомъ, а можетъ быть и турецкимъ патріотомъ, но можетъ быть и армянскимъ сепаратистомъ, революціоннымъ агитаторомъ и въ Россіи, и въ Турціи. А въ великую войну за Россію патріотически дрались на фронтѣ представители многихъ десятковъ россійскихъ національностей *). У людей смѣшанной крови происхожденіе безсильно разрѣшить вопросъ о родинѣ. Формальная принадлежность къ какому-нибудь государству не только не обезпечиваетъ патріотическое настроеніе у гражданъ, а наоборотъ, въ случаяхъ завоеванія или произвольнаго проведенія границъ, создаетъ недобровольное подданство и вызываетъ въ душахъ упорное анти-патріотическое напряженіе . . .

Все это означаетъ, что родина не опредѣляется и не исчерпывается этими содержаніями; она больше и глубже, чѣмъ каждое изъ нихъ, взятое въ отдѣльности, и чѣмъ всѣ они вмѣстѣ.

Французскій аристократъ, графъ Шамиссо де Бонкуръ **), родомъ изъ Шампани, братья котораго были лейбъ-пажами Людовика XVI, спасается со своей семьей въ 1790 году отъ революціоннаго террора въ Германію, срастается съ нею духовно и становится однимъ изъ глубочайшихъ нѣмецкихъ лирическихъ и патріотическихъ поэтовъ. Швейцарскіе патріоты говорятъ на четырехъ различныхъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и лодинскомъ. Лордъ Биконсфильдъ (д'Израэли) былъ евреемъ и англійскимъ патріотомъ. Х. Ст. Чемберленъ былъ англичаниномъ и патріотомъ германской родины. Славный русскій генералъ 1812 года, Бенигсенъ, былъ нѣмцемъ по крови и русскимъ патріотомъ. А нынѣ, въ эпоху русскаго эмигрантскаго разсѣянія, во всѣхъ государствахъ міра найдутся полноправные граждане, духовно вѣрные Россіи . . . И именно въ этой связи осмысливается поступокъ англійскаго индепендента Роджера Вильямса, который, видя себя религіозно тѣснимымъ въ Англіи, порываетъ со всѣмъ, что обычно считается родиной,

---

*) Перепись 1926 года насчитала въ Россіи до 128 различныхъ національностей.

**) Его настоящая фамилія звучитъ такъ: Comte de Chamisso, Vicomte d'Ormond, Seigneur de Boncourt, Magnieux, Tournoison, Leviel, Dampierre. Его владѣнія числились бы теперь по департаменту Марны.

и отправляется за океанъ создавать себѣ новую родину — гдѣ англійскій духъ сочетался бы со свободой вѣроисповѣданія . . .

Чѣмъ же опредѣляется родина и какъ находитъ ее человѣкъ?

---

2. Обрѣтеніе родины.

Человѣкъ находитъ родину не просто инстинктомъ, но инстинктивно укорененнымъ духомъ, и имѣетъ ее любовью. А это означаетъ, что вопросъ о родинѣ разрѣшается въ порядкѣ самопознанія и добровольнаго избранія.

Можно принудительно и формально причислить человѣка или цѣлое множество людей къ какому-нибудь государству. Можно наказывать и казнить людей за формально совершонную измѣну. Но заставить человѣка любить какую-нибудь «страну», какъ свою родину, или быть націоналистомъ чужой ему націи — невозможно. Любовь возникаетъ сама; а если она сама не возникаетъ, то ея не будетъ; она не вынудима; она есть дѣло свободы, внутренней свободы человѣческаго самоопредѣленія.

Но этого мало. Она есть дѣло его духовной свободы, добровольнаго, духовнаго самоопредѣленія. Какъ это понимать?

Установимъ, прежде всего, что природныя, историческія, кровныя и бытовыя связи, которыя сами по себѣ могутъ и не указать человѣку его родину, — могутъ и должны пріобрѣтать то духовное значеніе, которое дѣлаетъ ихъ достойнымъ предметомъ патріотической любви. Тогда онѣ наполняются внутреннимъ, священнымъ значеніемъ, ибо человѣкъ воспринимаетъ черезъ нихъ какъ бы тѣло, или жилище, или колыбель, или орудіе и средство, или матеріалъ для духа; для своего духа, но не только для своего: для духа своихъ предковъ и своего народа. Всѣ перечисленныя нами внѣшнія условія жизни — становятся тогда вѣрнымъ знакомъ національнаго духа и необходимымъ ему матеріаломъ. Вотъ почему русскому сердцу не милы степи Пампасовъ и тундры Канады; но малороссійскія степи и архангельскія тундры могутъ заставить его сердце забиться. Не кровь сама по себѣ рѣшаетъ вопросъ о родинѣ: а кровь, какъ воплотительница и носительница духовной традиціи. Не территорія священна и неприкосновенна; ибо императорская Россія уступила добровольно Аляску и никто не видѣлъ въ этомъ позора; но территорія, необходимая для расцвѣта русской національной духов-

ной культуры, всегда будетъ испытываться русскими патріотами, какъ священная и неприкосновенная.

Итакъ, вопросъ рѣшается инстинктивно укорененнымъ д у- х о м ъ и л ю б о в ь ю: д у х о в н о й л ю б о в ь ю*); или, точнѣе и полнѣе, — л ю б о в ь ю к ъ н а ц і о н а л ь- н о м у д у х у.

Такъ, для истиннаго патріотизма характерна не простая приверженность къ внѣшней обстановкѣ и къ формальнымъ признакамъ быта, но любовь къ духу, укрывающемуся въ нихъ и являющемуся черезъ нихъ; къ духу, который ихъ создалъ, выработалъ, выстрадалъ или наложилъ на нихъ свою печать. Важно не «внѣшнее», само по себѣ; а «внутреннее»; не види- мость, а сокровенная и явленная сущность. Важно то, ч т о и м е н н о любится въ любимомъ и з а ч т о оно лю- бится. И вотъ, истиннымъ патріотомъ будетъ тотъ, кто обрѣ- тетъ для своего чувства предметъ д ѣ й с т в и т е л ь н о с т о я щ і й с а м о о т в е р ж е н н о й л ю б в и и с л у- ж е н і я, предметъ, который прежде всего «по хорошу милъ», а потомъ уже и «по милу хорошъ».

Это можно выразить такъ, что истинный патріотъ любитъ свое отечество не обычнымъ слѣпымъ пристрастіемъ, мотиви- рованнымъ чисто субъективно и придающимъ своему предмету мнимую цѣнность («по милу хорошъ»): «мнѣ нравится моя ро- дина, значитъ она для меня и хороша» . . . Онъ любитъ ее ду- ховною, зрячею любовью; не только любитъ, но еще утверж- даетъ с о в е р ш е н с т в о любимаго: «м о я р о д и н а п р е к р а с н а, н а с а м о м ъ д ѣ л ѣ п р е к р а с н а,— п е р е д ъ л и ц о м ъ Б о ж і и м ъ; к а к ъ ж е м н ѣ н е л ю б и т ь е е!?». Это значитъ, что истинный патріотъ исходитъ изъ признанія дѣйствительнаго, немнимаго, о б ъ е к- т и в н а г о д о с т о и н с т в а, присущаго его родинѣ; ины- ми словами: онъ любитъ ее д у х о в н о ю л ю б о в ь ю, въ которой инстинктъ и духъ суть едино.

Любить родину, значитъ любить нѣчто такое, что н а с а м о м ъ д ѣ л ѣ заслуживаетъ любви; такъ, что любящій ее — п р а в ъ въ своей любви; и служащій ей — п р а в ъ въ своемъ служеніи; и въ любви этой, и въ служеніи этомъ — онъ находитъ свое ж и з н е н н о е с а м о о п р е д ѣ л е- н і е и свое с ч а с т ь е. Предметъ, именуемый родиною, на- столько самъ по себѣ, объективно и безусловно прекрасенъ, что душа, нашедшая его, обрѣтшая свою родину — н е м о ж е т ъ н е л ю б и т ь е е . . .

Человѣкъ не можетъ не любить свою родину; если онъ не любитъ ее, то это означаетъ, что онъ ее не нашелъ и не имѣ- етъ. Ибо родина обрѣтается именно д у х о м ъ, духовнымъ гладомъ, в о л е ю к ъ б о ж е с т в е н н о м у н а з е м- л ѣ. Кто не голодаетъ духомъ (срв. у Пушкина «Духовной жаждою томимъ» . . .), кто не ищетъ божественнаго въ зем- номъ, тотъ можетъ не найти своей родины: ибо у него можетъ

---

*) См. главу вторую.

не оказаться òргана для нея. Но кто увидитъ и узнаетъ свою родину, тотъ не можетъ не полюбить ее. Родина есть духовная реальность. Чтобы найти ее и узнать, человѣку нужна личная духовность. Это просто и ясно: родина воспринимается именно живымъ и непосредственнымъ духовнымъ опытомъ; человѣкъ, совсѣмъ лишенный его, будетъ лишенъ и патріотизма.

Духовный опытъ у людей сложенъ и, по строенію своему, многоразличенъ; онъ захватываетъ и сознаніе человѣка и безсознательно-инстинктивную глубину души: одному говоритъ природа или искусство родной страны; другому религіозная вѣра его народа; третьему — стихія національной нравственности; четвертому — величіе государственныхъ судебъ родного народа; пятому — энергія его благородной воли; шестому — свобода и глубина его мысли и т. д. Есть патріотизмъ, исходящій отъ семейнаго и родового чувства съ тѣмъ, чтобы отсюда покрыть всю ширину, и глубину, и энергію національнаго духа и національнаго бытія *). Но есть патріотизмъ, исходящій отъ религіознаго и нравственнаго облика родного народа, отъ его духовной красоты и гармоніи, съ тѣмъ, чтобы отсюда покрыть всѣ дисгармоніи его духовнаго смятенія. Такъ у Тютчева.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что́ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя **).

Есть патріотизмъ, исходящій отъ природы и отъ быта, прозирающій въ нихъ нѣкій единый духовный укладъ и лишь затѣмъ уходящій къ проблемамъ всенароднаго размаха и глубины. Такъ у Лермонтова («Отчизна»).

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ее разсудокъ мой!

---

*) См. стихотворенія Пушкина, приведенныя въ концѣ предыдущей главы.

**) О смятеніи и дисгармоніи см. стихотворенія Тютчева: «Безуміе», «О чемъ ты воешь», «День и ночь», «О, вѣщая душа моя» . . . и др. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти созерцанія и образы почерпнуты поэтомъ изъ русскаго, всенародно-національнаго духовнаго опыта и высказаны имъ не только отъ себя и за себя, но и за весь народъ.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья —
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистым,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ *).

Но есть иной патріотизмъ, исходящій отъ духовной отчизны, сокровенной и «таинственной», внемлющій «иному гласу», созерцающій «грань высокаго призванья» и «окончательную цѣль», съ тѣмъ, чтобы постигать и любить бытъ своего народа съ этой живой, метафизической высоты. Таковъ графъ А. К. Толстой («И. С. Аксакову»).

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.
Такъ. Въ безпредѣльное влекома,
Душа незримый чуетъ міръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть можетъ, строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшней жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забылъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа
И бытъ родного намъ народа;
Его стремленья я дѣлю

---

*) Къ проблемамъ всенароднаго размаха и глубины Лермонтовъ уходитъ напр. въ стихотвореніяхъ «Смерть поэта», «Бородино», «Опять, народные витіи», «Новгороду», «Пѣснь про царя Ивана Васильевича» . . . и др.

И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ;
Люблю я тройку удалую,
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую,
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.

Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то ужель,
Въ тревогѣ вѣчной мірозданья,
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

И нѣтъ сомнѣнія, что око, привыкшее къ созерцанію непреходящаго, легче обрѣтетъ вѣчныя красоты и глубины въ душѣ своего народа.

Итакъ, нѣтъ единаго, для всѣхъ людей одинаковаго пути къ родинѣ. Одинъ идетъ изъ глубины инстинкта, отъ той священной купины духовной, которая «горитъ и не сгораетъ» въ его безсознательномъ; другой идетъ отъ сознательно-духовныхъ созерцаній, за которыми слѣдуетъ, радуясь и печалясь, его инстинктъ. Одинъ начинаетъ отъ голоса «крови» и

кончаетъ религіозной вѣрой; другой начинаетъ съ изученія и кончаетъ воинскимъ подвигомъ. Но всѣ духовные пути, какъ бы велико ни было ихъ различіе, ведутъ къ ней. Патріотизмъ у человѣка науки будетъ иной, чѣмъ у крестьянина, у священника, у художника; имѣя единую родину, всѣ они будутъ имѣть ее — и инстинктомъ, и духомъ, и любовью; и все же — каждый по своему. Но человѣкъ, духовно мертвый, не будетъ имѣть ее совсѣмъ. Душа, религіозно пустынная и государственно-безразличная, безплодная въ познаніи, мертвая въ творчествѣ добра, безсильная въ созерцаніи красоты, съ совершенно неодухотвореннымъ инстинктомъ, душа, такъ сказать, «духовнаго идіота» — не имѣетъ духовнаго опыта; и все, что есть духъ, и все, что отъ духа, останется для нея всегда пустымъ словомъ, безсмысленнымъ выраженіемъ; такая душа не найдетъ и родины, но, въ лучшемъ случаѣ, будетъ пожизненно довольствоваться ея суррогатами, а патріотизмъ ея останется личнымъ пристрастіемъ, отъ котораго она, при первой же опасности, легко отречется.

Имѣть родину значитъ любить ее, но не тою любовью, которая знаетъ о негодности своего предмета, и потому, не вѣря въ свою правоту и въ себя, стыдится и себя и его; и вдругъ выдыхается отъ «разочарованія» или же подъ напоромъ новаго пристрастія. Патріотизмъ можетъ жить и будетъ жить лишь въ той душѣ, для которой есть на землѣ нѣчто священное; которая живымъ опытомъ (можетъ быть вполнѣ «ирраціональнымъ») испытала объективное и безусловное достоинство этого священнаго — и узнала его въ святыняхъ своего народа. Такой человѣкъ реально знаетъ, что любимое имъ есть нѣчто прекрасное передъ лицомъ Божіимъ; что оно живетъ въ душѣ его народа и творится въ ней; и огонь любви загорается въ такомъ человѣкѣ отъ одного простого, но подлиннаго касанія къ этому прекрасному. Найти родину, значитъ реально испытать это касаніе и унести въ душѣ загорѣвшійся огонь этого чувства; это значитъ пережить своего рода духовное обращеніе, которое обязываетъ къ открытому исповѣданію; это значитъ открыть въ предметѣ безусловное достоинство, дѣйствительно и объективно ему присущее, и прилѣпиться къ нему волею и чувствомъ; и въ то же время — открыть въ самомъ себѣ беззавѣтную преданность этому предмету, и способность — безкорыстно радоваться его совершенству, любить его и служить ему. Иными словами, это значитъ — соединить свою жизнь съ его жизнью и свою судьбу съ его судьбою; а для этого необходимо, чтобы инстинктъ человѣка пріобрѣлъ духовную глубину и даръ духовной любви *).

Вотъ этотъ процессъ я и обозначаю словами: въ основѣ патріотизма лежитъ актъ духовнаго самоопредѣленія.

---

*) См. главу первую и вторую.

Человѣкъ вообще опредѣляетъ свою жизнь тѣмъ, что находитъ себѣ *любимый предметъ*; тогда имъ овладѣваетъ новое состояніе, въ которомъ его жизнь заполняется любимыми содержаніями, а онъ самъ прилѣпляется къ ихъ источнику и проникается тѣмъ, что̀ этотъ источникъ ему несетъ. При этомъ истинная любовь даетъ всегда способность къ *самоотверженію*, ибо она заставляетъ человѣка любить свой предметъ *больше* себя.

И вотъ, когда человѣкъ *такъ* воспринимаетъ *духовную жизнь и духовное достояніе своего народа*, — то онъ обрѣтаетъ свою *родину* и самъ становится *настоящимъ патріотомъ*: онъ совершаетъ *актъ духовнаго самоопредѣленія*, которымъ онъ *отождествляетъ* въ цѣлостномъ и творческомъ состояніи души, *свою судьбу съ духовной судьбою своего народа, свой инстинктъ съ инстинктомъ всенароднаго самосохраненія*.

Духовное сокровище, именуемое родиною, не исчерпывается душевными состояніями людей; и все же оно прежде всего живетъ въ нихъ, въ душахъ, и *тамъ* должно быть найдено. Тотъ, кто чувствуетъ себя въ вопросѣ о родинѣ неопредѣленно и безпомощно, тотъ долженъ обратиться прежде всего къ *своему собственному духу и узнать въ своемъ собственномъ духовномъ опытѣ — духовное лоно своего народа* (актъ патріотическаго самопознанія). Тогда онъ, подобно сказочному герою, припавшему къ землѣ ухомъ, услышитъ свою родину; онъ услышитъ, какъ она въ его собственной душѣ вздыхаетъ и стонетъ, поетъ, плачетъ и ликуетъ; какъ она опредѣляетъ, и направляетъ, и оплодотворяетъ его собственную личную жизнь. Онъ вдругъ постигнетъ, что его личная жизнь и жизнь его родины — суть въ послѣдней глубинѣ *нѣчто единое* и что онъ не можетъ не принять судьбу своей родины, *ибо она такъ же неотрывна отъ него, какъ онъ отъ нея*: и въ инстинктѣ, и въ духѣ.

Однако родина живетъ не только въ душахъ ея сыновъ. Родина есть *духовная жизнь* моего народа; въ то же время она есть совокупность *творческихъ созданій* этой жизни; и, наконецъ, она объемлетъ и всѣ *необходимыя условія* этой жизни — и культурныя, и политическія, и матеріальныя (и хозяйство, и территорію, и природу). То, что любитъ настоящій патріотъ, есть не просто самый «народъ» его; но именно *народъ, ведущій духовную жизнь*; ибо народъ, духовно разложившійся, павшій и наслаждающійся нечистью — не есть сама родина, но лишь ея живая возможность («потенція»). И родина моя дѣйствительно («актуально») осуществляется только тогда, когда мой народъ духовно цвѣтетъ; достаточно вспомнить праведный, гнѣвный паѳосъ іудейскихъ пророковъ - обличителей. Истинному патріоту драгоцѣнна не просто самая «жизнь наро-

да» и не просто «жизнь его въ довольствѣ», но именно жизнь подлинно духовная и духовно творческая; и поэтому, если онъ когда-нибудь увидитъ, что народъ его утопъ въ сытости, погрязъ въ служеніи маммону и отъ земного обилія утратилъ вкусъ къ духу, волю и способность къ нему, — то онъ со скорбью и негодованіемъ будетъ помышлять о томъ, какъ вызвать духовный голодъ въ этихъ сытыхъ толпахъ павшихъ людей. Вотъ почему и всѣ условія національной жизни важны и драгоцѣнны истинному патріоту — не сами по себѣ: и земля, и природа, и хозяйство, и организація, и власть, — но какъ данныя для духа, созданныя духомъ, и существующія ради духа.

Вотъ въ чемъ состоитъ это священное сокровище — родина, — за которое стоитъ бороться и ради которого можно и должно итти и на смерть *). Здѣсь все опредѣляется не просто инстинктомъ, но глубже всего и прочнѣе всего — духовною жизнью, и черезъ нее все получаетъ свое истинное значеніе и свою подлинную цѣнность. И если когда-нибудь начнется выборъ между частью территоріи и пробужденіемъ народа къ свободѣ и духовной жизни, — то истинный патріотъ не будетъ колебаться; ибо нельзя дѣлать изъ территоріи, или хозяйства, или богатства, или даже простой жизни многихъ людей, нѣкій фетишъ, и отрекаться ради него отъ главнаго и священнаго, — отъ духовной жизни народа.

Именно духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народъ, бороться за него и погибнуть за него. Въ ней сущность родины, та сущность, которую стоитъ любить больше себя, которою стоитъ жить именно потому, что за нее стоитъ и умереть. Съ нею дѣйствительно стоитъ слить и свою жизнь, и свою судьбу, потому что она вѣрна и драгоцѣнна передъ лицомъ Божіимъ. Духовная жизнь моего народа и созданія ея суть не что иное, какъ подлинное и живое Богу служеніе (богослуженіе!), которое должны чтить и охранять и всѣ другіе народы. Это живое Богу служеніе священно и оправдано само по себѣ; и для меня; но не только для меня, и для всего моего народа; но не только для моего народа; для всѣхъ и на вѣки; для всѣхъ людей и народовъ, которые живутъ теперь или когда-нибудь будутъ жить. И если бы кто-нибудь захотѣлъ убѣдиться на историческомъ примѣрѣ, что духовная жизнь иныхъ народовъ дѣйствительно чтится всѣми людьми черезъ вѣка, то ему слѣдовало бы только подумать о «ветхомъ завѣтѣ», о греческой философіи и греческомъ искусствѣ, о римскомъ правѣ, объ итальянской живописи, о германской музыкѣ, о Шекспирѣ и о русской изящной литературѣ 19 вѣка...

---

*) См. главу первую.

Соединяя свою судьбу съ судьбою своего народа, — *въ его достиженіяхъ и въ его паденіи, въ часы опасности и въ эпохи благоденствія*, — истинный патріотъ *отождествляетъ себя* инстинктомъ и духомъ не съ множествомъ различныхъ и неизвѣстныхъ ему «человѣковъ», среди которыхъ навѣрное есть и злые, и жадные, и ничтожные, и предатели; онъ не сливается и съ жизнью темной массы, которая въ дни бунта бываетъ, по безсмертному слову Пушкина, «безсмысленна и безпощадна»; онъ не приноситъ себя въ жертву корыстнымъ интересамъ бѣдной или роскошествующей черни (ибо черныю называется вообще жадная, бездуховная, противогосударственная масса, незнающая родины или забывающая ее); онъ отнюдь не преклоняется передъ «множествомъ» только потому, что на его сторонѣ количество, и не считаетъ, что большинство всегда одарено мудрою и безошибочною волею. Нѣтъ; онъ сливаетъ свой инстинктъ и свой *духъ* съ инстинктомъ и съ *духомъ* своего народа; и духовности своего народа онъ служитъ жизнью и смертью, ибо его душа и его тѣло естественно и незамѣтно слѣдуютъ за совершившимся отождествленіемъ. Подобно тому, какъ тѣло человѣка живетъ только до тѣхъ поръ, пока оно одушевлено; такъ душа истиннаго патріота можетъ жить только до тѣхъ поръ, пока она пребываетъ въ творческомъ единеніи съ жизнью своего народа. Ибо между нимъ и его народомъ устанавливается не только *общеніе* или *единеніе*, но обнаруживается прямое *единство въ инстинктѣ и въ духѣ*.

И это единство онъ передаетъ многозначительнымъ и искреннимъ словомъ «мы».

Такое отождествленіе не можетъ быть создано искусственно, произвольно или преднамѣренно. Можно желать его и не достигнуть; можно мечтать о немъ и не дойти до него. Оно можетъ сложиться только *само* собою, естественно и непроизвольно, какъ бы расцвѣсти въ душѣ, ирраціонально распуститься въ ней, побѣдить и заполнить ее. Однако это признаніе «ирраціональности» патріотическаго чувства отнюдь не слѣдуетъ толковать въ смыслѣ отказа отъ его постиженія, или въ смыслѣ его полной случайности, хаотичности или неуловимой беззаконности. Ибо на самомъ дѣлѣ это чувство, ирраціональное по переживанію, подчинено совершенно опредѣленнымъ инстинктивно-духовнымъ формамъ и законамъ, которые могутъ быть и должны быть постигнуты.

---

3. Что есть патріотизмъ.

Патріотизмъ есть чувство любви*) къ родинѣ; и потому онъ, какъ и всякое чувство, а особенно чувство любви, уходитъ корнями въ глубину человѣческаго безсознательнаго, въ жилище инстинкта и страстей, куда далеко не всякій любопытный глазъ имѣетъ доступъ. Однако, есть ступень духовнаго опыта и сила духовнаго видѣнія, которая этотъ доступъ открываетъ. Тогда обнаруживаются слѣдующія формы и законы.

Прежде всего, обрѣтеніе родины должно быть пережито каждымъ изъ людей самостоятельно и самобытно. Никто не можетъ предписать другому человѣку его родину, — ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнѣніе, ни государственная власть; ибо любить, и радоваться, и творить по предписанію вообще невозможно**). Патріотизмъ, какъ состояніе радостной любви и вдохновеннаго творчества, есть состояніе духовное; и потому онъ можетъ возникнуть только въ порядкѣ автономіи (свободы), — въ личномъ, но подлинномъ и предметномъ духовномъ опытѣ. Всякое извнѣ идущее предписаніе можетъ помѣшать этому опыту или привести къ злосчастной симуляціи. Любовь возникаетъ «сама», въ легкой и естественной предметной радости, побѣждающей и умиляющей душу. Эта свободная предметная радость или осѣняетъ человѣка, — и тогда онъ становится живымъ органомъ любимаго предмета, и не тяготится этимъ, а радуется своему счастью; или она минуетъ его душу, — и тогда помочь ему можетъ только такое жизненное потрясеніе, которое раскроетъ въ немъ источники духовнаго опыта и любви.

Такъ называемый «казенный», внѣшне-принудительный, оффиціальный патріотизмъ далеко не всегда пробуждаетъ и воспитываетъ въ душѣ чувство родины, нерѣдко даже повреждаетъ его. А между тѣмъ опытный и тактичный воспитатель можетъ дѣйствительно пробудить въ ребенкѣ настоящій патріотизмъ. Но именно пробудить, а не навязать. Для этого онъ самъ долженъ быть искреннимъ и убѣжденнымъ патріотомъ и умѣть убѣдительно показывать дѣтямъ тѣ глубины и прекрас-

*) См. главу третью, раздѣлъ первый.
**) См. главу вторую, раздѣлъ первый.

ности родины, которыя на самомъ дѣлѣ заслуживаютъ любви и преклоненія. Онъ долженъ не «проповѣдывать» любовь къ родинѣ, а увлекательно исповѣдывать ее и доказывать ее дѣлами, полными энергіи и преданности. Онъ долженъ какъ бы вправить душу ребенка въ духовный опытъ его родины, вовлечь ее въ него и пріучить ее пребывать съ немъ и творчески расцвѣтать въ немъ. Тогда патріотическое самоопредѣленіе осуществится свободно и непосредственно. И ребенокъ станетъ незамѣтно живымъ органомъ своей родины.

Въ основѣ такого слiянiя или сращенія лежитъ всегда нѣкоторая однородность въ путяхъ и способахъ духовной жизни: человѣкъ можетъ узнать свой народъ, прислушиваясь къ жизни своего личнаго духа и къ духовной жизни своего народа, и узнавая свое творчество въ его путяхъ, а его пути въ своемъ творчествѣ. Это даетъ ему радостное, увѣренное чувство, которое можно выразить словами:

Я — какъ онъ; онъ — какъ ***я***...

Или еще:

мой духъ — какъ его Духъ; его Духъ — какъ мой духъ.

И слѣдовательно: я есмь духъ отъ Духа его; я принадлежу ему: а потому — ему моя любовь, моя воля, моя жизнь.

Вникнемъ въ этотъ процессъ основательнѣе и глубже, и мы найдемъ слѣдующее.

Патріотическое единеніе людей покоится на нѣкоторой сопринадлежности ихъ, столь необходимой, естественной и священной, сколь необходимъ, естественenъ и священенъ человѣку самъ духовный Предметъ и духовный способъ жизни. Люди связуются въ единую націю и создаютъ единую родину именно въ силу подобія ихъ духовнаго уклада; а этотъ духовный укладъ вырабатывается постепенно, исторически изъ эмпирической данности — внутренней, скрытой въ самомъ человѣкѣ (раса, кровь, темпераментъ, душевныя способности и неспособности), и внѣшней (природа, климатъ, сосѣди). Вся эта, внутренняя и внѣшняя эмпирическая данность, полученная народомъ отъ Бога и отъ исторіи, должна быть проработана духомъ, причемъ она и съ своей стороны формируетъ духъ народа, то облегчая ему его пути, то затрудняя и загромождая ихъ. Въ результатѣ возникаетъ единый національно-духовный укладъ, который и связуетъ людей въ патріотическое единство.

Бремя эмпирическаго существованія вообще преодолѣвается только творчествомъ, т. е. созданіемъ новыхъ цѣнностей, въ страданіи, въ трудѣ, во вдохновеніи. Человѣка вообще освобождаетъ только прорывъ къ духу, только

*осуществленіе духовныхъ состояній**). Личный страхъ и опасность, личное страданіе и гибель перевѣшиваются и превозмогаются только тою любовью и тѣмъ радованіемъ, которыя посвящены негибнущему, божественному содержанію. И вотъ въ *этомъ творчествѣ* и особенно въ этомъ *духовномъ творчествѣ — каждый народъ имѣетъ свои специфическія особенности*, образующія его *національный духовный укладъ*, или, выражаясь философически — его *національный духовный актъ***).

Такъ, каждый народъ *по своему* вступаетъ въ бракъ, рождаетъ, болѣетъ и умираетъ; по своему лѣнится, трудится, хозяйствуетъ и отдыхаетъ; по своему горюетъ, плачетъ, сердится и отчаивается; по своему улыбается, смѣется и радуется; по своему ходитъ и пляшетъ; по своему поетъ и творитъ музыку; по своему говоритъ, декламируетъ, остритъ и ораторствуетъ; по своему наблюдаетъ, созерцаетъ и создаетъ живопись; по своему изслѣдуетъ, познаетъ, разсуждаетъ и доказываетъ; по своему нищенствуетъ, благотворитъ и гостепріимствуетъ; по своему строитъ дома и храмы; по своему молится и геройствуетъ . . . Онъ по своему возносится и падаетъ духомъ; по своему организуется. У каждаго иное чувство права и справедливости; иной характеръ; иная дисциплина; иное представленіе о нравственномъ идеалѣ; иная политическая мечта; иной государственный инстинктъ. Словомъ: у каждаго народа *иной и особый національный духовный актъ*.

Самые узлы исторически-даннаго характера — инстинкта, страстей, темперамента, чувства, воображенія, воли и мысли — распутываются и расплетаются у каждаго народа по своему; и по своему же онъ превращаетъ эти нити въ духовную ткань. Въ борьбѣ души съ ея ограниченностью и съ ея несчастіемъ, съ ея страстями и съ ея невозможностями, каждый индивидуальный человѣкъ слагаетъ себѣ *особый духовный путь*; но именно этотъ путь выстраданной духовности родитъ индивидуальную душу *сходствомъ* и *близостью* съ другими душами *единаго національнаго лона*.

Замѣчательно, что нити душевнаго и духовнаго *подобія* связуютъ людей глубже, а потому и крѣпче другихъ нитей. Самый путь и способъ личнаго одухотворенія; самый ритмъ духовной жизни въ ея созерцаніи и дѣйствіи; самый характеръ умственнаго интереса; самая степень духовной жажды и удовлетворенія; самый подъемъ отчаянія и славословія, — все скрѣпляетъ души единаго народа подобіемъ и близостью. Это подобіе ведетъ къ тому, что люди связуются взаимнымъ, глубокимъ тяготѣніемъ, заставляющимъ ихъ дорожить совмѣстною жизнью, устраивать ее и совершенствовать ея организацію. *Сходст-*

---

*) См. главу третью, раздѣлъ второй.

**) Само собою разумѣется, что этотъ «актъ» включаетъ въ себя и всю глубину безсознательнаго, жизнь инстинкта, страстей и наслѣдственнаго уклада жизни.

во въ духовной жизни ведетъ незамѣтно къ интенсивному общенію и взаимодѣйствію, а это, въ свою очередь, порождаетъ и новыя творческія усилія, и новыя достиженія, и новое уподобленіе. Духовное подобіе родитъ духовное единеніе; и обратно. И весь этотъ процессъ духовнаго «симбіоза» покоится въ послѣднемъ счетѣ на сходномъ переживаніи единаго и общаго духовнаго предмета. Нѣтъ болѣе глубокаго единенія, какъ въ одинаковомъ созерцаніи единаго Бога; но истинный патріотизмъ и приближается къ такому единенію.

Это не значитъ, что всѣ сыны единой родины должны быть одного религіознаго исповѣданія и принадлежать къ единой церкви. Однако патріотическое единеніе будетъ несомнѣнно болѣе тѣснымъ, интимнымъ и прочнымъ тамъ, гдѣ народъ связанъ не только единой территоріей и климатомъ, не только государственной властью и законами, не только хозяйствомъ и бытомъ, но и духовной однородностью, которая доходитъ до единства религіознаго исповѣданія и до принадлежности къ единой и единственной церкви. Патріотическое единеніе есть разновидность духовнаго единенія; а поклоненіе Богу есть одно изъ самыхъ глубокихъ и сильныхъ проявленій человѣческаго духа.

Эту религіозную основу патріотизма культивировали еще древніе, языческіе народы. Для нихъ гражданственный патріотизмъ былъ прежде всего дѣломъ поклоненія богамъ родного города. Клятва юноши, вступающаго въ кадръ гражданъ, гласила: «буду оборонять святилища и священные обряды и почитать святыни моей родины» (Поллуксъ); согласно этому «быть гражданиномъ» было равносильно «соучастію въ жертвоприношеніяхъ» (Демосѳенъ) *). Подобное этому мы находимъ и у Римлянъ, напр. у Цицерона, этого холоднаго мастера огненныхъ словъ: «Здѣсь моя вѣра, здѣсь мой родъ, здѣсь слѣдъ моихъ отцовъ; я не могу выговорить, какой восторгъ охватываетъ мое сердце и мое чувство . . .» **)

Такъ въ древности начало религіознаго единенія и начало патріотическаго единенія просто совпадали: единый народъ творилъ единую духовную культуру и имѣлъ единую вѣру. Въ дальнѣйшемъ процессѣ исторической дифференціаціи появились патріотическія общины, не связанныя единой религіей, а также религіозные союзы (церкви), члены коихъ принадлежатъ къ различнымъ націямъ, родинамъ и государствамъ.

Различіе между религіозной и патріотической общиной состоитъ въ томъ, что въ религіи люди любятъ Бога и вѣрятъ въ Бога, а въ патріотическомъ единеніи люди любятъ свой народъ въ его духовномъ своеобразіи и вѣрятъ въ духовную силу и въ духовное

---

*) См. по этому вопросу поучительный матеріалъ справокъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи Фюстель-де-Куланжа. Древняя гражданская община (La Cité Antique) гл. 3 — 7.

**) Cicero. De legibus. II. 1.

творчество своего народа. Народъ — не Богъ; и возносить его на уровень Бога — слѣпо и грѣшно. Но народъ, создавшій свою родину, есть носитель и служитель божьяго дѣла на землѣ, какъ бы сосудъ и органъ божественнаго начала. Это относится не только къ «моему» народу (кто бы онъ ни былъ), но и ко всѣмъ другимъ народамъ, создавшимъ свою духовную культуру. Слѣдовательно, это относится и къ моему народу, а это для меня теперь важнѣе всего.

И вотъ, если мы взглянемъ глубже и пристальнѣе, то мы увидимъ, что каждый духовный актъ имѣетъ свое особое душевно-духовное строеніе, слагаясь по своему изъ инстинктивныхъ влеченій, чувства, воли, воображенія, мысли, ощущенія и внѣшнихъ поступковъ. Такъ обстоитъ и въ религіозной вѣрѣ и въ познаніи, и въ нравственности, и въ искусствѣ, и въ правосознаніи, и въ трудѣ, и въ хозяйственной дѣятельности, словомъ во всей духовной жизни человѣка. Оказывается, что такъ обстоитъ дѣло не только въ личной жизни каждаго даннаго человѣка, но и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Каждый народъ вынашиваетъ и осуществляетъ въ своей исторіи душевно-духовные акты особаго національнаго строенія, которые и придаютъ всей его культурѣ своеобразный характеръ. И каждое созданіе этой культуры, — начиная отъ рѣзнаго украшенія на избѣ и кончая ученымъ трактатомъ, начиная отъ національной пляски и кончая музыкальной сонатой, начиная отъ простонароднаго костюма и кончая національнымъ героемъ или соборомъ, — расцвѣтаетъ и цвѣтетъ въ его духовномъ саду и слагается какъ бы въ духовную гирлянду, которая связуетъ его въ единство крѣпче всякихъ законовъ или оковъ. Каждое духовное достиженіе народа является единымъ, общимъ для всѣхъ очагомъ, отъ котораго размножается, не убывая, огонь духовнаго горѣнія; такъ, что вся система національной духовной культуры предстаетъ въ видѣ множества общихъ возженныхъ огней, у которыхъ каждый можетъ и долженъ воспламенить огонь своего личнаго духа. И пламя это, перекидываясь на новые очаги, сохраняетъ свою изначальную однородность — и въ ритмѣ, и въ силѣ, и въ окраскѣ, и во всемъ характерѣ горѣнія. Такъ народы слагаются въ своеобразныя духовныя единства; а отсюда — всякая внѣшняя эмпирическая связь (расовая, пространственная, историческая) получаетъ свое истинное и глубокое значеніе.

Вотъ почему національный геній и его творчество оказываются нерѣдко предметомъ особенной патріотической любви.

Жизнь народнаго духа находитъ себѣ въ творчествѣ генія сосредоточенное и зрѣлое выраженіе. Геній говоритъ отъ себя, но не за себя только, а за весь свой народъ; и то, о чемъ онъ говоритъ, есть единый для всѣхъ, но неясный большинству, а многимъ можетъ быть и недоступный Предметъ;

и то, что онъ говоритъ о немъ, есть истинное, подлинное слово, роскрывающее и природу Предмета, и сущность народнаго духа; и то, какъ онъ говорить это слово — разрѣшаетъ скованность и томленіе народнаго духа, ибо слово его рождено духовнымъ актомъ національнаго строенія и несомо подлиннымъ ритмомъ народной жизни.

Геній подьемлетъ и несетъ бремя своего народа, бремя его несчастій, его исканій, его жизни, его историческаго и естественнаго существованія; и, поднявъ его, — онъ несетъ его творчески къ духовному разрѣшенію всѣхъ его узловъ и трудностей. Онъ одолѣваетъ это бремя, онъ торжествуетъ, онъ одерживаетъ побѣду; и притомъ такъ, что его побѣда становится, — на путяхъ непосредственнаго или опосредствованнаго общенія, — источникомъ побѣды для всѣхъ, связанныхъ съ нимъ національно-духовнымъ подобіемъ. Генію дана та мощь, о которой томились и ради которой страдали цѣлыя поколѣнія въ прошломъ; и отъ этой мощи исходитъ и будетъ исходить духовная помощь и радость для цѣлыхъ поколѣній въ будущемъ. Онъ учитъ своихъ братьевъ духовной побѣдѣ; онъ показываетъ имъ, какъ они могутъ сами стать духовными побѣдителями. Творческое достиженіе генія указываетъ путь всѣмъ ведущимъ полутворческую жизнь; имъ стóитъ только воспринять его созданіе и его творчество, художественно отождествиться съ ними, — и въ этомъ воспроизведеніи и подражаніи они найдутъ себѣ ту духовную свободу*), безъ которой они остались бы обреченными на томленіе и соблазны.

Вотъ почему геній всегда остается для своего народа живымъ источникомъ духовнаго освобожденія, радости и любви. Онъ есть тотъ очагъ, на которомъ, прорвавшись, вспыхнуло пламя національнаго духа. Онъ есть тотъ вождь, который открываетъ своему народу прямой доступъ къ свободѣ и къ божественнымъ содержаніямъ, — Прометей, дарящій ему небесный огонь; Атласъ, несущій на своихъ плечахъ духовное небо своего народа; Гераклъ, совершающій отъ его лица свои подвиги. Его актъ есть актъ всенароднаго, національнаго самоопредѣленія въ духѣ; и къ творчеству его потомки стекаются, какъ къ единому и общему алтарю національнаго Богу-служенія.

Геній ставитъ свой народъ передъ лицо Божіе и выговариваетъ за него и отъ его имени символъ его предметной вѣры, его предметнаго созерцанія, знанія и воли. Этимъ онъ открываетъ и утверждаетъ національное духовное единство, то великое духовное «Мы», которое обозначаетъ самую сущность родины. Геній есть тотъ творческій центръ, который оформляетъ духовную жизнь и завершаетъ духовное творчество своего народа; этимъ онъ оправдываетъ жизнь своего народа передъ Богомъ и потому и передъ всѣми остальными народами

---

*) См. главу третью, раздѣлъ второй.

исторіи — и становится *истиннымъ зиждителемъ родины*...

Итакъ, обосновать идею родины и чувство патріотизма значитъ показать не только ихъ неизбѣжность и естественность въ историческомъ развитіи народовъ; и не просто ихъ государственное значеніе и ихъ культурную продуктивность, — но ихъ *вѣрность передъ Богомъ*, ихъ религіозную (сверхъ-исповѣдную и сверхъ-церковную) священность, а потому ихъ *правоту передъ всѣмъ человѣчествомъ*; что мы и сдѣлали.

Тотъ, кто говоритъ о родинѣ, разумѣетъ (сознательно или безсознательно) *духовное единство своего народа*. Это есть единство, возникшее изъ инстинктивнаго *подобія, общенія и взаимодѣйствія* людей въ ихъ обращеніи *къ Богу, къ данной отъ Бога внѣшней природѣ и другъ къ другу*. Это единство вырабатывается *исторически*, въ въ борьбѣ съ *природой*, въ созданіи единой *духовной культуры* и въ *самооборонѣ* отъ вторгающихся нарушителей. Это единство закрѣпляется *своеобразіемъ національно-духовнаго акта* и системой навязывающихся исторически-культурныхъ и государственно-хозяйственныхъ задачъ. Каждый народъ призванъ къ тому, чтобы принять свою природную и историческую «данность» и духовно проработать ее, одолѣть ее, *одухотворить ее по свóему, пребывая въ своемъ, своеобразномъ національно-творческомъ актѣ*. Это его *неотъемлемое, естественное, священное право*; и въ то же время это его *историческая, общечеловѣческая* и, что самое главное, — *религіозная обязанность*. Онъ не имѣетъ духовнаго права — отказаться отъ этой обязанности и отъ этого призванія. А разъ отказавшись, — онъ духовно разложится и погибнетъ; онъ исторически сойдетъ съ лица земли.

Иными словами: каждому народу дается отъ *природы* и отъ *Духа Божія*. Каждый народъ призванъ принять и природу, и Духъ; и Духомъ одухотворить и себя, и природу. Это одухотвореніе у каждаго народа совершается своеобразно и должно протекать самостоятельно. Національная духовная культура есть какъ бы *гимнъ, всенародно пропѣтый Богу въ исторіи*; или духовная симфонія, исторически прозвучавшая Творцу всяческихъ. И ради созданія этой *духовной музыки*, народы живутъ изъ вѣка въ вѣкъ, въ работахъ и страданіяхъ, въ паденіяхъ и подъемахъ, то паря къ небу, то влачась долу, — вынашивая своеобразную молитву труда и созерцанія на поученіе другимъ народамъ. И эта музыка духа *своеобразна у каждаго народа*; и эта музыка духа *есть Родина*. И каждый человѣкъ узнаетъ свою Родину потому, что *его* личная музыка духа откликается на *ея* всенародную музы-

ку; — и, узнавъ, онъ врастаетъ въ нее такъ, какъ *врастаетъ единичный голосъ въ пѣніе хора.*

Вотъ почему мы утверждаемъ, что *Родина есть нѣчто отъ Духа Божія: національно воспринятый, взращенный и въ земныя дѣла вработанный даръ Духа Святаго.* Нельзя погасить въ себѣ эту святыню. Ею надо жить. Ее надо творчески и достойно блюсти въ себѣ. Ее нельзя отдать въ порабощеніе или попраніе другимъ народамъ. За нее стóитъ бороться к умереть. И всякій христіанинъ, увидѣвшій это, постигшій это, — призванъ не отзываться на соблазны пустого и лицемѣрнаго интернаціонализма, а мужественно и честно поставить передъ собою всѣ проблемы, смущающія его христіанскую совѣсть, и искать разрѣшенія въ духѣ истиннаго, духовнаго патріотизма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О НАЦІОНАЛИЗМѢ.

1. Идея націи.

Проблема истиннаго націонализма разрѣшима только въ связи съ духовнымъ пониманіемъ родины: ибо націонализмъ есть любовь къ духу своего народа и притомъ именно къ его духовному своеобразію.

Тотъ, кто говоритъ о родинѣ, разумѣетъ духовное единство своего народа. Онъ разумѣетъ нѣчто такое, что остается сущимъ и объективнымъ, несмотря на гибель единичныхъ субъектовъ и на смѣну поколѣній. Родина есть нѣчто единое для многихъ. Каждый изъ насъ можетъ сказать про нее: «это моя родина», и будетъ правъ; всѣ сразу могутъ сказать про нее: «это моя родина, это наша родина», и всѣ будутъ правы. Родина есть великое лоно, объединяющее всѣхъ своихъ сыновъ, такъ, что каждая душа соединена съ нею нитью живой связи; и эта связь сохраняется даже и тогда, когда кто-нибудь почему-нибудь не культивируетъ ее, пренебрегаетъ ею или совсѣмъ не думаетъ о ней. Не во власти человѣка — перестать быть силою, призванною и способною къ духовной жизни; не во власти человѣка оторваться душою отъ той среды, которая его возрастила, погасить свой національно духовный обликъ и, разъ надышавшись родного духа, сдѣлать себя дѣйствительно лишеннымъ духа и родины. Но для того, чтобы найти свою родину и слиться съ нею чувствомъ, и волею, и жизнью — необходимо жить духомъ и беречь его въ себѣ; и, далѣе, необходимо осуществить въ себѣ патріотическое само-осознаніе, или хотя бы вѣрно «почувствовать» себя и свой народъ въ духѣ. Надо вѣрно ощутить — свою духовную жизнь и духовную жизнь своего народа; и творчески утвердить себя въ силахъ и средствахъ этой послѣдней, т. е. напр. принять русскій языкъ, русскую исторію, русское государство, русскую пѣсню, русское правосознаніе, русское историческое міросозерцаніе и т. д., — какъ свои собственныя. Это и значитъ установить между собою и своимъ народомъ подобіе, общеніе, взаимодѣйствіе и общность въ духѣ; признать, что творцы и созданія его духовной культуры — суть мои вожди и мои достиженія. Мой путь къ духу — есть путь моей родины; ея восхожденіе

къ духу и Богу — есть *мое* восхожденіе. Ибо я *тождественъ* съ нею и *неотрывенъ* отъ нея въ духовной жизни.

Такое сліяніе патріота съ его родиной ведетъ къ чудесному и плодотворному отождествленію ихъ духовныхъ энергій.

Въ этомъ отождествленіи духовная жизнь народа укрѣпляется всѣми личными силами патріота, а патріотъ получаетъ неизсякаемый источникъ творческой энергіи во всенародномъ духовномъ подъемѣ. И это взаимное духовное питаніе, возвращаясь и удесятеряя силы, даетъ человѣку *непоколебимую вѣру въ его родину*. Сливая мою жизнь съ жизнью моей родины, я испытываю *духъ моего народа*, какъ безусловное *благо* и безусловную *силу*, какъ нѣкую *Божію ткань на землѣ*; и въ то же время я *отождествляю себя съ этой живой силой добра*: я чувствую, что я *несомъ ею*, что я силенъ *ея* силою, что я правъ *ея* правдою и правотою, что я побѣждаю *ея* побѣдами; я становлюсь живымъ сосудомъ, или живымъ *органомъ* моего отечества, а въ немъ имѣю свое духовное *гнѣздо*. На этомъ пути *любовь* къ родинѣ соединяется съ *вѣрою* въ нее, съ вѣрою въ ея призваніе, въ творческую силу ея духа, въ тотъ грядущій расцвѣтъ, который ее ожидаетъ. Что бы ни случилось съ моимъ народомъ, я знаю вѣрою и вѣдѣніемъ, любовью и волею, живымъ опытомъ и побѣдами прошлаго, что *мой народъ не покинутъ Богомъ*, что дни паденія преходящи, а духовныя достиженія вѣчны, что тяжкій молотъ исторіи выкуетъ изъ моего народа духовный мечъ, именно такъ, какъ это выражено у Пушкина:

Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Нельзя любить родину и не вѣрить въ нее; ибо родина есть *живая духовная сила*, пребываніе въ которой даетъ твердое ощущеніе ея блага, ея правоты, ея энергіи и ея грядущихъ одолѣній. Вотъ почему *отчаяніе* въ судьбахъ своего народа свидѣтельствуетъ о начавшемся *отрывѣ* отъ него, объ *угасаніи* духовной любви къ нему. Но вѣрить въ родину можетъ лишь тотъ, кто живетъ *ею*, *вмѣстѣ съ нею и ради нея*, кто соединилъ съ нею истоки своей творческой воли и своего духовнаго самочувствія.

Любить свой народъ и вѣрить въ него, вѣрить въ то, что онъ справится со всѣми историческими испытаніями, возстанетъ изъ крушенія очистившимся и умудрившимся, — не значитъ закрывать себѣ глаза на его *слабости*, *несовершенства*, а можетъ быть и *пороки*. Принимать свой народъ за воплощеніе полнаго и высшаго совершенства на *зем-*

лѣ *) — было бы сущимъ тщеславіемъ, больнымъ националистическимъ самомнѣніемъ.

Настоящій патріотъ видитъ не только духовные пути своего народа, но и его соблазны, слабости и несовершенства. Духовная любовь вообще не предается безпочвенной идеализаціи, но созерцаетъ трезво и видитъ съ предметной остротой. Любить свой народъ не значитъ льстить ему или утаивать отъ него его слабыя стороны, но честно и мужественно выговаривать ихъ и неустанно бороться съ ними **). Національная гордость не должна вырождаться въ тупое самомнѣніе и плоское самодовольство; она не должна внушать народу манію величія. Настоящій патріотъ учится на политическихъ ошибкахъ своего народа, на недостаткахъ его характера и его культуры, на его историческихъ крушеніяхъ и на неудачахъ его хозяйства. Именно потому, что онъ любитъ свою родину, онъ пристально и отвѣтственно слѣдитъ за тѣмъ, гдѣ и въ чемъ его народъ не находится на надлежащей высотѣ; онъ не боится указывать на это, памятуя хорошую народную поговорку: «велика растетъ чужая земля своей похвальбой, а наша крѣпка станетъ своею хайкою» ***)... Духовная любовь не есть опьяненіе или чванство; она не только горитъ, но и свѣтитъ, и свѣтомъ показываетъ. Кто постигъ духовную силу своей родины и прослѣдилъ черезъ исторію пути и судьбы своего народа, тотъ долженъ былъ увидѣть и установить предѣлы и опасности національной души. Смѣетъ ли онъ молчать о нихъ? И позволительно ли требовать отъ него молчанія, ссылаясь на то, что его критика «срываетъ народное самочувствіе» и «внушаетъ народу недовѣріе къ своимъ силамъ»? Есть критика и критика. Есть критика ироническая, злобная, несправедливая, нигилистическая и разрушительная; такъ критикуютъ враги. Но есть критика любовная, озабоченная, воспитывающая, творческая даже и тогда, когда — гнѣвная; это критика созидательная; такъ критикуютъ вѣрные друзья; такая критика ничего «сорвать» не можетъ, и то, что она «внушаетъ», есть мужество и воля къ преодолѣнію своихъ слабостей. Такъ критикуютъ свое, любимое, — не отрываясь отъ него, но пребывая въ немъ; пребывая въ сліяніи и отождествленіи съ нимъ; говоря о «насъ», для «насъ», изъ крѣпкаго и единаго національнаго «мы»...

Понятно далѣе, что въ такомъ сліяніи и отождествленіи незамѣтно преодолѣвается то душевное распыленіе (психическій

---

*) Есть народы, у которыхъ такой патріотизмъ традиціонно преобладаетъ.

**) Понятно, что здѣсь необходимы: зоркость, правдивость и гражданское мужество. Однимъ изъ соблазновъ національзма является стремленіе оправдывать свой народъ во всемъ и всегда; преувеличивая его достоинства и сваливая всю отвѣтственность за совершонное имъ на иныя «вѣчно-злыя» и «предательски-враждебныя» силы. Никакое изученіе враждебныхъ силъ не можетъ и не должно гасить въ народѣ чувсто отвѣтственности и вины, или освобождать его отъ трезво-критическаго самопознанія: путь къ обновленію ведетъ черезъ покаяніе, очищеніе и самовоспитаніе.

***) Отъ слова «хаять», т. е. порицать.

«атомизмъ»), въ которомъ людямъ приходится жить на землѣ: этотъ атомизмъ состоитъ въ томъ, что каждый скрытъ за своимъ тѣломъ, всѣ ощущаютъ только себя, всѣ другъ другу чужіе и пребываютъ въ душевно-тѣлесномъ одиночествѣ. Это преодолѣніе общественнаго атомизма состоитъ однако не въ томъ, что человѣкъ перестаетъ быть самостоятельнымъ, обособленнымъ и замкнутымъ существомъ («монадой»). Нѣтъ, обычный, данный ему отъ природы способъ бытія сохраняется. Но наряду съ нимъ возникаетъ могучее творческое единеніе людей въ общемъ и сообща творимомъ лонѣ — въ національной духовной культурѣ, гдѣ всѣ мы одно, гдѣ все достояніе нашей родины (и духовное, и матеріальное, и человѣческое, и природное, и религіозное, и хозяйственное) — едино для всѣхъ насъ и общее всѣмъ намъ: и творцы духа, и «труженики культуры», и созданія искусства, и жилища, и пѣсни, и храмы, и языкъ, и лабораторіи, и законы, и территорія... Каждый изъ насъ живетъ всѣмъ этимъ, физически питаясь и душевно воспитываясь, огражденный другими и обороняя другихъ, получая и принимая дары во всеобщемъ взаимномъ обмѣнѣ. Въ жизни и въ ткани нашей родины мы всѣ — одно; а въ ея духовной сокровищницѣ объективировано то лучшее, что есть въ каждомъ изъ насъ. Ея созданіями заселяется, и обогащается, и творчески пробуждается личный духъ каждаго изъ насъ; и родина дѣлаетъ то, что душевное одиночество людей отходитъ на задній планъ и уступаетъ первенство духовному единенію и единству.

Такова идея родной націи. И при такомъ пониманіи ея обнаруживается воочію, что человѣкъ, лишенный ея, будетъ дѣйствительно обреченъ на духовное сиротство или безродность; что обрѣтеніе ея есть поистинѣ актъ жизненнаго самоопредѣленія; что имѣть родную націю есть счастье, а утратить съ нею связь есть великое горе; что тоска по ней естественна, а отчаяніе въ своемъ народѣ противоестественно; и что, наконецъ, человѣку подобаетъ блюсти на всѣхъ путяхъ достоинство своего народа, гордиться его призваніемъ, его величіемъ и его успѣхами.

Есть законъ человѣческой природы и культуры, въ силу котораго все великое можетъ быть сказано человѣкомъ или народомъ только по свóему, и все геніальное родится именно въ лонѣ національнаго опыта, духа и уклада. Денаціонализуясь, человѣкъ теряетъ доступъ къ глубочайшимъ колодцамъ духа и къ священнымъ огнямъ жизни; ибо эти колодцы и эти огни всегда національны: въ нихъ заложены и живутъ цѣлые вѣка всенароднаго труда, страданія, борьбы, созерцанія, молитвы и мысли. У римлянъ изгнаніе обозначалось словами: «воспрещеніе воды и огня». И дѣйствительно, человѣкъ, утратившій доступъ къ духовной водѣ и къ духовному огню своего народа — становится безроднымъ изгоемъ, безпочвеннымъ и бесплоднымъ скитальцемъ по чужимъ духовнымъ дорогамъ, обезличеннымъ интернаціоналистомъ. Горе ему и его дѣ-

тямъ: имъ грозитъ опасность превратиться въ историческій песокъ и мусоръ.

Національное обезличеніе есть великая бѣда и опасность въ жизни человѣка и народа. Съ нимъ необходимо бороться настойчиво и вдохновенно. И вести эту борьбу необходимо съ дѣтства.

Напрасно было бы указывать на то, что національмъ ведетъ къ взаимной ненависти народовъ, къ обособленію, «провинціализму», самомнѣнію и культурному застою. Все это относится къ больному, уродливому, извращенному національму и совершенно не касается духовно здоровой любви къ своему народу. И, въ самомъ дѣлѣ, кто захотѣлъ бы выслушивать съ серьезнымъ видомъ такія, наприм., возраженія противъ гимнастики и спорта: гимнастика вредна и опасна, ибо она воспитываетъ въ человѣкѣ ненависть къ умственному труду, содѣйствуетъ общему огрубѣнію души, ведетъ къ эмфиземѣ легкихъ, къ переутомленію сердца и къ вывиху рукъ и ногъ? Или — подобныя же возраженія противъ искусства: искусство вредно человѣку, ибо оно прививаетъ ему отвращеніе къ мысли и здоровому физическому труду, пріучаетъ его къ безпочвенному фантазированію, къ лѣни, праздности, вину и разврату, и убиваетъ въ немъ вкусъ къ общественной дѣятельности? По такому способу можно противъ в с е г о возражать и в с е отвергнуть: достаточно только приписать б о л ь н ы я п р о я в л е н і я — з д о р о в о м у д ѣ л у и какъ можно ярче описать послѣдствія н е у м н ы х ъ з л о у п о т р е б л е н і й, такъ, какъ если бы это дѣло только и могло сводиться къ злоупотребленіямъ . . . Злоупотреблять, какъ извѣстно, можно всѣмъ — не только ядомъ, но и здоровой пищей; не только трудомъ, но и сномъ; не только глупостью, но и умомъ. Злоупотреблять можно и аргументаціей въ полемикѣ; и приведенныя возраженія противъ національма являются тому нагляднымъ примѣромъ.

2. О національномъ воспитаніи.

Итакъ, есть глубокій, духовно вѣрный, творческій національзмъ; и его необходимо прививать людямъ съ ранняго дѣтства.

Мы установили уже, что національность человѣка опредѣляется не его произволомъ, а укладомъ его инстинкта и его творческаго акта, укладомъ его безсознательнаго и, больше всего, укладомъ его безсознательной духовности. Покажи мнѣ, какъ ты вѣруешь и молишься; какъ проявляются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; какъ ты поешь, пляшешь и читаешь стихи; что ты называешь «знать» и «понимать», какъ ты любишь свою семью; кто твои любимые вожди, геніи и пророки, — скажи мнѣ все это, а я скажу тебѣ, какой націи ты сынъ; и все это зависитъ не отъ твоего сознательнаго произвола, а отъ духовнаго уклада твоего безсознательнаго.

А этотъ укладъ слагается, формируется и закрѣпляется прежде всего и больше всего — въ дѣтствѣ. Воспитаніе дѣтей есть именно пробужденіе ихъ безсознательнаго чувствилища къ національному духовному опыту, укрѣпленіе въ немъ ихъ сердца, ихъ воли, ихъ воображенія и ихъ творческихъ замысловъ.

Бороться съ національнымъ обезличеніемъ нашихъ дѣтей мы должны именно на этомъ пути: надо сдѣлать такъ, чтобы всѣ прекрасные предметы, впервые пробуждающіе духъ ребенка, вызывающіе въ немъ умиленіе, восхищеніе, преклоненіе, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушіе, жажду подвига, волю къ качеству — были національными, у насъ въ Россіи — національно-русскими; и далѣе: чтобы дѣти молились и думали русскими словами; чтобы они почуяли въ себѣ кровь и духъ своихъ русскихъ предковъ и приняли бы любовью и волею — всю исторію, судьбу, путь и призваніе своего народа; чтобы ихъ душа отзывалась трепетомъ и умиленіемъ на дѣла и слова русскихъ святыхъ, героевъ, геніевъ и вождей. Получивъ въ дошкольномъ возрастѣ такой духовный зарядъ и имѣя въ своей семьѣ живой очагъ такихъ настроеній, русскія дѣти, гдѣ бы они ни находились, развернутся въ настоящихъ и вѣрныхъ русскихъ людей.

Въ особенности слѣдуетъ обогащать ихъ слѣдующими сокровищами.

1. Я з ы к ъ. — Языкъ вмѣщаетъ въ себѣ таинственнымъ и сосредоточеннымъ образомъ всю душу, все прошлое, весь духовный укладъ и всѣ творческіе замыслы народа. Все это ребенокъ долженъ получить вмѣстѣ съ молокомъ матери (буквально). Особенно важно, чтобы пробужденіе самосознанія и личностной памяти ребенка (обычно — на третьемъ, четвертомъ году жизни) совершилось на его родномъ языкѣ. При этомъ важенъ не тотъ языкъ, на которомъ говорятъ при немъ другіе, а тотъ языкъ, на которомъ обращаются къ нему, заставляя его выражать на немъ его собственныя внутреннія состоянія. Поэтому не слѣдуетъ учить его чужимъ языкамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заговоритъ связно и бѣгло на своемъ національномъ языкѣ. Это относится и къ чтенію: пока ребенокъ не зачитаетъ бѣгло на родномъ языкѣ, не слѣдуетъ учить его никакому иностранному чтенію. Въ дальнѣйшемъ же въ семьѣ долженъ царить культъ родного языка: всѣ основныя семейныя событія, праздники, большіе обмѣны мнѣній — должны протекать по-русски; всякіе слѣды «волапюка» должны изгоняться; очень важно частое чтеніе вслухъ Св. Писанія, по возможности на церковно-славянскомъ языкѣ, и русскихъ классиковъ, по очереди всѣми членами семьи хотя бы понемногу; очень важно ознакомленіе съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ которомъ и нынѣ живетъ стихія прародительскаго славянства, хотя бы это ознакомленіе было сравнительно элементарнымъ и только въ чтеніи; существенны семейныя бесѣды о преимуществахъ родного языка — о его богатствѣ, благозвучіи, выразительности, творческой неисчерпаемости, точности и т. д.

2. П ѣ с н я. — Ребёнокъ долженъ слышать русскую пѣсню еще въ колыбели. Пѣніе принесетъ ему первый душевный вздохъ и первый духовный стонъ: они должны быть русскими. Пѣніе помогаетъ рожденію и изживанію чувства въ душѣ; оно превращаетъ пассивный, безпомощный и потому обычно тягостный аффектъ — въ активную, текучую, творческую эмоцію: ребенокъ долженъ безсознательно усваивать русскій строй чувствъ и особенно духовныхъ чувствованій. Пѣніе научитъ его первому одухотворенію душевнаго естества — по-русски; пѣніе дастъ ему первое не-животное счастье — по-русски. Русская пѣсня глубока, какъ человѣческое страданіе; искренна, какъ молитва; сладостна, какъ любовь и утѣшеніе; въ наши черные дни, какъ подъ игомъ татаръ, она дастъ дѣтской душѣ исходъ изъ грозящаго озлобленія и каменѣнія. Надо завести русскій пѣсенникъ и постоянно обогащать дѣтскую душу русскими мелодіями,—наигрывая, напѣвая, заставляя подпѣвать и пѣть хоромъ. Всюду, по всей странѣ, надо создавать русскіе хоры — церковные и свѣтскіе, организовывать ихъ, объединять, устраивать съѣзды русской національной пѣсни. Хоро-

вое пѣніе націонализируетъ и организуетъ жизнь, — оно пріучаетъ человѣка свободно и самостоятельно участвовать въ общественномъ единеніи*).

3. Молитва. — Молитва есть сосредоточенная и страстная обращенность души къ Богу. Каждый народъ совершаетъ это обращеніе по своему, даже въ предѣлахъ единаго исповѣданія; и только для поверхностнаго взгляда Православіе русскаго, грека, румына и американца — одинаково. Живое многогласіе и многохваленіе Господа, идущее отъ міра, требуетъ, чтобы каждый народъ молился самобытно; и эту самобытную молитву надо вдохнуть ребенку съ первыхъ лѣтъ жизни

Молитва дастъ ему духовную гармонію; пусть онъ переживетъ ее по-русски. Молитва дастъ ему источникъ духовной силы — русской силы. Молитва научитъ его сосредоточивать чувство и волю на совершенномъ — по-русски. Молитва дастъ ему религіозный опытъ и поведетъ его къ религіозной очевидности — по-русски. Ребенокъ, научившійся молиться, самъ пойдетъ въ церковь и станетъ ея опорой — русской опорой, русской церкви. Онъ найдетъ пути — и въ глубину русской исторіи, и на просторъ русскаго возрожденія. Неправославный можетъ быть вѣрнымъ русскимъ патріотомъ и доблестнымъ русскимъ гражданиномъ; но человѣкъ, враждебный Православію — не найдетъ доступа къ священнымъ тайникамъ русскаго духа и русскаго міропониманія, онъ останется чужеродным въ странѣ, своего рода внутреннимъ «не-пріятелемъ».

4. Сказка. — Сказка будитъ и плѣняетъ мечту. Она даетъ ребенку первое чувство героическаго — чувство испытанія, опасности, призванія, усилія и побѣды; она учитъ его мужеству и вѣрности; она учитъ его созерцать человѣческую судьбу, сложность міра, отличіе «правды и кривды». Она заселяетъ его душу національнымъ миѳомъ, тѣмъ хоромъ образовъ, въ которомъ народъ созерцаетъ себя и свою судьбу, исторически глядя въ прошлое и пророчески глядя въ будущее. Въ сказкѣ народъ схоронилъ свое вождѣленное, свое вѣдѣніе и вѣдовство, свое страданіе, свой юморъ и свою мудрость. Національное воспитаніе неполно безъ національной сказки. Ребенокъ, никогда не мечтавшій въ сказкахъ своего народа, — легко отрывается отъ него и незамѣтно вступаетъ на путь интернаціонализаціи. Пріобщеніе къ чужеземнымъ сказкамъ вмѣсто родныхъ — будетъ имѣть тѣ же самыя послѣдствія.

5. Житія святыхъ и героевъ. — Чѣмъ раньше и чѣмъ глубже воображеніе ребенка будетъ плѣнено живыми образами національной святости и національной доблести, тѣмъ лучше для него. Образы свято-

*) При этомъ разумѣется, конечно, дифференцированное, многоголосное пѣніе, а не унисонный ревъ толпы.

сти — пробудятъ его совѣсть, а русскость святого — вызоветъ въ немъ чувство соучастія въ святыхъ дѣлахъ, чувство пріобщенности, отождествленія; она дастъ его сердцу радостную и гордую увѣренность, что «нашъ народъ оправдался передъ лицомъ Божіимъ», что алтари его святы и что онъ имѣетъ право на почетное мѣсто въ міровой исторіи («народная гордость»). Образы героизма — пробудятъ въ немъ самомъ волю къ доблести, пробудятъ его великодушіе, его правосознаніе, жажду подвига и служенія, готовность терпѣть и бороться; а русскость героя — дастъ ему непоколебимую вѣру въ духовныя силы своего народа. Все это, вмѣстѣ взятое, есть настоящая школа русскаго національнаго характера.

Преклоненіе передъ святымъ и героемъ возвышаетъ душу: оно даетъ ей сразу — и смиреніе, и чувство собственнаго достоинства, и чувство ранга; оно указываетъ ей — и заданіе, и вѣрный путь. И такъ національный герой ведетъ свой народъ даже изъ-за гроба.

6. Поэзія. — Стихи таятъ въ себѣ благодатно-магическую силу: они подчиняютъ душу, плѣняютъ ее гармоніей и ритмомъ, заставляютъ ее прислушиваться къ сокровенной жизни вещей и людей, побуждаютъ ее искать закона и формы, учатъ ее духовному восторгу. Какъ только ребенокъ начнетъ говорить и читать, такъ классическіе національные поэты должны дать ему первую радость стиха и постепенно раскрыть ему всѣ свои сокровища. Сначала пусть слушаетъ; потомъ пусть читаетъ самъ, учитъ наизусть, пытается декламировать — искренно, прочувствованно и осмысленно. Русскій народъ имѣетъ единственную въ своемъ родѣ поэзію, гдѣ мудрость облекается въ прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русскій поэтъ ооновременно — національный пророкъ и національный музыкантъ. И русскій человѣкъ, съ дѣтства влюбившійся въ русскій стихъ, — никогда не денаціонализуется.

Въ мѣру возрастанія и въ мѣру возможности необходимо открывать ребенку доступъ ко всѣмъ видамъ національнаго искусства, — отъ архитектуры до живописи и орнамента, отъ пляски до театра, отъ музыки до скульптуры. Тогда душа его всесторонне раскроется для воспріятія того, что впервые дали ей пѣсня, сказка и поэзія. Понятно, что наиболѣе доступнымъ, наиболѣе увлекающимъ и непосредственно національзирующимъ видомъ искусства останется русская пляска со всей ея свободой и ритмичностью, со всѣмъ ея лиризмомъ, драматизмомъ и неистощимымъ юморомъ.

7. Исторія. — Русскій ребенокъ долженъ съ самаго начала почувствовать и понять, что онъ славянинъ, сынъ великаго славянскаго племени и въ то же время сынъ великаго русскаго народа, имѣющаго за собою величавую и трагическую исторію, перенесшаго великія страданія и крушенія и выходившаго изъ нихъ не разъ къ подъему и расцвѣту. Необходимо пробудить въ ребенкѣ увѣренность, что исторія русскаго народа есть живая сокровищница, источникъ живого наученія, мудрости и силы. Душа русскаго человѣка должна раскрыть въ

себѣ просторъ, вмѣщающій всю русскую исторію, такъ, чтобы инстинктъ его принялъ въ себя все прошлое своего народа, чтобы воображеніе его увидѣло всю его вѣковую даль, чтобы сердце его полюбило всѣ событія русской исторіи . . . Мы должны освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее. Мы должны прочувствовать окрыленныя слова Пушкина: «Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное молодушіе». И еще: «Клянусь вамъ моею честью, что я ни за что на свѣтѣ не согласился бы ни перемѣнить родину, ни имѣть другую исторію, чѣмъ исторія нашихъ предковъ, какую намъ послалъ Господь». При этомъ національное самочувствіе ребенка должно быть ограждено отъ двухъ опасностей: отъ националистическаго самомнѣнія и отъ всеосмѣивающаго самоуниженія. Преподаватель исторіи отнюдь не долженъ скрывать отъ ученика слабыхъ сторонъ національнаго характера: но въ то же время онъ долженъ указать ему всѣ источники національной силы и славы. Тонъ скрытаго сарказма по отношенію къ своему народу и его исторіи долженъ быть исключенъ изъ этого преподаванія. Исторія учитъ духовному преемству и сыновней вѣрности: а историкъ, становясь между прошедшимъ и будущимъ своего народа, долженъ самъ видѣть его судьбу, разумѣть его путь, любить его и вѣрить въ его призваніе. Тогда только онъ сможетъ быть истиннымъ національнымъ воспитателемъ.

8. Армія. — Армія есть сосредоточенная волевая сила моего государства; оплотъ моей родины; воплощенная храбрость моего народа; организація чести, самоотверженности и служенія, — вотъ чувство, которое должно быть передано ребенку его національнымъ воспитателемъ. Ребенокъ долженъ научиться переживать успѣхъ своей національной арміи, какъ свой личный успѣхъ; его сердце должно сжиматься отъ ея неудачи; ея вожди должны быть его героями; ея знамена — его святынею. Сердце человѣка вообще принадлежитъ той странѣ и той націи, чью армію онъ считаетъ своею. Духъ воина, стоящаго на стражѣ правопорядка внутри страны и на стражѣ родины въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ — отнюдь не есть духъ «реакціи», «насилія» и «шовинизма», какъ думаютъ иные даже до сего дня. Безъ арміи, стоящей духовно и профессіонально на надлежащей высотѣ, — родина останется безъ обороны, государство распадется и нація сойдетъ съ лица земли. Преподовать ребенку иное пониманіе значитъ содѣйствовать этому распаду и исчезновенію.

9. Территорія. — Русскій ребенокъ долженъ увидѣть воображеніемъ пространственный просторъ своей страны, это національно-государственное наслѣдіе Россіи. Онъ долженъ понять, что народъ живетъ не для земли и не ради земли, но что онъ живетъ на землѣ и отъ земли; и что территорія необходима ему, какъ воздухъ и солнце. Онъ долженъ почувствовать, что русская національная территорія добыта кровью и трудомъ, волею и духомъ, что она не только за-

воевана и заселена, но что она уже освоена и еще недостаточно освоена русскимъ народомъ. Національная территорія не есть пустое пространство «отъ столба до столба», но исторически данное и взятое духовное пастбище народа *), его творческое заданіе, его живое обѣтованіе, жилище его грядущихъ поколѣній. Русскій человѣкъ долженъ знать и любить просторы своей страны: ея жителей, ея богатства, ея климатъ, ея возможности,—такъ, какъ человѣкъ знаетъ свое тѣло, такъ, какъ музыкантъ любитъ свой инструментъ; такъ, какъ крестьянинъ знаетъ и любитъ свою землю,

10. Хозяйство. — Ребенокъ долженъ съ ранняго дѣтства почувствовать творческую радость и силу труда, его необходимость, его почетность, его смыслъ. Онъ долженъ внутренно испытать, что «трудъ» не есть «болѣзнь» и что работа не есть «рабство»; что, наоборотъ, трудъ есть источникъ здоровья и свободы. Въ русскомъ ребенкѣ должна пробудиться склонность къ добровольному, творческому труду и изъ этой склонности онъ долженъ почувствовать и осмыслить Россію, какъ безконечное и едва початое трудовое поприще. Тогда въ немъ пробудится живой интересъ къ русскому національному хозяйству, воля къ русскому національному богатству, какъ источнику духовной независимости и духовнаго расцвѣта русскаго народа. Пробудить въ немъ все это—значитъ заложить въ немъ основы духовной почвенности и хозяйственнаго патріотизма.

Таковъ духъ національнаго воспитанія, необходимый русскому и каждому здоровому народу. Задача каждаго поколѣнія состоитъ въ вѣрной передачѣ этого духа, и притомъ въ формахъ возрастающей одухотворенности, національнаго благородства и международной справедливости. Только на этомъ пути человѣчеству удастся соблюсти священное начало родины и въ то же время одолѣть соблазны — какъ больного націонализма, такъ и всеразлагающаго интернаціонализма.

---

*) Ср. у Шекспира о Цезарѣ: «міръ лѣсомъ былъ для этого оленя, а тотъ олень душою міра былъ».

3. О соблазнахъ.

Изъ всего сказаннаго дожно быть уже ясно, въ чемъ состоитъ связь между родиной и націей.

Родина есть духъ народа во всѣхъ его проявленіяхъ и созданіяхъ; національность обозначаетъ основное своеобразіе этого духа. Нація есть духовно своеобразный народъ; патріотизмъ есть любовь къ нему, къ духу, его созданіямъ и къ земнымъ условіямъ его жизни и цвѣтенія.

Истинный патріотъ любитъ духъ своего народа, и гордится имъ, и видитъ въ немъ источникъ величія и славы именно потому, что выше Духа и прекраснѣе Духа на землѣ нѣтъ ничего, и еще потому, что его личный духъ слѣдуетъ путямъ его народа. И вотъ каждый народъ есть по духу своему нѣкая прекрасная самосіянность, которая сіяетъ всѣмъ людямъ и всѣмъ народамъ, и которая заслуживаетъ и съ ихъ стороны любви, и почтенія, и радости. Каждое истинное духовное достиженіе, — въ знаніи, и въ добродѣтели, въ религіи, въ красотѣ или въ правѣ, — есть достояніе общечеловѣческое, которое способно объединить на себѣ взоры, и чувства, и мысли, и сердца всѣхъ людей, независимо отъ эпохи, націи и гражданской принадлежности. Намъ ли русскимъ надо доказывать это, намъ ли, проливающимъ съ дѣтства слезы надъ мученіями негра, дяди Тома и зачитывающимся сказками Шехерезады; способнымъ трепетать сердцемъ при видѣ скульптуры Праксителя или картины Леонардо да Винчи, умѣющимъ молиться вмѣстѣ съ Бетховеномъ, созерцать вмѣстѣ съ Конфуціемъ и Платономъ; отчаиваться вмѣстѣ съ Іовомъ и бушевать вмѣстѣ съ Шекспиромъ? Намъ открытъ духъ всѣхъ народовъ; мы съ дѣтства привыкали и привыкли чтить и любить ихъ геніевъ. Мы знаемъ по опыту, что истинное духовное достиженіе всегда національно и въ то же время всегда выходитъ за національныя подраздѣленія людей, а потому и уводитъ самихъ людей за эти предѣлы, отнюдь не колебля и не угашая свѣтъ родины, но обогащая его новыми воспріятіями и лучевыми отраженіями. Всякое истинное достиженіе и созданіе духа свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ высшемъ и глубочайшемъ сродствѣ ихъ, о нѣкоторомъ подлинномъ единствѣ рода человѣческаго, пребывающемъ несмотря на всѣ раздѣленія, грани и войны. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что

самый патріотизмъ, отверзая человѣку его духовное око, тѣмъ самымъ безконечно и благотворно расширяетъ его духовный горизонтъ, и что есть вершина, съ которой человѣку можетъ дѣйствительно открыться общечеловѣческое братство, братство всѣхъ людей передъ лицомъ Божіимъ.

Эта вершина и есть родина, какъ организмъ національной духовной культуры. Она пробуждаетъ въ человѣкѣ духовность, которая можетъ быть и должна быть оформлена, какъ національная духовность, развертывающаяся въ актахъ національной структуры. И только пробудившись и окрѣпнувъ, она сможетъ найти доступъ къ созданіямъ чужого національнаго духа. Тогда человѣку откроется всечеловѣческое братство; но это братство будетъ не интер-національнымъ, а сверх-національнымъ.

Необходимо разъ навсегда провести отчетливую грань между интернаціонализмомъ и сверхнаціонализмомъ.

Интернаціонализмъ отрицаетъ родину и національную культуру, и самый націонализмъ, и духовный актъ своеобразно-національной структуры. Интернаціоналистъ, будучи духовно никѣмъ, желаетъ стать сразу «всечеловѣкомъ»; и это не удастся ему, ибо всечеловѣчество есть духовное состояніе, которое можетъ быть доступно только духовно и національно самоутвердившемуся человѣку. То, что откроется бездуховному интернаціоналисту, будетъ не «всечеловѣчество», а элементарная животная низина, которая дастъ не культурный подъемъ и расцвѣтъ, а всеснижені е и всесмѣшеніе. Человѣкъ родится въ лонѣ своей семьи и своего народа; онъ — ихъ дѣтище; они даютъ ему первоначальное строеніе его тѣла, души и духа; стряхнуть все это съ себя не въ его власти; онъ можетъ только не культивировать въ себѣ духовную высоту своего семейнаго и національнаго начала, а предпочесть элементарную, животную низину. Въ этой низинѣ онъ и найдетъ себѣ уровень для своего желаннаго «интернаціонализма». Такъ русскій интернаціоналистъ, не желающій русскаго духа, — останется русскимъ по всему укладу тѣла и души, своего сознанія и своего безсознательнаго; но это будетъ «русскость» низшаго, худшаго, элементарно-животнаго уровня; и этой бездуховной, выцвѣтшей, грубой «русскости» будетъ легко вступить во всесмѣсительный и всеснижающій процессъ съ такими же бездуховными, выцвѣтшими, грубо-элементарными интернаціоналистами другихъ націй. Черезъ ассимиляцію съ ними онъ можетъ даже постепенно создать нѣкій безнаціональный и бездуховный типъ международнаго безпочвенника, который забылъ свой родной языкъ и духъ и не научился никакому чужому языку и духу, и живетъ въ видѣ нѣкоего интернаціоналистическаго «Тарцана» . . .

Напротивъ, сверхнаціонализмъ утверждаетъ родину, и національную культуру, и самый націонализмъ и особенно — духовный актъ своеобразно-національнаго строенія. Человѣкъ пріемлетъ и духъ своей семьи, и духъ своего народа; и въ нихъ растетъ и зрѣетъ; онъ не «никто»; онъ имѣетъ оплодотворяющее и ведущее его духовное русло. И именно оно даетъ ему возможность подняться на ту высоту, съ которой передъ нимъ откроется «всечеловѣческій» духовный горизонтъ. Образно говоря: только со своей родной горы человѣкъ можетъ увидѣть далекія чужія горы. Постигнуть духъ другихъ народовъ можетъ только тотъ, кто утвердилъ себя въ духѣ своего народа. Поэтому «сверхнаціонализмъ» отнюдь не отрицаетъ націонализма и патріотизма, но самъ выростаетъ изъ него; такъ что у каждаго народа будетъ свой особый «сверхнаціонализмъ» — русскій, англійскій, французскій и т. д.; и ни одинъ изъ нихъ не будетъ жить въ ущербъ своему основному, исконному патріотизму — русскому, англійскому, французскому и т. д. Ибо сверхнаціонализмъ доступенъ только настоящему націоналисту: только онъ сумѣетъ увидѣть ширь духовной вселенскости, и не соблазниться ею — не соскользнуть въ духовную безпочвенность.

Въ чемъ же состоитъ сущность истиннаго націонализма?

Любить родину, значитъ любить не просто «душу народа», т. е. его національный характеръ, но именно духовность его національнаго характера, и, въ то же время, національный характеръ его духа. Это различіе не трудно уловить на живомъ примѣрѣ: русскій человѣкъ можетъ любить въ Шекспирѣ и Диккенсѣ даруемое ими духовное содержаніе, но специфически англійскій характеръ ихъ творчества можетъ быть ему чуждъ; напротивъ, Толстой или Достоевскій будутъ ему близки и драгоцѣнны — и въ ихъ духовномъ содержаніи и въ спеціальной русскости ихъ творческаго акта и описаннаго ими быта. Но это-то и выражается формулою: мы можемъ любить у чужихъ народовъ духовность ихъ національнаго характера, но трудно намъ любить національный характеръ ихъ духовной культуры, котораго они сами въ себѣ нерѣдко не замѣчаютъ. Въ своей же родной культурѣ мы будемъ любить все: не только ея духовность, но и ея національность, причемъ нерѣдко у людей бываетъ такъ, что они съ нѣжностью воспринимаютъ національный характеръ своего народа и мало воспринимаютъ его духовную глубину и красоту: чуютъ бытъ и не чуютъ духа. Настоящій патріотъ чуетъ больше всего духъ своего народа и притомъ такъ, что самый національный укладъ и бытъ пронизанъ для него насквозь лучами этого духа: это есть для него живое единство, которое онъ любитъ цѣльно и крѣпко. Онъ воспринимаетъ національныя особенности родного ему народа, какъ свои собственныя; и питается не просто его духовностью, но и его національностью. А это значитъ, что истинный націонализмъ есть націонализмъ духовный, который идетъ не только

отъ инстинкта національнаго самосохраненія, но и отъ духа, и любитъ не просто «родное», «свое», — но родное-великое и свое-священное.

Этимъ опредѣляется отношеніе націоналиста и къ другимъ народамъ.

Тотъ, кто совсѣмъ не знаетъ, что такое духъ, и не умѣетъ любить его, тотъ не имѣетъ и патріотизма. Но тотъ, кто чуетъ духовное и любитъ его, тотъ знаетъ его сверхнаціональную, общечеловѣческую сущность. Онъ знаетъ, что великое русское — велико для всѣхъ народовъ; и что геніальное греческое — геніально для всѣхъ вѣковъ; и что героическое у сербовъ — заслуживаетъ преклоненія со стороны всѣхъ національностей; и то, что глубоко и мудро въ культурѣ китайцевъ или индусовъ — глубоко и мудро передъ лицомъ всего человѣчества. Но именно поэтому настоящій патріотъ не способенъ ненавидѣть и презирать другіе народы, потому, что онъ видитъ ихъ духовную силу и ихъ духовныя достиженія. Онъ любитъ и чтитъ въ нихъ духовность ихъ національной культуры, хотя національный характеръ ихъ культуры можетъ казаться ему страннымъ, чуждымъ и даже непріятнымъ. И эта любовь къ чужому духу и его великимъ проявленіямъ нисколько не мѣшаетъ ему любить свою родину преимущественною любовью, одновременно — страстною и священною.

Это можно выразить такъ: любить свою родину умѣетъ именно тотъ, кто не склоненъ ненавидѣть и презирать другіе народы; ибо только онъ знаетъ, что такое духъ, и потому умѣетъ обрѣтать его дары и проявленія у чужихъ народовъ; а не вѣдая духа нельзя любить воистину свой народъ. Истинный патріотъ любитъ въ своемъ народѣ то, что должны любить, и будутъ любить, когда узнаютъ, и всѣ другіе народы; правда, онъ любитъ у своего народа и то, что другіе народы не полюбятъ; однако и онъ вовсе не призванъ любить у другихъ народовъ все, но лишь то, что составляетъ истинный источникъ ихъ величія и славы.

Въ жизни и культурѣ всякаго народа есть Божіе и есть земное. Божіе надо и можно любить у всѣхъ народовъ, что и выражено словами Писанія: «всяческая и во всѣхъ Христосъ»; но любить земное у другихъ народовъ не обязательно. Состраданіе же къ «человѣческому естеству» не имѣетъ ограниченій, если не считать преимущественности въ служеніи своему народу.

Итакъ, истинный патріотъ не только не слѣпъ къ духовнымъ созданіямъ и достиженіямъ другихъ народовъ, но онъ стремится постигнуть и усвоить ихъ, чтобы пріобщить къ нимъ свой народъ, чтобы обогатить ими его жизнь, углубить его путь и восполнить его творчество. Любить свою родину совсѣмъ не значитъ отвергать всякое иноземное вліяніе; но это не значитъ и наводнять свою культуру полою водою иноземщины. Есть творческая мѣра въ духовномъ

общеніи и взаимодѣйствіи народовъ; и мѣра эта лучше всего обрѣтается живымъ, расцвѣтающимъ творчествомъ самого народа.

Изъ всего этого вытекаетъ, что истинный націонализмъ нисколько не растворяется и не исчезаетъ въ душѣ, открытой для сверхнаціональной вселенскости. Напротивъ, только тотъ можетъ нелицемѣрно говорить о «братствѣ народовъ», кто сумѣлъ найти свою родину, усвоить ея духъ и слить съ нею свою судьбу. Только тѣ народы способны къ духовному братанію, которые создали свою родину и утвердились въ своемъ націонализмѣ и патріотизмѣ. Чтобы брататься — надо прежде всего быть, и притомъ быть самимъ собою, и быть передъ лицомъ единаго Отца. Чтобы духовно брататься — надо не стыдиться своего національнаго бытія, а нести его съ горделивымъ духовнымъ достоинствомъ. Вотъ почему такъ называемый «христіанскій интарнаціонализмъ» есть искусственная выдумка, сентиментальная и фальшивая; и каждый разъ, какъ она выдвигается, надо ставить вопросъ, не выдвигается ли она для того, чтобы одинъ народъ могъ успѣшнѣе разложить, завоевать и покорить другой народъ?...

Итакъ, отказывающійся отъ своего индивидуальнаго духовнаго лица (все равно — будетъ это человѣкъ или народъ) — не восходитъ на какую-то «высшую» ступень «всеобщаго», а нисходитъ въ духовное небытіе: ему предстоитъ не «братаніе» и не братство, а исчезновеніе съ арены исторіи.

Подобную же нелѣпость и фальшь предлагаютъ тѣ, кто допускаетъ, что «русскій народъ» есть какой-то особый «вселенскій» народъ, который призванъ не къ созданію своей творчески-особливой, содержательно-самобытной культуры, а къ претворенію и ассимиляціи всѣхъ чужихъ, иноземныхъ культуръ. Это есть новое отреченіе отъ своего національно-индивидуальнаго духовнаго лица. Только нищіе пекутъ хлѣбъ изъ собранныхъ отовсюду и растолченныхъ сухихъ корочекъ; а русскій народъ не имѣетъ основаній жаловаться на духовную нищету и побираться по чужимъ культурамъ; и онъ уже достаточно доказалъ это. Только малолѣтнихъ заставляютъ списывать съ книги или излагать чужія мысли своими словами; а русская культура давно уже выведена ея геніями изъ малолѣтства. Каждый народъ призванъ имѣть свое самобытное, національно-духовное лицо; и эта самобытность не можетъ состоять въ сочетаніи отовсюду заимствованныхъ чертъ; она возникаетъ изъ инстинктивно-душевнаго своеобразія и изъ самостоятельнаго воспріятія природы, людей и Бога, а не изъ заимствованія отовсюду чужого достоянія.

Правда, не всякому народу удается выносить самостоятельный духовный актъ и создать самобытную духовную культуру. Народы, которымъ это удалось, суть духовно ведущіе народы; народы, которымъ это не удалось, становятся духовно

ведомыми народами. Задача ведущаго народа не въ томъ, чтобы подавить или искоренить ведомый народъ, а въ томъ, чтобы дать ему возможность пріобщиться къ духовному акту и къ духовной культурѣ ведущаго народа, и получить отъ него творческое оплодотвореніе и оживленіе. Тогда ведомый народъ находитъ свою родину въ лонѣ ведущаго народа и, не теряя своей исторической и біологической «національности», вливается духовно въ національность ведущаго. Формула такого патріотическаго «симбіоза» народовъ такова: «я римлянинъ, и притомъ галлъ»; «я англичанинъ, и притомъ африканскій негръ»; «я швейцарецъ, и притомъ лодинъ»; «я французъ, и притомъ мавръ»; «я русскій, и притомъ калмыкъ» . . . И эта формула означаетъ, что ведущему народу удалось выработать національный актъ такой ширины и гибкости, а можетъ быть и глубины, что онъ образуетъ для ведомыхъ народовъ какъ бы родовое духовное лоно, которое они могутъ видоизмѣнять по своему, оплодотворяя и оживляя изъ него свою духовную жизнь.

Вотъ какъ опредѣляется духовный смыслъ національзма. И передъ этими основами безсильно меркнутъ всѣ разновидности современнаго «интернаціонализма» и «антинаціонализма». У настоящаго націоналиста жизнь его личнаго духа сразу — какъ бы «растворена» въ духовной жизни его народа и въ то же время «собрана» изъ нея и сосредоточена въ его живой личности; онъ дорожитъ этимъ чудеснымъ состояніемъ духовнаго саморасширенія и само-обогащенія, и, произнося отъ лица своего народа «мы», онъ дѣйствительно чувствуетъ себя какъ бы его живымъ аванпостомъ, блюдущимъ его имя, его достоинство и его земной интересъ. И о другихъ народахъ онъ мыслитъ всегда исходя отъ своего народа, а о вселенскости онъ помышляетъ именно, какъ патріотъ. Поэтому можно сказать, что націонализмъ есть правая и вѣрная любовь личнаго «я» къ тому единственному для него національному «мы», которое одно можетъ вывести его къ великому, общечеловѣческому «мы». Человѣкъ можетъ найти общечеловѣческое только такъ: углубить свое духовно-національное лоно до того уровня, гдѣ живетъ духовность, внятная всѣмъ вѣкамъ и народамъ.

Единеніе человѣка съ его народомъ, — единеніе національное и патріотическое, — слагается обычно въ форму правовой связи и принимаетъ видъ государственнаго единенія. Вслѣдствіе этого націонализмъ и патріотизмъ живутъ въ душѣ въ тѣснѣйшей связи съ государственнымъ правосознаніемъ. Инстинктъ, духъ и чувство права, — восполняя другъ друга, создаютъ въ душѣ ту цѣльную, мужественную и нравственно-прекрасную энергію, которая необходима для героической обороны родины и которая въ то же время не позволяетъ человѣку впадать въ состояніе

міро-завоевательной алчности. Эта энергія есть проявленіе «естественнаго правосознанія».

Для человѣка съ такимъ правосознаніемъ весь родъ человѣческій входитъ въ правопорядокъ, въ эту живую сѣть субъективныхъ правовыхъ ячеекъ; и любовь къ своему отечеству не ведетъ его къ отрицанію естественнаго права на существованіе и на духовный ростъ у другихъ народовъ. Для такого націоналиста — право другихъ не кончается тамъ, гдѣ начинается интересъ его народа, а право его народа не простирается до предѣловъ его силы*), но лишь до предѣловъ его духовной необходимости. Каждый народъ имѣетъ неотъемлемое, естественное право вести національно-духовную жизнь, которая бываетъ иногда возможна и внѣ самостоятельной суверенной государственности; и каждый народъ, отстаивая свою духовно культурную самобытность, правъ. Народы при всѣхъ условіяхъ призваны видѣть другъ въ другѣ— не матеріалъ для завоеванія и порабощенія, а субъектовъ естественнаго и международнаго права; и поэтому они призваны разсматривать свои взаимныя ссоры, какъ споры о правѣ. Только при такомъ пониманіи и воспріятіи дѣла — націонализмъ, обоснованный духовно, будетъ постепенно преодолѣвать въ себѣ свой опасный шовинистическій уклонъ: ибо любовь къ своему народу не есть неизбѣжно ненависть къ другимъ народамъ; самоутвержденіе не есть непремѣнно нападеніе; отстаиваніе своего совсѣмъ не означаетъ завоеваніе чужого. И такимъ образомъ, націонализмъ и патріотизмъ становятся явленіями высокого духа, а не порывами заносчивости, самомнѣнія и кровопролитнаго варварства, какъ пытаются изобразить это иные современные публицисты, непомнящіе рода и растерявшіе національный духъ.

При всѣхъ условіяхъ неблагоразумно и опасно культивировать патріотизмъ, какъ слѣпое, внѣэтическое изступленіе, забывая о томъ, что внеэтическое ожесточеніе можетъ только развязать безразсудную стихію международнаго нахрапа, а слѣпота можетъ только довершить это безразсудство. Столкновеніе народовъ есть на самомъ дѣлѣ не просто столкновеніе слѣпыхъ и ненавистныхъ взаимо-посягательствъ, какъ думаютъ нерѣдко и трезвые обыватели, и «мудрые» политики; это есть, по существу своему, столкновеніе правовыхъ притязаній, въ основѣ котораго лежитъ различное пониманіе и толкованіе естественныхъ правъ, принадлежащихъ народамъ. Такое столкновеніе требуетъ правового регулированія. Естественное право народа есть притязаніе его на духовно достойную жизнь, на расцвѣтъ его, Богу-служащей духовной культуры. Рѣшеніе такого спора о правахъ посредствомъ силы и завоеванія есть способъ примитивный и, какъ показываетъ исторія послѣднихъ

*) Оба воззрѣнія характерны для современнаго шовинизма и воинствующаго имперіализма.

десятилѣтій, культурно-разрушительный. Война становится все болѣе и болѣе обоюдо-острымъ орудіемъ; она оказывается способомъ, опаснымъ не только для побѣжденнаго, но и для побѣдителя; она требуетъ отъ народовъ такихъ духовно- и нервнонепосильныхъ напряженій и грозитъ имъ такимъ внутреннимъ соціальнымъ распадомъ, что *заставляетъ* людей помышлять со все возрастающей искренностью о *правовомъ* разрѣшеніи международныхъ столкновеній. Трудно надѣяться на то, что война изчезнетъ совсѣмъ изъ исторіи человѣчества; однако она все болѣе пріобрѣтаетъ и будетъ пріобрѣтать для воюющихъ значеніе совмѣстнаго или даже всеобщаго «хара-кири», т. е. хозяйственно-политическаго и соціально-культурнаго самоубійства или во всякомъ случаѣ само-изуродованія; и поэтому исторически можно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ будетъ возрастать тяготѣніе къ правовому разрѣшенію международныхъ споровъ.

Столкновеніе правъ есть *споръ о правѣ*, а споръ о правѣ долженъ разрѣшаться именно на путяхъ *правовой организаціи* и взаимнаго признанія взаимныхъ правъ. Духовное назначеніе войны въ исторіи человѣчества и состоитъ между прочимъ въ томъ, чтобы убѣдить людей въ естественности и необходимости правового пути.

Вотъ почему патріотизмъ и націонализмъ, вскормленные духомъ и сроднившіеся съ здоровымъ правосознаніемъ, не могутъ видѣть въ войнѣ лучшаго способа бороться за право; отнюдь не впадая въ наивное прекраснословіе пацифизма и въ его политическую пропаганду, которая только и можетъ *обезоружить довѣрчиваго и предать его на потокъ и разграбленіе воинственнымъ сосѣдямъ*, — настоящій патріотъ долженъ искать *не силы, попирающей всякое право, а права, поддержаннаго достаточной силой*...

Итакъ, любить свою родину не значитъ считать ее единственнымъ на землѣ средоточіемъ духа; ибо тотъ, кто утверждаетъ это, не знаетъ вообще, что́ есть Духъ, а потому не умѣетъ любить и духъ своего народа; его удѣлъ — звѣриный націонализмъ. Нѣтъ человѣка и нѣтъ народа, который былъ бы «единственнымъ» средоточіемъ духа, ибо духъ живетъ по своему во всѣхъ людяхъ и во всѣхъ народахъ. Истинный патріотизмъ и націонализмъ есть любовь не слѣпая, а зрячая; и пареніе ея не только не чуждо добру, и справедливости, и праву, и, главное, Духу Божію, но есть одно изъ высшихъ проявленій духовности на землѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О ПРАВОСОЗНАНІИ.

1. Кризисъ современнаго правосознанія.

Если современный «просвѣщенный» человѣкъ склоненъ или сомнѣваться въ значеніи родины, патріотизма и націонализма, или просто отвергать всѣ эти драгоцѣнныя основы жизни, то о правосознаніи, о его сущности, о его глубокихъ источникахъ и о его жизненной необходимости — онъ врядъ ли и вспоминаетъ. Самое большее, о чемъ помышляетъ современный человѣкъ, это о своихъ личныхъ правахъ и привилегіяхъ, а именно, какъ бы ихъ закрѣпить за собою и расширить во всѣ стороны, по возможности не подвергаясь судебнымъ непріятностямъ; но о томъ, что дѣйствующее въ странѣ право, — законъ, указъ, полномочіе, обязанность, запретъ, — не можетъ жить и примѣняться внѣ живого правосознанія, не можетъ поддерживать и оберегать ни семью, ни родину, ни порядокъ, ни государство, ни хозяйство, ни имущество, объ этомъ современный человѣкъ почти и не вспоминаетъ. Это ведетъ къ двумъ послѣдствіямъ: съ одной стороны дѣйствующее въ странѣ такъ называемое положительное право не можетъ совершенствоваться въ своемъ содержаніи и начинаетъ осуждаться и отвергаться цѣликомъ, какъ ничего не стоящее «буржуазное» право; съ другой стороны — происходитъ медленный подрывъ и постепенное ослабленіе его организующей, упорядочивающей и оберегающей жизненной силы.

Нынѣ мы переживаемъ эпоху, когда правопорядокъ становится повсюду непрочнымъ и колеблется въ самыхъ основахъ своихъ; когда большія и малыя государства стоятъ передъ возможностью крушенія и распада, а надъ міромъ носятся какія-то всеразлагающія дуновенія или даже порывы революціоннаго вѣтра, угрожающіе всей человѣческой культурѣ. Это означаетъ, что необходимо начать планомѣрную систематическую борьбу за укрѣпленіе и очищеніе современнаго правосознанія. Если эта борьба не начнется или не будетъ имѣть успѣха, тогда правосознаніе современнаго человѣчества станетъ жертвою окончательнаго разложенія, а вмѣстѣ съ нимъ рухнетъ и вся современная міровая культура.

Современное человѣчество переживаетъ кризисъ правосознанія. Міровая исторія отмѣчаетъ такой кризисъ не въ первый разъ; достаточно вспомнить хотя бы крушеніе древняго міра. Тогда этотъ кризисъ начался съ медленнаго, но не-

уклоннаго разложенія религіозности, которое постепенно захватило и семейную жизнь, и правосознаніе. Тогда великое римское государство вступило въ длительный трагическій періодъ смуты, возстаній и гражданскихъ войнъ, которыя подточили его духовные и государственные устои настолько, что народы, вторгшіеся съ сѣвера, нашли рыхлое и слабое, неспособное къ сопротивленію политическое тѣло и затопили его своею волною. Правосознаніе, утратившее свои религіозные корни, оказалось неспособнымъ поддерживать и отстаивать монументальную государственность и культуру Рима, а неумолимая исторія произнесла надъ этимъ правосознаніемъ свой судъ.

Спасеніе и обновленіе мірового правосознанія и правопорядка пришло въ то время отъ христіанства.

Еще тогда, когда кризисъ римской государственности развертывался и углублялся, міру было даровано ученіе Христа, новое, благодатное откровеніе и новый духовный опытъ, которому было предназначено заложить основы новой культуры и новаго міра. Собственно говоря, христіанское ученіе не дало людямъ никакого новаго ученія о правѣ, о правосознаніи, о государствѣ и политикѣ, о законахъ и судѣ, о правахъ и сословіяхъ; оно какъ будто бы отодвигало всѣ эти предметы на второй планъ, какъ мало существенные, а, по истолкованію первыхъ вѣковъ, оно даже будто бы ихъ отвергало и осуждало. Оно обращалось скорѣе къ послѣднимъ, глубочайшимъ источникамъ человѣческаго духа. Христіанская религія учила человѣка новому отношенію къ Богу и людямъ. Она призывала его къ живому единенію съ Божествомъ въ цѣлостной, беззавѣтной любви и къ живому единенію съ ближнимъ въ искреннемъ боголюбивомъ человѣколюбіи. Но въ этомъ призывѣ вѣялъ нѣкій божественный, религіозно-нравственный духъ, пребываніе въ которомъ сообщало человѣку новый подходъ ко всему міру, а потому и къ праву, и къ государственной жизни. Въ человѣческой душѣ возжигалась неугасимая купина любви, обновлявшей всѣ ея духовные акты, открывавшей имъ новыя силы и новыя цѣли.

Христіанство учило, что Божественное выше человѣческаго и духовное выше матеріальнаго и земного. Но Божественное не противостоитъ человѣку въ недосягаемомъ удаленіи; оно таинственно вселяется въ человѣческую душу, одухотворяетъ ее и заставляетъ искать подлиннаго совершенства на всѣхъ земныхъ путяхъ. Что бы ни дѣлалъ христіанинъ, онъ ищетъ прежде всего живого единенія съ Богомъ. Онъ ищетъ Его совершенной воли, стараясь осуществить ее, какъ свою собственную. Поэтому жизнь христіанина не можетъ быть ни безцѣльною, ни страстно-слѣпою: онъ во всемъ обращенъ къ Богу, поставляя Его выше всего прочаго, подчиняя Ему все, и въ себѣ, и въ дѣлахъ своихъ. Его внутренняя направленность — оказывалась религіозною; его религіозная направленность становилась — всепроникающею.

Вотъ это-то религіозное настроеніе и вносило въ общеніе людей и въ процессъ общественной организаціи духъ *новаго, христіанскаго правосознанія*. Оно прикрѣпляло волю человѣка къ единой, высшей цѣли; оно научало его ставить духовное выше матеріальнаго, и подчинять *личное*, какъ начало своекорыстія, гордости и посяганія, — *сверхличному*, какъ началу качества, достоинства и совершенства. Этимъ правосознаніе прикрѣплялось къ своимъ благороднымъ первоосновамъ: къ *достоинству, самообладанію и дружелюбной общительности*. Всюду, гдѣ дѣйствительно расцвѣтала полнота любви, она порождала *совѣстное доброжелательство, примиряющую справедливость, жертвенную щедрость*. И когда прошли первые вѣка христіанства и оно побороло въ себѣ тягу къ отверженію міра, къ мечтательному утопизму и моральному максимализму, когда христіанинъ увидѣлъ, что государство можетъ не отвергать Христово ученіе, но помогать его успѣху и прислушиваться къ нему, когда онъ, въ борьбѣ съ язычествомъ, началъ утверждать свои права и призналъ себя *субъектомъ права*, — онъ внесъ въ это гражданское самоутвержденіе принципы *самообузданія, скромности и отреченія*.

Къ этому времени христіанинъ уже впиталъ въ себя безсознательную увѣренность въ томъ, что человѣкъ долженъ подавлять въ себѣ безпредметное честолюбіе, жадность, вражду, склонность къ озлобленному напору и отпору. Его правосознаніе уже привыкло разсматривать эти влеченія, какъ *грѣховныя*; и благодаря этому человѣкъ понялъ, что *право есть начало мира*. Христіанство вносило въ душу духъ *миролюбія и братства*, духъ *не формальной, не всеуравнивающей справедливости*. Оно пріучало его не видѣть въ подчиненности ненавистнаго бремени, и въ то же время воспринимать власть, какъ великое бремя отвѣтственности. Христіанство давало людямъ мѣрило совершенства и этимъ научало ихъ отличать лучшихъ людей отъ худшихъ. Оно указывало людямъ, чему долженъ служить правитель, какова высшая цѣль государства, и тѣмъ самымъ опредѣляло, кто именно призванъ стоять во главѣ государства. Христіанство учило гражданина *любви*; любви и довѣрію къ согражданамъ («ближнимъ»); любви, довѣрію и уваженію къ предлежащимъ властямъ: ибо «начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро» (Римл. 13. 4). Такъ оно пропитывало общественный строй духомъ *солидарности и лояльности*, тѣмъ духомъ *органическаго единенія*, который углубляетъ, накопляетъ и сосредоточиваетъ національную силу и политическую геніальность народа.

Именно съ этимъ была связана та, выношенная средними вѣками, увѣренность, согласно которой государство имѣетъ религіозную задачу — служить своею властью *Божьему дѣлу* на землѣ. Эту религіозную задачу церковь то указывала свѣтской власти, то пыталась взять въ свои руки; а государство

понимало религiозно свою высшую цѣль даже тогда, когда оно отказывалось отъ повиновенiя церкви. Въ тѣ времена человѣкъ, дѣлая государственное дѣло, старался поднять свой взоръ къ Высшему, къ Богу; и дѣлалъ, какъ могъ, религiозно осмысленное дѣло. Пусть «теократiя» не осуществлялась, или осуществлялась дурно; пусть въ самомъ замыслѣ «теократiи» была чрезмѣрность и невѣрность; — и все же правосознанiе, ведя властную борьбу съ человѣческой хищностью и порочностью, не растворяясь въ христiанской добродѣтели, имѣло глубокую и очищающую религiозную основу; и на этой основѣ государству удавалось ограждать и растить всю духовную культуру. Христiанство своимъ религiознымъ свѣтомъ осмысливало и облагораживало дѣло права и государства; и въ то же время оно утверждало въ человѣческой душѣ такiя благодатныя силы (любовь и совѣсть), которыя вдохновляли человѣческое правосознанiе и придавали ему нѣкую неразложимую, абсолютную опору.

Я не могу прослѣдить здѣсь великiй процессъ секуляризацiи культуры, происходившiй въ Европѣ на протяженiи нѣскольких вѣковъ: влiянiе религiи и церкви слабѣло; культура «освобождалась» отъ опеки духовенства и становилась свѣтскою («секуляризировалась»). Человѣчество за послѣднiе вѣка пережило великiй иррацiональный кризисъ, который захватилъ подсознательные корни вѣры, нравственности, науки, искусства и правосознанiя. Эти корни стали слабѣть и отмирать. Люди охладѣли къ духовному опыту и прилѣплялись къ чувственному воспрiятiю; они переставали ощущать Божественное въ себѣ и въ мiрѣ, и укрѣплялись въ довѣрiи къ разсудку, къ естествознанiю и техникѣ. Человѣческiй горизонтъ все меньше захватывалъ иррацiональную глубину души и духа, и все опредѣленнѣе ограничивался двумя измѣренiями дневного сознанiя *).

Этотъ кризисъ захватилъ и правовое чувство человѣка, обычно называемое право-сознанiемъ, такъ, какъ если бы дѣло шло здѣсь только объ одномъ «сознанiи» (въ дѣйствительности «правосознанiе» охватываетъ и чувство, и волю, и воображенiе, и мысль, и всю сферу безсознательнаго духовнаго опыта). Весь внутреннiй правовой опытъ человѣка началъ постепенно мельчать и искажаться. Новое правосознанiе становилось все менѣе христiанскимъ, все менѣе религiознымъ, все болѣе безбожнымъ; религiозный духъ и смыслъ началъ все болѣе и болѣе покидать правовую и политическую жизнь. Отношенiе человѣка къ человѣку стало утрачивать христiанскую окраску и санкцiю; братъ терялъ брата, и вслѣдствiе этого волкъ шелъ навстрѣчу волку. Правосознанiе становилось безпочвеннымъ; мотивы и побужденiя его дѣлались плоскими; оно теряло свое благородное направленiе, забывало свои первоначальныя, священныя основы и подчинялось духу скептицизма, которому все сомнительно, духу релятивизма, для котораго все относительно, и духу нигилизма, который не хочетъ

*) См. главу первую, о духовномъ опытѣ.

вѣрить ни во что. Правосознаніе разучалось видѣть добро и и зло, право и безправіе; все стало условнымъ и относительнымъ, водворилась буржуазная безпринципность и соціальное безразличіе; надвигалась эпоха духовнаго нигилизма и публичной продажности. Въ 19 вѣкѣ въ Европѣ расцвѣла абстрактная и формальная юриспруденція, которая считалась только съ положительнымъ правомъ и не хотѣла слышать о естественномъ (т. е. вѣрномъ, идеальномъ, совѣстномъ) правѣ; и лишь тамъ и сямъ можно было отыскать въ этой юриспруденціи скудные намеки на соціальную идею и блѣдные остатки христіанской идеологіи, при чемъ и то и другое считалось «субъективнымъ» и «ненаучнымъ». И какъ только попытались научно оформить этотъ зародышъ соціальной идеи, такъ сложилась «соціалистическая» и «коммунистическая» доктрина. Словомъ расцвѣту формальной юриспруденціи соотвѣтствовало пренебреженное и разлагающееся правосознаніе.

Формула выродившагося и разложившагося правосознанія была развернута марксистами, сначала теоретически, а потомъ и въ революціонной практикѣ. Она можетъ быть выражена приблизительно такъ: «Государство есть относительное, условное равновѣсіе равныхъ человѣческихъ индивидуумовъ, которые суть не что иное, какъ матеріальныя существа, подлежащія количественному измѣренію и счисленію. Государство есть не что иное, какъ хозяйственный механизмъ; строить его должна верхушка классовой, пролетарской, коммунистической партіи — въ порядкѣ централизма, диктатуры и террора; этой партійной верхушкѣ массы должны безпрекословно подчиняться. Люди дѣлятся по имущественному принципу на классы; эти классы должны бороться другъ съ другомъ на жизнь и на смерть за обладаніе земными благами, пока не побѣдитъ бѣднѣйшій классъ пролетаріата; онъ призванъ разрушить старое государство и построить новое. Захвативъ власть, партія этого класса, коммунистическая партія, должна принудительно осуществить изъятіе всякой частной собственности, превратить всѣхъ въ пролетаріевъ и провести всеобщее обобществленіе средствъ и орудій производства («экспропріацію», «пролетаризацію», «соціализацію»); духовно- и хозяйственно - самобытная личность должна исчезнуть съ лица земли и тогда установится свободное отъ всякихъ неравенствъ и различій всеобщее потребительное благополучіе на основѣ всеобщаго принудительнаго труда».

Это состояніе правосознанія характеризуется слѣдующими чертами:

1. Отрицаніе духа, духовной личности, духовной культуры, вѣры, семьи, родины и права, какъ самостоятельныхъ цѣнностей;
2. Сведеніе человѣческой жизни къ матеріальнымъ процессамъ, матеріальнымъ мѣриламъ и матеріальному благополучію;

3. Невѣріе въ силу личной свободы, инициативы и органическаго, творческаго равновѣсія личной и общественной жизни;

4. Вѣра въ силу механической покорности, диктаторіальнаго приказа и запрета; въ силу вражды, классовой борьбы, революціи, всеобщей бѣдности и всеобщаго уравненія.

Такое «правосознаніе» есть право-сознаніе только по видимости; на самомъ дѣлѣ оно просто о т р и ц а е т ъ п р а в о, какъ проявленіе духа и свободы, и утверждаетъ диктаторіальный, механическій произволъ. Поэтому оно обозначаетъ собою послѣднюю, низшую ступень въ разложеніи правосознанія. Дно достигнуто. Кризисъ развернулся. Въ дальнѣйшемъ возможны только два пути: всеобщее крушеніе права, государственности и духовной культуры, или же возрожденіе, очищеніе и обновленіе правосознанія.

---

2. О свободной лояльности.

Чтобы преодолѣть этотъ глубокій и опасный кризисъ, современный человѣкъ долженъ прежде всего обратиться къ самому себѣ, къ своему личному правосознанію, постигнуть, чѣмъ оно болѣетъ и чего ему не хватаетъ, и попытаться возродить въ своей душѣ священныя основы и глубокіе источники здороваго правосознанія.

Каждый изъ насъ имѣетъ правосознаніе, совершенно независимо отъ того, знаетъ онъ объ этомъ или нѣтъ, заботится онъ о немъ, очищая его, укрѣпляя и облагораживая, или наоборотъ пренебрегаетъ имъ. Нѣтъ человѣка безъ правосознанія; но есть множество людей съ пренебреженнымъ, запущеннымъ, уродливымъ или даже одичавшимъ правосознаніемъ. Этотъ духовный органъ необходимъ человѣку; онъ участвуетъ такъ или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человѣкъ совершаетъ преступленія, притѣсняетъ сосѣдей, предаетъ свою родину и т. д.: ибо слабое, уродливое, продажное, рабское, преступное правосознаніе — остается правосознаніемъ, хотя его душевно-духовное строеніе оказывается невѣрнымъ, а его содержанія и мотивы — ложными или дурными. Словомъ человѣкъ не можетъ обходиться безъ правосознанія, ибо всякая случайная встрѣча съ другимъ человѣкомъ, всякій разговоръ, всякое сосѣдство, не говоря уже о сдѣлкахъ и объ участіи въ любой общественной организаціи — ставитъ немедленно вопросъ о правѣ и неправѣ, о моемъ правѣ и твоемъ правѣ, о взаимныхъ обязанностяхъ, о законахъ и т. д. И каждое такое явленіе обращается къ правосознанію человѣка и приводитъ его въ движеніе *).

И вотъ, если я забываю о моемъ правосознаніи и пренебрегаю имъ, предоставляя ему слагаться и проявляться какъ угодно, — то оно не исчезаетъ отъ этого и не перестаетъ вліять на мои поступки и направлять мою жизнь, но уподоб-

*) Чтобы это не казалось голословнымъ, привожу живые, подтверждающіе примѣры, начиная съ уличной встрѣчи: «имѣетъ онъ право столкнуть меня съ тротуара? имѣетъ онъ право долго и вызывающе меня разсматривать? дерзко заговаривать со мною? входить безъ спросу въ мой садъ? пить изъ моего колодца? не уплатить мнѣ деньги за купленную у меня вещь? не платить членскаго взноса? оскорблять предсѣдателя собранія? нарушать уставъ общества?» и т. д. и т. д.

ляется заброшенной дорожкѣ въ саду, которая зарастаетъ сорной травой и по которой все-таки надо ходить; или оно уподобляется грязному, зараженному инструменту въ рукахъ хирурга, которымъ тотъ продолжаетъ производить свои операціи. Правосознаніе есть какъ бы легкое, которымъ каждый изъ насъ вдыхаетъ и выдыхаетъ атмосферу взаимнаго общенія. Пренебрегать этимъ орудіемъ или органомъ — просто непозволительно.

Но что же значитъ — не пренебрегать имъ?

Первое, что мы всѣ должны понять и усвоить, это то, что мы постоянно нуждаемся въ правосознаніи и пользуемся имъ; и что правосознаніе есть творческій источникъ права, живой органъ правопорядка и политической жизни. Каждый законъ, каждый указъ — возникаетъ въ правосознаніи и является его плодомъ, — то зрѣлымъ, то незрѣлымъ, то полезнымъ, то вреднымъ. Каждый законъ, возникнувъ изъ правосознанія властвующихъ людей, обращается къ правосознанію множества подчиненныхъ людей, чтобы сказать имъ: «это ты обязанъ сдѣлать», «такъ ты имѣешь право поступить», «этого ты не смѣешь дѣлать»; и, соотвѣтственно, — чтобы этимъ «вдвинуть» имъ въ душу вѣское, рѣшающее побужденіе поступать лучше, правомѣрнѣе, справедливѣе, осторожнѣе . . . Это происходитъ во всѣхъ сферахъ права.

Тотъ, кто пойметъ эту задачу права и увидитъ эту работу правосознанія, тотъ сразу отдѣлается отъ очень распространеннаго и вреднаго предразсудка, согласно которому право есть нѣчто «формальное» и «внѣшнее».

Въ дѣйствительности право «формально» только въ томъ смыслѣ, что оно обыкновенно формулируется въ видѣ общихъ сужденій, помысленныхъ и облеченныхъ въ слова, и что поэтому оно рѣдко имѣетъ возможность охватить всю глубину и сложность единичнаго жизненнаго явленія. Но по своему исходному пункту (правосознаніе законодателя) и по тому пункту, куда оно направляется (правосознаніе подчиненнаго человѣка) — право нисколько не «формально». Къ тому же оно совсѣмъ не призвано «формально» дѣйствовать въ жизни и «формалистически» примѣняться къ отношеніямъ людей; напротивъ: между общей формулой закона и единичнымъ человѣкомъ должно встать живое правосознаніе, которое и будетъ заботиться о томъ, чтобы формальное и строгое, неумолимое примѣненіе закона не породило въ жизни сущую несправедливость (по римской формулѣ: «Summum jus summa injuria»). Итакъ: формаленъ только законъ; но ни правосознаніе законодателя, ни правосознаніе чиновника и судьи (примѣняющихъ право), ни правосознаніе рядового подчиненнаго гражданина — вовсе не формальны. Напротивъ, всѣ эти три инстанціи правосознанія должны быть связаны съ глубокими источниками духовной жизни: имъ необходима и вѣра, и любовь, и внутренняя свобода, и совѣсть, и патріотизмъ, и чувство собствен-

наго достоинства и чувство справедливости. Тогда они будутъ стоять на высотѣ и жизнь людей будетъ не вырождаться отъ ихъ дѣйствія, а совершенствоваться.

Подобно этому, право есть нѣчто «внѣшнее» только въ томъ смыслѣ, что его законы и предписанія исходятъ такъ сказать «отъ другихъ людей» и поэтому подходятъ къ намъ какъ бы «извнѣ», не спрашивая нашего согласія и налагая на насъ обязанности и запреты часто вопреки нашей волѣ. Но творческій источникъ права пребываетъ во внутреннемъ мірѣ человѣка; и дѣйствовать въ жизни право можетъ только благодаря тому, что оно обращается къ внутреннему міру человѣка, а именно къ тѣмъ слоямъ души, въ которыхъ слагаются мотивы человѣческаго поведенія, и, сложившись, порождаютъ живой поступокъ человѣка.

Изъ этого вытекаетъ, что если человѣкъ хочетъ видѣть свои личныя права огражденными и защищенными, то онъ долженъ вложиться своимъ правосознаніемъ въ эту общественную правовую жизнь и вѣрно участвовать въ ея устроеніи. Въ качествѣ законодателя, онъ долженъ творить законы изъ вѣрной глубины своего правосознанія; въ качествѣ судьи и чиновника, онъ долженъ толковать и примѣнять законъ такъ, какъ этого требуетъ его справедливое правосознаніе; въ качествѣ рядового подчиненнаго гражданина, онъ долженъ принять законъ въ свое правосознаніе и включить приказы, запреты и позволенія, содержащіяся въ законѣ, въ процессъ мотиваціи своего поведенія.

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ, человѣкъ призванъ къ тому, чтобы добровольно вмѣнять себѣ законы своего государства, стараться вѣрно понимать ихъ и повиноваться имъ по чувству свободно признанной обязанности. Пусть эти законы кажутся ему формальными и внѣшними, — онъ все-таки долженъ принять ихъ въ порядкѣ самообязыванія и вѣрно соблюдать ихъ. Это необходимо по слѣдующимъ основаніямъ.

Во-первыхъ, потому, что въ самую сущность права и правопорядка входитъ эта способность — совершенствоваться посредствомъ лояльнаго повиновенія гражданъ. Само собой разумѣется, что всюду и всегда могутъ встрѣчаться нецѣлесообразные или несправедливые законы, такіе, которые были неудачны съ самаго начала, или такіе, которые съ теченіемъ времени утратили свою жизненную полезность. Нс законъ не отмѣненъ, онъ долженъ примѣняться и соблюдаться, по римской формулѣ — «суровъ законъ, но онъ законъ»; это есть единственное средство поддерживать правопорядокъ въ странѣ, укрѣплять его и не отдавать его въ жертву произволу, личной корысти и случайности. Тотъ, кто умѣетъ блюсти «суровый» законъ вплоть до самой его отмѣны, — тотъ предотвращаетъ анархію и безправіе, ограждаетъ принципъ права и воспитываетъ правосознаніе

своихъ согражданъ. Однако наряду съ этимъ выдержаннымъ блюденіемъ права, должна вестись борьба за отмѣну нецѣлесообразнаго или несправедливаго закона; онъ обязателенъ до законодательной отмѣны, но отмѣна эта должна быть по возможности ускорена. Каждый здоровый правопорядокъ открываетъ гражданамъ эту возможность: *бороться за новые, лучшіе законы и за новый порядокъ жизни, пребывая въ лояльности по отношенію къ дѣйствующимъ законамъ.* Въ этомъ смыслѣ право подобно перестраивающемуся дому, въ которомъ люди продолжаютъ жить и во время его перестройки. Нельзя отмѣнить законъ, не замѣнивъ его новымъ: ибо *беззаконіе* есть начало произвола, несправедливости, «захватнаго права» и взаимныхъ обидъ. Нельзя позволить гражданамъ не соблюдать дѣйствующій законъ: ибо *противозаконіе* расшатываетъ правосознаніе и узакониваетъ въ странѣ духъ преступности. Но нельзя также звать гражданъ къ самовольному ниспроверженію закона снизу, ибо этотъ путь совмѣщаетъ беззаконіе съ противозаконіемъ и ведетъ къ революціи и гражданской войнѣ, а гражданская война есть одно изъ самыхъ страшныхъ и разрушительныхъ явленій исторіи.

Итакъ, первое правило правосознанія гласитъ: *соблюдай добровольно дѣйствующіе законы и борись лояльно*) за новые, лучшіе.*

Во-вторыхъ, гражданинъ призванъ добровольно признавать и соблюдать законы своей родины потому, что это есть единственный способъ — *поддерживать правопорядокъ* и въ то же время *оставаться въ немъ свободнымъ.* Каждый правопорядокъ, какъ мы уже указали, обращается къ гражданамъ со словами: «это тебѣ предписывается — твоя обязанность», это тебѣ разрѣшается — твое полномочіе», «это тебѣ запрещается — твоя запретность»... Допустимъ, что границы этихъ обязанностей, полномочій и запретностей — меня не удовлетворяютъ; такъ обыкновенно и бываетъ, потому что всякій человѣкъ хотѣлъ бы имѣть побольше полномочій и поменьше обязанностей и запретностей. Однако эти правовыя обязанности, полномочія и запретности образуютъ цѣлую живую систему *субъективныхъ правъ,* какъ *гражданскихъ* (имущественныхъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ), такъ и *публичныхъ* (права свободы, права избирательныя, права властныя), и права эти поддерживаются и ограждаются всѣмъ правопорядкомъ и особенно государственною властью. И вотъ, человѣческая исторія показала и подтвердила много разъ, что *лучше пользоваться болѣе ограниченной системой субъективныхъ правъ, крѣпко огражденныхъ и дѣйствительно обезпеченныхъ, чѣмъ видѣть, какъ твой безграничный кругъ субъективныхъ притязаній попирается произволомъ*

*) Т. е. согласно конституціи государства.

сосѣдей и деспотическою властью. Лучше малая свобода, всѣми чтимая и блюдомая, чѣмъ большая свобода, никѣмъ не соблюдаемая и не уважаемая; ибо такая «большая» «свобода» есть величина мнимая, которая не заслуживаетъ ни названія «свободы», ни названія «права». Таковъ великій урокъ всѣхъ роволюцій: люди не хотятъ малыхъ, но огражденныхъ правъ, они хотятъ максимума (величайшихъ полномочій, и полнаго освобожденія отъ обязанностей и запретностей); революціонеры обѣщаютъ имъ этотъ желанный максимумъ, ниспровергаютъ старый правопорядокъ, и люди радуются, какъ потокъ исторіи уноситъ и поглощаетъ ихъ малыя, но огражденныя права; тогда революція развертываетъ свои разрушительныя силы и къ концу ея люди съ ужасомъ удостовѣряются въ томъ, что за ними остался минимумъ правъ, лишенныхъ всякой прочности и защиты...

Такъ обнаруживается великая тайна свободы. Человѣкъ призванъ не къ внѣшнему само-освобожденію отъ закона (таковъ путь революціи, анархіи, деспотизма); но къ внутреннему само-освобожденію въ предѣлахъ закона (таковъ путь лояльности, правопорядка и здороваго развитія). Внутреннее освобожденіе — совершается въ духѣ и выражается въ добровольномъ самообязываніи; оно освобождаетъ человѣка не отъ закона, а въ законѣ, ибо человѣкъ свободно блюдетъ законъ, который свободно признало его правосознаніе. Человѣкъ не призванъ ниспровергать правопорядокъ; онъ призванъ беречь его, ограждать и совершенствовать его содержаніе, вѣрно и терпѣливо реформируя его. Свобода отъ закона есть анархія, безправіе и гибель. Человѣкъ можетъ быть свободнымъ только подъ закономъ и черезъ законъ. А эта законная свобода будетъ тѣмъ прочнѣе и полнѣе, чѣмъ больше она опирается на внутреннюю свободу — на лояльное самообязываніе здороваго правосознанія.

Таково второе правило правосознанія: освободи себя внутренно посредствомъ добровольнаго самообязыванія и ищи свободы только черезъ законъ и подъ закономъ.

---

3. О творческомъ правосознанiи.

Здоровое правосознанiе есть не только свободное и лояльное состоянiе души, но и творческое состоянiе. Оно принимаетъ дѣйствующiе законы не для того, чтобы формально проводить ихъ въ жизнь, превращая правопорядокъ въ мертвую бюрократическую работу, въ сухое педантство, въ явную несправедливость; но для того, чтобы оживлять отвлеченныя формулы закона изъ той духовной глубины, гдѣ живетъ чувство права, человѣчность и любовь. Здоровое правосознанiе творитъ право не только тогда, когда изобрѣтаетъ новые, лучшiе законы, но и тогда, когда примѣняетъ дѣйствующiе законы къ живымъ отношенiямъ людей.

Каждый законъ имѣетъ обычно строго опредѣленный, записанный и напечатанный словесный составъ. За его словами скрывается логически помысленное и формулированное сужденiе, въ которомъ обозначено, какимъ людямъ, въ какихъ случаяхъ жизни принадлежатъ строго опредѣленныя полномочiя, обязанности и запретности. Каждый человѣкъ имѣетъ, конечно, эгоистическiй интересъ истолковать это сужденiе и эти опредѣленiя такъ, чтобы на его личную долю выпало какъ можно меньше обязанностей и запретностей и какъ можно больше правъ или полномочiй. Въ большинствѣ случаевъ люди стараются перетолковать законъ въ свою пользу, а иногда и прямо извратить его смыслъ. Въ противоположность этому здоровое правосознанiе движется по совершенно иному пути.

Человѣкъ со здоровымъ правосознанiемъ старается прежде всего отодвинуть въ сторону свой личный интересъ и понять смыслъ закона такъ, какъ онъ предносился мысли и волѣ самого законодателя. Онъ стремится уловить и усвоить ту цѣль закона, которую законодатель имѣлъ въ виду: для чего этотъ законъ былъ придуманъ и установленъ? Какъ и чѣмъ должна была быть достигнута эта творческая цѣль? и т. д.

Когда эта первая задача разрѣшена, тогда встаетъ вторая: надо постигнуть не ту цѣль, которую когда-то имѣлъ въ виду законодатель, и не тотъ смыслъ, который тогда, исторически ему предносился, но другую цѣль — высшую и подлинную цѣль соцiальной справедливости,

которая должа была бы предноситься законодателю, если бы онъ исходилъ изъ здороваго, «нормальнаго» христіанскаго правосознанія. Эта задача несравненно труднѣе и отвѣтственнѣе. Чтобы разрѣшить ее, человѣкъ долженъ ввести установленный имъ смыслъ закона и фактическую цѣль законодателя въ глубину своего здороваго христіанскаго правосознанія, какъ бы окунуть ихъ въ эти очистительныя и цѣлительныя воды; или, выражая это въ иномъ образѣ, — онъ долженъ поставить найденный имъ смыслъ и уловленную имъ цѣль закона въ лучъ такъ называемаго «первоначальнаго» или «естественнаго» правосознанія, которое соотвѣтствуетъ въ области права тому, что мы называемъ въ области нравственности — совѣстью. Человѣкъ долженъ сдѣлать это не для того, чтобы осудить или даже отвергнуть положительный законъ, но для того, чтобы, примѣняя его къ жизни, выдѣлить въ немъ и выдвинуть на первый планъ, сдѣлать рѣшающими — найденные въ немъ, справедливые и вѣрные, христіански-соціальные элементы. Надо научиться извлекать изъ каждаго закона то, что въ немъ вѣрно и справедливо. Надо сдѣлать такъ, чтобы духъ владѣлъ буквою, и чтобы буква не заѣдала духъ. Надо отыскивать въ каждомъ законѣ скрытую въ немъ правду и ей отдавать первенство надъ остальнымъ. Въ каждомъ законѣ надо какъ бы разбудить заснувшую въ немъ справедливость. Въ каждомъ законѣ надо умѣть найти то, что можетъ одобрить правовая совѣсть человѣка; и это найденное надо дѣлать руководящимъ началомъ. Это можно было бы выризить еще въ такихъ образахъ. Въ каждомъ законѣ есть нѣкое доброкачественное звенящее серебро правоты и добра; надо отчистить монету закона такъ, чтобы это серебро проявилось и засіяло. Или иначе: составляя и издавая законъ, законодатель какъ бы смотрѣлъ въ очки своего правосознанія — на реальную жизнь и на требованія естественнаго права и справедливости; эти очки его надо добыть и въ нихъ поглядѣть, но не для того, чтобы увидѣть только то, что онъ видѣлъ (это было бы дѣломъ «исторической догматики»), а для того, чтобы увидѣть больше и лучше и чтобы влить это большее и лучшее въ толкованіе и примѣненіе закона (и это будетъ дѣломъ творческаго правосознанія). Или еще иначе: не стоитъ читать старый манускриптъ, не стряхнувъ съ него пыли; кто оставитъ потемнѣвшую отъ грязи и пыли картину въ неочищенномъ видѣ и не попытается бережно счистить съ нея постороннія слои, чтобы увидѣть ее въ ея подлинномъ видѣ и чтобы разглядѣть скрытую въ ней художественную глубину? . . .

Этотъ актъ творческаго правосознанія слѣдуетъ представлять себѣ такъ.

Въ глубинѣ человѣческой воли живетъ нѣкое вѣрное, справедливое воленаправленіе, которое какъ бы «видитъ» или «чувствуетъ» права людей и добивается ихъ осуществленія въ жизни. Эту способность души можно обозначить, какъ первоначальное или естественное правосознаніе; иные называютъ его «чувствомъ права», другіе «правовой интуиціей», третьи «правовою совѣстью». Дѣло, конечно, не въ наименованіи, а въ томъ, чтобы чтить въ самомъ себѣ это проявленіе духа, беречь его, пробивать себѣ дорогу къ нему и совѣщаться съ нимъ во всѣхъ правовыхъ дѣлахъ. Ибо только на этомъ пути можно развить и укрѣпить въ себѣ «естественное правосознаніе» и придать ему въ жизни настоящую творческую силу.

Естественное правосознаніе, подобно совѣсти, присуще въ большей или меньшей степени каждому человѣку — «отъ природы». То, что оно даетъ и открываетъ человѣку, есть — иногда смутное, иногда очень отчетливое — представленіе о лучшемъ правѣ; о духовно-вѣрномъ и справедливомъ распредѣленіи правъ среди людей; и, главное, о той объективной цѣли, которой служатъ право, государство и судъ*). Въ частности, при примѣненіи и толкованіи закона, естественное правосознаніе указываетъ людямъ на то, какое содержаніе должно было бы заключаться въ данномъ законѣ, если бы законодатель исходилъ изъ естественнаго правосознанія, и какъ нужно наилучшимъ образомъ примѣнить къ жизни данный законъ для того, чтобы онъ служилъ единой и объективной цѣли всякаго права.

Само собой разумѣется, что показаніе естественнаго правосознанія не даетъ сразу ни готоваго закона, ни готоваго судейскаго приговора. Однако оно указываетъ человѣку неколеблющееся и несомнительное направленіе, въ которомъ должны двигаться умъ и воля людей для творческаго правообразованія. Для изданія закона и для вынесенія приговора нужны особыя полномочія. Но культивировать въ себѣ естественное правосознаніе можетъ и долженъ каждый изъ насъ, особенно же тѣ люди, которые заняты вопросами права по самому призванію своему. Ибо, поистинѣ, право не есть только условная формула, выдуманная и установленная людьми, и значеніе права не опредѣляется однимъ человѣческимъ предписаніемъ (по Аристотелю: «θήσει» — «уложеніемъ»); право есть, по самому существу своему, нѣкая духовная, священная цѣнность и значеніе его опредѣляется тѣмъ способомъ духовнаго бытія, который присущъ земному человѣку отъ природы (по Аристотелю: «φύσει».

---

*) Раскрытіе идеи «естественнаго правосознанія» требуетъ особаго изслѣдованія.

Чтобы удостовѣриться и убѣдиться въ этомъ разъ навсегда, надо только представить себѣ однажды со всею силою и наглядностью, что, вотъ, *я* (именно я, а не кто-нибудь другой) лишенъ всѣхъ правъ и отданъ въ жертву полному безправію: отнынѣ у меня нѣтъ никакихъ огражденныхъ полномочій; я нигдѣ не могу найти никакой правовой защиты; другіе люди не имѣютъ никакихъ обязанностей по отношенію ко мнѣ, мало того они могутъ дѣлать со мною все, что угодно; имъ все позволено, а я — внѣ права и закона; я подобенъ какъ бы безпризорному ребенку, отданному въ жертву чужой жадности, злобѣ и властолюбію . . .

Кто однажды вообразитъ себя въ такомъ состояніи, и вчувствуется въ него и увидитъ себя погибающимъ отъ него, — тотъ мгновенно «услышитъ» въ глубинѣ своего существа громкій и властный голосъ, требующій своихъ священныхъ, неприкосновенныхъ, неотчуждаемыхъ правъ и взывающій къ ихъ признанію, уваженію и защитѣ. Этотъ голосъ будетъ требовать не только права на жизнь, но и права жить свободно и свободно творить; онъ будетъ настаивать не только на священныхъ правахъ личности, и не только на ихъ принципіальной неприкосновенности, но онъ будетъ требовать еще, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были ограждены и не попирались другими.

Вотъ это и есть первое проявленіе первоначальнаго или естественнаго правосознанія, которое скорѣе всего пробуждается въ людяхъ тогда, когда дѣло идетъ о попраніи ихъ личныхъ правъ: тогда инстинктъ самосохраненія внезапно переходитъ на сторону правовой совѣсти и человѣку вдругъ становится до очевидности яснымъ то, въ чемъ онъ былъ склоненъ сомнѣваться всю жизнь. Однако это пробудившееся естественное правосознаніе имѣетъ сообщить человѣку нѣчто существенное не только о немъ самомъ и его личныхъ правахъ, но и о другихъ людяхъ, о всѣхъ людяхъ и объ ихъ священныхъ и неприкосновенныхъ правахъ. И, внявъ этому, человѣкъ долженъ признать, что естественное правосознаніе отнюдь не есть кабинетное измышленіе, но реальный и живой духовный о̀рганъ, присущій человѣку и необходимый ему на всѣхъ путяхъ жизни; и онъ признаетъ еще, что естественное правосознаніе необходимо не только другимъ людямъ, чтобы они уважали его права, но и ему самому, чтобы онъ уважалъ права другихъ людей.

Тотъ, кто сомнѣвается въ естественномъ правосознаніи и въ его значеніи, тотъ долженъ продѣлать описанный мною внутренній опытъ, но не въ видѣ забавы, а со всею серьезностью и отвѣтственностью; и тогда онъ увидитъ, что обогатился цѣлымъ духовнымъ открытіемъ или постиже-

ніемъ, которое останется для него незабвеннымъ. Ему останется только додумать и дочувствовать до конца, что люди связаны другъ съ другомъ правовою взаимностью, въ силу которой — мои права питаются въ жизни чужими обязанностями и запретностями, а я самъ долженъ исполнять свои обязанности для того, чтобы не нарушались права другихъ людей.

Такъ гласитъ третье правило здороваго, творческаго правосознанія: пусть всякое дѣйствующее, положительное право — будь то законъ или полномочіе, приговоръ или запретъ, юридическій обычай или повинность — будетъ освѣщено и облагорожено лучами, исходящими изъ глубины естественнаго, христіански-воспитаннаго правосознанія. Тогда только отношеніе человѣка къ праву станетъ творческимъ въ истинномъ и глубокомъ смыслѣ слова.

Если бы современный человѣкъ захотѣлъ и сумѣлъ серьезно признать и осуществить въ дѣйствительности хотя бы эти три основныхъ правила здороваго творческаго правосознанія, то началось бы обновленіе всего соціальнаго и политическаго строя современнаго государства. Преодолѣніе того духовнаго кризиса, который нынѣ переживаетъ человѣчество, не можетъ быть достигнуто и не будетъ осуществлено однѣми «внѣшними» и «формальными» реформами. Дѣло не только въ новыхъ учрежденіяхъ и законахъ; дѣло въ обновленіи правосознанія. Первое и послѣднее, рѣшающее слово остается за самимъ духомъ, т. е. въ данномъ случаѣ за правосознаніемъ.

И только на этомъ пути можно вѣрно и творчески обновить политическую и государственную жизнь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О ГОСУДАРСТВѢ.

1. Его живая основа.

Государство, въ его духовной сущности, есть не что иное, какъ родина, оформленная и объединенная публичнымъ правомъ; или иначе: множество людей, связанныхъ общностью духовной судьбы, и сжившихся въ единство на почвѣ духовной культуры и правосознанія. Строго говоря, — этимъ все уже сказано.

Съ незапамятныхъ временъ люди и народы объединяются въ государства и участвуютъ въ политическомъ общеніи; и размѣры исторически накопленнаго ими политическаго опыта поистинѣ огромны. И тѣмъ не менѣе мы должны признать, что первая и основная аксіома политики не постигнута большинствомъ людей. Эта аксіома утверждаетъ, что право и государство возникаютъ изъ внутренняго, духовнаго міра человѣка, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются черезъ посредство правосознанія. Государство совсѣмъ не есть «система внѣшняго порядка», осуществляющаяся черезъ внѣшніе поступки людей. Оно совсѣмъ не сводится къ тому, что—«кто-то написалъ», «подписалъ», «приказалъ»; что «какіе-то люди куда-то пошли», «собрались», «говорили», «кричали», «не давали другъ другу говорить», «рѣшили»; что «массы народа скопились на улицѣ», что «собраніе было распущено полиціей», что «начали стрѣлять», «убили столькихъ-то», «посадили въ тюрьму столькихъ-то» и т. д. и т. д. Словомъ: внѣшнія проявленія политической жизни совсѣмъ не составляютъ самую политическую жизнь; внѣшнее принужденіе, мѣры подавленія и расправы, къ которымъ государственная власть бываетъ вынуждена прибѣгать — совсѣмъ не опредѣляютъ сущность государства. Это есть дурной предразсудокъ, вредное недоразумѣніе, распространенное близорукими и поверхностными людьми.

На самомъ дѣлѣ государство творится внутренно, душевно и духовно; и государственная жизнь только отражается во внѣшнихъ поступкахъ людей, а совершается и протекаетъ въ ихъ душѣ; ея орудіемъ или органомъ является человѣческое правосознаніе. Разложеніе государства или какого-нибудь политическаго строя состоитъ не просто

во внѣшнемъ безпорядкѣ, въ анархіи, въ уличныхъ погромахъ, въ убійствахъ и сраженіяхъ гражданской войны. Все это — лишь зрѣлые плоды или проявленія уже состоявшагося внутренняго разложенія. Люди «не видятъ» этого внутренняго разложенія; тѣмъ хуже для нихъ; тѣмъ опаснѣе для государства. Люди не умѣютъ ни понять, ни объяснить, ни побороть эту душевную смуту, этотъ духовный распадъ; тѣмъ фатальнѣе будутъ послѣдствія. Можно было бы сказать: настоящая политическая жизнь не кричитъ въ собраніяхъ и парламентахъ, и не буйствуетъ на улицахъ; — она молчитъ въ глубинѣ національнаго правосознанія; а крики, буйство и стрѣльба — это только страстные и чаще всего нездоровые взрывы внутренней политической жизни. Политическій геній, великій государственный человѣкъ умѣетъ прислушиваться къ этому молчащему правосознанію своего народа — и считаться съ нимъ; мало того, онъ отождествляется съ нимъ; онъ говоритъ и дѣйствуетъ изъ него; и если онъ обращается къ нему, то и народъ, узнавъ его чутьемъ, прислушивается къ нему и слѣдуетъ за нимъ. Такимъ образомъ народъ и его вождь встрѣчаются и объединяются другъ съ другомъ въ той таинственной глубинѣ, гдѣ живетъ любовь къ родинѣ и ирраціональное государственно-политическое настроеніе.

Что же дѣлается съ государствомъ, во что оно превращается, если въ народѣ и у его вождей исчезаетъ истинное государственно-политическое настроеніе?

Тогда государство превращается въ систему судорожнаго насилія, въ принудительный аппаратъ, въ неустойчивый компромиссъ между людьми, исполненными взаимной ненависти, и между классами, ожесточенно борющимися другъ съ другомъ, — словомъ, въ прикровенную гражданскую войну. Тогда вся такъ называемая «политика» превращается въ духовно уродливую, всеунижающую и продажную суетню. Тогда государство оказывается наканунѣ крушенія. Потому что безъ настоящаго государственно-политическаго настроенія чувствъ и воли — государство не можетъ существовать.

Истинное государственное настроеніе души возникаетъ изъ искренняго патріотизма и націонализма, *) есть не что иное, какъ видоизмѣненіе этой любви. Здоровая, государственно настроенная душа воспринимаетъ свою родину, какъ живое правовое единство и участвуетъ въ этомъ единеніи своимъ правосознаніемъ; это значитъ, что гражданинъ признаетъ государство въ порядкѣ добровольнаго самообязыванія и называетъ его «мое государство» или «наше государство» **).

Если мы начнемъ изучать государство формально и поверхностно, то мы замѣтимъ, что принадлежность человѣка къ его

*) См. главу восьмую.
**) См. главы шестую и седьмую.

государству («гражданство» или «подданство») очень рѣдко зависитъ отъ его свободнаго выбора; обыкновенно она опредѣляется обязательными для него законами государства и не зависитъ отъ его доброй воли или согласія. Еще до его рожденія было установленно закономъ, что имѣющій родиться младенецъ будетъ принадлежать къ такому-то государству; и въ дальнѣйшемъ никакія ссылки его на то, что «онъ этого не зналъ», или «не выражалъ тогда своего согласія», или «теперь больше не согласенъ», не могутъ погасить односторонне его гражданство или подданство. По общему правилу проблема гражданства или подданства разрѣшается самимъ государствомъ, его законами и учрежденіями — односторонне, формально и связующе.

Понятно, что въ такомъ пониманіи и трактованіи этого вопроса лежитъ извѣстная опасность. Дѣло въ томъ, что духовный смыслъ гражданства и жизненная сила его нуждаются въ свободной любви гражданина и въ его добровольномъ самообязываніи; необходимо, чтобы формальная причисленность къ государству не оставалась пустой и мертвой видимостью, но была исполнена въ душѣ гражданина живымъ чувствомъ, лояльною волею, духовной убѣжденностью; необходимо, чтобы государство жило въ душѣ гражданина, и чтобы гражданинъ жилъ интересами и цѣлями своего государства. А между тѣмъ формальная регистрація гражданъ, ихъ властное и одностороннее причисленіе къ государству – съ этимъ не считается и отъ этого не зависитъ. И вотъ, государственная принадлежность, не наполненная живой любовью гражданина къ его родинѣ и къ его народу, и не закрѣпленная его добровольнымъ самообязываніемъ, можетъ очень легко создать политическую иллюзію: появляются цѣлые слои мнимыхъ гражданъ, которые не принимаютъ къ сердцу ни жнзни, ни интереса «своего» государства, — одни по національнымъ побужденіямъ (они въ душѣ причисляютъ себя къ другому народу), другіе по хозяйственнымъ соображеніямъ (они заинтересованы въ смыслѣ промышленности и торговли въ процвѣтаніи другого государства), третьи по соціально-революціоннымъ мотивамъ (они желаютъ «своему» государству всяческаго неуспѣха и военныхъ неудачъ) . . . Всѣ эти «граждане» — принадлежатъ къ государству только формально—юридически; а душевно и духовно они остаются ему чуждыми, можетъ быть прямо враждебными, не то вредителями, не то предателями. Гражданинъ, который несетъ свою государственную принадлежность противъ своей воли или безъ своего внутренняго согласія, есть явленіе — духовно нездоровое, а политически опасное: государство и правительство должны сдѣлать все возможное, чтобы пріобрѣсти его уваженіе, его сочувствіе, его лояльность, чтобы завоевать его сердце, его волю, его правосознаніе. Но если въ государствѣ имѣются цѣлыя народности, или цѣлые соціально-хозяйственные классы, или цѣлыя политическія партіи, которые упорствуютъ въ своемъ нелояльномъ обособленіи, а можетъ быть и вступаютъ въ заговоры,

то политическая опасность превращается въ настоящую угрозу . . .

Итакъ, можно было бы сказать, что государственное настроеніе души, объемлющее и чувство, и волю, и воображеніе, и мысль (а слѣдовательно ведущее къ рѣшеніямъ и поступкамъ) — составляетъ подлинную ткань государственной жизни; или какъ бы тотъ воздухъ, которымъ государство дышитъ и безъ котораго оно задыхается и гибнетъ. Безъ этого государсвеннаго правосознанія, государство становится простой видимостью, которая, можетъ быть, имѣетъ правовую силу и «давленіе», но духовно виситъ надъ пустотою. Иными словами: государство соотвѣтствуетъ своему достоинству и своему призванію только тогда, когда оно создается и поддерживается вѣрнымъ духовнымъ органомъ, т. е. такимъ духовнымъ органомъ, который въ свою очередь соотвѣтствуетъ своему призванію и своему достоинству,—здоровымъ, госудаственно настроеннымъ правосознаніемъ. Своекорыстные, безнравственные, продажные люди; беззастѣнчивые и безпринципные карьеристы; циничные демагоги; честолюбивые и властолюбивые авантюристы, — не говоря уже о простыхъ преступникахъ, — не могутъ ни создать, ни поддерживать здоровый государственный организмъ. Ибо государство есть организованное общеніе людей, связанныхъ между собою духовной солидарностью, и признающихъ эту солидарность не только умомъ, но поддерживающихъ ее силою патріотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками... Это значитъ, что настоящее, здоровое государство покоится именно на тѣхъ духовныхъ основахъ человѣческой души, которыя мы вскрыли въ нашемъ изслѣдованіи *).

Согласно этому въ жизни народовъ есть извѣстная мѣра отсутствія правосознанія, безнравственности, безразличія къ родинѣ, продажности и трусости, при наличности которой никакое государство не можетъ болѣе существовать, при которой оно оказывается не въ состояніи поддерживать и ограждать культуру въ мирное время, ни оборонять родину во время войны. Безспорно, государство не призвано проповѣдывать людямъ нравственность и добродѣтель, или принуждать людей къ любви, совѣстливости и духовности; объ этомъ достаточно уже сказано выше **). Напротивъ, государство скорѣе предполагаетъ эти достоинства въ человѣческихъ душахъ, какъ бы подразумѣваетъ ихъ и опирается на нихъ. Но горе ему, если оно довольствуется тѣмъ, что «подразумѣваетъ» эти достоинства въ своихъ гражданахъ и если въ его предѣлахъ нѣтъ свободныхъ организацій и частныхъ силъ, ко-

---

*) См. главы 1—8: О вѣрѣ, О любви, О свободѣ, О совѣсти, О семьѣ, О родинѣ, О націонализмѣ.

**) См. особено главу вторую, третью и четвертую.

торыя идутъ ему навстрѣчу въ дѣлѣ насажденія въ душахъ добра, духовности и патріотизма! Принудить человѣка къ любви и духовности нельзя; но его можно и должно воспитывать къ духу и любви, и государственная школа несомнѣнно должна быть проникнута этимъ стремленіемъ. Высшая цѣль государства отнюдь не въ томъ, чтобы держать своихъ гражданъ въ трепетной покорности, подавлять частную инициативу и завоевывать земли другихъ народовъ; но въ томъ, чтобы организовывать и защищать родину на основѣ права и справедливости, исходя изъ благородной глубины здорового правосознанія. Для этого государству дается власть и авторитетъ; для этого ему предоставляется возможность воспитанія и отбора лучшихъ людей; для этого оно создаетъ армію и флотъ. Этой цѣли государство и призвано служить; а служить ей оно можетъ только черезъ преданное и вѣрное правосознаніе своихъ гражданъ.

---

2. Его идея.

Итакъ, государство имѣетъ нѣкоторую единую и высшую цѣль. Оно призвано служить этой цѣли и находится на дѣйствительной высотѣ лишь постольку, поскольку оно дѣйствительно ей служитъ. Аристотель опредѣлялъ эту цѣль словами «прекрасная жизнь»: государство создается, говорилъ онъ, «ради прекрасной жизни». А мы, христіане, сказали бы теперь: государство призвано служить дѣлу Божію на землѣ. Это совсѣмъ не есть призывъ къ «теократіи»: ни церковь не призвана господствовать надъ государствомъ, ни государство не призвано стать церковью или растворить ее въ себѣ; напротивъ, церковь нуждается въ независимости отъ государства, а государство должно служить дѣлу Божію на землѣ совсѣмъ не въ церковныхъ формахъ *). И тѣмъ не менѣе смыслъ государства состоитъ именно въ этомъ служеніи. Какъ же это понимать?

Неопытному и поверхностному наблюдателю всегда будетъ казаться, что люди, занимающіеся политикой, преслѣдуютъ множество различныхъ политическихъ цѣлей: съ одной стороны, у каждаго политика имѣется своя особая «политическая» цѣль; съ другой стороны онъ имѣетъ возможность и право мѣнять свою политическую цѣль по собственному усмотрѣнію, политически «передумывать» и ставить себѣ новую, можетъ быть даже прямо противоположную политическую цѣль. Каждая изъ этихъ субъективныхъ и относительныхъ цѣлей является «политической», совершенно независимо отъ ея содержанія и ея достоинства, — въ силу одного того, что этотъ человѣкъ хочетъ достигнуть ея посредствомъ завоеванія государственной власти. При такой точкѣ зрѣнія понятіе «политики» и «политическаго» опредѣляется не тѣмъ, чего именно человѣкъ хочетъ, не содержаніемъ его цѣли, не ея патріотической вѣрностью, не ея государственнымъ достоинствомъ или національной цѣнностью, — а той доро́гой, которую избралъ себѣ человѣкъ (онъ стремится къ государственной власти) или тѣмъ орудіемъ, которымъ онъ хочетъ воспользоваться

*) О правильномъ соотношеніи церкви и государства я высказался въ главѣ 22 моей книги «О сопротивленіи злу силой».

(онъ желаетъ дѣйствовать при посредствѣ государственной власти). Согласно этому, каждая цѣль, сколь бы своекорыстна, или противогосударственна, или преступна она ни была, окажется все-таки «политической» только въ силу того, что нашелся политическій авантюристъ, который стремится захватить государственную власть ради этой цѣли . . . Съ формально-юридической точки зрѣнія на государство и на политику — такое толкованіе будетъ, можетъ быть, вполнѣ послѣдовательнымъ; но въ дѣйствительности она открываетъ настежь двери политическому пороку со всѣми его послѣдствіями . . . Политическій релятивизмъ, для котораго «все условно» и «все относительно», вводитъ въ человѣческія души одинъ изъ своихъ самыхъ опасныхъ парадоксовъ.

Въ противоположность этому здоровое правосознаніе утверждало съ древнѣйшихъ временъ, еще устами Конфуція и Лаотзе, а потомъ устами Гераклита, Платона и Аристотеля, — единство, объективность и безусловность государственной цѣли и политическаго заданія. При такомъ пониманіи дѣла терминъ «политика», «политическій» указываетъ не просто на государственную власть, какъ на путь, или орудіе, или средство, при помощи котораго будетъ осуществляться извѣстная цѣль, а на единое, высшее заданіе государства, на ту цѣль, которой должна служить государственная власть, на ту цѣнность, которую призвана осуществлять политическая дѣятельность. Конечно, люди, занимающіеся политикой, могутъ преслѣдовать самыя различныя цѣли, — и своекорыстныя, и нелѣпыя, и разрушительныя, и предательскія, и чудовищныя; но всѣ такія цѣли останутся въ дѣйствительности совершенно противо-политическими. И мы должны именно такъ оцѣнивать и характеризовать ихъ; иначе политика превратится постепенно въ суетню сумасшедшихъ и преступныхъ людей. Идея и слово «политика» указываетъ совсѣмъ не на пустую форму властвованія и принужденія; напротивъ они указуютъ на нѣкоторое опредѣленное содержаніе. Здоровое правосознаніе, настоящая государственно-политическая настроенность — будутъ всегда вѣрны этому содержанію и этой цѣли. Если же душа гражданина измѣняетъ этому содержанію и этой цѣли, то дѣятельность его вступаетъ на вредные пути; а если оказывается, что гражданинъ ни къ чему иному неспособенъ, какъ искажать и попирать политическую идею, то его приходится признать политически-неспособнымъ и къ политикѣ непризваннымъ. Чѣмъ больше людей, лишенныхъ политическаго правосознанія, активно участвуетъ въ государственной дѣятельности (хотя бы въ формѣ простого голосованія), тѣмъ большая опасность возникаетъ для государства. Чѣмъ большее число гражданъ теряетъ изъ вида единое и объективное заданіе государства и начинаетъ преслѣдовать не общую цѣль, а множсство частныхъ цѣлей, — все равно личныхъ или классовыхъ, — тѣмъ сильнѣе политика начинаетъ вырождаться и разлагаться, тѣмъ слабѣе становится государство, тѣмъ легче оно рухнетъ и распа-

дется въ одинъ непрекрасный день. Здѣсь обнаруживается нѣкій рокъ, заложенный въ самой сущности государства; и этотъ рокъ сулитъ бѣду и кару всякому политически-неразумному вождю и всякому политически-ослѣпленному народу.

Въ чемъ же состоитъ сущность государства? Въ чемъ его единая и объективная цѣль?

Сущность государства состоитъ въ томъ, что всѣ его граждане имѣютъ и признаютъ, — помимо своихъ различныхъ и частныхъ интересовъ и цѣлей, — еще единый интересъ и единую цѣль, а именно общій интересъ и общую цѣль: ибо государство есть нѣкая духовная община.

Многіе, личные или частные интересы не исчезаютъ; они остаются и граждане продолжаютъ ихъ преслѣдовать. У каждаго изъ нихъ свой интересъ; каждый хлопочетъ о себѣ и для себя. При опредѣленіи этихъ частныхъ, эгоистическихъ интересовъ многіе люди могутъ «понять» другъ друга: ихъ интересы будутъ похожи одинъ на другой, но каждый изъ нихъ будетъ дѣйствовать эгоистически и своекорыстно. Эти личные интересы не будутъ сливаться въ единый, великій и общій интересъ, передъ лицомъ котораго всѣ были бы солидарны. Люди остаются конкурентами, но не становятсл сотрудниками; они выступаютъ какъ частныя лица, но не какъ граждане. Жизнь ихъ остается частной жизнью. Они будутъ склонны бороться другъ съ другомъ. И внутренняя установка ихъ душъ не сдѣлается ни политической, ни государственой. Ибо политика есть солидарная дѣятельность ради единой и общей цѣли. Если эта цѣль еще не сложилась, если она еще не сознана, или если исчезаетъ — то государство уподобляется песчаному морю, которымъ вѣтеръ играетъ, вздымая и разбрасывая песчинки врозь. Тогда государство разлагается и погибаетъ въ распыленіи, отъ параллелизма и конкуренціи, во взаимномъ ожесточеніи и въ гражданской войнѣ.

Безъ общаго интереса, безъ всеобщей (т. е. всѣмъ общей) цѣли, безъ солидарности — государство не можетъ существовать. Политическая цѣль это та цѣль, про которую каждый гражданинъ можетъ сказать: «это моя цѣль»; и будетъ при этомъ правъ; и про которую онъ долженъ добавить: «это не только моя цѣль»; и про которую всѣ граждане вмѣстѣ и сообща могутъ добавить: «это наша общая цѣль»; и будутъ при этомъ правы.

Сфера политическаго начинается тамъ, гдѣ всѣ хотятъ одного и того же, и притомъ такого, что или у всѣхъ сразу будетъ или чего у всѣхъ сразу не будетъ. Каждый желаетъ этого у себя въ душѣ и по-своему, ибо психологически всѣ люди различны: «интересъ», какъ личное переживаніе, остается множественнымъ и разлнчнымъ; но интересъ, какъ желаемый предметъ — единъ

у всѣхъ и для всѣхъ; и удовлетворить его можно только посредствомъ совмѣстной организованной дѣятельности. Общность цѣли ведетъ къ общности средствъ и путей: и вотъ основа политической дѣятельности и политики создана.

Духъ народа, національная культура, родина, государственное устройство, государственная власть, законодательство, судъ, правопорядокъ, гражданскій миръ и т. д. — суть такіе предметы (или можно сказать, — интересы, цѣли, блага), которые принадлежатъ всѣмъ сынамъ родины, всѣмъ гражданамъ совмѣстно и сообща. Никто не можетъ претендовать на нихъ для одного себя; никто не можетъ создать ихъ или распоряжаться ими въ одиночку. Каждый пользуется этимъ общимъ достояніемъ; каждый живетъ излученіями этого общаго духовнаго сокровища; каждый призванъ къ участію въ созданіи и охраненіи этихъ благъ. Мало того: каждый изъ насъ вообще является сыномъ своей родины, субъектомъ права и гражданиномъ лишь до тѣхъ поръ, пока это общее достояніе существуетъ. Въ этомъ смыслѣ Аристотель и Гегель были правы, когда они утверждали, что государство «предшествуетъ» гражданину: это означало, что нѣтъ гражданина безъ государства; что государство есть условіе бытія для гражданина; что «сначала» должно быть на лицо государство, «тогда» могутъ быть и граждане; а послѣ распаденія государства останутся не граждане, а море человѣческаго песку . . .

Итакъ, общее достояніе связываетъ всѣхъ между собою: каждый нуждается во всѣхъ остальныхъ, и всѣ нуждаются въ каждомъ. Здѣсь возникаетъ нѣкая великая совмѣстность, которую можно описать такъ.

Мы всѣ хотимъ одного и того же, что является для насъ общимъ; и мы всѣ знаемъ это другъ про друга; и довѣряемъ въ этомъ другъ другу: — мы связаны солидарностью.

Мы всѣ нуждаемся другъ въ другѣ; мы связаны этой нуждой другъ съ другомъ; отъ каждаго идетъ нить отношенія къ каждому другому и кромѣ того — нить отношенія къ нашему общему достоянію. Мы, что называется, со-отнесены другъ съ другомъ: — мы связаны коррелятивностью.

Мы всѣ обязываемся другъ передъ другомъ беречь другъ друга и наше общее достояніе: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного; каждый за общее и общее для всѣхъ; и эта связь взаимна (мутуальна): — мы связаны мутуальностью.

На этихъ основахъ — мы есьмы одно. Мы — единая духовная и правовая община, управляющаяся единой верховной властью и связанная единствомъ жизни, творчества и исторической судьбы. Мы — государство.

Вѣрно понять идею государства можно только тогда, если продумать до конца и до полной ясности эти, вскрытыя нами, основы (духовной солидарности, коррелятивной связи и мутуальныхъ обязательствъ). Эти основы можно объединить и изобразить въ видѣ ученія объ «общественномъ договорѣ», который якобы заключается гражданами между собою. Однако дѣло не въ томъ, заключался ли такой договоръ въ исторически извѣстныхъ государствахъ (навѣрно — *не* заключался!); и не въ томъ, чтобы люди, основывая государство, дѣйствительно заключали его . . . Дѣло въ томъ, чтобы каждый человѣкъ, достигающій гражданской зрѣлости, продумалъ и прочувствовалъ въ своемъ правосознаніи эти основы. Важно то, чтобы у каждаго изъ насъ въ правосознаніи была какъ бы проведена черта, отдѣляющая сферу нашего *Общаго*, *Солидарнаго*, *Совмѣстнаго* и *Взаимнаго*, какъ *политическую* и *государственную* сферу, — отъ нашего личнаго, частнаго и эгоистическаго. Необходимо, чтобы каждый изъ насъ принесъ въ глубинѣ души нѣкую присягу — *беречь эту сферу*, *служить ей* и дѣйствовать въ ея предѣлахъ *государственно* и *политически*. А это значитъ утвердить въ своемъ правосознаніи не только *идею государства* вообще, но и идею *своего родного государства*, *своей*, *государственно оформленной родины*. Мало того: это значитъ жизненно приступить къ обновленію и возрожденію современнаго государства на основахъ *творческаго* и притомъ *христіанскаго* правосознанія

---

3. О государственномъ правосознаніи.

Для того, чтобы вѣрно понять и обосновать идею государства, необходимо прежде всего усмотрѣть душевный укладъ здороваго государственнаго правосознанія: это есть укладъ творческій и притомъ христіанскій.

Начнемъ съ необходимыхъ предварительныхъ разъясненій.

Обосновать идею государства совсѣмъ не значитъ провозгласить, что всѣ государства, извѣстныя намъ изъ исторіи человѣчества, были «хороши», находились на высотѣ идеи и творили одно благо. Этого нельзя сказать про человѣческія дѣла ни въ одной области жизни. Всюду — и въ религіи, и въ нравственной сферѣ, и въ литературѣ, и въ живописи, и въ наукѣ, и въ правѣ, и въ политикѣ — бывали лучшія и худшія, высшія и низшія созданія; а бывали и такія явленія, которыя слѣдовало бы отнести не къ «культурѣ», а къ «анти-культурѣ». Такія явленія не компрометировали однако всю свою сферу: пошлый, нехудожественный романъ не компрометировалъ всю литературу; религіозныя заблужденія скопцовъ или хлыстовъ не ставили подъ сомнѣніе всякую религіозность; дурные законы не свидѣтельствуютъ о невозможности справедливаго права и т. д. Согласно этому, отвергать идею государства на томъ основаніи, что въ государственности и политикѣ есть не мало безобразныхъ явленій, — было бы неосновательно и неумно.

Точно такъ же было бы неосновательно, отправляясь отъ этихъ искаженій государства и политики, настаивать на непріемлемости государства для христіанскаго сознанія. А между тѣмъ нынѣ стали появляться такіе софисты, которые рѣшаются утверждать, что государство есть изобрѣтеніе и орудіе «діавола». Понимать государство какъ формальную систему насилія, какъ организацію безнравственнаго притѣсненія слабыхъ сильными и т. под. — значитъ или обнаруживать полное отсутствіе здороваго правосознанія, или же сознательно вводить въ заблужденіе темныхъ людей. Не слѣдуетъ, конечно, по-дѣтски идеализировать историческія государства; но, съ другой стороны, недопустимо отвергать идею государства, не постигая ея здоровой и глубокой сущности.

Въ противоположность этимъ ошибочнымъ воззрѣніямъ, мы выдвигаемъ идею государства, вынашивавшуюся здоровымъ правосознаніемъ на протяженіи многихъ вѣковъ, и утверждаемъ,

что *вѣрно понятая государственная политика воспитываетъ людей по-своему въ духѣ христіанскаго ученія.* Согласно этому настоящее здоровое государство есть свѣтлое и благое начало въ исторіи человѣчества и насажденіе здороваго государственнаго правосознанія поможетъ вывести человѣчество на пути духовнаго обновленія . . .

Мы установили только что, что *духовная солидарность гражданъ между собою* составляетъ *реальную основу государства и политики.* А это означаетъ, что государство надо понимать, какъ *живую систему братства,* прямо соотвѣтствующую духу евангельскаго ученія.

Въ сердцѣ настоящаго гражданина, а особенно истиннаго политика, — *государственный интересъ и его личный интересъ пребываютъ въ состояніи живого неразложимаго тождества.* Это не значитъ, что у него «нѣтъ никакихъ» личныхъ интересовъ, что онъ отрекается всецѣло отъ себя и живетъ одними государственными дѣлами. Но это значитъ, что интересы своей родины и своего государства онъ принимаетъ такъ близко къ сердцу, какъ свои собственные; а въ случаѣ прямого столкновенія между ними — онъ приводитъ свой собственный интересъ къ молчанію. Такъ, онъ ни за какія богатства въ мірѣ не возьмется шпіонить въ пользу сосѣдняго государства; онъ ни при какихъ условіяхъ не будетъ кривить въ государственномъ дѣлѣ за взятку; онъ не станетъ подрывать валюту своей страны спекуляціями; онъ не захочетъ обогащаться вреднымъ для его государства импортомъ и т. д. До всего этого его не допуститъ то живое тождество интересовъ, изъ котораго онъ думаетъ и дѣйствуетъ въ теченіе всей своей жизни.

Но, принимая интересъ *своего государства* столь же близко къ сердцу, какъ свой собственный, онъ *тѣмъ самымъ испытываетъ каждый духовно-вѣрный и справедливый интересъ каждаго изъ своихъ согражданъ,* какъ *свой интересъ.* Ибо каждый такой интересъ *включенъ принципіально въ интересъ всего государства въ цѣломъ.* Въ этомъ аксіома здороваго государственнаго правосознанія.

Именно къ этому сводится содержаніе политической жизни; и можно было бы просто сказать, что только тѣ граждане имѣютъ основаніе активно участвовать въ политической жизни, которые доказали свою способность къ такому отождествленію интересовъ; ибо всѣ остальные будутъ вести кривую и невѣрную политику, они будутъ искажать сущность государственнаго правосознанія, подрывать довѣріе къ государству и насаждать духъ гражданской войны *).

Попытаемся теперь заполнить эту аксіому здоровой государственности живой силой воображенія.

---

*) Срв. главу третью, раздѣлъ третій «О политической свободѣ».

Можетъ ли быть названъ *гражданиномъ* тотъ, кто *не принимаетъ цѣль своего государства?* Такой человѣкъ можетъ жить въ странѣ, работать или торговать; но въ чемъ же будетъ выражаться его гражданство, если ему нѣтъ дѣла до интереса, до цѣли, до заданія, до судьбы даннаго народа и государства? Онъ явно будетъ пользоваться удобствами жизни и правами; но не будетъ нести ни обязанностей, ни бремени, ни отвѣтственности; онъ будетъ паразитомъ, или приживальщикомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, гостемъ, но не гражданиномъ. А чтобы стать гражданиномъ, онъ долженъ будетъ принять интересъ государства такъ, какъ онъ принимаетъ свой собственный.

Это возможно только двоякимъ образомъ: или государство опустится до уровня его частнаго, личнаго своекорыстія и начнетъ служить ему (напр. частнымъ выгодамъ одной партіи или одного класса), — тогда вся политическая система окажется извращенной и выродившейся, а государство рано или поздно разложится и рухнетъ; или же (вторая возможность) — *индивидуальная душа поднимется къ содержанію истинной государственной цѣли и настоящаго государственнаго интереса*, т. е. человѣкъ станетъ патріотомъ и гражданиномъ и начнетъ служить своей родинѣ. Но тогда окажется, что истинная и высшая цѣль его жизни не отличается по существу отъ цѣли его родного государства; напротивъ — между ними обнаружится истинное и живое тождество. «Мое дѣло — есть дѣло моей родины и моего государства; такъ, что, съ одной стороны, все вредное моей родинѣ и моему государству не можетъ стать моимъ дѣломъ; а, съ другой стороны, дѣло моего народа и моего государства мнѣ настолько близко и важно, какъ если бы оно касалось меня самого и моей судьбы», — вотъ формула истиннаго патріотическаго гражданства.

Не слѣдуетъ понимать это «тождество» только въ смыслѣ *самоотреченія и жертвенности*. Потому что въ дѣйствительности она выражаетъ и актъ *самоутвержденія*, осуществляемый гражданнномъ: вѣдь государство не только *ограждаетъ и раститъ всю національную культуру сообща, но обслуживаетъ еще и каждый духовно-вѣрный и справедливый интересъ каждаго* изъ своихъ гражданъ *). А это означаетъ, что гражданинъ, отождествляя себя со своимъ роднымъ государствомъ, — не только «жертвуетъ», но и «пріобрѣтаетъ», не только «отрекается», но и «выигрываетъ» . . . Это выражается во многихъ отношеніяхъ: и въ томъ, что каждый гражданинъ, въ качествѣ субъекта права, пользуется своими священными и неотчуждаемыми правами свободы и защитой своихъ ча-

---

*) Обслуживаетъ хотя бы общей безопасностью, правопорядкомъ и огражденіемъ личной свободы. Это «обслуживаніе» отнюдь не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ государственнаго всевмѣшательства.

стныхъ, имущественныхъ правъ; и въ томъ, что его жизнь и національная независимость ограждаются государственной арміей; и въ томъ, что государство дѣлаетъ для него въ порядкѣ соціальнаго строительства, начиная отъ школы и кончая желѣзными дорогами, начиная отъ государственнаго страхованія трудящихся и кончая призрѣніемъ нетрудоспособныхъ . . .

Призваніе государства состоитъ въ томъ, чтобы при всякихъ условіяхъ обращаться съ каждымъ гражданиномъ, какъ съ духовно свободнымъ и творческимъ центромъ силъ, ибо труды и созданія этихъ духовныхъ центровъ составляютъ живую ткань народной и государственной жизни. Никто не долженъ быть исключенъ изъ государственной системы защиты, заботы и содѣйствія; и въ то же время всѣ должны имѣть возможность работать и творить по своей свободной, творческой инициативѣ. Каждый гражданинъ долженъ быть увѣренъ, что и онъ защищенъ, принятъ во вниманіе и найдетъ себѣ справедливость и помощь со стороны государства; и въ то же время каждый долженъ быть самостоятеленъ и самодѣятеленъ. Государство можетъ требовать отъ гражданъ службы и жертвъ; но оно само должно служить и жертвовать. Иными словами, государство должно внушать гражданамъ живую увѣренность въ томъ, что въ его предѣлахъ господствуетъ живая христіанская солидарность.

Государство говоритъ каждому изъ своихъ гражданъ: «Не только ты служишь; и тебѣ тоже служатъ. Твое служеніе состоитъ въ отреченіи и жертвенности. Но если у тебя есть духовно-вѣрный и справедливый интересъ, то онъ долженъ быть принципіально признанъ, поддержанъ или по крайней мѣрѣ защищенъ государствомъ. Ибо интересъ государства состоитъ именно изъ всѣхъ духовно-вѣрныхъ и справедливыхъ интересовъ его гражданъ; часть этихъ интересовъ выдѣляется, какъ общій всѣмъ интересъ и обслуживается особо; другая часть остается частною и личною, но и она учитывается и поддерживается государствомъ въ мѣру ея духовной вѣрности и справедливости. Не только ты одинъ желаешь — быть здоровымъ, получать образованіе, имѣть работу, не подвергаться эксплуатаціи, имѣть пособіе по болѣзни, пользоваться скорымъ, правымъ и милостивымъ судомъ и т. д.; въ этомъ заинтересованъ весь твой народъ и твое государство въ цѣломъ. Но и въ частныхъ интересахъ твоихъ государство поддерживетъ тебя, если они обоснованы и справедливы: то дешевымъ кредитомъ, то установленіемъ необходимой опеки надъ малолѣтнимъ, то обезпеченіемъ земельнаго надѣла, то примирительнымъ разборомъ въ столкновеніи классовъ. Ты не только средство для государства; ты въ то же время — его живая цѣль.

И внушая эту увѣренность гражданину, государство предоставляетъ ему творить по собственной, свободной инициативѣ;

оно но связываетъ его и не стѣсняетъ его ненужной опекой; оно только заботится о немъ, помогаетъ ему. И если эта забота въ чемъ-нибудь не проявляется, то вопросъ сводится не къ тому, призвано ли государство къ этой заботѣ, а лишь къ тому, въ чемъ и какъ она должна проявиться . . .

Все это не означаетъ, что призваніе государства сводится къ справедливому и соціальному обращенію съ отдѣльными гражданами. Цѣль государства совсѣмъ не есть механическая сумма, слагающаяся изъ всѣхъ справедливыхъ интересовъ отдѣльныхъ гражданъ. Можно было бы, напротивъ, утверждать, что государство имѣетъ дѣло исключительно съ общимъ, всенароднымъ интересомъ; ибо частный и личный интересъ гражданъ можетъ лишь постольку приниматься въ разсчетъ, поскольку онъ, именно въ силу своей духовной вѣрности и справедливости, можетъ быть воспринятъ и истолкованъ, какъ интересъ общій и всенародный. Это допускаетъ и этого требуетъ всеобщая солидарность и взаимность гражданъ. А именно: въ удовлетвореніи каждаго духовно-вѣрнаго и справедливаго интереса каждаго гражданина — заинтересованъ не только онъ самъ, но и всѣ его сограждане; это интересъ общій, народный, государственный.

Каждый нищій въ странѣ есть не просто неудачливый бѣднякъ; но живая язва народной и государственной жизни. Каждый безработный, каждый безпризорный — есть національное бѣдствіе. Каждый безграмотный — есть всенародная опасность. Каждый противо-общественный эксплуататоръ — есть всенародный вредитель. Каждый ростовщикъ — требуетъ государственнаго обузданія. Каждое попранное право — есть пробѣлъ или разрывъ въ общей сѣти правопорядка и т. д. И все это не пустыя слова; ибо одна изъ основныхъ аксіомъ государственности гласитъ: «одинъ за всѣхъ, всѣ за одного». Народъ есть живое единство, связанное тысячей живыхъ нитей и пребывающее въ непрерывномъ духовномъ и хозяйственномъ обмѣнѣ; онъ подобенъ живому организму, гдѣ все находится въ связи со всѣмъ и все питается отъ всего остального. Частная и личная жизнь развертывается въ глубокомъ лонѣ всанародной жизни и общихъ интересовъ. Объ этомъ нельзя забывать; мимо этого нельзя проходить равнодушно и безразлично. Народъ, который не умѣетъ или не хочетъ беречь и укрѣплять общія основы своего бытія — будетъ сурово наказанъ; первое же соціальное землетрясеніе дастъ ему хорошій урокъ и можно только желать, чтобы этотъ урокъ пришелъ не слишкомъ поздно.

Итакъ: государство не призвано опускаться до частнаго интереса отдѣльнаго человѣка; но оно призвано возводить каждый духовно-вѣрный и справедливый интересъ отдѣльнаго гражданина въ интересъ всего народа и всего государства. Если государство это дѣлаетъ

или по крайней мѣрѣ стремится къ этому, то оно выполняетъ свое духовное и христіанское призваніе, становится черезъ это *соціальнымъ государствомъ* и воспитываетъ этимъ своихъ гражданъ въ духѣ *христіанской политики*. И тогда оно становится орудіемъ всеобщей солидарности и гражданскаго братства *).

---

*) Нельзя не отмѣтить, что эта идея «братства» вошла въ государственно-политическій міръ со временъ христіанизаціи европейскихъ народовъ, а совсѣмъ не со времени первой французской революціи 1789 года.

4. Классы и партіи.

Согласно всему этому, вѣрная установка личнаго правосознанія была бы такова. Гражданинъ принимаетъ и усваиваетъ всѣ интересы и задачи государства, какъ свои собственныя; тѣмъ самымъ онъ принимаетъ и каждый духовно-вѣрный и справедливый интересъ каждаго изъ своихъ согражданъ. Если есть какой-нибудь «частный» интересъ, который духовно-вѣренъ и справедливъ, то онъ есть уже не просто частный интересъ, но субъектиивное естественное право и тѣмъ самымъ — общій, публичный и всенародный интересъ, интересъ и задача самого государства. А это значитъ, что нѣтъ гражданина въ государствѣ, который могъ бы пройти равнодушно мимо этого интереса. И въ этомъ состоитъ сущность здороваго государственнаго настроенія и правосознанія.

Такимъ образомъ государственное правосознанія поднимаетъ частную волю отдѣльнаго гражданина на высоту истинной политической цѣли: оно расширяетъ ея объемъ (прикрѣпляя его къ справедливымъ интересамъ всѣхъ согражданъ) и облагороживаетъ ея содержанніе (указывая ей именно на духовно-вѣрные и справедливые интересы другихъ). Этимъ политика воспитываетъ человѣка, пріучая его созерцать весь горизонтъ своихъ согражданъ и выдѣлять повсюду то, что по его собственному крайнему разумѣнію духовно вѣрно и справедливо. Въ этомъ воспитаніи частная воля гражданина не только подъемлется на государственный уровень и не только расширяется въ объемѣ, но и освобождается отъ личной жадности и классового своекорыстія. Въ общемъ же это есть процессъ государственнаго очищенія души.

Строго говоря, истинная политика совсѣмъ не служитъ частнымъ и личнымъ интересамъ, — все равно, будь это частный интересъ опредѣленнаго лица, цѣлой группы или цѣлаго класса. Истинная политика принципіально отклоняетъ всѣ и всякія частныя вожделѣнія. Она считается только съ вѣрными и справедливыми интересами лицъ, соціальныхъ группъ (напр. ремесленниковъ, домовладѣльцевъ, инвалидовъ) и соціальныхъ классовъ (напр. крестьянъ, наемныхъ рабочихъ, промышленни-

ковъ); и притомъ исключительно съ точки зрѣнія цѣлаго народа, государства, родины, съ точки зрѣнія общаго интереса, справедливости, естественнаго права. Если опредѣленный интересъ опредѣленнаго класса духовно обоснованъ и справедливъ, — то это уже не классовый интересъ, но интересъ народа въ цѣломъ, интересъ самого государства и потому каждаго отдѣльнаго гражданина, какъ такового; и тогда безсмысленно кричать о томъ, что это де «классовый» интересъ. То, что надо отстаиватъ и обосновывать, есть именно не классовый интересъ; ибо классовый интересъ, какъ таковой, есть частное вожделѣніе и потому онъ не подлежитъ удовлетворенію. Отстаивать надо лишь тѣ «классовые» интересы, которые суть общенародные и государственные; только они заслуживаютъ удовлетворенія. Всякій необоснованный классовый интересъ есть частное домогательство, проявленіе противогосударственной алчности; онъ долженъ быть отклоненъ; и никакая пропаганда, никакая агитація, никакая классовая травля, никакое вооруженное возстаніе или гражданская война не могутъ измѣнить въ этомъ что-либо: противогосударственная природа этого интереса не измѣнится ни отъ крика, ни отъ клеветы и лжи, ни отъ кровопролитія. Конечно, необоснованный классовый интересъ можетъ политически «побѣдить»; но такая побѣда подготовитъ только разложеніе государственнаго правосознанія въ странѣ и превратится неминуемо въ опасность — и для государства въ цѣломъ и для самого «побѣдившаго» класса . . . Нѣтъ государства, состоящаго изъ одного класса; и создать такое государство невозможно, ибо жизнь покоится на раздѣленіи труда, на спеціализаціи умѣній, на потомственной культурной традиціи и на самостоятеьности творческой иниціативы. Поэтому попытка одного класса побѣдить и подавить, или, тѣмъ болѣе, искоренить всѣ остальные классы, заранѣе обречена на неудачу; ничего, кромѣ разстройства жизни, всеобщаго обнищанія, культурнаго разложенія и безконечной гражданской войны, изъ этого не выйдетъ.

Истинная политика ведется тамъ, гдѣ царитъ солидарность между гражданами и между отдѣльными классами. Она возникаетъ не изъ параллелизма частныхъ интересовъ, не изъ конкурирующихъ своекорыстій, не изъ классовой борьбы, которая есть не что иное, какъ прикровенная гражданская война. Она возникаетъ изъ солидарности и взаимности; она исходитъ отъ идеи цѣлаго, народнаго единства, родины; она считается съ духомъ, со справедливостью, съ естественнымъ правомъ, съ общими задачами и цѣлями; она ведетъ не къ классовымъ раздорамъ, не къ партійной грызнѣ, не къ политическому торгашеству, не къ распродажѣ съ молотка государственной власти; она требуетъ, чтобы гражданинъ отождествлялъ себя со своей родиной, чтобы онъ принялъ интересъ своего государства и всѣ справедливые интересы всѣхъ своихъ согражданъ.

Государство, при вѣрномъ пониманіи есть не механизмъ «принужденія» и «классовой конкуренціи», какъ воображаютъ многіе, — но организмъ духовной солидарности. И политика означаетъ не партійныя притязанія, не партійную ложь и не партійныя интриги, но подъемъ правосознанія къ постиженію патріотическихъ цѣлей и къ разрѣшенію подлинно-государственныхъ задачъ. Каждый изъ насъ, каждое новое поколѣніе должно принять свое государство правосознаніемъ; принять, какъ живое духовное единство — единство культуры, власти и исторической судьбы; принять и вложиться въ это единство, взяться за разрѣшеніе его конкретныхъ задачъ — духовныхъ, національныхъ, хозяйственныхъ и правовыхъ. И для этого каждый изъ насъ и каждое новое поколѣніе должны прежде всего вѣрно перестроить и настроить свое правосознаніе.

Единство родины и государства никогда не сложится и не окрѣпнетъ, если правосознаніе гражданъ будетъ находиться въ состояніи броженія, соблазна и разложенія. Единство родины и государства требуетъ внутренно крѣпкаго и неколеблющагося правосознанія. Для того, чтобы изъ множества людей и интересовъ возникло политическое единеніе и государственное единство, необходимо, чтобы личная воля человѣка съ самаго начала была направлена на это единеніе и на это единство. Только тогда и политическія партіи будутъ строиться на вѣрныхъ основахъ и политическія голосованія пріобрѣтутъ вѣрный смыслъ.

Политическія партіи не должны дѣлиться по принципу личнаго, группового или классового интереса. Онѣ призваны служить не лицамъ, не группамъ и не классамъ, а родинѣ, народу, государству. Поэтому каждая партія обязана имѣть программу всенародной справедливости, всенароднаго органическаго равновѣсія; программу общихъ государственныхъ интересовъ; программу сверхклассовой солидарности; программу естественныхъ правъ, учитывающую всѣ слои и всѣ классы. Партій можетъ быть нѣсколько, много. Однако онѣ не смѣютъ расходиться другъ съ другомъ на томъ, чьи интересы онѣ «защищаютъ»; ибо всѣ онѣ призваны защищать общіе интересы. Расхожденіе ихъ можетъ касаться лишь того, какіе интересы суть солидарные, общіе, всенародные, государственные, сверхклассовые, и какая система органическаго равновѣсія спасительна для страны . . .

Согласно этому должны пониматься и проводиться и всевозможныя политическія голосованія. При выборахъ и голосованіяхъ никто никого не спрашиваетъ о его личныхъ интересахъ или о классовыхъ интересахъ. Рѣчь идетъ объ интересахъ сверхличныхъ, сверхклассовыхъ, государственныхъ, всенародныхъ, общихъ, солидарныхъ. Избирателя совсѣмъ не спрашиваютъ о томъ, «чего бы ему хотѣлось?»;

или; «что было бы выгодно тебѣ и твоему классу?»; или еще: «кто по твоему мнѣнію могъ бы лучше всего защищать твои интересы?» . . . Несомнѣнно, что въ дѣйствительности такая постановка вопроса является на выборахъ господствующей: каждый тянетъ государственную ткань къ себѣ и на себя; тянущихъ много; что удивительнаго, если эта ткань трещитъ по всѣмъ нитямъ и расползается? Вся эта постановка вопроса является извращеной, ложной и пошлой; она не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ родинѣ, государству и политикѣ, она возникла совсѣмъ не изъ здороваго государственнаго правосознанія. И поскольку народная масса, ведомая демагогами, дѣйствительно отвѣчаетъ при голосованіи на такіе или подобные вопросы, то ея голосованіе оказывается просто траги-комическимъ недоразумѣніемъ, опаснымъ для родины и государства и снижающимъ весь политическій уровень народной жизни . . . Каждый кричитъ въ свою пользу, и всѣ воображаютъ, что получатъ тѣмъ больше, чѣмъ громче будутъ кричать; а тамъ — какъ-нибудь ужъ создастся компромиссъ изъ громко вопіющихъ личныхъ и классовыхъ жадностей. И людямъ до сихъ поръ все еще не ясна противо-политическая природа этого образа дѣйствій.

Вѣрно формулированный вопросъ при выборахъ и голосованіяхъ звучитъ совсѣмъ иначе: «въ чемъ нуждается родина? въ чемъ состоитъ благо моего народа въ цѣломъ? какіе справедливые интересы моихъ согражданъ, принадлежащихъ ко всѣмъ соціальнымъ классамъ, я могу и долженъ отстаивать, какъ солидарные, общіе и всенародные? какъ можно было бы упрочить органическое единство моего государства на основахъ христіански-братской солидарности?» и т. д. И если кто-нибудь не можетъ отвѣтить на эти вопросы, хотя бы потому, что онъ никогда о нихъ не помышлялъ, а думалъ всегда только о собственной шкурѣ, то ему слѣдовало бы изъ честности и скромности воздержаться отъ подачи своего голоса. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, это простительно только дѣтямъ — на вопросъ: какъ упрочить благосостояніе семьи?», отвѣчать требованіемъ: «давайте мнѣ сладкаго пирога, да побольше!» . . .

Для того, чтобы дать отвѣтъ на вѣрно поставленный вопросъ, каждый изъ гражданъ долженъ позаботиться о слѣдующемъ: во-первыхъ, воспитать и упрочить свое государственное правосознаніе на основахъ христіански-братской солидарности и патріотизма; во-вторыхъ, — углубить и расширить свою силу сужденія въ вопросахъ духовной культуры, права и хозяйства. Каждый изъ насъ долженъ понять, что пока онъ не выполнилъ этихъ двухъ условій, онъ будетъ давать при всякомъ голосованіи мнимые отвѣты на ложно поставленные вопросы. Пока мы не перевоспитаемъ въ себѣ и черезъ себя народное правосознаніе, до тѣхъ поръ никакія отвлеченно выдуманныя, формальныя политическія реформы не преодолѣютъ и не устранятъ современный политическій кризисъ. До тѣхъ поръ и государства будутъ брести по не-христіанскимъ или даже противо-христіанскимъ путямъ,

и послѣдствія этого будутъ обнаруживаться въ не-соціальной или даже противо-соціальной политикѣ.

Государственное и политическое обновленіе можетъ придти только изъ глубины правосознанія и человѣческаго сердца. Ибо только оно сумѣетъ найти и новыя основы для всенароднаго единенія, и новыя государственныя цѣли, и новыя формы политическаго устройства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТ

1. Проблема.

Есть два различныхъ пониманія человѣка—духовное и не-духовное.

Духовное пониманіе человѣка видитъ въ немъ творческое существо съ безсмертною душою; живое жилище Духа Божія; самостоятельнаго носителя вѣры, любви и совѣсти. Жизнь этого существа есть таинственный, внутренній процессъ, процессъ самоутвержденія и самостроительства. Этотъ творческій центръ нуждается въ свободѣ и заслуживаетъ ея; онъ есть самостоятельный субъектъ права и правосознанія. Онъ есть живая основа семьи, родины, націи и государства; отвѣтственный источникъ духовной культуры: церковной жизни, науки, искусства, нравственности, политики, труда и хозяйства.

Безумно и преступно гасить этотъ творческій очагъ на землѣ. Замѣнить его нечѣмъ; обойтись безъ него невозможно. Несовершенства же его преодолѣваются и могутъ быть устранены — только имъ самимъ, въ процессѣ внутренняго горѣнія. Для того, чтобы стать лучшимъ и жить лучше, человѣкъ долженъ принять данный ему отъ Бога и отъ природы способъ бытія и совершенствовать свою жизнь изнутри. Гасить огонь личнаго духа безумно, потому что угасить его все равно не удастся, сколько бы людей ни было погублено и умучено въ этихъ попыткахъ; человѣку дано быть духомъ; онъ призванъ быть духомъ; въ этомъ основной и священный смыслъ его жизни; и огонь этотъ все равно вспыхнетъ вновь и разгорится съ новою силою. Гасить огонь личнаго духа преступно, потому что это значитъ лишать людей доступа ко всему священному, великому и безсмертному на землѣ; это значитъ обезсмысливать жизнь и разрушать культуру. Угасаніе этого творческаго очага останавливаетъ и опустошаетъ жизнь человѣчества на землѣ, ибо то, что остается послѣ его видимаго, мнимаго прекращенія, есть лишь мучительное и унизительное, слабое и безплодное подобіе былого огня и былой жизни . . .

Проблема частной собственности сводится при такомъ пониманіи къ вопросу, подобаетъ ли этому творческому духовному центру имѣть на землѣ нѣкое прочное, вещественное гнѣздо, предоставленное ему и обезпеченное за нимъ,

— гнѣздо его жизни, его любви, дѣторожденія, труда и свободной иниціативы? И если подобаетъ, то въ силу чего и на какихъ условіяхъ? Должно ли государство беречь духовную самостоятельность и творческую самодѣятельность гражданъ, — и въ культурѣ, и въ политикѣ, и въ хозяйствѣ, — или же оно призвано стать всепоглощающимъ, всепорабощающимъ, обезличивающимъ чудовищемъ, «Левіафаномъ», *) и потому должно стремиться къ изъятію и огосударствленію частной собственности, принадлежащей отдѣльнымъ гражданамъ, ихъ семьямъ и ихъ свободнымъ объединеніямъ (корпораціямъ)? Имѣетъ ли оно основаніе и право — превращать гражданъ посредствомъ «экспропріаціи» и «конфискаціи» въ стадо зависимыхъ и беззащитныхъ рабовъ? Должна ли «публичная» стихія поглощать и упразднять стихію частной жизни и личной инициативы? И что есть государство, — органическое единеніе живыхъ людей, одаренныхъ честью, совѣстью и правосознаніемъ, или бюрократическая машина, «регистрирующая» рабочую силу и принуждающая ее къ рабскому труду? Возможенъ ли духъ безъ свободы и творчества? Возможны ли свобода и творческая иниціатива безъ частной собственности?...

Такъ ставится вопросъ о частной собственности при духовномъ пониманіи человѣка. Совсѣмъ иная постановка вопроса слагается при недуховномъ пониманіи человѣческой природы.

Отвлеченно говоря, можно представить себѣ такое непослѣдовательное ученіе, которое соединяло бы «духовную» точку зрѣнія съ коммунистическими требованіями; — исторія человѣческой мысли знаетъ и не такіе еще курьезы. Но по существу говоря, совсѣмъ не случайно, что практическій соціализмъ и воинствующій коммунизмъ оформились и выработали свою программу именно тогда, когда связались съ «экономическимъ матеріализмомъ»; это было послѣдовательно и неизбѣжно. Для матеріалиста на свѣтѣ нѣтъ ничего кромѣ матеріи, — ни души, какъ самостоятельной, не сводимой къ тѣлу реальности, ни, тѣмъ болѣе, духа. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла, тѣлесныхъ потребностей и отправленій; этимъ онъ и исчерпывается. При этомъ онъ подлежитъ механическимъ законамъ, которые управляютъ его жизнью, — законамъ «простымъ» и «яснымъ»; здѣсь нѣтъ никакихъ «тайнъ» и никакого особеннаго «творчества»; такъ же обстоитъ и въ общественной жизни. Все то, что разумѣютъ духовно-настроенные люди, говоря о Богѣ, о безсмертной душѣ, о вѣрѣ, о совѣсти, о духовномъ творчествѣ, — не существуетъ для матеріалиста; все это кажется ему порожденіемъ невѣжественной глупости или своекорыстнаго лицемѣрія. Согласно этому человѣкъ есть не духовная, а матеріальная величина; не творческій очагъ, а рабоче-мускульный центръ; не самостоятельный субъектъ правъ, а зависимый объектъ, подлежащій властнымъ распоряженіямъ. Ему нужна не вѣра, а трезвая сооб-

*) По выраженію англійскаго философа Гоббса.

разительность; не иниціатива, а дисциплина и безоговорочная исполнительность; не любовь, а классовая ненависть; не совѣсть, а классовое самосознаніе. Нравственное чувство можетъ только помѣшать его классовой борьбѣ; семья ему не нужна, она только отвлекаетъ его отъ классоваго единенія; разговоры о «родинѣ» и «націи» должны быть покончены разъ навсегда; государство есть «машина для подавленія классовыхъ враговъ» и для принудительной организаціи труда. Естественно, что эта машина призвана поглотить жизнь и трудъ личнаго человѣка. Когда государство получитъ форму классово-пролетарскую и пролетарски-партійную, оно сведетъ частную жизнь человѣка къ минимуму или совсѣмъ упразднитъ ее. Трудовыя обязанности и размѣры потребленія будутъ предписываться человѣку государственной властью; никакого прочнаго вещественнаго гнѣзда, своего жилища или осѣдлости у него не будетъ. Свободная иниціатива ведетъ только къ вреднымъ субъективнымъ выдумкамъ или къ хозяйственной «анархіи»; а имущественная независимость совершенно ненужна и даже недопустима, ибо она создаетъ только дурное своеволіе, безпорядокъ и «эксплуатацію» человѣка человѣкомъ. Въ силу всего этого частная собственность вообще, а въ особенности — на орудія производства (земля, фабрики, машины, скотъ, инструменты, библіотеки и т. д.) — двлжна быть упразднена, а соотвѣтствующія вещи должны быть изъяты и переданы въ распоряженіе бюрократически-классоваго аппарата. Самостоятельности и самодѣятельности гражданъ долженъ быть положенъ конецъ. Государство должно создавать новую культуру и новое хозяйство: безбожно-безличную, матеріалистическую культуру и механически-принудительное, коммунистическое хозяйство.

Такъ противостоятъ другъ другу духовное и недуховное пониманіе человѣка въ ихъ послѣдовательно продуманныхъ основахъ и выводахъ. Два противоположныя міросозерцанія, двѣ различныя вѣры, два «человѣка», два способа жизни. Два противоположныя отношенія къ частной собственности. Одно, начинающее отъ Бога и духа, и утверждающее начало частной собственности; идушее отъ вѣры и любви, чтущее свободу и совѣсть, строящее семью, родину и націю, воспитывающее въ человѣкѣ правосознаніе и здоровое чувство сверхклассовой государственности. Другое — идущее отъ разсудка и ненависти, презирающее свободу и совѣсть, сознательно разлагающее семью, родину и національную жизнь, подрывающее въ человѣкѣ всѣ основы правосознанія и сверхклассоваго государства . . . Въ каждомъ изъ этихъ воззрѣній вопросъ о частной собственности разрѣшается не «случайно» и не «произвольно». И тамъ, и тутъ все предопредѣлено заранѣе, — исходнымъ, отправнымъ пунктомъ.

Куда же ведетъ каждый изъ этихъ путей?

---

2. Ложный путь.

Какіе бы вопросы ни разрѣшалъ человѣкъ въ своей земной жизни, — теоретическіе или практическіе, матеріальные или духовные, личные или общественные, -- онъ обязанъ всегда считаться съ реальностью, съ данными ему объективными обстояніями и законами. Правда, онъ можетъ и не считаться съ ними, но этимъ онъ обезпечиваетъ себѣ рано или поздно жизненную неудачу, а можетъ быть и цѣлый потокъ страданій и бѣдъ.

Человѣку реально данъ отъ Бога и отъ природы особый, опредѣленный способъ тѣлеснаго существованія, душевной жизни и духовнаго бытія: индивидуальный способъ. Всякая теорія и всякая педагогика или политика, которыя съ нимъ не считаются, вступаютъ на ложный и обреченный путь. Этотъ способъ существованія отнюдь не исключаетъ ни общенія, ни единенія, ни совмѣстности людей; отверженіе же его ведетъ по ложному и обреченному пути всякое общеніе, всякое единеніе и всякую человѣческую совмѣстность, которыя пытаются игнорировать личную раздѣльность, самодѣятельность и самоцѣнность человѣческаго существа. Ложность этого пути обнаруживается въ наступающемъ сниженіи уровня и качества жизни: снижается уровень внѣшне-тѣлеснаго существованія (питаніе, одежда, отопленіе, жилище, здоровье), снижается уровень душевной дифференцированности (т. е. сложности, многосторонности, тонкости и гибкости), падаетъ качество жизни (труда, продукта и творчества; и особенно нравственности, правосознанія, искусства и науки). Всякая культура, — и матеріальная, и душевная, и духовная, — падаетъ, разлагается и извращается. Осуществляется провалъ въ нѣкую первобытную упрощенность, которая создается искусственно и потому лишена всѣхъ былыхъ достоинствъ былой «до-культурной простоты». Творческія различія исчезаютъ изъ жизни, уступая свое мѣсто монотонной одинаковости, одинаковой опустошенности, повальному оскудѣнію. Качественность исчезаетъ и не восполняется никакимъ количествомъ, ибо дурное множество есть не что иное, какъ обиліе дурныхъ вещей, состояній или усилій, которыя никому не нужны. Безъ качества всякое «обиліе» теряетъ свой смыслъ; оно прямо становится бѣдстіемъ и опасностью, подобно тому, какъ въ наводне-

ніи, въ налетахъ саранчи или въ многословіи глупца. Жизнь вообще имѣетъ смыслъ и можетъ совершенствоваться только тогда, когда бережется и растится качество; нѣтъ его — и гибель становится неминуемой. А качество творится и обезпечивается прежде всего и больше всего культурой личнаго духа. Невозможно создать хорошую ткань изъ гнилыхъ нитей; нельзя построить прочный домъ изъ трухлявого, разсыпающагося кирпича; больные и умирающіе, стеная въ унисонъ, не создадутъ прекраснаго хорового пѣнія. Гдѣ личный духъ пренебреженъ и униженъ, общественность будетъ больною и творчески безсильною.

Тотъ, кто признаѐтъ эту аксіому, признáетъ и начало частной собственности. Кто отвергаетъ частную собственность, тотъ отвергнетъ и начало личнаго духа; а этимъ онъ подорветъ и общество, и государство, и хозяйственную жизнь своей страны.

Итакъ, коммунизмъ ведетъ людей по ложному и обреченному пути. Его послѣдовательное противо-божіе, его недвусмысленный матеріализмъ, его отрицаніе человѣческаго духа и особенно самодѣятельности и самоцѣнности человѣческой личности, создаютъ именно тотъ духовно-больной и творчески-безсильный общественный строй, который мы только что очертили.

1. Коммунизмъ противоестественъ. — Онъ не пріемлетъ индивидуальнаго способа жизни, даннаго человѣку отъ Бога и природы. Онъ пытается передѣлать, переплавить человѣческую душу въ ея основныхъ свойствахъ и естественныхъ тяготѣніяхъ, и прежде всего — погасить личную заинтересованность и личную иниціативу человѣка на всѣхъ путяхъ его творчества. Коммунизмъ отвергаетъ личное начало, какъ источникъ самостоятельности, многообразія и «анархіи». Поэтому онъ угашаетъ не только частную собственность, но и частную семью и стремится искоренить частное мнѣніе, свободное убѣжденіе и личное міропониманіе. Для него одинаково непріемлема самодѣятельность личнаго инстинкта самосохраненія и самостоятельность личнаго духа. Ему нужно соціализировать не только имущество, но и весь укладъ человѣческой жизни, чувствъ и мыслей; ему нужно соціализировать душу человѣка и для этого выработать новый типъ — примитивнаго существа съ вытравленной личностью и угасшей духовностью, существа, неспособнаго къ личному творчеству, но склоннаго жить въ стадномъ всесмѣшеніи. Эта противоестественная затѣя обречена въ корнѣ на неудачу. Разложить и угасить на время духовное начало — возможно; но личная форма человѣческаго инстинкта неразрушима. Возможно взрастить нѣсколько милліоновъ «особей», лишенныхъ духовной культуры, умственно и нравственно довольно похожихъ другъ на друга, безстрашныхъ въ толпѣ и ничтожныхъ порознь, попрежнему лично-своекорыстныхъ, но не сдерживаемыхъ въ своей жадности никакими высшими началами. Духъ временно угаснетъ; лично-животное начало развернется; и исторію личной культуры придется начинать сначала. Но

природа человѣка не поддается разсудочному произволу; и на животно-образныхъ особяхъ ни семья, ни общество, ни хозяйство, ни государство держаться не смогутъ. Вотъ почему отмѣна частной собственности противоестественна.

2. Коммунизмъ противообщественъ.—Это выражается въ томъ, что онъ пытается создать такой строй, который покоится цѣликомъ на началахъ ненависти, взаимнаго преслѣдованія, всеобщей нищеты, всеобщей зависимости и полнаго подавленія человѣческой личности. Въ основѣ коммунизма лежитъ идея классовой ненависти, зависти и мести, идея вѣчной классовой борьбы пролетаріата съ не-пролетаріями; на этой идеѣ строится все образованіе и воспитаніе, хозяйство, государство и армія; отсюда взаимное преслѣдованіе гражданъ, взаимное доносительство и искорененіе. Идея всенародной солидарности и братства отвергается и попирается. Проводится всеобщее изъятіе имущества; добросовѣстные и покорные теряютъ все, недобросовѣстные грабятъ и втайнѣ наживаются. Согласно основному замыслу всѣ должны превратиться въ «пролетаріевъ», т. е. въ неимущихъ людей, могущихъ кормиться только наемнымъ трудомъ. Послѣ всеобщей экспропріаціи и пролетаризаціи оказывается, что въ странѣ имѣется только одинъ монопольный работодатель,—диктаторіальное государство, ведомое монопольной коммунистической партіей и управляемое аппаратомъ коммунистическихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ всеобщее обнищаніе восполняется всеобщей зависимостью отъ государства, отъ партіи и отъ бюрократическаго аппарата. Никто самъ по себѣ не можетъ ничего предпринять; кого государство лишитъ права на работу, тотъ погибаетъ голодной смертью; условія жизни, продовольствія и труда предписываются монопольнымъ работодателемъ; монополія печати и образованія, преслѣдованіе вѣры и церкви, довершаютъ дѣло, и къ хозяйственному подавленію личности присоединяется ея духовное порабощеніе. Такимъ образомъ коммунизмъ есть попытка создать вампиристическій строй, покоящійся на страданіяхъ порабощеннаго человѣка и высасывающій жизненные соки изъ обнищавшихъ и безпомощныхъ гражданъ. Человѣкъ оказывается безправнымъ и раздавленнымъ; а государство является его неограниченнымъ эксплуататоромъ. Вотъ почему отмѣна частной собственности создаетъ самый противообщественный строй, извѣстный въ міровой исторіи.

3. Коммунизмъ осуществляетъ растрату силъ.—Это выражается во-первыхъ въ томъ, что онъ не хочетъ и не умѣетъ пользоваться творческою силою живого инстинкта, личнаго интереса и личной инициативы; вся творческая самодѣятельность всей массы единоличныхъ хозяевъ подавляется и мертвѣетъ. Во-вторыхъ, растрачивается впустую вся та масса энергіи, которая необходима для самаго подавленія этихъ личныхъ силъ, — вся разрушительная и искоренительная работа коммунистическаго чиновничества. Въ-третьихъ, растрачивается вся та масса энергіи, которая пытается вызвать

въ душахъ новую, теоретически выдуманную и властно навязываемую мотивацію (т. е. внутреннія побужденія) хозяйственнаго труда, — вся работа по «агитаціи» и «пропагандѣ», всѣ усилія передѣлать естественный укладъ человѣческихъ душъ. *Въ-четвертыхъ*, растрачивается та масса энергіи, которая пытается осуществить хозяйственное и культурное все-предвидѣніе, всеучетъ, всеруководство; ибо никакое правительство не можетъ стать «всезнайкой», «всеучителемъ» и «всепогоньщикомъ». Вся эта попытка замѣнить *живой организмъ выдуманнымъ механизмомъ*, сварить на огнѣ всенародной муки искусственнаго человѣчка и его никому не нужную искусственную жизнь, для того, чтобы руководить всѣми его поступками и дѣлами, какъ это дѣлается съ маріонетками — противоестественна и безнадежна. И, наконецъ, *въ-пятыхъ*, растрачивается вся та масса силъ, которая уходитъ на возвеличеніе этого опыта въ міровомъ масштабѣ, на то, чтобы внушить другимъ народамъ, будто этотъ нелѣпый и безнадежный способъ хозяйствованія есть самый лучшій и самый продуктивный. Такимъ образомъ отмѣна частной собственности ведетъ къ величайшей растратѣ силъ, извѣстной въ міровой исторіи.

4. Коммунизмъ *осуществимъ только при помощи системы террора*, — т. е. насильственно, силою страха и крови. Въ основѣ этого лежитъ его *противоестественность*. Живой и здоровый инстинктъ можетъ принять его только, какъ ненавистное иго, которое будетъ навязываться ему угрозою, униженіемъ, мукою голода и страхомъ смерти. Навыки тысячелѣтій, порожденные самою природою, нельзя отмѣнить простымъ запретомъ. Всемогущество государства осуществимо только тамъ, гдѣ народъ застращенъ до конца. Побороть сопротивленіе массъ и разрушить исторически данный укладъ жизни — нельзя «добромъ», особенно если добиваться быстраго, «революціоннаго темпа». Уничтоженіе враждебныхъ классовъ неосуществимо на словахъ: оно неизбѣжно ведетъ къ массовому избіенію людей. Такимъ образомъ отмѣна частной собственности требуетъ потоковъ человѣческой крови и ведетъ къ системѣ террора.

5. Коммунизмъ *отнюдь не ведетъ къ справедливости*. — Онъ начинаетъ съ призывовъ къ «равенству» такъ, какъ если бы равенство означало справедливое устройство жизни. Однако *на самомъ дѣлѣ* всѣ люди *отъ природы не равны* и уравнять ихъ естественныя свойства (возрастъ, полъ, здоровье, мускульную силу, нервную конституцію, таланты, склонности, влеченія, потребности, желанія) — невозможно. Но въ такомъ случаѣ справедливость требуетъ не «равенства», а чего-то иного, именно *предметно-неравнаго обхожденія съ предметно-неравными людьми*. Формула справедливости гласитъ не «всѣмъ одно и то же», а «каждому свое». И потому уравнивать людей во всѣхъ правахъ было бы дѣломъ вопіющей несправедливости. Задача иная: надо *устранять*

вредныя и несправедливыя неравенства, такъ же, какъ и несправедливыя и вредныя равенства, и устанавливать новыя, жизненно-полезныя и справедливыя неравенства.

Вмѣсто этого коммунисты провозглашаютъ «равенство людей отъ природы» и обѣщаютъ имъ всеобщее уравненіе въ правахъ, которое будетъ яко бы справедливымъ. На самомъ же дѣлѣ они создаютъ сначала всеобщее уравненіе въ безправіи, а потомъ — новое, обратное неравенство въ пользу членовъ своей партіи, которая превращается въ привиллегированную касту, набранную изъ наиболѣе завистливыхъ, жестокихъ, ловкихъ и раболѣпныхъ людей. Такимъ образомъ отмѣна частной собственности не только не ведетъ къ справедливости, но создаетъ систему новыхъ, вопіющихъ несправедливостей.

6. Коммунизмъ отнюдь не освобождаетъ людей. — Онъ вводится принудительно и насильственно и для этого отмѣняетъ всѣ жизненныя права и свободы. Онъ осуществляетъ высшую и безусловную форму трудовой зависимости, систему всеобщаго наемнаго труда, монопольнаго работодательства, эксплуатаціи, беззащитности, необезпеченности и повальнаго сниженія уровня жизни. Коммунизмъ не освобождаетъ трудящагося, а порабощаетъ его окончательно: всѣ превращаются въ пролетаріевъ, а у пролетаріевъ отнимаются всѣ возможности защищать свои классовые и профессіональные интересы (исчезаетъ частная конкуренція, нѣтъ свободныхъ профессіональныхъ союзовъ, свободной печати, коопераціи и т. д.). Всѣ недостатки и пороки капиталистическаго строя осуществляются въ преувеличенныхъ, чудовищныхъ размѣрахъ, и притомъ сознательно и планомѣрно, со ссылкою на то, что «въ рабочемъ государствѣ рабочимъ защищаться не отъ кого и не для чего». Такимъ образомъ отмѣна частной собственности не только не даетъ людямъ освобожденія, но отнимаетъ у нихъ всякую и послѣднюю свободу. «Прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы», предсказанный Марксомъ и Энгельсомъ, оказывается иллюзіей или обманомъ.

И вотъ, идея коммунизма, послѣдовательно вытекающая изъ матеріалистическаго безбожія, принадлежитъ къ числу тѣхъ ложныхъ идей, которыя повидимому много обѣщаютъ, но въ дѣйствительности разочаровываютъ и ведутъ человѣческую жизнь къ настоящему крушенію. Попытка отвергнуть и отмѣнить частную собственность колеблетъ одну изъ послѣднихъ и необходимыхъ основъ жизни; ее можно сравнить съ попыткою отпилить тотъ сукъ, на которомъ сидитъ самъ отпиливающій, или съ попыткою перестроить человѣческій организмъ посредствомъ оперативнаго удаленія изъ него легкихъ. Эта попытка въ ея историческомъ осуществленіи доказываетъ съ силою очевидности, что проблема частной собственности отнюдь не сводится къ тому, какія именно внѣшнія вещи находятся у людей во внѣшнемъ распоряженіи и притомъ, у какихъ именно людей . . .

Частная собственность связана съ человѣческою природою, съ тѣлеснымъ и душевнымъ устройствомъ человѣка, съ жизнью человѣческаго инстинкта, съ тѣми внутренними мотивами, которые застлвляютъ человѣка трудиться надъ внѣшними вещами и строить хозяйство. Эти внутренніе мотивы, эти инстинктивныя побужденія къ труду нельзя «разрушать» или «отмѣнять» безнаказанно. Частная собственность зоветъ человѣческій инстинктъ къ труду; отмѣняя ее, надо замѣнить ея зовъ чѣмъ-нибудь равносильнымъ. Но «идеалъ» всеобщей зависимости, принудительности и несправедливости не замѣняетъ этого зова ничѣмъ; напротивъ, онъ можетъ вызвать только тяжелое отвращеніе къ работѣ, настоящее бѣгство отъ труда, всеобщую надежду на хозяйственную безуспѣшность новаго строя, безмолвную всеобщую стачку личныхъ инстинктовъ. И это самоизвлеченіе массоваго инстинкта изъ хозяйственнаго процесса будетъ столь же естественнымъ и психологически понятнымъ, сколь фатальнымъ для коммунистическаго строя.

А это означаетъ, что введеніе коммунизма не только не скомпрометируетъ идею частной собственности, но окончательно реабилитируетъ ее. Такъ, попытка предпочесть ложный путь непремѣнно вернетъ человѣка на вѣрную дорогу, ибо рано или поздно онъ увидитъ свою ошибку. Вопросъ лишь въ томъ, послѣ сколькихъ неудачъ и страданій онъ пойметъ ее и сдѣлаетъ надлежащіе выводы.

---

3. Обоснованіе частной собственности.

Обосновать частную собственность — значитъ показать ея необходимость для человѣка, ея жизненную цѣлесообразность и ея духовную вѣрность. Это значитъ указать тѣ существенныя свойства человѣка, — естественныя, инстинктивныя и духовныя, — въ силу которыхъ частную собственность нужно принять, признать, утвердить и оградить.

Однако это не значитъ одобрить и оправдать всякое наличное распредѣленіе имущества и богатства. Обыкновенно эти два вопроса смѣшиваются, что совершенно недопустимо. Институтъ частной собственности можетъ быть необходимъ, цѣлесообразенъ и вѣренъ; но наличное распредѣленіе имущества — можетъ быть невѣрнымъ и жизненно нецѣлесообразнымъ. Необходимо, чтобы вещи принадлежали людямъ съ такою полностью, исключительностью и прочною обезпеченностью, которая вызывала бы въ душѣ каждаго полную и неистощимую волю къ творческому труду: но совсѣмъ не необходимо, чтобы люди дѣлились на сверхбогачей и нищихъ, или на монопольныхъ работодателей и беззащитныхъ наемниковъ. Фактическое распредѣленіе имущества неодинаково въ различныхъ странахъ; въ силу одного этого его нельзя «оправдывать» или осуждать цѣликомъ. Но и въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны цѣлесообразность имущественнаго распредѣленія можетъ быть неодинаковой въ различныхъ областяхъ жизни (землевладѣніе, домовладѣніе, лѣса, фабрики, промысловыя снасти, желѣзныя дороги, скотъ, библіотеки и т. д.). Къ тому же имущество все время переходитъ изъ рукъ въ руки, состоянія распадаются, выдвигаются новые слои людей, уровень народнаго благосостоянія колеблется, уровень частнаго накопленія подвиженъ и неустойчивъ. Въ довершеніе всего возможно государственно организованное перераспредѣленіе имущества (напр. такъ называемый «земельный передѣлъ», срв. реформу Столыпина), которое должно проводиться такъ, чтобы идея частной собственности и чувство частной собственности не приходили въ колебаніе. Однимъ словомъ, — обосновывать частную собственность не значитъ оправдывать любое и всякое

распредѣленіе имущества, или, тѣмъ болѣе, любое и всякое злоупотребленіе имуществомъ (шикану, ростовщичество, эксплуатацію, поджиганіе своего дома для полученія страховой преміи и т. д.) *).

Говоря о частной собственности, я разумѣю господство частнаго лица надъ вещью, — господство полное, исключительное и прочно обезпеченное правом (т. е. обычаемъ, закономъ и государственною властью). Итакъ, я разумѣю именно право собственности, т. е. закономѣрное полномочіе, а не фактическое господство силы и не произвольный захватъ. Я разумѣю именно право лица, т. е. прежде всего индивидуальнаго человѣческаго существа, одареннаго личнымъ инстинктомъ и личнымъ духомъ, имѣющаго субъективное правосознаніе и субъективную хозяйственную волю; и притомъ частнаго лица, преслѣдующаго свои частные интересы трудового, хозяйственнаго характера **). Этому-то лицу слѣдуетъ предоставлять полное господство надъ вещью, т. е. право во всѣхъ отношеніяхъ опредѣлять ея судьбу (право пользоваться ею или не пользоваться, распоряжаться ею, видоизмѣнять ее, отдавать, продавать, дарить, бросать ее или даже уничтожать) ***). Это господство дожно быть исключительнымъ, т. е. собственникъ долженъ имѣть право устранять всѣхъ другихъ лицъ отъ пользованія вещью или отъ воздѣйствія на нее, онъ долженъ имѣть право требовать ея возвращенія отъ похитителя и т. д. Наконецъ это господство должно быть прочно обезпеченнымъ, — т. е. оно должно быть оговорено въ законахъ, ограждено правосознаніемъ согражданъ, полиціей и судомъ, и не подвергаться постояннымъ угрозамъ отчужденія, или, тѣмъ болѣе, безплатнаго отчужденія со стороны политическихъ партій или государственной власти. Частный собственникъ долженъ быть увѣренъ въ своемъ господствѣ надъ своими вещами, т. е. въ законности этого господства, въ его признанности, почтенности и жизненной цѣлесообразности; онъ долженъ быть спокоенъ за него, за его безспорность и длительность, за то, что имущество его не будетъ подвергаться ни нападенію, ни расхищенію,

---

*) Эта оговорка относится и къ законамъ, различно регулирующимъ въ различныхъ странахъ юридическій институтъ частной собственности. Кто утверждаетъ принципъ частной собственности, тотъ отнюдь не выступаетъ «апологетомъ» всѣхъ наличныхъ законовъ и законодательствъ, регулирующихъ этотъ институтъ.

**) Это отнюдь не означаетъ, что я отвергаю право частной собственности для «юридическихъ лицъ» или право публичной собственности, принадлежащее государству или муниципалитетамъ. Я только намѣренно сосредоточиваю свое вниманіе на «простѣйшемъ явленіи» собственности и собственника — на частной собственности единоличнаго человѣка, особенно охотно оспариваемой.

***) Ограниченія возможны, но они должны быть оговорены въ обычаяхъ, договорахъ или законахъ. Отсутствіе ограниченій означаетъ неограниченную полноту собственническаго права. См. убѣдительный анализъ у В. И. Синайскаго. Основы гражданскаго права. Рига. 1931. Стр. 58—61 и др.

ни поджогу, ни экспропріаціи; онъ долженъ спокойно помышлять о судьбѣ своихъ вещей, замысломъ долгаго и творческаго дыханія, предусматривая частные интересы своихъ дѣтей и внуковъ.

Это необходимо человѣку и въ инстинктивномъ отношеніи, и въ духовномъ измѣреніи; и притомъ въ силу того, что какъ инстинкту его, такъ и духу — отъ природы присуща личностная, индивидуальная форма жизни.

Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, какъ наивно думали Руссо и Прудонъ. Напротивъ, она вложена въ человѣка и подсказана ему самою природою, подобно тому, какъ отъ природы человѣку даны индивидуальное тѣло и индивидуальный инстинктъ. Тѣло человѣка есть вещь, находящаяся среди другихъ вещей и нуждающаяся въ нихъ (человѣкъ лежитъ, ходитъ, дышитъ, согрѣвается, питается, лѣчится и т. д.). Для того чтобы жить, человѣкъ долженъ заниматься этими вещами, приспособлять ихъ къ своимъ потребностямъ, посвящать имъ свое время, отдавать имъ свой трудъ (тѣлесно-мускульный, нервно-душевный и созерцательно-духовный), совершенствовать ихъ, вкладывать въ нихъ себя и свои цѣнности; какъ бы «облекаться» въ нихъ, *) — словомъ превращать ихъ въ объективное выраженіе и продолженіе собственной личности.

Эту связь свою съ вещами, это вкладываніе себя въ нихъ— человѣкъ можетъ сводить иногда къ самому скудному минимуму: одни дѣлаютъ это отъ лѣни и безпечности (напр. итальянскіе лаццарони), другіе ради высшаго духовнаго сосредоточенія (индійскіе йоги, христіанскіе аскеты). Но совсѣмъ обойтись безъ этого — человѣку не дано. У человѣка же, создающаго хозяйственную культуру — это общеніе съ вещами становится основной формой дѣятельности.

Хозяйствуя, человѣкъ не можетъ не сживаться съ вещью, вживаясь въ нее и вводя ее въ свою жизнь. Хозяинъ отдаетъ своему участку, своему лѣсу, своей постройкѣ, своей библіотекѣ — не просто время и не только трудъ; онъ не только «поливаетъ потомъ» свою землю и дорабатывается до утомленія, до боли, до ранъ на тѣлѣ; онъ творчески заботится о своемъ дѣлѣ, вчувствуется въ него воображеніемъ, изобрѣтаетъ, вдохновляется, напрягается волею, радуется и огорчается, болѣетъ сердцемъ. При этомъ онъ не только опредѣляетъ и направляетъ судьбу своихъ вещей, но онъ и самъ связываетъ съ ними свою судьбу, ввѣряя имъ свое настоящее, и свое будущее (свое, своей жены, дѣтей, потомства, рода). Всѣ страсти человѣческія вовлекаются въ этотъ хозяйственный процессъ, — и благородныя, и дурныя, — отъ

---

*) Отсюда въ наукѣ терминъ «инвестировать», «инвестиція» — облекать, облеченіе.

религіозно-художественныхъ побужденій, до честолюбія, тщеславія и скупости. Всѣ интересы человѣческіе связуются съ успѣхомъ и неуспѣхомъ дѣла, — отъ инстинкта самосохраненія, до самыхъ высшихъ, духовныхъ потребностей. Это значитъ, что человѣкъ связывается съ вещами не только «матеріальнымъ» интересомъ, но и волею къ совершенству, и творчествомъ, и любовью.

Человѣкъ не только живетъ «вещью», т. е. плодами и доходами ея, но живетъ вмѣстѣ съ нею и въ ней; онъ творитъ ее, творитъ изъ нея, ею; онъ объективируетъ себя въ ней, художественно отождествляется съ нею, совершенствуетъ ее своимъ трудомъ и воздержаніемъ въ ея пользу, и совершенствуетъ себя ею; онъ изживаетъ въ ней энергію тѣла, души и духа. Все это не пустыя слова и не отвлеченныя выдумки. Называя свою землю «матушкой» и «кормилицей», пахарь дѣйствительно любитъ ее, гордится ею, откладываетъ и копитъ для нея, тоскуетъ безъ нея. *) Садовникъ не просто «копается въ саду», но творчески чуетъ жизнь своихъ цвѣтовъ и деревьевъ и, взращивая ихъ, совершенствуя ихъ, какъ бы продолжаетъ дѣло Божьяго міротворенія. Строя себѣ домъ, человѣкъ создаетъ себѣ оплотъ тѣлеснаго существованія и средоточіе духовной жизни, онъ устраиваетъ себѣ лично-интимный уголъ на землѣ, свой священный очагъ, какъ бы свое внѣшнее «я». Всѣ знаменитые коневоды и зоологи были художественно влюблены въ свое дѣло. Погромщикъ и поджигатель страшны не столько убытками, сколько неутомимой завистью и дикой ненавистью къ чужому достиженію и совершенству, презрѣніемъ къ чужому творчеству, слѣпотою къ «инвестированной» духовности.

Человѣку дано художественно индивидуализировать не только свое отношеніе къ людямъ, но и свое отношеніе къ внѣшнимъ вещамъ, къ природѣ, къ зданіямъ, къ землѣ, къ быту. Человѣку дано художественно отождествляться не только съ друзьями и съ поэтическими образами любимыхъ поэтовъ, но и съ розами въ саду, со взращеннымъ виноградникомъ, съ насажденнымъ его руками лѣсомъ, съ колосящеюся нивой и съ построенною имъ фабрикой. Только люди религіозно мертвые и художественно опустошенные, люди механическаго вѣка, люди разсудочные и бумажно-кабинетные—могутъ думать, что хозяйственный процессъ слагается изъ эгоистическаго корыстолюбія (жадности) и физическаго труда, и что онъ состоитъ въ томъ, что «классовые пауки» «высасываютъ кровь» изъ «чернорабочихъ». Трудно сказать, чего больше въ этомъ воззрѣніи — отвлеченной выдумки, лукавой демагогіи или моральнаго ханжества; но несомнѣнно, что живая и глубокая сущ-

---

*) Въ древней Руси земля, не обрабатываемая крестьяниномъ, называлась «дикая пасма», т. е. мертвая пустошь, липкая грязь, а крестьянинъ безъ земли назывался «бобылемъ», бездомныъ, безпріютнымъ человѣкомъ. Срв. у Максимова, «Крылатыя слова», стр. 191.

ность хозяйственно-творческаго процесса просмотрѣна и упущена въ немъ совершенно. Расцвѣтъ и обиліе создаются не «голодомъ» и не «жадностью»; и даже не просто здоровымъ инстинктомъ и интересомъ; но всею душою, при непремѣнномъ участіи духовныхъ побужденій и запросовъ, — призваніемъ и вдохновеніемъ, чувствомъ отвѣтственности и художественнымъ чутьемъ, характеромъ и творческимъ воображеніемъ. Само собою разумѣется, что у каждаго человѣка сочетаніе этихъ побужденій и силъ слагается по своему, но каждый вовлекается въ творческое общеніе съ вещами всѣмъ своимъ существомъ; и успѣхъ его творчества обусловливается не только наряженіемъ его инстинкта, но и усиліями его духа.

Итакъ, хозяйственный процессъ есть творческій процессъ; отдаваясь ему, человѣкъ вкладываетъ свою личность въ жизнь вещей и въ ихъ совершенствованіе. Вотъ почему хозяйственный трудъ имѣетъ не просто тѣлесно-мускульную природу, и не только душевное измѣреніе, но и духовный корень. Хозяйственный трудъ имѣетъ религіозный смыслъ и источникъ, ибо въ основѣ его лежитъ религіозное пріятіе міра; онъ имѣетъ нравственное значеніе и измѣреніе, ибо онъ есть проявленіе любви, осуществленіе долга и дисциплины: онъ имѣетъ художественную природу, ибо онъ заставляетъ человѣка вчувствоваться въ жизнь вещей, отождествляться съ ними и совершенствовать ихъ способъ бытія; онъ имѣетъ свои познавательные корни, ибо онъ ведетъ человѣка къ изученію тѣхъ законовъ, которые правятъ вещами и ихъ судьбою; и наконецъ онъ имѣетъ общественную и правовую природу, ибо онъ покоится на организаціи совмѣстной жизни и требуетъ вѣрнаго распредѣленія правовыхъ полномочій и обязанностей. Лично-инстинктивное и лично-духовное общеніе человѣка съ вещами имѣетъ сразу и хозяйственно-производственное и духовно-творческое значеніе, и потому оно непремѣнно должно быть признано, закрѣплено и ограждено правомъ, осмысленно, какъ необходимое, справедливое и безъ крайности ненарушимое полномочіе. Человѣку необходимо вкладывать свою жизнь въ жизнь вещей: это неизбѣжно отъ природы и драгоцѣнно въ духовномъ отношеніи. Поэтому это есть естественное право человѣка, которое и должно ограждаться законами, правопорядкомъ и государственною властью. Именно въ этомъ и состоитъ право частной собственности.

Это право должно быть властнымъ и прочнымъ, хотя, конечно, не безграничнымъ. «Безграничнаго» права вообще нѣтъ: всякое полномочіе гдѣ-нибудь кончается, именно тамъ, гдѣ начинается чужое полномочіе и, соотвѣтственно,— моя обязанность и моя запретность. Въ разныхъ государствахъ эти границы частной собственности (и по объекту

права, и по содержанію урѣзанныхъ полномочій) вычерчиваются законами различно. И тѣмъ не менѣе въ своихъ, установленныхъ предѣлахъ это право остается и должно оставаться властнымъ и исключительнымъ. Это необходимо для того, чтобы человѣкъ хотѣлъ и могъ вкладываться въ свои вещи увѣренно и цѣльно, то расширяя ихъ кругъ трудомъ и законнымъ пріобрѣтеніемъ, то суживая этотъ кругъ продажей, дареніемъ или уничтоженіемъ *). Предоставленіе такого права есть элементарное довѣріе къ индивидуальному человѣку, къ его здоровому инстинкту, къ его хозяйственной практичности, къ его правосознанію; — довѣріе къ тому, что онъ захочетъ и сумѣетъ творчески использовать предоставленное ему право. И въ то же время это есть мѣра, пробуждающая и поощряющая его творческую инициативу, инициативу частнаго лица, преслѣдующаго свои частные интересы, но способнаго согласовать ихъ съ интересомъ чужимъ и общимъ, — съ одной стороны созданіемъ новыхъ хозяйственныхъ цѣнностей и ихъ обмѣномъ, съ другой стороны соблюденіемъ и укрѣпленіемъ законнаго правопорядка. Частная собственность какъ бы «зоветъ» человѣка къ трудовому и созидающему «инвестированію»; и этотъ «зовъ» долженъ быть обставленъ реальными и прочными гарантіями, ибо настоящее «инвестированіе» возможно только тамъ, гдѣ трудящійся увѣренъ въ огражденности своего права, — гдѣ къ вѣчному риску, идущему отъ стихій и отъ природы, не присоединяется рискъ общественно-политическій. Право собственности, какъ полное, исключительное и обезпеченное господство лица надъ вещью, — даетъ человѣку лучшую и благопріятнѣйшую обстановку для душевнаго и трудового напряженія въ хозяйствованіи. И этимъ вопросъ съ политико-экономической точки зрѣнія можетъ считаться рѣшеннымъ.

И вотъ, нынѣ, послѣ испытаній коммунистической революціи, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что только тотъ способъ владѣнія и распоряженія вещами имѣетъ будущее, который дѣйствительно поощряетъ человѣческій инстинктъ творчески вкладываться въ вещи, изживаться въ этомъ самодѣятельно и интенсивно, создавать свое будущее увѣренно и безъ опасливыхъ оглядокъ. Именно таковъ строй частной собственности. Напротивъ, тѣ способы владѣнія и распоряженія вещами, которые подавляютъ человѣческій инстинктъ, застращиваютъ его, обезсиливаютъ или какъ бы кастрируютъ, — осуждены съ самаго начала и лишены будущаго. Когда хотятъ наказать каторжника, то сводятъ кругъ его имущественной власти къ минимуму или угашаютъ его совсѣмъ; но и каторжникъ имѣетъ право продать свое издѣліе, получить милостыню, съѣсть свой паекъ, отдать его животнымъ или обмѣнять его у сосѣда. Когда вводятъ или поддерживаютъ сельско-

*) Напр. употребленіемъ животнаго въ пищу, сожиганіемъ дровъ или рукописи.

хозяйственную общину съ ея періодическими передѣлами, то этимъ превращаютъ собственника въ условнаго и временнаго пользователя участкомъ и подрываютъ въ немъ и трудовой интересъ, и волю къ качественному, интенсивному хозяйству; онъ уподобляется арендатору и начинаетъ выпахивать землю и склоняться къ хищническому хозяйству. Когда надъ какой-нибудь группой собственниковъ или надъ цѣлой страной повисаетъ угроза принудительнаго или тѣмъ болѣе безвозмезднаго отчужденія, то это пресѣкаетъ и убиваетъ «довѣріе» собственника къ вещамъ и къ людямъ и хозяйственно вредитъ всей странѣ. Соціализмъ и коммунизмъ отвергаютъ естественное право людей на хозяйственную самостоятельность и самодѣятельность и, соотвѣтственно, ихъ право частной собственности; этимъ люди практически приравниваются каторжникамъ или ставятся въ положеніе хозяйственныхъ кастратовъ. Все это относится въ особенности къ частной собственности на «средства производства»: ибо человѣкъ инвестируетъ себя творчески — не въ потребляемыя вещи, а въ вещи, служащія производству.

Итакъ, частная собственность является тою формою обладанія и труда, которая наиболѣе благопріятствуетъ хозяйственно-творящимъ силамъ человѣка. И замѣнить ее нельзя ничѣмъ: ни приказомъ и принужденіемъ (коммунизмъ), ни противо-инстинктивной «добродѣтелью» (христіанскій соціализмъ). Въ теченіе нѣкотораго времени возможно принуждать человѣка вопреки его инстинкту; есть также отдѣльные люди, способные усвоить себѣ противо-инстинктивную добродѣтель. Но противоестественное принужденіе и противоестественная добродѣтель никогда не станутъ творческой формой массовой жизни.

Если воспретить человѣку творить по собственному почину и побужденію, то онъ вообще перестанетъ творить. Любить, созерцать, молиться и творить можно только свободно, исходя изъ своей собственной потребнссти. Этотъ законъ дѣйствуетъ не только въ религіи и въ искусствѣ, но и въ жизни семьи и въ хозяйствѣ. Ибо и семья, и хозяйство вырастаютъ изъ любви и остаются живымъ тврчествомъ. Изъ безразличія же родится не творчество, а мертвое, механическое отправленіе, индифферентное и формальное отбываніе «очередного номера» для видимости и на показъ. Безразличный человѣкъ работаетъ безъ одушевленія: вдохновеніе незнакомо ему, творческая глубина его инстинкта остается холодной, не напрягается и бездѣйственно молчитъ. Бракъ безъ любви не создаетъ ни здоровой семьи, ни одареннаго потомства; онъ духовно и общественно вреденъ. И подобно этому — хозяйство безъ свободнаго внутренняго побужденія, безъ личной инициативы и частной собственности, бюрократически ведомое безразличными чиновниками, — не создаетъ ни благосостоянія, ни даже достаточна-

го и сколько-нибудь доброкачественнаго продукта: оно общественно и государственно вредно. Исключить изъ хозяйственнаго процесса начало инстинктивной самодѣятельности, начало личнаго интереса, начало духовной свободы и начало довѣрчиваго самовложенія въ вещи, значитъ отдать все на волю формальнаго и продажнаго бюрократизма, безразличной нерадивости, пустой притязательности, явной безотвѣтственности, тайнаго саботажа и самой жалкой безхозяйственности. Вотъ почему введеніе коммунизма не подрываетъ идею частной собственности, а реабилитируетъ и обосновываетъ ее.

Это обоснованіе можетъ быть вкратцѣ выражено такъ.

1. Частная собственность соотвѣтствуетъ тому индивидуальному способу бытія, который данъ человѣку отъ природы. Она идетъ навстрѣчу инстинктивной и духовной жизни человѣка, удовлетворяя его естественному праву на самодѣятельность и самостоятельность.

2. Частная собственность вызываетъ въ человѣкѣ инстинктивныя побужденія и духовные мотивы для напряженнаго труда, для того, чтобы не щадить своихъ силъ и творить лучшее. Она развязываетъ хозяйственную предпріимчивость и личную иниціативу; и тѣмъ укрѣпляетъ характеръ.

3. Она даетъ собственнику чувство увѣренности, довѣріе къ людямъ, къ вещамъ и къ землѣ, желаніе вложить въ хозяйственный процессъ свой трудъ и свои цѣнности.

4. Частная собственность научаетъ человѣка творчески любить трудъ и землю, свой очагъ и родину. Она выражаетъ и закрѣпляетъ его осѣдлость, безъ которой невозможна культура. Она единитъ семью, вовлекая ее въ собственность. Она питаетъ и напрягаетъ государственный инстинктъ человѣка. Она раскрываетъ ему художественную глубину хозяйственнаго процесса и научаетъ его религіозному пріятію природы и міра.

5. Частная собственность пробуждаетъ и воспитываетъ въ человѣкѣ правосознаніе, научая его строго различать «мое» и «твое», пріучая его къ правовой взаимности и къ уваженію чужихъ полномочій, взращивая въ немъ вѣрное чувство гражданскаго порядка и гражданственной самостоятельности, вѣрный подходъ къ политической свободѣ.

6. Наконецъ, частная собственность воспитываетъ человѣка къ хозяйственной солидарности, не нарушающей хозяйственную свободу: ибо каждый собственникъ, богатѣя, обогащаетъ и свое окруженіе, и самое народное хозяйство: и конкуренція собственниковъ ведетъ не только къ борьбѣ, но и къ творческому напряженію, необходимому для народнаго хозяйства. И путь къ организаціи мірового хозяйства идетъ не черезъ интернаціонально-коммуни-

стическое порабощеніе, а черезъ осознаніе и укрѣпленіе той солидарности, которая выростаетъ изъ частнаго хозяйства.

Такъ раскрывается и обосновывается духовный смыслъ частной собственности.

---

4. Соціальное пониманіе собственности.

Все высказанное нами въ обоснованіе частной собственности отнюдь не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто вырастающій изъ нея общественный и правовый строй не имѣетъ своихъ проблемъ, затрудненій и опасностей. Онъ имѣетъ ихъ, и разрѣшить или преодолѣть ихъ совсѣмъ не легко. Однако сначала надо удостовѣриться, во-первыхъ, въ томъ, что всѣ отрицательныя проявленія частно-правовой дисгармоніи капиталистическаго строя, всѣ опасности нецѣлесообразнаго и несправедливаго дѣленія на классы, а особенно — завистливой и мстительной классовой борьбы, все бремя порабощенія, безработицы, всѣ убытки отъ анархіи производства, — нисколько не преодолѣваются отмѣною частной собственности: ибо коммунизмъ создаетъ государственный капитализмъ, небывалое порабощеніе и нищету, вызываетъ къ жизни новую анархію производства, углубляетъ чувства зависти и мести, усиливаетъ классовую борьбу и доводитъ до высшей беззастѣнчивости эксплуатацію трудящагося человѣка. Во-вторыхъ, надо понять, что частная собственность коренится не въ злой волѣ жадныхъ людей, а въ индивидуальномъ способѣ жизни, данномъ человѣку отъ природы. Кто хочетъ «отмѣнить» частную собственность, тотъ долженъ сначала «переплавить» естество человѣка и слить человѣческія души въ какое-то невиданное коллективно-чудовищное образованіе; и понятно, что такая безбожная и нелѣпая затѣя ему не удастся. Пока человѣкъ живетъ на землѣ въ видѣ инстинктивнаго и духовнаго «индивидуума», онъ будетъ желать частной собственности и будетъ правъ въ этомъ.

Въ виду всего этого въ дальнѣйшемъ надо искать иного выхода и притомъ именно на путяхъ духовнаго и правового воспитанія людей, на путяхъ свободнаго труда и свободной доброты, на путяхъ изобилія, щедрости, неуравнивающей справедливости и естественной солидаризаціи людей. Эти пути суть пути христіанскіе; они приведутъ человѣчество къ соціальному пониманію собственности.

Согласно основному ученію Евангелія «Царство Божіе» обрѣтается во внутреннемъ мірѣ человѣка (Лук. 17. 21) и

потому людямъ слѣдуетъ начинать очищеніе и преображеніе ихъ жизни изнутри (Мтѳ. 23. 26. Марк. 7. 20 — 23. Лук. 11. 39). Это первое и основное, что должно быть усвоено христіаниномъ: все обновляется, очищается и преобразуется изнутри, — вся жизнь и вся культура. Это относится и къ государству, и къ хозяйству. Христосъ никогда не осуждалъ и не отвергалъ частной собственности, а говоря о «богатыхъ», коимъ «трудно войти въ Царство Божіе» (Мтѳ. 19. 23—24. Марк. 10. 23—25. Лук. 18. 24—25), Онъ имѣлъ въ виду не размѣръ ихъ имущества, а ихъ внутреннее отношеніе къ богатству: они «надѣятся» на него (Мрк. 10. 24); «служатъ ему, а не Богу (Мтѳ. 6. 24. Лук. 16. 13); «собираютъ себѣ» земныя сокровища и пребываютъ въ нихъ «сердцемъ» (Мтѳ. 6. 19 — 21), — и потому «богатѣютъ» «не въ Бога» (Лук. 12. 21). Но изнутри Божія благодать *) уже посѣтила и преобразила души множества богатыхъ людей, начиная съ мытара Закхея и Іосифа Аримафейскаго. Согласно этому и нищій, и зажиточный, и богачъ могутъ быть добрыми и злыми; и только апостоламъ («слѣдуй за Мною» Мтѳ. 19. 21. «возьми крестъ свой» Мтѳ. 16. 24. 10. 38. Мрк. 8. 34) Христосъ совѣтовалъ полное отреченіе отъ имущества (срв. Мтѳ. 10. 8—10. Мрк. 6. 8. Лук. 9. 3). Остальнымъ же онъ заповѣдалъ милосердіе (Мтѳ. 9. 13. Лук. 10. 37. срв. Римл. 12. 8. Филип. 2. 1) и щедрость (Мтѳ. 5. 42. Лук. 6. 30; срв. Ефес. 4. 28 и др.).

Идя по этому пути, мы должны искать разрѣшенія проблемъ, возникающихъ въ связи съ частной собственностью, прежде всего черезъ внутреннее воспитаніе и просвѣтленіе человѣческаго существа; съ тѣмъ однако, чтобы постоянно отыскивать и проводить тѣ духовно-вѣрныя и цѣлесообразныя государственныя мѣропріятія, которыя могли бы внѣшнимъ образомъ исправить внѣшнія послѣдствія внутренняго несовершенства людей.

Согласно этому вся проблема хозяйства, и въ особенности — частно-правового хозяйства, должна быть поставлена заново, какъ въ наукѣ, такъ и на практикѣ: это есть проблема хозяйствующей души и ея вѣрной мотиваціи; это есть проблема духа, строящаго культуру, и его вѣрныхъ жизненныхъ формъ. Тѣ способы хозяйствованія, которыя повреждаютъ естественную мотивацію человѣческой души, должны быть отклонены съ самаго начала. Отклоненію подлежатъ и всѣ хозяйственныя формы и установленія, которыя противорѣчатъ человѣческому духу. И въ то же время въ людяхъ должна непрерывно воспитываться жизненно-цѣлесообразная и духовно-достойная мотивація хозяйственнаго труда и

*) «Человѣку это невозможно, Богу же все возможно» Мтѳ. 19. 26. Мрк. 10. 27. Лук. 18. 27.

творчества. Напрасно думать, что поврежденный инстинктъ и разложившійся духъ могутъ создать могучее и цвѣтущее хозяйство. На самомъ дѣлѣ только здоровый инстинктъ въ сочетаніи съ сильнымъ и воспитаннымъ духомъ смогутъ найти вѣрный исходъ и создать хозяйственное изобиліе при соціально-справедливомъ строѣ.

Вся человѣческая духовная культура, — «много-личная» по субъекту и «сверхъ-личная» по своей цѣнности, — возникла изъ личной духовности, изъ той первичной ячейки Духа, которая именуется духовной личностью. Человѣкъ восходитъ къ Богу и совершенству не черезъ отверженіе природы, не мимо нея и не вопреки ей, а черезъ нее. Кто хочетъ подняться къ сверхличному, тотъ долженъ принять личное начало и творить изъ него. Сто невѣждъ не создадутъ науки; тысяча трусовъ не образуютъ боеспособнаго отряда; милліонъ нищихъ не создадутъ цвѣтущаго народнаго хозяйства. Во всѣхъ областяхъ человѣческой культуры личное начало подлежитъ не подавленію и искорененію, а пріятію, утвержденію, воспитанію, одухотворенію и гармоническому дисциплинированію. Нужно не погасить «частное», а создать гармонію и равновѣсіе множества «частныхъ». Вредна не частная инициіатива, а противообщественное настроеніе и поведеніе единичнаго человѣка. Опасно не личное творчество, а безудержное своекорыстіе невоспитаннаго индивидуума. Спасителенъ не соціализмъ, а творческое сочетаніе свободы и справедливости.

Но соціальная справедливость должна быть найдена безъ того, чтобы душа была изуродована, а духовность утрачена: ибо стадо деморализованныхъ варваровъ погубитъ и утратитъ всякую справедливость, если бы даже удалось ее найти. И свобода личнаго творчества должна быть утверждена безъ того, чтобы въ общественной жизни водворилась несправедливость капиталистической эксплуатаціи и массовой безработицы: ибо кому нужна «свобода» безработицы и голодной смерти?

Каждый человѣкъ долженъ имѣть въ жизни такое «мѣсто», гдѣ онъ могъ бы хозяйственно-творчески стоять на ногахъ; ту сферу, о которой онъ имѣлъ бы право сказать: «мое, а не твое». Это создастъ изъ него живую ячейку общественнаго хозяйства и облегчитъ ему беззавистное и лояльное признаніе чужого достоянія: «твое, а не мое». Чѣмъ больше въ народѣ такихъ живыхъ хозяйственныхъ ячеекъ, тѣмъ прочнѣе частно-собственническій строй жизни *). Напротивъ, чѣмъ больше въ странѣ омертвѣвшихъ хозяйственныхъ ячеекъ, чѣмъ больше людей утратило хозяйственно-творческую почву подъ ногами, чѣмъ больше въ народѣ кандидатовъ на званіе «безработнаго», а потомъ и настоящихъ безработныхъ, — тѣмъ ближе частно-собственническій строй къ катастрофѣ. Опасно не различіе между богатымъ и бѣднымъ, а хозяйственная

---

*) Въ этомъ состоитъ идея аграрной реформы П. А. Столыпина.

безпочвенность среди бѣдноты, творческая безперспективность среди низшаго имущественнаго слоя.

Безнадежно теряя «мое», масса перестаетъ чтить «твое», т. е. все чужое; она незамѣтно начинаетъ склоняться къ «кулачному» или «разбойничьему» рѣшенію вопроса: «что мое — мое, а что твое — мое же». Чтобы увести ее отъ этого соблазна, неправильно звать ее на пути апостольскаго и аскетическаго отреченія отъ всего, что есть на землѣ «мое»: это не идеалъ для земной жизни; это есть идеалъ ухода отъ земного строительства, идеалъ для немногихъ избранныхъ, призванныхъ строить «землю» именно этимъ своимъ уходомъ отъ нея; *) масса за этимъ зовомъ не пойдетъ, въ силу здороваго жизненнаго инстинкта; а если бы она пошла, то погубила бы и себя и духовную культуру на землѣ. Но еще неправильнѣе, подобно коммунистамъ, внушать массѣ, что ни «моего», ни «твоего» вообще не должно быть, что можно имѣть «общее» и «только общее», не имѣя «моего»: если народы пойдутъ за этимъ зовомъ, то они скоро убѣдятся, что «общее» безъ «моего» есть «ничье» и что до «ничьего» — никому и нѣтъ дѣла.

Задача не въ томъ, чтобы на землѣ отъ праведности угасло хозяйство и съ нимъ культура и человѣчество (Будда, Толстой). Но задача не состоитъ и въ томъ, чтобы хозяйство стало самодовлѣющей силой человѣческой жизни, поработило людей и погасило — и справедливость, и нравственное существо человѣка (коммунизмъ).

Разрѣшеніе проблемы состоитъ въ томъ, чтобы сочетать строй частой собственности съ «соціальнымъ» настроеніемъ души: свободное хозяйство съ организованной братской справедливостью.

Чувствовать и дѣйствовать «соціально» значитъ, прежде всего, признавать на дѣлѣ начало христіанской любви и братства; это значитъ, далѣе, руководиться не уравнивающей справедливостью («всѣмъ поровну»), а распредѣляющей («каждому свое, кто чего заслужилъ»); это значитъ — оберегать слабыхъ, нуждающихся, больныхъ и безпомощныхъ; связывать благополучіе цѣлаго съ благоденствіемъ личности; и, наконецъ, будить и поощрять во всѣхъ слояхъ народа качественныя, творческія силы человѣческаго инстинкта и духа. За послѣднія десятилѣтія сложился предразсудокъ, будто «соціальный образъ мыслей» составляетъ монополію соціалистовъ, которые предлагаютъ будто бы наилучшее, хотя и радикальное разрѣшеніе вопроса о соціальной справедливости. Трагическій опытъ коммунизма смылъ этотъ предразсудокъ, ибо онъ показалъ, къ какимъ мучительнымъ и унизительнымъ анти-соціальнымъ послѣдствіямъ ведетъ водвореніе соціализма на практикѣ. И нынѣ человѣчество будетъ искать новую соціальную

---

*) См. мою книгу «О сопротивленіи злу силой». Главу 22.

идею, новое соціальное пониманіе собственности.

Это новое пониманіе будетъ исходить изъ древнихъ христіанскихъ основъ *). Основы его можно было бы вкратцѣ формулировать такъ.

1. Имѣть частную собственность и проистекающую изъ нея хозяйственную самостоятельность естъ великое благо. Чѣмъ меньше людей лишено этого блага, тѣмъ лучше. Чѣмъ больше людей оторвано отъ собственности, тѣмъ несправедливѣе общественный строй, тѣмъ менѣе жизнеспособно государство.

2. Количественное поравненіе имущества безцѣльно и вредно: естественное неравенство человѣческихъ силъ, способностей и желаній все равно скоро опять приведетъ къ имущественному неравенству. Имущественное неравенство преодолѣвается не передѣломъ богатствъ, а освобожденіемъ души отъ зависти; естественнымъ, братскимъ доброжелательствомъ; искусствомъ довольствоваться тѣмъ, что есть; помышленіемъ не о тѣхъ, кто «богаче меня», а о тѣхъ, кто «бѣднѣе меня»; увѣренностью, что богатство не опредѣляетъ человѣческаго достоинства; и творческимъ трудолюбіемъ. Воспитаніе должно давать людямъ умѣніе духовно переносить неравенство.

3. Существенно не владѣніе человѣка, а его сердце и воля, а также дѣла, проистекающія изъ его внутренняго міра. Есть люди, достойные всяческаго богатства; и есть люди, не умѣющіе употребить во благо даже свою нищенскую суму.

4. Важно не то, чтобы не было имущественнаго неравенства, а то, чтобы въ странѣ не было хозяйственно безпочвенныхъ, безсильныхъ, безработныхъ, безперспективныхъ людей. Каждый такой человѣкъ долженъ испытываться всѣми, какъ національно-хозяйственная рана, вредная и опасная для всего народа. Важно, чтобы у каждаго былъ хозяйственно-отправной пунктъ; чтобы подъемъ къ благосостоянію не былъ искусственно затрудненъ; чтобы полезный и продуктивный трудъ реально обогащалъ трудящагося; чтобы масса живо чувствовала поощряющее вліяніе частной собственности, а также успѣшность и почетность честнаго труда.

5. Новыя поколѣнія должны воспитываться въ убѣжденіи, что частная собственность есть не просто «право», а нравственно обязывающее право. Собственность обязываетъ каждаго къ творческому использованію всѣхъ ея возможностей; къ несенію большихъ общественныхъ тяготъ и государственныхъ повинностей; къ человѣчному обхожденію со всѣми, кто такъ или иначе зависитъ отъ вещной власти соб-

---

*) Въ поискахъ такого пониманія начертана знаменитая булла папы Льва XIII «Rerum novarum».

ственника; къ постоянной заботѣ о хозяйственно безпочвенныхъ людяхъ.

6. Въ частномъ хозяйствѣ заложена тяга къ самодовленію и и самосильности. Этой тягѣ должны быть противопоставлены *поиски новыхъ формъ солидаризаціи* и сотрудничества частныхъ хозяйствъ («ко-операція» въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ слова). Каждый частный хозяинъ долженъ чувствовать себя связаннымъ законами *хозяйственнаго инстинкта* (рынокъ) и законами *хозяйствующаго духа* (родина) со всею системою частныхъ хозяйствъ своей страны.

7. Три требованія: *изобилія, качества продукта и щедрости* должны быть *включены въ нравы народа*. Первые два требованія приведутъ къ строгой экономіи, къ дисциплинированности труда и къ поднятію техники въ *производствѣ*. Третье требованіе придастъ *распредѣленію* дохода и продукта характеръ мягкой соціальности и доступности.

8. Особыя мѣры необходимы для борьбы съ *противо-общественнымъ пользованіемъ собственности* (эксплуатація, «потогонный трудъ», ростовщичество и шикана). Должны быть проведены законы, которые сдѣлали бы *соціальное* пользованіе собственностью — *выгоднымъ*, а анти-соціальное невыгоднымъ. Собственникъ, лишенный чувства отвѣтственности и чувства сверхклассовой солидарности, распоряжающійся своимъ имуществомъ ко вреду другихъ и поступающій антисоціально,— долженъ убѣдиться въ томъ, что его образъ дѣйствій *предосудителенъ*, что собственность его пользуется *меньшей защитой*, что такое веденіе хозяйства оказывается экономически, юридически и нравственно *невыгоднымъ* для него самого; такъ, чтобы онъ самъ захотѣлъ вступить на другой путь; и т. д.

Все это вмѣстѣ взятое можетъ быть выражено такъ: *частная собственность должна быть утверждена, но народъ долженъ систематически воспитываться къ вѣрному пониманію ея идеи*. Это воспитаніе должно связать внутреннее переживаніе частной собственности и внѣшнее распоряженіе ею — съ *благородными мотивами и соціальными побужденіями* человѣческой души, и соотвѣтственно вскрывать и обезвреживать дурные мотивы и побужденія. Частная собственность есть власть: непосредственно — надъ вещами, но опосредствованно—и надъ людьми. *Нельзя давать власть, не воспитывая къ ней*. Частная собственность есть свобода. Нельзя предоставлять свободу, не пріучая къ ея благо-употребленію. Частная собственность есть право: этому праву соотвѣтствуютъ не только юридически-выговоренныя обязанности, но и нравственно-соціальныя, и патріотическія, — нигдѣ не оформленныя и не выговоренныя *обязательст-*

в а. Частная собственность означаетъ самостоятельность и самодѣятельность человѣка: нельзя исходить отъ предположенія, что каждый изъ насъ «отъ природы» созрѣлъ къ ней и умѣетъ ее осуществлять въ жизни.

Только сильный и духовно воспитанный духъ сумѣетъ вѣрно разрѣшить проблему частной собственности и создать на ея основаніи цвѣтущее и соціальное хозяйство.

И въ этомъ отношеніи частная собственность подчинена всѣмъ основнымъ законамъ человѣческаго духа.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Послѣсловіе.

Таковъ утверждаемый нами путь духовнаго обновленія. Таковы первые, фундаментальные вопросы человѣческаго бытія, древніе, какъ міръ, и въ то же время требующіе отъ насъ новой очевидности, новаго постиженія и новаго осуществленія. Это необходимыя человѣку формы духовной жизни. Онѣ представляютъ собою нѣкое органическое единство, цѣльное и нерасторжимое; и ни одна изъ этихъ формъ не можетъ быть по произволу отвергнута или отдана въ жертву міровому соблазну.

1. Надо научиться вѣровать. Не — «вѣрить» вопреки разуму и безъ основаній, отъ страха и растерянности; а вѣровать цѣльно, вмѣстѣ съ разумомъ; — вѣровать въ силу очевидности, загорѣвшейся въ личномъ духовномъ опытѣ и не могущей угаснуть.

2. Такая вѣра добывается любовью, духовною любовью къ совершенному. Вѣрованіе и любовь связаны во едино: въ человѣческой душѣ, въ глубинѣ личнаго сердца (субъективно); и тамъ, вверху, въ самомъ духовномъ Предметѣ (объективно). Кто полюбитъ качество, тотъ увѣруетъ въ Бога; кто полюбитъ Бога, тотъ увѣруетъ въ качество и возжелаетъ совершеннаго въ земныхъ дѣлахъ.

Черезъ вѣру и любовь—постигается и осмысливается все остальное. Такъ, смыслъ свободы въ томъ, чтобы самому полюбить, черезъ любовь самому увидѣть и черезъ очевидность — самому увѣровать; свобода есть самостоятельная, самобытная, творческая любовь и вѣра. И совѣсть движется силою вѣры и любви. И семья есть первое лоно любви и вѣры. И родина постигается любовью и строится вѣрою. И націонализмъ есть не что иное, какъ любовь къ своеобразной духовности своего народа и вѣра въ его творческія богоданныя силы. Безъ любви и вѣры невозможно правосознаніе, необходимое и для государственности, оберегающей націю, и для справедливой организаціи хозяйственнаго труда.

3. Мы должны научиться свободѣ. Ибо свобода не есть удобство жизни, или пріятность, или «развязаніе» и «облегченіе»; — но претрудное заданіе, съ которымъ надо внутренно справиться. Свобода есть бремя, которое надо поднять и

понести, чтобы не уронить его и не пасть самому. Надо воспитывать себя къ свободѣ; надо созрѣть къ ней, дорасти до нея; иначе она станетъ источникомъ соблазна и гибели.

Свобода необходима вѣрующему и любящему, чтобы любить любимое цѣльно и вѣровать искренно. Безъ свободы не будетъ настоящей вѣры и любви.

Но первымъ проявленіемъ свободы долженъ быть совѣстный актъ. И первымъ жилищемъ свободы должна быть семья; чтобы человѣкъ въ семейной свободѣ созрѣлъ къ свободному патріотизму, свободному національизму и свободной государственности.

4. Мы должны научиться совѣстному акту. Онъ откроетъ намъ живой путь къ воспріятію Бога и къ вѣрѣ. Онъ научитъ насъ самоотверженной любви. Онъ дастъ намъ величайшую радость — радость быть свободнымъ въ добрѣ.

Совѣсть научаетъ насъ строить здоровую, духовную семью. Она откроетъ намъ искусство любить родину и служить ей. Она предохранитъ насъ отъ всѣхъ соблазновъ и извращеній ложно понятаго національизма.

5. Мы должны научиться чтить, и любить, и строить нашъ семейный очагъ, — это первое, естественное гнѣздо любви, вѣры, свободы и совѣсти; эту необходимую и священную ячейку родины и національной жизни.

6. Мы должны научиться духовному патріотизму; — научиться обрѣтенію родины и передать это умѣніе всѣмъ другимъ, кто соблазнился о своей родинѣ и пошатнулся въ сторону интернаціонализма. Мы должны понять, что люди связуются въ единую родину силою вѣры, любви, внутренней свободы, совѣсти и семейнаго духа, силою духовнаго творчества во всѣхъ его видахъ; и, увидѣвъ это, мы должны утвердить наше священное право быть единой, духовно великой націей.

7. Истинный національизмъ есть какъ бы завершительная ступень въ этомъ восхожденіи. И въ немъ, какъ въ фокусѣ, собираются всѣ другіе духовные лучи. Почему нынѣ появились люди, сомнѣвающіеся въ правотѣ національизма? Потому что они представляютъ себѣ національизмъ въ отрывѣ отъ вѣры, какъ проявленіе земной, обособляющейся гордыни; — въ отрывѣ отъ любви, какъ воплощеніе самомнѣнія и жадности; — въ отрывѣ отъ свободы какъ воинственное стремленіе поработить всѣ иные народы; — въ отрывѣ отъ совѣсти, какъ систему агрессивности, кровожадности и хищности; — въ отрывѣ отъ органической семейственности, какъ произвольную и не искреннюю выдумку; въ отрывѣ отъ патріотизма, какъ начало противо-духовное и противо-культурное . . . Кто же виноватъ въ этихъ заблужденіяхъ? Позволительно ли молчать при видѣ этого соблазна?

Нѣтъ; родившись въ эпоху соблазна, соблазнами окруженные и одурманиваемые, мы должны противопоставить этимъ

временнымъ соблазнамъ — вѣчныя основы духовнаго бытія, необходимыя человѣку въ его земной жизни. Эти вѣчныя основы слагаютъ единую духовную атмосферу, единый путь, который необходимо прочувствовать и усвоить; чтобы на вопросъ, «во что же намъ вѣрить», мы могли бы отвѣтить живою вѣрою: въ Бога, въ любовь, въ свободу, въ совѣсть, въ семью, въ родину и въ духовныя силы нашего народа; начиная съ Бога и возвращаясь къ Нему; утверждая, что и любовь, и свобода, и совѣсть, и семья, и родина, и нація — суть лишь пути, ведущіе къ Его постиженію и къ Его осуществленію въ земной жизни человѣка.

Знаемъ, что помимо этихъ путей къ Нему ведутъ еще и иные пути: и наука, и философія, и искусство. Но объ этихъ путяхъ и о связанныхъ съ ними кривыхъ истолкованіяхъ и соблазнахъ надлежитъ говорить отдѣльно.

Конецъ.

Книги того же автора

ИЗДАНІЯ 1910 — 1938 г.г. (распроданы):
(указаны лишь главные труды)

ПОНЯТІЯ ПРАВА И СИЛЫ. Опытъ методологическаго анализа. Москва, 1910.

КРИЗИСЪ ИДЕИ СУБЪЕКТА ВЪ НАУКОУЧЕНІИ ФИХТЕ СТАРШАГО. Москва, 1911.

ФИЛОСОФІЯ ГЕГЕЛЯ, КАКЪ УЧЕНІЕ О КОНКРЕТНОСТИ БОГА И ЧЕЛОВѢКА. Томъ I: Ученіе о Богѣ. Томъ II: Ученіе о человѣкѣ. Москва, 1918.

ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ ПРАВОВѢДѢНІЯ ВЪ РОССІИ. (Въ журналѣ «Русская Мысль», 1922).

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННАГО ПРАВОСОЗНАНІЯ. Берлинъ, 1923.

РЕЛИГІОЗНЫЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФІИ. Три рѣчи. Парижъ, 1925. Оставшіеся экземпляры у «Editeurs Réunis», Парижъ).

О СОПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ СИЛОЙ. Берлинъ, 1925.

ЯДЪ БОЛЬШЕВИЗМА. Женева, 1931.

ПУТЬ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ. Бѣлградъ, 1935. (Изданіе неполное: отсутствуютъ главы VIII — X).

ОСНОВЫ ХУДОЖЕСТВА. О совершенномъ въ искусствѣ, Рига, 1937.

ПРОРОЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ ПУШКИНА. Рига, 1937.

ОСНОВЫ ХРИСТІАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Женева 1937.

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ НАШЕГО БУДУЩАГО. Объ основахъ духовнаго характера. Берлинъ, 1937.

ОСНОВЫ БОРЬБЫ ЗА НАЦІОНАЛЬНУЮ РОССІЮ. Берлинъ, 1938.

«РУССКІЙ КОЛОКОЛЪ». Журналъ волевой идеи.
Редактор-издатель И. А. ИЛЬИНЪ.
№№ 1 — 9. Берлинъ, 1927 — 1930.
(Заказы на оставшіеся экземпляры черезъ книжные магазины).

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

ИЗДАНІЯ ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ:

АКСІОМЫ РЕЛИГІОЗНАГО ОПЫТА. Изслѣдованіе въ 2-хъ томахъ. Парижъ, 1953.

О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНІЯ. Мюнхенъ, 1956.

ПУТЬ КЪ ОЧЕВИДНОСТИ. Мюнхенъ, 1957.

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ. Книга тихихъ созерцаній. Мюнхенъ, 1958.

О ТЬМѢ И ПРОСВѢТЛЕНІИ. Книга художественной критики. Бунинъ — Ремизовъ — Шмелевъ. Мюнхенъ, 1959.

ПУТЬ ДУХОВНАГО ОБНОВЛЕНІЯ. Мюнхенъ, 1962. (Въ этомъ изданіи впервые полностью воспроизведенъ весь текстъ этого труда — всѣ 10 главъ).

«НАШИ ЗАДАЧИ». Статьи 1948 — 1954 г.г. въ 2-хъ томахъ. (Изданіе Русскаго Обще-Воинскаго Союза). Парижъ, 1956.